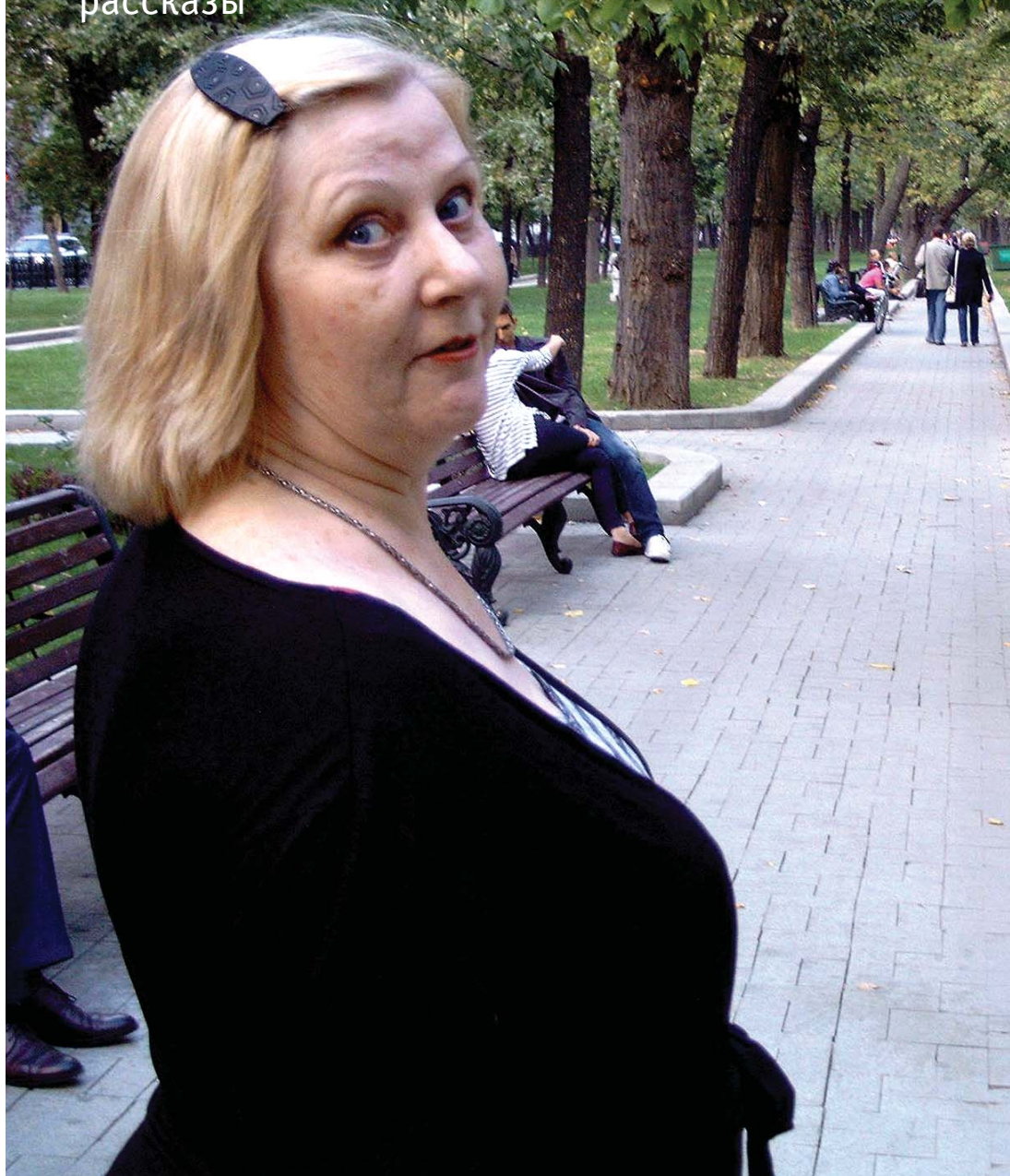

Маргарита Прошина Явление Афродиты

рассказы

Маргарита
Прошина

Явление Афродиты

рассказы

Издательство
Книжный Сад
Москва
2019

ББК 84 Р7

П 78

*На передней стороне переплета:
писательница Маргарита Прошина.*

Прошина М.В.

П 78 Явление Афродиты: рассказы. - М.: Издательство "Книжный сад", 2019. - 395 с.

Конечно, всё гениальное витает в воздухе, поэтому его не видно. Чтобы его увидеть, необходимо с неослабевающим вниманием рассматривать воздух, и он в конце концов пойдет тебе навстречу и ты увидишь слова, даже такое простое слово как «воздух», а в нём наметится «вздох» и «отдых», и главное – «дух», который и есть сердцевина писательства. Воздух есть книга, которая таит в себе многоликие миры, открывающие тебе свои немыслимые просторы, и ты с восторгом, затаив дыхание, обретаешь смысл бытия в упоении ежедневного творчества. Вкусив плодов гениев, ты сможешь летать над обыденностью в неисчерпаемом воздухе своей книги, как это делает Маргарита Прошина.

ISBN 978-5-85676-157-2

ББК 84 Р7

© Маргарита Прошина, 2019

СЕРДОБОЛЬНИЦА

- Юля, мне так плохо! - дальше в трубке пошли рыдания. Этот звонок Нонны в очередной раз вывел Юлю из равновесия.

Шёл третий час ночи.

Юля отстранила трубку и с язвительной усмешкой вздохнула. Усмешка эта относилась к ней самой, а не к Нонне. Много раз Юля говорила себе, что не надо бросаться на помощь всем по первому звонку, следует заниматься собой и своей семьёй, но выбранная раз и навсегда роль спасительницы стала настолько органична для неё, что она не могла уже никому отказать в поддержке.

Но в этот раз Нонна рыдала как-то особенно отчаянно, так что Юля бросила в трубку:

- Еду!

И стала торопливо одеваться.

В дверь Нонны Юля долго звонила, потом стучала. Она молила только о том, чтобы подруга ничего с собой не сделала.

Толку никакого. Опять пальчик с длинным красным ноготком вдавливают кнопку звонка. За дверью прозвучала трель на мотив известной песенки: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»

Тишина.

После крепких ударов кулачком в дверь, Юля собралась уходить, путаясь в мрачных предположениях. Сделала пять шагов в сапогах на высоких звонких каблуках к лифту, и услышала за спиной поворот замка.

- Юлька, ты куда?!

Оглянулась. На лице Нонны никаких следов отчаяния и рыданий.

- Я чёрт знает сколько бьюсь в дверь!

- Ну, я же не думала, что ты так быстро приедешь. Стала приводить себя в порядок, пошла в ванную, сначала принялась снимать макияж, потом в баночку с кремом добавила несколько капель эфирного масла, сделала маску... Ну, ты сама знаешь, как время пролетает!

- Нонка! Ты, как всегда, в своём репертуаре!

Одни называли Юлю «палочкой выручалочкой», другие «жилеткой». Она долгие годы считала это комплиментом, только после пятидесяти вдруг прозрела и, пристально вглядываясь в своё отражение в зеркале, с горечью произносила: «Ты всего-навсего жилетка, в которую твои подружки плачутся!» Так уж сложилось, что к ней относились как к подушке, в которую можно выплакаться, чтобы получить поддержку и успокоение. Как только у приятельниц всё налаживалось, они исчезали, но до очередных проблем. Никому из них в голову даже не приходило спросить у Юли о том, как она живёт.

Слова-то все какие-то неуклюжие: «жилетка», «подушка». Куда как беден наш язык! Но Юля о себе вспомнила слово: «Сердобольница».

Как-то звонит свекровь и с ехидцей спрашивает:

- Ну, что, сердобольница, всё бегаешь по подружкам?!

Нет, тут речь не о больнице, и не о болезни, хотя кое-что и от болезней есть, речь о переживании за подруг и не только, об умении выслушивать страдающих людей и как-то помогать им, правда, говорится это слово с некоторой усмешкой, как о не вполне нормальной женщине. Вот, мол, сердобольница нашлась! Вроде, как о сумасшедшей. "Сердобольная" - это серьёзно, а "сердобольница" - это так, как говорится. Юля летела к подругам, ладила с ними даже тогда, когда у них случались психические расстройства. А

как иначе назвать поведение Нонны? Взбаламутила Юлю среди ночи, сорвала с места, а сама как ни в чём не бывало отошла от приступа, посчитав, что так и нужно выдерживать подругу.

Несколько лет муж боролся с её страстью спасать людей. Но с годами стал утихать и заниматься своими делами в гараже, постоянно ремонтируя машину. Не спрашивал, куда Юля мчится в праздник, днём, или ночью, зачем мчится, и когда вернётся, тоже не интересовался. Затих. Ходил в мягких тапочках по квартире, как тень, как будто его и не было. Это очень нравилось Юле. Как прекрасно бежать туда и сюда, быть свободной, не отчитываться ни перед кем. Мужа как будто не было. Она полагала, что так будет всегда. Её не переделаешь. Подруг в беде она никогда не бросит.

Три дня назад Юля весело отметила в кафе пятидесятилетие. Именно муж с дочерью убедили её в том, чтобы в этот день она не стояла у плиты, и, наконец, насладились всей прелестью праздника.

Друзья, как всегда, восхищались их семьёй, засыпали комплиментами Юлю, дочь и мужа.

Каково же было её удивление, когда буквально на другой день муж спокойно сказал, что уходит. Юля подумала, что это шутка. Но он молча собрал вещи и ушёл, не хлопнув дверью, а тихо притворив её. Вежливо удалился, чем вызвал невероятную растерянность Юли.

Ужас был ещё и в том, что муж ушёл к другой. Откуда и каким образом у него появилась любовница!?! Юля никак не могла понять это и поверить. «Чего ему не хватало!?! - повторяла она растерянно. - В доме всегда прибрано, на плите еда, холодильник забит продуктами! Он всё придумал, чтобы заставить меня отказаться от друзей!» Они не только не ругались, даже голос не повышали друг на друга.

«Ничего себе, - подумала Юля, - прожила, даже не догадываясь насколько наивной и инфантильной дурой я была, пытаюсь помочь, а то и спасти всех в своём окружении».

В этот день она впервые задумалась о том, что родители были в чём-то правы, постоянно предостерегая её от роли «спасительницы». Понадобилось не одно десятилетие, чтобы убедиться в этом. «До чего же я была глупа! - восклицала она. - Сколько дров наломала!» Правда, вместе с ошибками и шишками Юля научилась терпению, умению приспособливаться, не связываться с неприятными людьми, ценить вежливость и доброту хороших людей, которых оказалось много вокруг, просто они в силу своего воспитания были незаметны.

Юля никак не могла заснуть. Боль и раскаяние просто обжигали её, она повторяла вновь и вновь, обливаясь слезами:

«Боренька, любимый мой, в душе моей горят слова любви, не сказанные тебе! Я думала, что мы понимали друг друга без слов. Да, я понимаю, что безрассудно злоупотребляла твоим терпением, но я всё исправлю, только вернись!»

Облака скользили по небу так быстро, как будто спешили на необычайно важное событие. Макушки деревьев приветливо шелестели под ногами Юли, которая легко скользила над ними, едва различая внизу дорожку, усыпанную золотыми монетками листьев. Ни удивления, ни страха Юля не чувствовала даже тогда, когда вместо макушек деревьев увидела облака, отражающиеся в реке, как будто подобная прогулка была для неё привычной. Она пыталась увидеть и своё отражение, но не успела, по шоссе уже неслись машины. «Я хочу дойти до горизонта! - воскликнула она. - Ой, глупость сказала! Конечно, это невозможно! Знаю! Но так хочется!» Поля, дороги, рельсы, поезда... навязчивое жужжание прервало захватываю-

щую дух прогулку Юли. Сквозь плотные шторы свет не проникал, чтобы посмотреть который час, она нащупала выключатель и, нажав на него, зажмурилась.

Мысли вихрем кружились в её голове. Только теперь она осознала, как была не права. Нечего в чужую жизнь вмешиваться, не нужно никого спасать, только о своей семье надо было думать, тогда бы дочь не отдалилась от неё. А так она не заметила, как самыми близкими людьми для дочери стали муж и его родители. Дочь звонит, интересуется, её здоровьем, но никогда ничем не делится и на вопрос: «Как ты, доченька?» - всегда отвечает: «Мамуль, нормально всё!». Дочь готова оказать помощь, но Юля старается её ни о чём не просить, привыкла со всем сама справляться, вот они и видятся раз в год под Новый год, а так ограничиваются дежурными звонками. Да, ещё чувство вины не покидало.

- Я всё исправлю, - повторяла Юля вновь и вновь.

Волна любви с легкостью подхватила Юлю в новый день, и она нисколько не сомневалась в том, что всё исправит: муж поверит ей и вернётся. День выдался тихий, облачный, ничто не предвещало к вечеру тяжёлый ледяной ветер. Дымка обещала погожий день, но солнце только скользнуло по крышам, по мокрым проводам трамвая, и снова растаяло в тумане.

Она найдет нужные слова любви, наполнит каждый их совместный день сиянием и чувством. Позвонит дочери и объяснит ей, что всё своё свободное время с сегодняшнего дня будет посвящать только им, самым дорогим её сердцу близким, ко всему, что их окружает.

Юля вспоминала один за другим случаи, когда бросалась спасать очередную «несчастную» в ущерб своей семье. Сколько раз муж и дочь упрекали её в этом. Она же неизменно повторяла, что любит их всем сердцем, что у них дома всё «слава Богу», и она не может отказать в помощи тому, кто просит об этом.

В угрюмой толпе в часы пик Юля искала глаза счастливец, дарящих миру любовь. «Они есть среди нас, они несут в мир так же, как и я, добрые дела», - убеждала она себя. Лица и глаза людей весёлые, печальные, задумчивые, сонные, любопытные, усталые проплывали бесконечной чередой. Юля ушла из дома, уверенная в том, что уже вечером будет ужинать с мужем, что теперь они без конца будут наслаждаться душевными разговорами, ведь им так много необходимо сказать друг другу, уютно родного дома, но в течение дня она так и не смогла дозвониться до него. Возвращаясь с работы, она думала о том, что настоящая её жизнь - то есть та часть жизни, когда человек острее и глубже всего привыкает приносить пользу людям, по-прежнему, будет протекать вне дома, в котором отныне её никто не ждёт.

На улице уже было темно, когда Юля пришла в свою пустую квартиру, плотно закрыв на все замки дверь. Когда она зажгла свет, на неё смотрела растерянная чужая женщина с облупившимся лаком на большом пальце. Юля опустилась в кресло и с удивлением стала рассматривать палец, как будто обнаружила на нём нечто невообразимое. Её внимание отвлек гул, как будто в ушах включили сирену. Тихо отворилась дверь, Юля вздрогнула. Её темно-серые глаза тревожно наблюдали за ней из зеркала. Из комнаты напротив потянуло холодом, Юля поёжилась, потом встrepенулась, и на цыпочках прошла туда. Окно была распахнуто, как это произошло!? Юля шумно вздохнула, прикрыла плотнее створку окна. Мокрая ветка тянулась вдоль стекла, и лист на самом конце всё вздрагивал под дождевыми ударами, нагибался, ронял с зеленого острия одну за другой крупные капли. Посмотрела на часы и не заметила, что они остановились.

Резкий звонок вернул Юлю к жизни:

- Слушаю, - произнесла она своим обычным голосом.

- Юлька, выручай!

В отчаянном крике Юля узнала голос молодой коллеги Светки.

- Свет, что случилось?

- Ой, тут такое!

- Ты где? - спросила Юля.

- В Подольске... - простионала Светка.

- Как ты туда попала...

- Потом...

- Ты можешь говорить? - спросила Юля.

- Мне нужна твоя помощь... - рыдала Светка.

- Что я должна сделать?

- Мне необходимо выбраться отсюда срочно, пока меня не прибили...

- Ужас какой!

- Мрак! - истерически вскрикнула Светка.

- Лови машину срочно...

- У меня нет денег... и вообще...

- Так! Успокойся! Слушай меня...

- Мне домой нельзя...

Из трубки донеслись громкие всхлипы Светки. Юля, спокойным, уверенным голосом произнесла:

- Света! Ты слышишь меня? Всё будет хорошо! Сейчас тыловишь машину, говоришь мне её номер, даёшь трубку водителю, я диктую ему свой адрес и встречаю тебя у подъезда. Поняла меня?

- Да...

- Давай... Жду...

Волнения, трагедии окружающих Юлю приятельниц сопровождали её на протяжении всей жизни. Она несколько не сомневалась в том, что без неё они просто не смогут справиться со своими проблемами. Уверенная в своей правоте Юля не только всегда была готова бросить всё, чтобы в трудную минуту выслушать, посоветовать, а то и

вмешаться в жизнь «несчастливых» по её глубокому убеждению подруг, но и считала это смыслом жизни. Подруги же настолько привыкли к этому, что звонили ей в любое время суток, совершенно не задумываясь, что у неё могут быть какие-то другие дела. Юлю огорчало лишь то, что подруги не прислушивались к её «умным» советам, а то и, воспользовавшись её помощью, потом упрекали её в привычке вмешиваться в их личную жизнь, но Юля-то знала, что она всё делает «как лучше» и не обижалась.

В ожидании Светы Юле стало так жалко не только себя, а всех женщин, которых мужчины не ценят и не желают понять. Слезы ручьём полились из её накрашенных глаз, чёрными потоками. Шмыгая носом, Юля набросила на себя куртку и спустилась вниз.

Выйдя на улицу, она вновь разрыдалась - и стояла, прижимая платок к глазам, слегка пошатываясь. Небо было глубоко и тревожно: смутная луна, тучи, как развалины. У освещенного подъезда отражался в луже свет окон, за которыми мирно ужинали соседи. Юля тяжело вздохнула, шумящие ветви деревьев ответили ей.

Она мгновенно успокоилась, как только Светка, выскочив из машины, бросилась в её объятия со словами:

- Юлька! Ты спасла меня! Я думала всё... Конец...

В этот момент Юля вновь почувствовала себя спасительницей ещё одной заблудшей души.

- Света, ты вся дрожишь! Пойдём скорее домой...

- А твой муж...

- Я одна, не волнуйся...

- Как хорошо, - радостно воскликнула Света.

Дома Юля увидела, что на лице Светы царапины и ссадины:

- Света! Что же с тобой случилось?

- Ой, я даже представить себе не могла, что со мной может такое случиться...

- Да скажи же мне...

- Сейчас... Только успокоюсь немного. Видишь, у меня от ужаса зубы стучат...

- Да, что это я... Раздевайся, иди, прими ванну. Там голубой халат висит мой, чистый. Вчера только повесила...

- Ой, спасибо... То, что нужно...

- Я чай пока приготовлю...

- А покрепче ничего нет?

- Есть, конечно, коньяк, водка?

- Водочки! Юль, и закусить...

- Само собой...

К перепадам в поведении подруг от счастья к горю Юля уже привыкла, объясняя это естественным гормональным дисбалансом из-за отсутствия регулярной сексуальной жизни.

Путь к пониманию контрастов жизни у каждого свой. Одни смолоду понимают это, а другим и целой жизни мало. С будущим мужем она познакомилась на вечере в институте. Встретились, взялись за руки и уже не расставались. Всё делали вместе, понимали друг друга с одного взгляда. Ни минуты не сидели на месте, любили ходить в театр на «клишней билетик», по первому зову друзей срывались и неслись в гости в любое время суток.

Когда Света, закутанная в махровый халат, села за стол, Юля, прежде чем приступить к расспросам, обработала царапины на её лице перекистью водорода. Света налила в стопки водку и произнесла свой любимый тост:

- Давай, Юля выпьем за лучшую половину человечества в лице присутствующих здесь дам!

Затем Юля дрожащим от необъяснимого волнения голосом воскликнула:

- Света, не томи! Что же случилось?

- Ужас ужасный! Вот что!

- А точнее?

- Это целый роман. Но главное для меня сейчас придумать, как выкрутиться из этой дурацкой ситуации и не поссориться с мужем. Вся надежда на тебя, Юль, сможешь?

- Даже не сомневайся! Выход есть всегда...

- Выход-то есть, да вход бы не потерять...

- Ну, хватит загадки мне загадывать! Мы так с тобой ничего до утра не придумаем.

- Постараюсь изложить короче. Ты же знаешь, что у меня возобновился роман с Гафуром, помнишь, я рассказывала тебе, что его родители запретили ему на мне жениться?

- Помню, конечно.

- Во время командировок мужа мы с ним встречались на квартире его сестры, а когда муж был дома, я звонила Гафуру и называла его "Юлей", прости!

- Понятно...

- Ничего тебе не понятно! Никто не может меня понять. Я уже восемь лет замужем за нормальным мужиком, у меня дочь, а снится мне Гафур! Ничего поделать не могу!

- Бедная!

- Муж мой завтра приезжает из командировки, а у меня вся морда расцарапана! Что мне делать! Юля, мы должны с тобой придумать очень правдивую легенду. С Гафуром у меня всё кончено! Сейчас главное, чтобы муж не только ничего не узнал, но даже не усомнился!

- Да, что случилось-то!?

- Что ты всё дёргаешь меня! Мне и так тяжело-о-о... - завывала Света протяжно.

- Успокойся, Светочка! Мы обязательно, придумаем что-нибудь!

- Ты только никому ничего не...

- Я - могила! Не сомневайся.

- Давай, по рюмочке за это?

- Давай!

- Юль, а твой случайно не придёт домой?

- Нет, не волнуйся!

- Ну, слава Богу!

Юля согласно кивнула и в этот момент подумала о том, как хорошо, что мужа действительно нет, и она может полностью посвятить себя спасению Светы, которая так хочет сохранить покой в семье. Её печаль рассеялась и удалась.

Света пошла в ванную, умылась и стала рассказывать:

- В этот раз муж уехал на пять дней. Я сказала матери, что на работе аврал, работать некому, пять человек в декрете, трое больны, а я буду работать до позднего вечера. Она дочку забрала к себе. Ещё я предупредила мать, что буду ночевать у подружки, которая живёт рядом с моей работой, чтобы не тратить по два часа в день на дорогу. И всё это ради любви, Юль, представляешь! Всё ради Гафура! А он всё воспринимает, как должное. Только позволяет себя любить! Я кручусь, как уж на сковородке! Готова ради него на всё, а он всё принимает и с ласковой улыбкой говорит, чтобы я мужа ценила! Нет, ты только подумай!

- Свет, неужели ты действительно так его любишь?

- Не то слово! Я бы за ним с закрытыми глазами пошла, да он не зовёт!

- Бедная! Как тебе помочь хочется.

- Мы с тобой должны придумать мне железное алиби, чтобы комар носа не подточил. Что с лицом-то делать будем, а? - снова всхлипнула Света.

- Светка не раскисай! Придумаем! Так это Гафур тебя так?

- С ума сошла! Гафур самый сладкий, самый ласковый, самый нежный!

- Тогда кто?

- Подожди! Я всё по порядку... Не сбивай меня. - сказала Света, сладко зевнув и потянувшись.

Глядя на неё, Юля тоже не смогла сдержаться.

- Юль, я засыпаю, пойдём спать... Всё решим утром... Я сплю...

- Ладно, пойдём.

Юля уложила подругу, завела будильник на семь часов, потом сообразила, что уже половина пятого, перевела стрелку на восемь и рухнула в постель.

Юля идёт по скользкой лесной тропинке. Лучи восходящего солнца едва пробиваются узкими полосками сквозь густые ели, навстречу идёт муж, но он не замечает её. Юля пытается позвать его, но губы никак не разжимаются, она старается ускорить шаг, но нога подворачивается на скользкой тропинке, и перед ней возникает бездна. Она в отчаянии хватается за скользкую траву.

«Юля, ты спишь?» - доносится чей-то голос издалека.

- А, где я? - слышит Юля свой голос и открывает глаза, и с удивлением смотрит на Свету, которая, подергивая плечами, рассматривает себя в зеркале.

- Ты-то дома! Я вот думаю, что делать мне?

- Который час?

- Девятый...

Юля вспомнила события минувшей ночи и деловито предложила:

- Света, я звоню на работу и отпрашиваюсь до обеда. Потом звонишь начальнице ты и просишь отгул...

- При чём тут отгул... У меня муж приезжает, - запричитала Света. - У меня семья распадается! Ты не понимаешь...

- Ой, Света! Тебя непросто понять...

- Я не прошу у тебя понимания! Мне нужна помощь...

- Успокойся! Мы с тобой всё придумаем...

- Я в отчаянии! Да, ещё лицо горит...

- Так, что с лицом?

- Это Венера вцепилась своими когтями в меня, думала, не вырвусь...

- Какая Венера?

- Ой, да ты же не знаешь ничего...

- Это невеста, которую Гафуру нашли родители, когда запретили ему на мне жениться... Это было ещё до моего замужества...

- Света! На работу пора звонить...

- Давай...

- Сначала я...

Названивают на работу.

- Порядок, Светочка, я свободна целый день! Теперь я готовлю завтрак, а ты договаривайся.

- Юль, а если я на пару дней договорюсь, можно мне у тебя перекантоваться?

- Конечно! О чём речь?

- А твой муж?

- Его не будет...

- А вдруг?

- Я знаю, что говорю.

- А то, я...

- Никаких «а то»...

- Только без обид...

- Естественно! Так, я варю кофе, а ты звонишь...

Сколько Юля себя помнила, столько слышала одни и те же восклицания: «Почему ты всё время выделяешься? Будь как все...». Юля же с младых лет постоянно кого-то или что-то спасала. Ещё ребёнком она никак не могла понять, что от неё требуют, а на непрерывно звучащие слова «нельзя» в детском саду, в котором едва продержалась восемь месяцев в пять лет, а затем в школе неизменно отвечала: «Я не хочу, как все! Хочу, как я!» Немотивированные запреты, раздражённые замечания, хмурые и суровые лица вызывали у неё непреодолимое желание возражать. Родители пытались объяснить ей, что не стоит спорить ни с кем, лучше промолчать, но Юля продолжала настаивать на том, что она

одна знает, как будет лучше, продолжала спасать и выручать, чем значительно усложняла свою жизнь.

Первые годы совместной жизни прошли беззаботно и весело: квартиру подарила бабушка, которая переехала жить к отцу мужа. Родители всячески поддерживали молодых, решая возникающие проблемы. Юля не сразу заметила, когда мужу надоело выслушивать её постоянные телефонные разговоры с приятельницами о бесконечных трагедиях и просьбах о помощи. Он всё чаще грозил выбросить телефон в форточку. Постоянно долбил Юле, что у неё есть своя семья и что нужно заниматься дочерью и им, а не болтаться чёрт знает где с её законченными дурами, которые сами не живут и другим не дают.

Юля старалась, как могла, или ей так казалось. Один ультиматум мужа она выполняла беспрекословно: не водить несчастных подруг домой. Но ведь его не устраивало и то, что она по любому звонку, невзирая на время и реакцию мужа с дочерью, неслась на спасение очередной несчастной.

Подруги же восхищались её мужем, какой он понимающий и тактичный.

Из кухни доносится гул кофемолки и аромат свежемолотого кофе. Света жалобным голосом долго объясняется по телефону, одновременно разглядывая царапины на лице. На кухне она появилась вся в слезах со словами:

- Юлька, ты только посмотри, что эта гадина сделала с моим лицом...

- Светочка, не плачь, заживёт всё и следов не останется...

- Ко-о-о-о-г-да?

- Что ты завелась опять?

- Что я мужу скажу?

Вопрос этот Света произнесла совершенно спокойно, как будто несколько секунд назад на кухне рыдал кто-то другой, а не она.

Юля, ничуть не удивившись подобной перемене, налила кофе в чашечки, поставила тарелку с бутербродами и спросила:

- Света, каким образом ты встретила с этой Венерой, и как оказалась в Подольске?

- Так я же тебе говорю, что поехала с Гафуром на день рождения к его другу, там была Венера. Они же с детства дружат...

- Друг этот в Подольске живёт?

- Нет, в Ясенево...

- А Подольск при чём?

- Там Венера себе квартиру купила.

- А ты, как к ней домой попала?

- Юль, но я же тебе всё время это и пытаюсь рассказать...

- Всё, Свет, слушаю внимательно...

- Какой у тебя кофе! Можно ещё чашечку?

- Сейчас сварю.

- Ой, если нетрудно...

- Света, без проблем... Ты рассказывай...

- Да, Венера эта мне нервы трепала ещё тогда, когда мы с Гафуром собирались пожениться. Всё время под ногами путалась...

- Гафур-то, что говорил?

- Ничего особенного... Говорил, что это просто подруга детства... Не обращай внимания... Юль, телефон!

- Я сейчас! Наливай кофе сама...

Юля взяла телефон и посмотрела на номер, надеясь, что звонит муж, но звонила дочь.

- Да, доченька, доброе утро... Дома я... Отец трубку не берёт... Не знаю почему... У него спросишь сама... Что случилось?... Случилось... Пусть он тебе объясняет... Доченька, извини, я тебе потом перезвоню... Куда я спешу?... Туда, где я нужна... Да, я опять пытаюсь помочь очень хо-

рошему человеку... Нет, это женщина... Думай, что хочешь... Я тебя люблю, что бы ты там себе не придумывала... Это моя жизнь!

Закончив разговор с дочерью, Юля вдруг почувствовала непривычную лёгкость. В её голове внезапно возникла мысль о том, что теперь, когда муж предал её, не оценил, а дочь прекрасно обходится без неё, предпочитая тесное общение со свекровью, которую считает истинной женщиной, некому больше мешать ей жить так, как она считает необходимым. «Я - свободна!» - пропела она, возвращаясь на кухню.

- Твой звонил? - стряхивая пепел с сигареты, спросила Света.

- Нет!

- Я надеюсь, ничего срочного?

- Всё как всегда...

- Ну, слава Богу! А то я уже подумала, что мне надо уходить, а мы ещё ничего не придумали...

- Я никак в толк не возьму, как ты в Подольске у Венеры оказалась?

- Что тут непонятного!?! Мальчики наши настолько увлеклись своими делами, что о нас забыли. Венера и предложила мне их проучить, смыться тихо к ней домой и продолжить посиделки...

- Ну, Света, ты даёшь!

- Что такого. Я думала она нормальная. Я же её на свою свадьбу приглашала...

- И она пришла?

- Да, мы с ней обнимались...

- Свет, ты, я вижу, девушка без берегов...

- Я тебя не понимаю... Что такого?

Юля рассмеялась со сжатым ртом, так что смеющийся воздух с присвистом вылетал через нос. А как тут не рассмеяться, если в голове Юли пронеслось: «Сердобольница,

слёз невольница, ладит ладко, будет сладко, ты по жизни шоколадка...»?!

После паузы она сказала:

- А то, что у тебя вся морда расцарапана...

- Если бы только это...

- Ещё что-то!?

Звонит телефон. Юля прижимает палец к губам. Света замолкает на полуслове.

Звонит Нонна.

- Алло! Нончик, как ты?.. - спрашивает Юля. - Что случилось?.. Я дома... Приезжай ко мне... Его нет... Не придёт... Жду!

Света вопросительно смотрит на Юлю, которая даёт ей кофемолку и говорит:

- Светик, надо кофе побольше помолоть, сейчас моя подруга подъедет институтская, ты не думай, она - наш человек умна необычайно! Я сейчас поесть что-нибудь соображу...

С приездом Нонны, которая с порога стала жаловаться на своего мужа, который постоянно волочит за длинноногими газелями в мини-юбках, проблемы Светы как-то поблекли. Юля всячески успокаивала любимую подругу, а потом в сердцах произнесла:

- Разводись с ним! Сколько можно...

- Никогда! - воскликнула Нонна. - С какой стати! Мы идеальная семья! Я своего никому не отдам!..

В этот момент она внимательно посмотрела на Свету и спросила:

- Что у тебя с лицом? Муж?

Света попыталась ответить, но не успела. Юля подробно изложила её проблему.

- Чего тут думать? - сказала Нонна. - Я на машине. Поехали к моему косметологу, приведём личико в порядок. Приезжаешь домой, встречаешь мужа и устраиваешь ему скандал!

Юля со Светой с изумлением взирали на Нонну.

- Я... Скандал!?

- Но не я же, - ответила Нонна. - Девочки, вы меня удивляете. Никогда не оправдывайтесь ни перед кем. Наступление - гарантия победы. Наплетёшь ему, что какая-то дама вашего подъезда вчера напала на тебя, заявила, что она - любовница твоего мужа...

- Гениально! - произнесла Света с удивлением и рассмеялась.

- Нонка! Какая ты... Умная... - сказала Юля восхищённо.

- А ты думала! После скандала и слёз, Света, ты прощаешь мужа и устраиваешь ему ночь незабываемой страсти! Увидишь, как это событие освежит ваш брак!

Юля сама удивилась, как быстро у неё изменилось отношение к событиям, которые вчера казались им со Светой трагедией, а сегодня, в одно мгновение, превратились в фарс.

НИ ЯВЬ, НИ СОН

Мила пела когда-то первым голосом в школьном хоре и даже солировала. Ещё на прослушивании в музыкальном училище преподавательница отметила у Милы необычайные вокальные способности, наряду с абсолютным слухом, музыкальной памятью и врождённым чувством ритма.

С появлением в 70-х годах камерных хоров Мила как лучшая студентка дирижерско-хорового факультета успешно прошла конкурсные испытания в один из самых солидных из них.

Репетиции и концерты, гастроли - всё это она умело сочетала с бесконечными делами, которые она неустанно находила и выполняла самозабвенно. Как она всё это успевала, не понимал никто, даже она сама.

В глухой советский период она страстно доставала и читала всё запрещённое: и «В круге первом», и «Факультет ненужных вещей», и «Окаянные дни», и «Москва-Петушки», и «Иконостас», и «Сдача и гибель советского интеллигента...», и «Котлован»...

Особое впечатление тогда произвёл трагически-саркастичный «музыкальный» фрагмент из «Котлована»:

«Оркестр пионеров, отдалившись, заиграл музыку молодого похода. Мимо кузницы, с сознанием важности своего будущего, ступали точным маршем босые девочки; их слабые, мужающие тела были одеты в матроски, на задумчивых, внимательных головах вольно возлежали красные береты, и их ноги были покрыты пухом юности. Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения, от сознания серьёзнос-

ти жизни, необходимой для непрерывности строя и силы похода. Любая из этих пионерок родилась в то время, когда в полях лежали мертвые лошади социальной войны, и не все пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами собственного тела; поэтому на лице каждой пионерки осталась трудность немощи ранней жизни, скудость тела и красоты выражения. Но счастье детской дружбы, осуществление будущего мира в игре юности и достоинстве своей строгой свободы обозначили на детских лицах важную радость, заменившую им красоту и домашнюю упитанность...»

Бегала на закрытые концерты Окуджавы, Бачурина, Высоцкого... Почти не вылезала из Театра на Таганке... Не пропускала ни одной тайной выставки Зверева, Рабина, Недбайло, Булатова...

Открывается занавес и Мила видит сотни глаз зрителей, устремлённых на неё.

Как обычно, выскочив из подъезда, Мила Молодилина придержала дверь, и замерла. Тугие розовые бутоны на старой яблоне чудом сохранившейся от бывшего здесь яблоневого сада, распустились!

- Какое волшебство! - выдохнула она удивлённо и встряхнула головой. - Небо зелёное и трава синяя!..

Да, в этом мире всё наоборот, и то, что мы видим, на самом деле не существует, потому что, если бы это существовало, то деревья никогда бы не распускались, а я бы не выходила из моего подъезда, который, если хорошо подумать, не мой, потому что тридцать лет назад меня вообще не было на свете, а как я появилась, не могу вспомнить, потому что моя память очень короткая, и не от меня она зависит, ибо я только кажусь себе распустившейся яблоней, но я - не яблоня, я почти как небо, всегда зелёное или коричневое, другого неба не бывает, я это ви-

жу без очков, которые сломались, выпало стеклышко, напоявив мне одного персонажа с треснутым стёклышком, и другого со стеклом, на которое легло его дыхание. А где моё дыхание? Я не могу поверить в то, что моё дыхание тоже ляжет на стекла вечности. Ну вот ты и добралась до нереальности своего существования. Потому что тебе требуются предметы материального мира, такие, как очки.

Мила сощурилась, почувствовав дискомфорт, стала поправлять очки и обнаружила, что из очков выпало стекло.

Это невероятно. Я ещё до выпадения стекла увидела улицу не такой, какой вижу её обычно. Ладно, не надо заморачиваться. Где тут ближайший магазин с очками? Забегу по пути.

Ей показалось, что она расстроилась. Из-за чего? Из-за очков. Нет, так нельзя реагировать на пустяки. С этой мыслью Мила сорвала с носа очки и швырнула их в кусты. О, как мир сразу преобразился. Всё вокруг потеряло реальное очертание, всё предстало в ином свете, как на картинах парижских художников. Да, наверное, так с ними и произошло. Они к чёрту выбросили все свои очки, прищурившись, и стали писать мир таким, каким его никто, кроме них, не видел. Взбодренная этими рассуждениями, она в темпе вальса метнулась в сторону метро. Перед глазами мелькали размытые до полотен Ренуара фигурки бесконечного потока людей, нескончаемого потока, который возникал ниоткуда и исчезал в никуда.

Вот один размытый до водянистости персонаж преградил её путь.

- Как приятно и волнительно видеть и приветствовать тебя, Милочка! - произнёс этот импрессионист, почему-то в красной бейсболке.

Ну, зачем он нацепил эту вызывающую красную бейсболку?! Он, что, работает светодором?

Мила резко качнулась вправо, чтобы обогнуть препятствие, но оно, или она, эта красная бейсболка, тоже качнулась вправо. Тогда Мила моментально качнулась влево. И зрачок красного светофора наклонился со скрипом, как будто железный столб прогнулся, влево.

Склонённая влево, даже правая нога у неё оторвалась от асфальта и провисла, Мила прищурилась, наводя глаза, как объектив, на резкость, пытаюсь узнать этого размытого типа.

И что это за привычка такая фамильярная окликать людей, спешащих по своим делам. Мало того, это бестактно в самый неподходящий момент возникать перед мало знакомым человеком только для того, чтобы, пытаюсь навязать ему своё прошлое, втиснуться в его внутренний мир, сбить с толку, отвлечь от его дел ради того, чтобы задать дурацкий вопрос: «Ты меня помнишь?» Есть такая особая категория людей, которые специально занимаются тем, что мешают людям жить. К тому же, они еще перекрывают бесконечно несущийся по кругу поток людей, создают пробки, не дают прохода.

Что они надеяться услышать!?! Какая разница, кто с кем когда-то сидел на горшке в детском саду или учился в параллельном классе? Неужели этим назойливым персонажам больше заняться нечем? Ну, виделись мы, возможно, где-то, когда-то и что!?! Слоняются без дела, мешают, отвлекают, нарушают планы! Займитесь своими делами, а уж, коль скоро воспоминания не дают покоя, садитесь и пишите, авось что-то толковое получится, или хотя бы дети да внуки ваши почитают, уму-разуму наберутся, да, вдруг и сами творчеством займутся. Не мешайте занятым людям жить художественно. Сколько таких встречных-поперечных маются без дела на улицах, в парках, скверах, у подъездов! Никогда не останавливайтесь, сторонитесь их, а если уже встретили, то уносите ноги. Говорить-то не о чем.

Только время драгоценное упустите, а то и мысль бесценную, только ещё зарождающуюся упустите.

Подобные мысли вихрем пронесли в голове Милы, которая покачнулась, но не потеряла равновесия, устояла. Она с недоумением тряхнула головой, пытаясь его обогнуть, но импрессьон оказался весьма настойчивым и никак не желал исчезнуть. Глупо ухмыляясь, он настойчиво пытался завладеть вниманием Милы:

- Я тебя сразу узнал! Смотрю - знакомое лицо, глазам своим не поверил...

- Зачем нацепил эту вызывающую красную бейсболку? - произнесла Мила, прервав его словесный поток.

Она схватила нелепую бейсболку и бросила её в сторону, та зависла в воздухе на несколько секунд, а потом полетела и скрылась. Импрессьон замер с открытым ртом, но Мила этого уже не видела, она поймала машину и испарилась.

Как же утомительны эти бестактные, навязчивые персонажи, до чего же они мешают жить. Трагическое непонимание того, что жизнь проходит впустую, свойственно таким праздношатающимся. После встречи с подобными импрессьону персонажами, особенно ценишь скромность, сдержанность и деликатность. Именно такой водитель попался Миле.

У светофора стояла бесконечная вереница машин и Мила предпочла пойти пешком. Поскольку она была без очков, то всё вокруг выглядело расплывчато и в иных непривычных формах. «Весьма интересный, совершенно неожиданный ракурс, - подумала она, - в этом что-то есть...

Внимание Милы привлекла витрина, в которой на неё смотрело бесчисленное количество очков, и она поспешила им навстречу.

От обилия оправ всевозможных форм и вариантов расцветок Мила несколько растерялась, но затем принялась

примерять. Продавщица терпеливо подбирала ей новые варианты. В очках Мила, весьма критически рассматривала себя в фас и в профиль, пристально изучала качество и удобство оправ.

Пока продавец подбирала ей очки для примерки, Мила достала телефон, чтобы позвонить и обнаружила, что он отключился.

- Нет, это уже слишком для одного утра...

- Простите, это вы мне? - спросила продавец.

- Что вы! Это я о стечении неприятностей на сегодняшнее утро, - ответила Мила и поведала о своих злоключениях.

- Обычно так и бывает, если что-то случилось, то жди подобных продолжений, я вам искренне сочувствую.

- Благодарю вас.

- Желаю, чтобы на этом всё и закончилось...

- Надеюсь...

Мила включила телефон, и он тут же зазвонил.

- Светик! Ты мои мысли читаешь?.. Потому что я как раз собиралась тебе позвонить... Да, ты опередила... Конечно, приеду... Увидимся вечером на юбилее... Как всегда у тебя... Поболтаем...

Милу закружил длинный, длинный день. Купив новые очки, она поспешила в ателье на последнюю примерку свадебного платья. Участие Милы было необходимо, поскольку именно её приятельница попросила быть свидетельницей на свадьбе.

Среди многочисленных знакомых Мила Молодила славилась безупречным чувством стиля, умением организовать оригинальное торжество по любому поводу и без него, кроме того у неё была лёгкая рука - все пары, у которых она была свидетельницей на свадьбах жили счастливо. Причем Мила занималась хлопотами устроить праздник даже для малознакомых людей так самозабвенно, как

будто для себя, да ещё и ради удовольствия помогать хорошим людям совершенно бесплатно. Мила знала всё о правилах хорошего тона, о том, как следует рассаживать гостей на различных мероприятиях, словом, она была, что называется нарасхват!

Наконец Мила добралась до ателье. Подруга уже ждала её там. После окончания примерки, Мила, послав воздушный поцелуй, поспешила на репетицию.

Мила работала в известном не только на всю страну, но и за рубежом, классическом хоре, а сфера её занятий и увлечений была строго ограничена искусством.

Живопись и литература были для Милы столь же необходимы, как воздух для биения сердца, умеющего вдохновенно петь. Прекрасная ретроспективная выставка Исаака Левитана не отпускала Милу, воссоздавалась в памяти вновь и вновь. Пленительный мир художника, глубокий и грустный, воздушно свободный, очаровал её. Она впервые увидела его холсты с такой полнотой. «Март» буквально ударил Милу весной. Печальная, задумчивая лошадь у крыльца, снег, солнце, первые ручейки. «Пейзаж Левитана - это Левитан, - размышляла она, - а картины его - окно, сквозь которое он преобразует нереальную реальность, играя освещением, создавая настроение. Его полотна открывают чувственный мир художника, дарят бессмертие, хотя прожил он всего 40 лет. Подобные объёмные экспозиции имеют ни с чем не сравнимую особую ценность, дают удивительную возможность как бы проникнуть во внутренний мир художника, проследив его творческий путь и философию развития».

Мила любила в ненастную погоду ходить по залам Новой Третьяковки на Крымском валу, останавливалась у картин Фалька. Поповой, Малевича, Ларионова, Кандинского... Однажды открыла для себя Истомина, и застыла у его картины в зеленоватых тонах «Вузовки», привлёкшей

Милу светом, струящимся из окна, и скрытой энергетикой. Вот, в глубине, через анфиладу передо мной появляется картина, излучающая свет. Мила не спеша приближается к ней, чувствуя напряжение, как будто это она всю ночь напролёт готовилась к важному экзамену. Внимательно рассматривает другие картины Истомина: «Читающая женщина», «В комнате у окна». Все картины объединяет особая цельность и эмоциональность, которая передаётся ей, и, особенно, свет. Всё в них привлекает - тональность, цвет и присутствие художника.

У окна с видом на детскую зелень парка Мила останавливается, чтобы унять охватившее её волнение и вновь думает о том, что мир можно познать только через искусство. Сама жизнь хоть и имеет основополагающую ценность, но она разлита без всякой художественной огранки. А мы видим даже сны в рамках необычайной художественной законченности.

Многие шедевры духовной музыки Мила не только знала, они звучали в её душе, защищая и вдохновляя в самых разных житейских перипетиях. Когда она стояла на сцене во время исполнения ораторий, отличающихся пышностью и риторическим звуконаполнением, слияние голосов, оркестра, а то и колоколов и других современных звуковых эффектов, душа Мила буквально парила от наслаждения.

Сцену Мила воспринимала как волшебное пространство, как храм, в котором живут души артистов. Сдержанность, тактичность, доброжелательность к окружающим людям - всё это было дорого ей в профессии.

В детстве в доме часто пели, особенно бабушка, которая и нащупала у Милы талант. К тому же в каждую свободную минуту слушали классическую музыку, в шесть лет стала учиться игре на пианино. У Милы был не совсем обычный для классической певицы голос. Она считала его драматическим сопрано. Позднее педагоги чувствовали в стиле

пения Милы некоторые недостатки, особенно в среднем регистре у неё замечали чуть приглушенный тембр. Низкие ноты получались гортанными, между тем как верхние заметно вибрировали.

Хрупкая Мила с пепельными локонами, которые она старательно выпрямляла, добиваясь гладкой прически, а хвост собирала в тугий узел, в моменты пения самой себе казалась небесной, а не живущей в обычной жизни. Высокий чистый лоб, восторженный взгляд светлых глаз, которые увеличивали толстые стёкла, изящный носик и узкое лицо, придавали Миле сходство с иконописным образом. Макияжем Мила пользовалась в основном во время выступлений, чтобы подчеркнуть черты лица. В жизни повседневной она слегка подкрашивала губы неброской помадой, а в торжественных случаях предпочитала только слегка подвести глаза, да припудрить лицо, чтобы не блесело. Страстью Милы были духи, конечно, французские! На них она готова была истратить все деньги. Еда можно сказать вообще её не волновала. Она была готова питаться корочкой хлеба, да водой, стараясь покупать только качественные изящные вещи.

Через служебный вход Мила прошла в гримёрную, которую делила с шестью коллегами. Поскольку это была рабочая репетиция, переодевание не предполагалось, но нужно было настроиться, погреть связки, прежде чем идти в репетиционный зал. Перед репетицией хористки обычно если и переговаривались, то тихо и только по вопросам предстоящей работы. Да, репетиция - это работа требующая максимум сил, но Миле в её профессии нравилось всё. Она дорожила состоянием эмоционального подъёма, которое неизменно испытывала, когда голоса хористов то расходились, то сливались в один совершенный голос, уносящийся ввысь. На репетиции хор выкладывался так же, как перед зрителями на сцене.

Концерты! К ним Мила готовилась особенно тщательно: накануне вечером собирала костюмы, а их часто нужно было подготовить, косметику, все аксессуары, заранее продумать свое расписание на день выступления. Сколько гастролей, сколько концертов уже случилось у Милы, она счёт потеряла, но каждый раз, сделав соответствующий макияж, в длинном вишнёвом или же в строгом чёрном платье, которое особенно шло ей, придерживая его полы, не шла, а шествовала на сцену, испытывая невероятное волнение. Успокаивалась она только на своём месте на скамейке в центре второго ряда, когда хор располагался по прямой линии в несколько рядов или внутри широкого полукруга. Во время пения Милу не покидало чувство, что все зрители смотрят именно на неё, их внимание придавало ей необъятные силы, и она сливалась с музыкой, забывая обо всём и обо всех, кроме дирижёра.

После репетиции, простившись с коллегами, Мила поехала на метро, чтобы успеть на поезд в Питер. Поднимаясь на эскалаторе, она почувствовала левой ногой какую-то странность, оказалось, что отвалилась подошва. На улице Мила кое-как допрыгала до ближайшей палатки с подошвой в руке, чтобы выяснить, где можно купить туфли поблизости.

Продавец в палатке «Мороженое» с едва сдерживаемой улыбкой посоветовал Миле: «Девушка, идите босиком!»

Мила опустила руку с подошвой и объяснила, что понимает всю комичность своего внешнего вида, но ей срочно нужно купить туфли. Ей повезло. Магазин находился за углом. «Как здорово, что я успела купить очки, - подумала Мила, рассматривая ряды туфель, - иначе, как бы я смогла выбрать то, что нужно».

И тут она увидела бежевые туфельки на утолщённой подошве с невысоким каблуком. Туфли эти, казалось, так и тянулись к ней, обещая удобство и комфорт. Мила приме-

рила их, и они так ласково прильнули к её ногам, сто она без раздумий поспешила к кассе прямо в них.

На поезд Мила успела чудом. «Мелкие неприятности - чепуха!» - мелькнуло у неё в голове. - Важно, что мне везёт в главном. На юбилей любимого своего фониатра я успеваю, - подумала она, усаживаясь в кресло.

Поезд уносил её в юность.

В Питере Мила оказалась на один день. И всё же до встречи на юбилее у своего незаменимого фониатра она успела навестить своих любимых импрессионистов на 4-м этаже Эрмитажа, да пройтись по любимым местам, и навестить своего грифона на крыше памятного ей дома, который вдохновил её в далёкий памятный день на четверостишие:

День полон тайн -
Ни явь, ни сон -
Над головой
Парит грифон...

И по Гороховой успела походкой лёгкой пробежать, не смотря на морозящий дождик. Поначалу Гороховая носила разные названия: и - Средняя перспектива, и 2-й Адмиралтейский проспект, и 2-я Перспективная улица, и Адмиралтейская улица, и Комиссарская, и имени Дзержинского, но упрямая в своём бессмертии литература победила - с 1991 года она опять Гороховая. Здесь Гоголь жил. Здесь Достоевский вживался в роль идиота. Здесь с губ Милы сорвались стихи Бродского:

Когда в Москве в петлицу воткнут
и в площадей неловкий толк
на полстолетия изогнут
Лубянки каменный цветок,

а Петербург середины века,
адмиралтейскому кусту
послав привет, с Дзержинской съехал
почти к Литейному мосту,

и по Гороховой троллейбус
не привезёт уже к судьбе.
Литейный, бежевая крепость,
подъезд четвертый кГБ.

Встречи, объятия, и танцы до полного изнеможения.

От чего зависит хорошее настроение? От той атмосферы, что тебя окружает! Люди, события, впечатления...

Возвращались поздно ночью. Вспоминали годы учёбы, говорили о музыке, вспоминали студенческие шутки. В городе, где реки и мосты, невозможно спать. В Питере у Милы один день проходил не как два, а как месяц.

- Завтра домой, в Москву, - пробормотала она, засыпая.

Ночевала Мила у подруги на Петроградской стороне. Проснулась она довольно поздно. Звуки вкрадчиво ласкающей слух музыки разбудили её. Вроде бы всё вокруг было тихо, но она отчётливо слышала нежную медленную музыку. Прислушалась - это переливы арфы, напоминающие журчание ручья.

Откуда она?

Мила подошла к окну, раздвинула небесного цвета занавески, но ничего, кроме тумана, не увидела, а музыка продолжала завораживающе звучать. Прислушавшись, Мила догадалась, что это музыка её души, которая чуть слышно поёт без внешнего вмешательства. В таинственное туманное утро душа сама собой исполняла на арфе сладостную мелодию любви и бесконечной надежды. Невольно она начала осторожно кружиться, напевая. Остановилась с легкой улыбкой перед зеркалом, оглядела себя с ног до головы изучающе. Осталась собой вполне довольна. «Зна-

чит, родная моя душа, находится не во мне, а где-то рядом. Утренняя музыка навеяла мне ещё одну тайну души моей. А сколько из них, этих тайн, мне неизвестно?»

Бой часов вернул Милу в реальность. Нужно было спешить на вокзал. Она торопливо собралась и, выскочив на улицу, поймала такси.

Сапсан плавно покачиваясь неся в Москву.

Миле так хотелось спать! Но на протяжении всей поездки, едва она закрывала глаза, перед глазами крутился калейдоскоп неотложных дел, которые выстраивались в сплошную бесконечную цепочку, и не дали уснуть. Она стала вспоминать минувший вечер, который чудесно провела с любимым человеком, который встретил её у служебного входа после концерта. «Как же мне с ним приятно и хорошо! И чувство юмора у нас родственное, и с ним я могу быть такой, какая я есть. И он расстегнут и застегнут ровно настолько, чтобы не вмешиваться в тебя и в то же время быть открытым. При этом мы чувствуем и понимаем друг друга без слов. Как только я разберусь с самыми неотложными делами, нужно будет предложить ему перебраться ко мне». Мила сладко потянулась и подумала о том, что перемена мест всегда идёт ей на пользу.

По прибытии поезда в Москву на платформе Мила выделила из всех шумов дорогой сердцу голос:

- Милочка!

«Показалось, - подумала она, - его здесь не может быть!»

- Милочка!

Знакомый голос прозвучал значительно громче. Мила растеряно смотрела по сторонам, пытаясь выхватить из толпы любимого. Внезапно он возник прямо перед ней с букетиком трепетных ландышей, мелодично позванивающих только для неё.

- Рома! Как ты здесь?

маргарита прошина

Много ли нужно для счастья? Оказаться дома и пере-
сечься, даже всего на час, с дорогим сердцу человеком.

- Что значит, как! Я встречаю тебя, любимая!

- Я подумала, что это привидение, что я как будто бы на-
хожусь в удивительном пространстве, в котором невиди-
мое вдруг становится видимым: тебя нет, но я хочу, чтобы
ты был и ты есть!

"Наша улица" №211 (6) июнь 2017

ЖАЖДА СЧАСТЬЯ

Вереница дорогих машин остановилась у чёрных железных ворот.

Помощник покойного беззвучно открыл дверцу и подал руку женщине своего теперь уже бывшего начальника. Жданова не спеша убрала миниатюрное в форме морской раковины зеркальце в стильную сумочку, накинула чёрный прозрачный шарф на голову и, придерживая его рукой, с волнением вышла из машины.

Пели соловьи.

Их чудесные переливы с грациозной легкостью перекрывали городской шум.

Толпящиеся с цветами и венками друзья и сослуживцы покойного, все в чёрном, почтительно пропустили высокую модную красавицу Жданову вперёд. Процессия неторопливо тронулась под всем известные звуки похоронного марша, в котором преобладали медные духовые, к свежевыкопанной могиле.

Соловьи всё равно были слышнее оркестра.

Широкоплечие мужчины, стриженные очень коротко, так что посверкивали крутые затылки, двигались почти строем, сжав скорбно кулаки, на которые у некоторых спадали золотые цепочки. Длинноногая Жданова осторожно, но довольно манерно ступала след в след, как научилась у московских моделей, по влажной после недавнего дождя глине, стараясь не испачкать туфли на высоких каблуках, но каблуки предательски проваливались, и она огорчённо вздыхала, думая только о том, чтобы весь этот ужас закончился как можно скорее. В трагическую реальность проис-

ходящего она верить не хотела. «Этот кошмар скоро закончится, исчезнет и всё будет по-прежнему», - мысленно с детской непосредственностью успокаивала она себя.

Ударили латунные тарелки в оркестре. Процессия остановилась у могилы.

Ближайший соловей звонко поддержал кладбищенскую музыку.

Жданова, склонив картинно холёную головку, продолжала придирчиво осматривать свои эксклюзивные туфли, и избегала переводить взгляд на богатый лакированный гроб, с которого в этот момент могильщики снимали крышку для ритуала последнего прощания, прежде чем навсегда закрыть её.

Коренастый и лысый распорядитель с красной траурной повязкой на рукаве пригласил родных и близких проститься с покойным, но Жданова никак не могла заставить себя пошевелиться, тогда помощник покойного, взяв её за локоть, с некоторым усилием подвёл к изголовью.

Одна нога скользнула по влажной глине, и Жданова, чтобы сохранить равновесие, ухватилась тонкими длинными пальцами одной руки за край гроба, судорожно вздрогнула и другой рукой приложила пахнувший французскими духами платочек к глазам. Она так и не смогла заставить себя взглянуть на белое, почти гипсовое лицо.

Над соседней оградой нависали ветви сирени, дурманящие своим запахом, и как будто прямо из густых тяжёлых соцветий разливалась весёлая трель соловья. Для успокоения Жданова излишне сосредоточенно пыталась найти среди буйства гроздей сирени пятилистный цветок.

Флейты и трубы оркестра вернули её к печальной действительности, гроб опустили, а внутренний голос шепнул ей, что наклоняться в такой короткой юбке неприлично, и она присела, чтобы взять горсть земли. В глубину могилы Жданова даже не смотрела, поэтому бросила комок земли

наудачу. Он упал на край могилы, и Жданова поспешно подтолкнула его ногой, окончательно испачкав туфли. Едва сдерживая себя от желания немедленно протереть туфли, она замерла и не отрывала от них глаз, но помощник покойника, который опекал её, сказал, что пора возвращаться.

Выглянуло солнце, сверкнув золотым куполом кладбищенского собора, но тут же набежали тучи цвета сирени, и день опять стал по-московски сереньким.

Выйдя из ворот кладбища, Жданова, прежде чем сесть в машину, достала из сумки влажную салфетку, наклонилась и тщательно протёрла туфли...

Чёрная бронированная машина с мигалкой уже мчалась по улице. После непродолжительных поминок в ресторане, на которых Жданова ощутила полное безразличие к своей персоне, водитель покойного быстро отвез её к дому из стекла и металла на набережной Москвы-реки.

Ночь мелькнула в глубоком сне.

Яркий солнечный свет разбудил Жданову.

Она с непосредственностью ребёнка открыла круглые глаза с очень длинными ресницами, и тут же зажмурилась.

Воздушно соскользнув с невообразимо широкой кровати, ступая босиком по мягкому ковру, она поспешила задрнуть плотные шторы. Остановилась у зеркал роскошного трюмо и не сразу узнала отражение в нём. Чёрно-фиолетовые круги под глазами, помада на подбородке, спутанные волосы - ужас!

Жданова разочарованно присела на пуфик, и в этот момент вспомнила кладбищенские картины, как она вернулась с чугунной головой, выпила снотворное, чтобы скорее уснуть и забыть кошмар минувшего дня в надежде, что утром всё само собой наладится.

Вчерашний день? Вычеркивай его, стирай, пока он вовсе не исчезнет!

«Не думай ни о чём плохом, - сказала отражение в зеркале, - займись лучше мной».

Все лучи жизни сходятся на Ждановой. Она в центре мира. Только она видит этот мир. Она. Одна. Такая!

С чувством собственного достоинства Жданова уверенно провела рукой по краю столика. Столик этот неизменно вызывал у неё гордость своим изяществом и ценной. Это был антикварный столик, он стоил как однокомнатная квартира, но Жданова всё же уговорила покойного подарить его на годовщину их связи. Это был единственный предмет мебели, купленный лично ей. Покойный привёз Жданову в квартиру, обстановка которой была выполнена модным дизайнером, и простецки предупредил, чтобы она ничего в ней не меняла, а занималась исключительно собой.

Жданова окунулась в мир кремов, всевозможных средств по уходу за своим драгоценным телом, духов и прочих бесчисленных женских радостей, которые прежде видела только в каталогах. На её столике красовались шкатулки, роскошные флаконы, баночки кремов, наборы косметики, которых хватило бы десятку женщин. Многие из них Жданова приобрела исключительно из-за дизайна упаковки, от которой просто не могла оторвать глаз. Эта её страсть последнее время стала раздражать покойного, и однажды он предупредил, что если она не умерит свой пыл, то лишится карточки.

«Его больше нет. Теперь я - хозяйка», - сказала Жданова своему отражению в зеркале. Затем тщательно сняла остатки косметики, и направилась было на обход своих владений, но что-то острое вонзилось в её нежную пятку, она вскрикнула, испуганно одёрнула ногу, пошевелила пальцами, а потом наклонилась и увидела, что это колечко в виде бабочки с острыми усиками, усыпанными крошечными бриллиантами.

Жданова подняла колечко, вернулась к трюмо, включила над ним свет и стала внимательно рассматривать кольцо. Убедившись, что оно не повреждено, она открыла шкапулку и залюбовалась игрой камней в лучах света.

Она уверенно собрала свои длинные волосы, выкрашенные по желанию покойного в рыжий цвет, перехватила их черной бархатной лентой, затем достала серёжку с изумрудной подвеской, надела её, любуясь своей стройной шейей и нарядным ухом, в другое ухо она вдела серёжку с жемчугом.

Затем тщательно исследовала шёлковую пятку ноги, убедившись в том, что след от кольца исчез, она стала раскладывать украшения на столике: колье с золотистыми топазами, подвеску с бриллиантами, серёжки и колечки переливались и сверкали. Перебрав все украшения, она надела все кольца, которые ей подарил покойный, на пальцы обеих рук и расстроилась, что на мизинец правой руки кольца не хватило:

- Ну, вот! - поджав капризно губки, произнесла она с досадой. - Только начала привыкать к богатой жизни, как всё закончилось... Или только ещё начинается... Вон их сколько мужиков крутых было на похоронах, один другого важнее, нужно постараться зацепиться. Что сидеть? Иди, красота моя, займись собой. Ты должна быть вооружена и предельно внимательна. Не упусти свой шанс.

Взглянув на россыпь украшений, Жданова обиженным голосом спросила своё отражение:

- А кто эту красоту спрячет, девочка моя?

Разложив свои сокровища по коробочкам и шкапулкам, она открыла дверь в просторную ванную. Там привычно поиграла пультом, любуясь оттенками света, чтобы насладиться отражениями в многочисленных зеркалах.

Установив мягкое освещение, она сбросила ночную рубашку и стала внимательно рассматривать свою модель-

ное тело, уход за которым отнимал значительную часть её времени ежедневно.

Каждая женщина хочет быть неотразимой, но не каждая видит в этом смысл жизни.

Жданова же не жалела ни времени, ни средств, чтобы регулярно втирать все новинки косметологии: различные скрабы, косметические масла, молочко, гель для душа, и всевозможные дневные, ночные и прочие кремы для отдельных участков тела.

Какой аромат лучше всего выражает счастье, принося с собой настроение романтики и безмятежности?

Конечно, легкий сливочно-клубничный!

До открытия этой восхитительной линии Жданова любила принимать ароматические ванны с апельсиновым маслом.

Она искренне верила заманчивым обещаниям на этикетках гарантирующим повышение упругости, восстановление, смягчение, борьбу с целлюлитом и первыми признаками старения, снятие раздражения, устранение сухости.

Этот легкий и приятный способ отдохнуть и похорошеть дома она предпочитала салонам, клиентки в которых казались ей уж очень высокомерными и надменными.

Ежедневно - для поддержания тонуса, насыщения витаминами, здорового вида, свежести и восстановления естественного водного баланса - она принимала ванну с гидромассажем, уверенная в том, что таким способом сохранит навсегда молодость и красоту.

Косметикой Жданова не просто увлекалась, она откровенно дрожала, как дрожит ребёнок от новой игрушки, от всевозможных ярких тюбиков, баночек, флакончиков, при виде непонятных названий ароматных чудес, обещающих невероятное преображение внешности, глаза её загорались и она брала всё, уверенная в том, что этого достаточно для того, чтобы поражать всех.

Увидев из окна машины магазин «Концептуальная косметика» на углу Сретенского бульвара и Большой Лубянки, она даже взвизгнула от восторга и потребовала, чтобы водитель непременно выпустил её здесь, потому что ей необходимо немедленно в этот магазин. Водитель объяснил ей, что у светофора это - невозможно, после стояния в пробках Жданова попала в этот магазин, скупила много непонятных ей средств. Стала регулярно навещать сюда, и всякий раз к месту и не к месту, закатывая глаза и надув губки, сообщала, что она пользуется только концептуальной косметикой.

О том, что помимо внешности, следует читать, развиваться, и заниматься образованием Ждановой даже в голову не приходило. Единственное, что она усвоила - не задавать покойному вопросов и не открывать рот при его компаниях.

В это утро Жданова, проделав обязательную процедуру тщательного поглаживания и втирания средств по уходу, наконец, погрузилась в клубничное облако и старалась полностью расслабиться, но перед глазами, как наваждение, маячил край могилы и грязный носок туфли. Она всплеснула руками, пытаясь отогнать неприятное видение, но тщетно.

Ей стало страшно и неудобно.

Она включила все светильники в ванной, поднялась, закуталась в длинный махровый халат и направилась, включая везде свет, к бару.

Выбор напитков был настолько разнообразен, что Жданова даже растерялась. Покойный обычно наливал ей то же, что собирался пить сам, она же предпочитала полусладкое шампанское, но сегодня она выбрала посольскую водку. Прижав к себе бутылку, Жданова пошла через огромный холл на кухню, взяла стопку, достала из холодильника банку икры, открыла её, достала ложку, поднесла

стопку к губам и только собралась выпить, как услышала звонок домофона.

- Обойдётся! - произнесла она резко, - я сегодня не в форме.

Выпила и закусила ложкой икры. Домофон стих. Жданова сидела, обхватив голову руками. Тишина тисками сдавила голову.

- Кто же это звонил в домофон? - произнесла Жданова, поднимая голову. - Нужно было подойти... Нет, нужно зайти... Я должна взять себя в руки и собраться!

Она подошла к окну.

С высоты её этажа открывалась великолепная панорама на огромный город, попасть в который мечтают девушки из далёких городов и посёлков, а вот её, Ждановой, мечта сбылась. Она живёт в Москве!

Всё складывалась даже лучше, чем она мечтала.

Казалось - цель достигнута!

Концептуальная москвичка!

Ох, такого невероятного поворота она никак не ожидала. Она стояла у окна, но не видела ни поблескивающей серебром зеркальной глади реки, по которой скользили речные трамвайчики, ни зелени парка с белыми беседками, а думала о том, к кому обратиться, чтобы выяснить всё о том, как ей закрепиться в этой квартире, кому можно довериться, как избежать обмана.

- Да, дела размножаются и растут! Нужно пойти в кабинет, собрать всё, что необходимо, где-то же должны быть документы, а потом уже решать, что делать дальше, - проговорила сама для себя Жданова, и посмотрела на часы, - ничего себе, уже шестой час! - воскликнула она и поспешила, включая везде свет по длинному коридору через холл в кабинет, который располагался в противоположном конце квартиры.

Тяжёлая дверь поддавалась ей не сразу.

Жданова остановилась в нерешительности на пороге. Приложила в размышлениях пальчик к губам.

Обстановка кабинета вызывала у неё смешанные чувства - страха и раздражения.

Подобные чувства она испытала около двух лет назад, когда впервые в жизни вошла в дом своей дальней родственницы, который напоминал барскую усадьбу на картинке учебника.

Больше трёх месяцев Жданова, тогда ещё 16-летняя девочка, разыскивала телефон этой родственницы, о богатстве и успехах которой многие годы рассказывали легенды во всех окрестных деревнях, чтобы выпросить разрешение устроиться к ней в качестве домработницы. Она звонила несколько раз и слёзно молила разрешить приехать хоть на один месяц, чтобы показать своё желание выполнять любую работу.

Наконец, удача улыбнулась ей. Она оказалась как будто в другой стране. Первое время всё спрашивала, старалась понравиться, вела себя очень скромно. Когда же хозяйка уехала на виллу за границу, Жданова докладывала ей по телефону о том, как идут дела дома.

К хозяину часто приезжали его компаньоны, солидные «дядечки» как их для себя называла Жданова.

Тут уж она вертелась в набедренной повязке под названием юбка и в боевой раскраске. Как-то раз будущий покойник, ущипнув её, вскользь обронил, что любит рыжих. На следующий день она превратилась в огненно-рыжую, и к возвращению хозяйки стала чувствовала себя победительницей.

- Что это с тобой?! - спросила хозяйка.

- Нашла своего суженого!

Воспоминания вихрем пронеслись в голове Ждановой на пороге кабинета покойного, в который он строго запрещал ей входить без приглашения.

Жданова подошла к солидному письменному столу, на котором не было ни одной бумаги, посмотрела по сторонам, нигде ни листочка.

За стёклами шкафов размещалась коллекция инкрустированных сабель и клинков, одним только своим видом вызывающих у неё тягостный страх.

Жданова попыталась выдвинуть ящики стола, но они оказались запертыми на ключ.

«Чего это он от меня прятал!? - подумала она. - Видать, секреты большие. То-то он разрешал домработнице убирать только в его присутствии... Где ключи искать?»

Справившись с паническим настроением, она посмотрела под письменным прибором, потом тщательно перебрала каждую его принадлежность - пусто.

Жданова села в кресло, включила настольную лампу и увидела, что сломала ноготь на безымянном пальце правой руки.

Это окончательно вывело её из себя: «Надо перекурить это дело и срочно позвонить маникюрше... Нужно ещё мой телефон найти», - подумала она и пошла в свою гардеробную, в которой прятала сигареты от покойного, который запрещал ей курить. По пути она заходила в каждую комнату и включала свет и, оставляя двери открытыми, шла дальше.

Первый раз Жданова не задержалась в гардеробной, обычно, она могла часами примерять одежду, любоваться нижним бельём, вертеться перед зеркалом. Она взяла пачку сигарет, и пошла в спальню за телефоном. Надеясь, что он там, но, сообразив, что прятаться уже не от кого, вернулась за блоком.

Телефона ни на кровати, ни на полу не оказалось.

«Что за день такой дурацкий... Чертовщина какая-то... Ничего найти не могу...», - прокрутилось в голове Ждановой, и она отправилась в холл, где обнаружила, наконец,

телефон в сумке, которая спряталась за небрежно брошенными туфлями.

Телефон был отключён, а когда она его включила, выяснилось, что он разрядился.

«Ну, это ж надо! Всё против меня! - про себя вспыхнула Жданова. - Ну, я вам устрою!» - она погрозила рукой невидимым врагам и, прихватив в своей комнате зарядку, пошла на кухню.

Налила себе водки, выпила, закурила и попыталась успокоиться, но метель в голове не стихала. Обрывки мыслей набегали, как волны, одна на другую, чтобы остановить их Жданова глубоко затянулась и закашлялась.

- Пожрать что ли? - спросила она себя.

- Давно пора, дурёха! Ни крошки в рот не брала, а водку хлещешь, - себе ответила она.

- Только ты меня и любишь! Только ты жалеешь.

- Никто меня так не понимает, как ты...

Поговорив с собой, ненаглядной, она стала изучать содержимое холодильника, но ничего, кроме дежурных мясных нарезок и сыра не нашла.

Обычно они с покойным ужинали в ресторане или же еду готовила помощница по хозяйству, которую Жданова отпустила на два дня.

- Не скули, подруга! - приказала она себе, не обнаружив хлеба. - Наведи себе кофе и обойдётся сыром с колбасой...

Она достала банку сублимированного кофе, уж очень ей нравилось слово «сублимированный». Какое-то особенное слово, она старательно его выучила и всегда к месту и не к месту на вопрос: «Какой вам кофе?», - отвечала важно, выпятив свои губы, по слогам: «Суб-ли-ми-ро-ванный». «Наведя большой бокал» кофе, Жданова сделала две затяжки, потом - два глотка и громко, произнесла с вызовом:

- Я свои права защищать буду, если надо - душу продам, но жизнь свою «роскошную», сохраню. Звонок телефона был ей ответом. Она вздрогнула, но, увидев номер помощницы по хозяйству, ответила:

- Да... Завтра приходите...Хлеба вкусного...Приготовить...

Закончив разговор, позвонила в салон и записалась на вторую половину дня на маникюр и педикюр.

Но тут в замочной скважине входной двери загремели ключи, послышались голоса, и в квартиру вошли спортивного вида ребята, предложившие довольно просто, даже бесцеремонно освободить жилплощадь.

- Как?!

- Так!

Одинока, жалка, беззащитна.

Поезд мчался в родительский край...

Ранним утром сошла на полустанке.

Ни души.

Кричал лишь телёнок, привязанный к колышку за железнородержной будкой.

Пройдя с полтора километра, да всё в гору, Жданова остановилась отдышаться на высоком холме. По лицу её текли два чёрных ручейка, которые она смахивала пальчиком вместе с тщательно наложенным макияжем.

Жданова не видела ни зелёного дыма возрождения жизни, ни васильков, похожих на лоскутки синего неба, ни ромашек, покачивающих своими ажурными головками, не чувствовала зноя. Думала она лишь о печальном завершении её счастья, которое она слишком быстро приняла как должное.

Ничего, кроме досады и горечи не вызывал у Ждановой знакомый пейзаж.

Когда-то она беспечно бегала по извиляющейся тропинке через луг с соседским приятелем на станцию и обратно к

своей деревеньке, вдыхая пьянящий запах трав, подставляя ласковому солнцу и игривому летнему ветерку свое лицо. Тогда она безудержно мечтала, что однажды поезд умчит её в неведомую беззаботную жизнь, в которой не нужно ни учиться, ни работать, и не думать ни о чём. Там, далеко, всё будет происходить по её велению и по её хотению.

Она же самая фигуристая!

Слёзы обиды на всех и всё вокруг душили её.

Жданова не слышала лесного шума, пения птиц, не видела погожего летнего дня. Она продолжала пальчиком с зелёным, по последнему писку моды, маникюром размазывать по лицу свою красоту.

Ожесточённая обида на покойного, который так некстати подвёл её своей ненадёжностью, не давала покоя.

Изумрудный, залитый слепящим солнцем луг, наполненный дрожащими звуками цикад и невероятным благоуханиями цветов, буквально раздражал её. «Господи! Сил моих нет видеть всё это! Да ещё трава чёртова наотмашь хлещет по ногам!»

Солнце пекло всё горячее. По синей бездне плавно плыли высокие седые облака, медленно меняя очертания... Ах, не видеть бы сроду эту проклятую красоту!

Зажужжал запутавшийся в траве под ногами Ждановой рыжий жучок. Он сердито возился, шуршал жёсткими надкрыльями, из-под которых было выпущено что-то тончайшее, почти прозрачное, и наконец-то с потрескиваниями поднялся в воздух, даже загудел с удовольствием, с чувством облегчения быстро отдаляясь и вовсе теряясь в небе.

Жданова проводила его злым взглядом, поморщилась и, пренебрежительно вздохнув, стала спускаться с холма.

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Старушку Фокину сильно крашенные волосы молодили, но не настолько, чтобы ей можно было убавить возраст лет хотя бы на десять, потому что старость чувствовалась и в сухоньком лице, и в довольно заметной сутулости, как будто она всё время смотрела себе под ноги, и в быстрой семенящей походке. Маленькая Фокина была очень проворной. И отчего это к старости такие маленькие женщины становятся такими шустрыми?

Из вагона выскочила первой и на эскалатор заскочила впереди всех, поднялась, и первая же побежала к выходу. А там огромная толпа. Стоят без зонтов. А ливень хлещет по неприкрытым ступеням ямы метро. Но Фокину это не смутило. Она на ходу извлекла из сумки зонт и, прониர்нув сквозь людской затор, открыла его, не забыв упрекнуть народ: «Зонтики нужно брать с собой! Предупреждали же отовсюду, что будут дожди!»

Дожди-дожди, ты подожди, а я побежала. В переулке бежали дождевые ручьи. Зонт гудел от стука капель. Летние туфли хлюпали, начерпав воды из глубоких луж. Дождь тёплый, сильный, но не злой. Фокиной он понравился. Взбегая на ступеньки к своей застекленной библиотеке, мелькнула молния из «Мастера». А он такой же ливень описывал? Вот интересно.

Надо посмотреть.

Девочки уже уютно были на месте в комнате отдыха, для сотрудников, больше похожей на просторную кухню, с газовой плитой, с навесными шкафчиками и полками для посуды, с горячей и холодной водой, а рядом с этой комнатой

отдыха располагалась душевая. Ну, разве библиотекари когда-нибудь откажутся от такой малины в бумажной библиотеке?! Дорожат девочки своей родной библиотекой, крепят дисциплину труда! Фокиной это всегда нравилось. Никаких опозданий!

Ну, вот, сейчас кто-нибудь подумает, что я пойду к стеллажам листать бумажные книги, чтобы найти в них строки с дождём.

Разумеется, какой же опытный библиотекарь будет листать бумажные книги, когда есть компьютер. Фокина у него целыми днями и пребывала. И сейчас предвкушала поиск дождей у любимых ей авторов. После кофейка, конечно.

Девчонки кофе в кабинет принесли, и печенье с зефиром.

Экран засветился, курсор чёрной мышкой забегал по авторам крупного литературного сайта. Сделав глоточек кофе, Фокина решила начать просмотр дождя с Данте.

Пожалуйста, в секунду по команде Фокиной найти «дождь» у Данте, она уже не в библиотеке, в которой отработала шестьдесят лет, а там, в глубинах текста.

Обрушился «и хлещет дождь, и мечет вихрь ненастный», тяжёлый дождь, разрушительный как наказание за жизнь несправедную. Так вот он - ад! Я уже переживала подобный страх и ужас. Где?

В аду у Данте:

И воздух стал тяжелым от воды;
Пролился дождь, стремя по косогорам
Все то, в чем почве не было нужды,

Потоками свергаясь в беге скором
К большой реке, переполняя дол
И все сметая бешеным напором.

Ужель и я с таким дождём живу, переливаясь в буквах новой жизни? Божественные строки наяву пронизывают сон моей отчизны.

Отпробовав чудесного зефира, мелькнула мысль, а что насчёт дождя у Мандельштама?

Какой же дождь у Мандельштама? Холодный, тихий, молодой... «... Где милая Троя? Где царский, где девичий дом? Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник. и падают стрелы сухим деревянным дождем, и стрелы другие растут на земле, как орешник». Я открываю вновь и вновь стихи стихийного поэта. Ещё недавно в стране советов торжествовали рифмачи про танки, пушки и победы. А Мандельштам нигде не числился. Такого поэта нет, говорили, и не было. Московский дождик за окном. Я открываю «Разговор о Данте» и упиваюсь мыслью Мандельштама о том, что поэтическое слово есть пучок, и смысл из него торчит в разные стороны. Так дождь у Мандельштама солёный на вкус, что-то на крыше бормочет. Каждое слово поэта - многозначно, он чувствует слова на вкус, на ощупь, слышит их - «сухие жалобы кропят, как дождик мелкий...»

Невероятно! Волшебство и только. Какие там бумажные издания! Да-да, сама в себе вздыхает Фокина. Бумага кормит меня всю жизнь. Как вы отстаиваете своё существование, с каким азартом превозносятся бумажные книги, как будто интернет ещё не изобретен.

И текст на бумаге не напечатан. Фокина открыла Максимилиана Волошина.

Я одна в густом тумане. Я сама превращаюсь в дождь. Я стучусь в окно дождём. Стекло покрыто не каплями, а льдинками мелкими, которые заглядывают в комнату, как будто просят разрешения войти и погреться. Издалека доносится стук колёс электрички «В вихре рыданий и стонов// Слышится песенка вечная.// Скользящие стены вагона// Дождик сечет...». По мысли Волошина, царственная

наука слова создаёт будущее. Я думаю, если в слова всмотреться внимательнее, а потом заменять одну букву на другую, то можно создавать новые слова до бесконечности. Дождь Волошина покрывает камень патиной, глубоко проникая своими тонкими пальцами в камень, шлифует горы, призывает «Всё видеть, все понять, все знать, все пережить, // Все формы, все цвета вобрать в себя глазами, // Пройти по всей земле горящими ступнями, // Все воспринять и снова воплотить». Я акварелью стала на стекле.

Не поднимая рук к бумажным книгам, я вижу дождь по строчкам бьёт, как нерв.

Сегодня я задумалась о воде, мне захотелось её рассмотреть, воспеть, поблагодарить, наконец. Сколько ощущений связано с ней! Крупные капли дождя падают на голову, они пугают силой своей неприветливой, оглушают громкими ударами. Я пытаюсь прикрыть голову руками. Струйки воды текут за воротник. Вода мутная какая-то. Я ускоряю бег. Гром гремит. Молнии сверкают. Такой шквал советского ливня обрушился на голову Зощенко в 1946 году, пытаюсь смыть не только лично его, но и его произведения. На какое-то время потоки этого разрушительного дождя барабанили по голове, закрывая свет. С той поры минула не одна гроза и смыла тех, кто воду мутил, и тело Зощенко исчезло, но живут произведения его, обрастая всё новыми смыслами, о которых даже автор не догадывался. Сейчас прошла гроза. Я поднялась, чтобы закрыть окно.

Я не удивляюсь тому, что погода у нас имеет обыкновенные круто меняться. Накануне холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. Фасад дома напротив представляется мне живым, точно морщинистое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами окон, по стёклам которых нескончаемым потоком льются слёзы. Ничего подобного припомнить не могу в начале лета. В такую нена-

стную погоду хорошо открыть томик Бунина: «День был серый и дождливый. От надвигающихся туч в комнате темнело; в сумраке мелькал красноватый отблеск молнии, после чего начинался где-то вверху смутный рокот. Он приближался тяжкими раскатами, так что дрожали стекла, и вдруг разражался треском и резкими ударами над самой крышей дома... И начинал сыпать дождь, сначала осторожно, потом все шире и шире... Тяжелый запах цветущих тополей наполнял сырой воздух. Дождь лил, ровно и однообразно шумя по траве и деревьям...». Я даже вздрогнула от такого невероятного совпадения, как будто Иван Алексеевич - рядом.

А между тем уже вторая неделя июня близится к концу, а я всё тепла и солнца жду, каждое утро тревожно смотрю - разошлись ли тучи, выглянуло ли солнце, утих ли ветер, незванный гость с полюса северного. Как же точно настроение мое совпало со строчками Домбровского: «Ночь и грязь. Домов квадраты//Крестит дождик полосатый.//Тучи мчатся, ночь темна...//Ветер кинулся в окно;//Оплывают тихо свечки,//Утомленные давно.//Мелкий дождик нудит, нудит...». Хватит уже воду лить, пора успокоиться и дать возможность полюбоваться цветением и пением соловьиным. Ранним утром иду я по сказочному городу-саду, утопающему в садах, люблюсь его синими и зелёными мазанками, вдыхаю чудные запахи весеннего цветения, слушаю птичье многоголосье. Солнце ещё не взошло, но чувствовалось, что город вот-вот проснётся.

Сидит Виктор Петрович на берегу и уныло смотрит на уточки. Поплавок неподвижен, как и вода, даже воздух как будто остановился. Белые и пузыристые, словно мыльная пена облака неспешно плывут по небу. «Вначале плыли светлые облака, вслед за ними поползли серые, потом - совсем темные. Солнце, клонившееся к закату, нырнуло в тучи раз, другой, мелькнуло в голубом разрыве и скры-

лось. Стало тихо и сумрачно. Налетел откуда-то ветер, зашумел кустами... Ветер налетел с новой силой, сморщил гладь реки, приземлил кружившихся ворон. Потом на несколько минут наступила тишина. Казалось, все живое кругом притаилось, ожидая чего-то. Но вот в кустах зашуршало, на воде появились мелкие кружки от первых капель. И вдруг разом, сплошной полосой хлестнул дождь. Река мигом покрылась лопающимися пузырьками». Я настолько погрузилась в чтение рассказа Астафьева «Тёплый дождь», что промокла до нитки. Хорошо хоть успела книгу спрятать. Искать убежища уже было поздно, а дождь все шумел и шумел.

Совсем уже около дома стал крапать дождь. «Откуда на безоблачном небе дождь?» - спросила я у домиков, но старые камни домов, мокнущие под дождем, не ответили мне. Затихли птицы, лишь ветви деревьев перешёптывались о чём-то своём. Разошелся дождик, не видать было даже фонарей, и сырой ветер, налетавший откуда-то из равнин, был жуток. Затем, «выпали дни полной, загадочной тиши. Целый день легкие серебристо-серые облака стерегли болото, вглядываясь в заснувшие травы, а к вечеру лицо их мутнело, хмурилось, и вниз падала мертвенная тень. Потом тихо, чуть заметно выпадал дождь. Казалось, тонкие капли его, бороздившие воздух, не весили и сползали вниз с неба неизвестно зачем... небо, все темневшее, пухнувшее и по-прежнему молчаливое, распростершееся над... побледневшим, замершим болотом, небо, славшее такой робкий и странный дождь, казалось таинственным, зловеще-мистичным. Пустота слоем стояла над болотом, и в ней, - тихие и страшные, - шуршали капельки дождика. А к вечеру все это закутывалось в неясные, висящие, беззвучные туманы». Я видела «Сон» Бориса Зайцева.

Открыть новый мир, что может быть более захватывающим? Для меня нет ничего упоительнее богатой лексики,

выхваченной прямо из гущи народа. Именно так пишет Сергей Михайлин-Плавский. Язык его рассказов подобен осеннему, но тёплому и частому дождю, сродни весеннему, живоначальному цветению, например: «Слезы брызнули из глаз Юльки, словно золотистые дождинки закапали с голубого неба в солнечный день. Мягким и светлым утром умирала Любовь, не успевшая еще народиться». Грозные тучи смотрят в моё окно, но меня нет в комнате, я «В глубинке» слушаю рассуждения Василия: «Куда и када не приди, вся Россия жалится на худую жизнь. Это все одно как засуха: просят, просят люди дождя, а ево нет и нет. Крестный ход заведут с иконами Божьей Матери, глядишь и проклянется дождик-то. Нынче бы тожа крестный ход нужон и не тока с иконами...Но все равно, скока ни мало, а дождь пойдеть!» Я пробую на вкус каждое слово, восхищаясь. А какой подтекст! Дождик-то проклянется непременно!

Я посмотрела в окно, погода утром была не чудная, а средняя, все небо в тучах, но, во всяком случае, без дождя. Даже солнца луч то и дело внезапно выглядывал из-за туч, и вновь прятался за дождевым облаком, и все опять тускло прямо на моих глазах. Пасмурно было и в сердце моём. Сильный отвесный дождь внезапно обрушился на голову. На лицах прохожих - струи дождя. Печаль мою уносит дождь, сквозь шум его отчетливо доносится грустный голос Марины Цветаевой:

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта - как рукоплесканья.
.....
"Я стол накрыл на шестерых"...
Ты одного забыл - седьмого.
Невесело вам шестером.

На лицах - дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть - седьмую...

Передо мною мелькнула её неприкаянная жизнь полная скитаний и лишений, сердце сжалось от слов «... Друг! Дожди за моим окном, // Беды и блажи на сердце... // Ты в погудке дождей и бед -// То ж, что Гомер в гекзаметре.// Дай мне руку - на весь тот свет!// Здесь мои - обе заняты». Сколько ненастных дождей выпало на её долю!

Я люблю ночной дождь, когда он струится как тихая шёлковая музыка, особенно, «когда вдвоем, когда и думать не надо, о чем говорить: само говорится». Так и скачут, и играют слова, как весенний дождь. Такой поток, что Андрей Иванович, герой повести Замятина "На куличках" останавливает меня.

У Замятина дождь весёлый «Вдруг как запрыгают светлые капли, как засверкают. То-то потеха! Набросились на зелёное, шумят, шебаршат: буйную какую-то школу ребяенок выпустили на перемену - и они подняли веселый содом. И опять смотрит солнце - еще яснее: умылось...». Слезы как дождь: «Брызнули... слезы из глаз - как дождь давно жданный летний, брызнули - и высохли в ту ж пору, радость высушила», дождь, как слёзы: «Заслезил дождичек маленький...». Светлый и тёплый дождь Замятина снится мне. Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до него и засмеяться от нестерпимого счастья. «Дождь сразу перестал - как перестает реветь капризный мальчишка, заметив, что на него уже не смотрят».

Я слышу в тишине, как по крыше дождь лепечет, ноет и стенает. Всю «ночь и идет дождь, мелкий дождь, шепчущий, неодолимый. Он шуршит за стеной, передо мной в окне висит единственная звезда». Дождь у Исаака Бабеля в рассказе «Старательная женщина» так созвучен моему ны-

нешнему настроению, что я, забывая обо всём, следую за автором. Слова ведут меня туда, где «низкое небо было изборождено тучами, налито мраком и дождем. Речь героев Бабеля «сыпется, как летний дождь». Дождь у него печальный созвучен жестокому перевороту, который чёрной тучей накрыл окружающий мир летней тяжёлой грозой, опрокинувшейся на него потоками чёрной воды.

Дождливый Чехов передаёт состояние героев, когда тоска на душе, то и погода пасмурная, и тучи небо заволакивают, и ветер гуляет, поднимая пыль и мусор с земли. Когда на душе - серость, хмурость, подавленность, тогда солнце прячется за облаками, хмурятся деревья и воздух, стены домов и церковей принимают бурый, печальный цвет. А вот в «Дуэли»: «Пока в духане происходил богословский разговор, Лаевский ехал домой и вспоминал, как жутко ему было ехать на рассвете, когда дорога, скалы и горы были мокры и темны и неизвестное будущее представлялось страшным, как пропасть, у которой не видно дна, а теперь дождевые капли, висевшие на траве и на камнях, сверкали от солнца, как алмазы, природа радостно улыбалась, и страшное будущее оставалось позади». Вокруг так серо, тускло, безотрадно, хоть огонь зажигай. Вместе с Чеховым томлюсь серыми буднями российской жизни, нестерпимо хочется солнечного тепла и света.

Настроение моё сегодня такое же, как у героя рассказа Булгакова «Морфий»: «Дождь льет пеленою и скрывает от меня мир. И пусть скроет его от меня...». Минуло немного меньше века с той поры, как юный врач Булгакова записал: «Целыми днями и ночами лил дождь, и капли неумолчно стучали по крыше, и хлестала под окном вода, стекая по желобу в кадку. На дворе была слякоть, туман, черная мгла, в которой тусклыми, расплывчатыми пятнами светились окна фельдшерского домика и керосиновый фонарь у ворот...». Под всхлипывания косога дождя смотрю на бук-

вы, которые складываются в дождь. Это просто волшебство какое-то! Мысль о том, что вся великая литература состоит из дождя букв, поражает меня.

Я страстная чёрная дева скрываюсь от жара вождя. Под моими «ногами верблюдов сплетение тел, дождь отравленных копий и стрел». Раскалённое солнце пустыни преследует меня, но внезапный гром и струи дождя остужают любовь. Открываю глаза. Вижу капли на стеклах судьбы. Небо в тучах висит надо мной, как шинель пехотинца. Зеркалами объята душа, отражая века и пространства. Миг волнения угас. Дева чёрная стала белее прозрачного снега. Волшебство превращений диктуют «веселые сказки таинственных стран» Гумилёва. Только крылья любви поднимают над миром угрюмым, только пламенный дождь возвышает до звёзд человека.

У Достоевского даже если нет дождя, то всё равно ощущается сумрак. Несчастные герои моknут под проливными дождями мрачных обстоятельств, повязанные родственными связями, фанатичными идеями, психическими расстройствами. «...надвинулись со всех сторон страшные тучи; ударил гром, и дождь хлынул, как водопад. Вода падала не каплями, а целыми струями хлестала на землю. Молния сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение каждого зарева». Очистительная гроза преображает Раскольникова. Он ощущает прилив освобождения от любой душевной тяжести. Эта гроза послужила толчком к раскаянию.

У Кувалдина дождь шумит метафорой: плачет шиповник, лепестки которого сыплются на темно-зеленую траву от удара капель по лепесткам; серебряный дождь переливается в свете прожекторных лучей вверху сцены на черном фоне задника; «звучание голоса Рейнгольда напомнило шум дождя». Волны проливного дождя сильно застучали «по крыше, черной "эмочки", стоявшей у ворот», когда у

Евграфова, персонажа романа «Философия печали», горько щемило сердце, «а на душе было непогоже и сумрачно, как в дождливый осенний день...». Я иду по «Улице Мандельштама» и слышу, как Осип Эмильевич говорит Кувалдину: «Стало быть, мы умрем - дождик будет за нас жить... Будет движение - будет и жизнь: как же можно было бы тогда объяснить движение галактик или поведение цефеид, например, которые постоянно пульсируют, сжимаются и разжимаются под действием противоборствующих сил... Нас не будет, но будет движение, борьба, а значит, жизнь...».

Набок Набоковым свалено небо. Рушилась ночь за окном, «дикое, бледное блистание летало по небу». Стоило мне подумать о том, что у Набокова дождь перекошенный, тревожный, как именно гроза с молниями на полнеба переворачивает всё вверх дном. Ливень не унимался. А вот «Пасхальный дождь»: «Жозефине казалось, что дождевая прохлада течет по ее жилам, она не могла оторвать глаза от струящегося неба - и дышащий, млеющий дождь был так приятен, так умирительно вздрагивал лист, что захотелось ей смеяться, смех наполнил ее, - но еще был беззвучным, переливался по телу, щекотал небо - вот-вот вырвется сейчас...».

За окном дождь постепенно стих, а на востоке появилась ослепительная полоса.

Дождь у Белого такой же смутяня, как и события, происходящие в романе «Петербург». Дождь бьётся о стены, о стекла. Толпа «...разревелась... миллионами живых заклинающих голосов!» Иносказательность и многозначность страшных событий, происходящих на пространстве Невы, погружают в водоворот времени. Я вижу бледно-серую гнилость на краю земли. Наступил конец бесконечности. Это сквозь серость и гнилость уже что-то шептал ядовитый октябрь. «Ударяя о стекла слезами и ветром; и

дождливые слезы на стеклах догоняли друг друга, чтобы виться в ручьи и чертить крючковатые знаки слов; в трубах слышалась сладкая пискотня ветра, а сеть черных труб, издавна-далека, посылала под небо свой дым. И дым падал хвостами над темно-цветными водами...». Андрей Белый предвидит, как «раскидается холодная свистопляска - по полям, по лесам, по селам, чтоб гудеть, нападать, хохотать, чтобы градом, дождем, гололедицей искусывать лапы и руки - птиц, зверей, подорожного путника, опрокидывать на него полосатые бревна шлахт-бау-мов... обнаруживать бездомность и бесконечность пути и протягивать мрачные сети из реющих мороков...». Я от Белого делаюсь чёрною в диких воплях чухонских болот.

Старенькая Фокина окружена поэзией дождя. У экрана, в мягком кресле, с чашкой кофе.

У Арсения Тарковского дождь окрашен поэзией чувств, живой «дождь бежал по глиняному склону, гонимый стрелами, ветвисторогий...». Любовь настагает нас вне всякой зависимости от места и времени в самый неожиданный день и час. Если встреча состоялась в ненастный день, то он тут же преображается в день, озарённый светом, а сквозь «капли дождевые», как у поэта в «Ночном дожде» виднеются радуги «вокруг неярких фонарей», как вестники близости любимого человека. День этот память хранит, как особенный, полный тайных знаков. Дождь Тарковского в этом стихотворении светлый, пронизанный грустью неотвратимого расставания.

...Как слёзы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я ещё не знал, какие
Безумства мы переживём.

Я голос твой далёкий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,

И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

Стук каблуков за дверью отвлек Фокину от дождей. И до чего же сильно стучат женские каблуки! Из дерева или металла их делают? Бывало, идёт Фокина по переулку, а сзади стук. И складывается у старушки такое впечатление, что её преследуют. Сама Фокина носила мягкую обувь, и ходила почти беззвучно. Крохотная беззвучная старушка Фокина увидела в проёме приоткрывшейся двери лицо Маши, из абонеента, с округленными глазами, и сразу догадалась:

- Идут?

- Да.

Было и без того ясно, что надвигается инспекция. По отчетам в библиотеке Фокиной ежедневно бывало до сотни читателей, на самом же деле едва один какой-нибудь чу-дак заглянет.

- Действуем, как обычно, - спокойно сказала Фокина.

И сама взялась за телефон. По звонкам сотрудниц через полчаса библиотека была переполнена читателями: бабушками и дедками, племянниками и внуками, тетками и дядьями, золовками и падчерицами, в общем, всеми родственниками и друзьями библиотекаря.

Проверяющие, в составе трёх человек, как всегда оценили работу библиотеки на «отлично».

В ПРОМЗОНЕ “КОТЛЯКОВО”

- Вы уволены, Боробова!

Этот оглушительный начальственный залп погасил весь белый свет. Узкий коридор сковал сознание Боробовой и вывел к забору.

Даже не возникало вопроса: «За что?!» Как, впрочем, ничего в голове не появилось, только тупая боль беспомощности сверлила сердце.

Наступившее в этом году лето веяло чем-то давно забытым: ранние рассветы, мимолетная утренняя прохлада с запахом полевой свежести, и долгие дни с безжалостным палящим солнцем на фоне ослепительно синего, словно с почтовой открытки, неба, которое терпеливо дожидалось вечера, чтобы стать привычного мягкого неопределенного тона, с серыми и розовыми облаками.

Вдоль бесконечных заборов промышленной зоны плелась Боробова, расстроенная женщина, то и дело обескураженно останавливаясь и шевеля губами.

Боробова огляделась по сторонам и с удивлением увидела, что идёт вдоль высокого из красного кирпича глухого забора, конца которому не наблюдалось. Она встала на цыпочки и вытянула шею, пытаясь увидеть хоть какой-то просвет. Ничего, только крыши неведомых строений, возможно сараев или цехов по ту сторону забора. На противоположной стороне то ли улицы, то ли переулка тоже был забор, но он производил совершенно другое впечатление: какой-то весёлый, светленький, не выше двух метров. Некоторую легкомысленность ему придавали ромбовидные отверстия, примерно в полутора метрах от земли на всём

протяжении забора, и колючая проволока в виде ажурной трубы с вкраплениями, напоминающими звездочки, в которых отражались солнечные лучи, придавая забору даже некоторую игривость.

Улицу пересекали железнодорожные пути.

В голове закрутилась немыслимая канцелярщина, вроде того, что Трудовой Кодекс чётко предусматривает основания для увольнения сотрудников. Если их не соблюдать, то уволенный работник может подать жалобу в инспекцию по труду, в прокуратуру или в суд. По факту жалобы будет инициирована проверка, в ходе которой будут проверены все документы об увольнении. При обнаружении нарушений работник будет восстановлен на рабочем месте, а с работодателя будет взыскана его заработная плата за вынужденный простой, а также штраф за несоблюдение норм трудового законодательства. Поэтому уволить своего работника без объяснения причин работодатель не может.

Сразу вспомнилась мать, наставлявшая: «Никаких объяснений и выяснений, тем более, нигде, никогда ни при каких обстоятельствах не обращаться в суд».

На небольшом расстоянии друг от друга были припаркованы вдоль заборов огромные большегрузные машины со стальными кузовами. По узкой, разбитой грязной дороге то и дело проносились машины, разбрызгивая жидкую грязь из бесчисленных луж. «Как я сюда попала?», - недоумевая, спросила себя Боробова. Голос свой она не узнала, поэтому она испугано посмотрела по сторонам. Дорога была похожа на спираль или даже на лабиринт, выход из которого ей предстояло найти. Вдали за забором на фоне пронзительно голубого неба возвышались четыре высоченные трубы в духе супрематизма начала 20-го века - снизу белые, сверху - красные, словно их раскрасил Казимир Малевич. Из них изящными кольцами вился белый дым.

У железных свежевывкрашенных ядовитой зелёной краской ворот, стояла удобная новая скамейка, на которую она поспешила сесть. Ноги гудели. В этом пустынном месте было на удивление много птиц. Особенно выделялась звучный треск голосов серых крупных дроздов. Боробова прикрыла глаза.

Вот из окошка, вросшего в землю домика с мезонином, машет кружевным платочком тонкая девичья рука, и вдруг, едва не задев, из-за спины Боробовой торопливо выскакивает молодой человек с зелёной папкой под мышкой. От неожиданности она споткнулась, но всё же удержалась на ногах. «Господи, откуда здесь в лабиринте глухих заборов и колючей проволоки он появился совершенно беззвучно? С неба, что ли!?» - пересохшими губами прошептала она, ухватившись за тонкую берёзку.

Напротив берёзки Боробова увидела облупившуюся калитку. Боробова знала, что там есть качели, на которых она, раскачиваясь, наблюдала живописные переливы света и тени, которые создавали пушистые облака, скользящие по небу. Тени прошлого окружили её. В старых переулках детства она вглядывалась в бледные лица людей, которые окружали её. Боробова пыталась вернуться в прошлую жизнь, увидеть себя прежнюю. Она искренне верила, что как только сможет вспомнить ушедшую жизнь, то непременно, поймёт, зачем и почему живёт в этой жизни, нынешней, которую с каждым новым днём понимает всё меньше. Мысли о том, кто она такая - песчинка в космосе или центр мира? Зачем родилась, для какой цели? Ждали её или она случайно родилась? Не давали покоя. Жизнь для неё была вечным поиском. Теми, кто с детства стремился к ясной цели, она искренне восхищалась. Ведь она всё искала себя, страдала от постоянного недовольства собой. Счастлив тот, кто занимается любимым делом. Для этого ещё и характер нужен, чтобы состояться. Она же, как

и большинство окружающих её людей, следовала стереотипу обеспеченной жизни, достатка, да ещё пыталась накопить как можно больше на безбедную жизнь в старости и на путешествия с любимым человеком.

Вот и живёт жизнью песчинки.

Правда Боробова считала себя вполне образованной, всегда выписывала «Новый мир» и «Иностранную литературу», любила читать детективы и романы, посещала раза два-три в год театр, на выставках бывала, увлекалась вязанием, стремилась посмотреть как можно больше фильмов на ежегодном кинофестивале.

Вполне насыщенная жизнь.

Что ещё нужно для счастья? Лишь бы все родные и близкие были здоровы! Так и жила, старалась никого не обижать, ни с кем не ссориться. Но этого оказалось недостаточно. Предательство, обиды, ссоры, взаимные упреки сами находили её.

- Вы уволены, Боробова!

Боробова не обращала внимания на слухи о сокращении численности работников предприятия и сокращение должностей. Ей казалось, что это её не касается.

Боробова очнулась и продолжила бессознательное движение вдоль заборов, надеясь увидеть остановку автобуса или выйти к жилым домам. Но на табличках с названием улиц и переулков всё время главенствовало слово «Котляковский», 1-й или 2-й переулок, либо «Котляковская» улица, либо проезд. Котляковский каскад, из которого выбраться невозможно.

Ноги вели по промзоне, а Боробова продолжала размышлять. «Как же долго я была игрушкой в руках, как только теперь выяснилось, абсолютно посторонних людей, считая себя обязанной откликаться на все их просьбы, выслушивать обиды и пытаться склеить разбитое корыто родственных уз. Чувства неоплатного долга перед ними

не давали покоя мне, но я не сомневалась в том, что и они испытывают их. Кто виноват в этом?» - она остановилась, подняла голову, разглядывая ветки липы, которые пробились сквозь колючую проволоку и ответила: «Я! Только я виновата в том, что со мной происходит! Только жаль, что, прожив полвека, я поняла это сейчас. Но с другой стороны, всё, что происходит в жизни, есть случайность, даже тогда, когда ты с непоколебимой верой идешь по прямой ровной дороге, и обнаруживаешь, что нет никаких в жизни прямых, а есть только вращение по орбитам без достижения цели, хотя случайный луч совпадения, соединяет в жизни одного с другим, это не случай, а судьба. Каждый раз, влюбляясь, я не сомневалась в том, что это - на всю жизнь? И ошибалась! Почему? Кто в этом виноват? Теперь-то я понимаю, что - оба. Когда я переходила на новую работу, то радовалась новым знакомым, новой жизни, непохожей на прежнюю? А когда привыкала к этим людям, вновь разочаровывалась. Сначала в одном человеке, затем в следующем, потом стали безразличны многие, а другие остались такими же незнакомыми, как прежде. И только двух-трех человек я могу сегодня назвать друзьями. Так мало...»

Обнаружив, наконец, просвет между заборами, Боробова вздохнула с облегчением и свернула в него. Ноги гудели от усталости. Через несколько десятков метров она увидела большой камень и прислонилась к нему.

- Вы уволены, Боробова!

И ноги понесли её, как случалось почти всегда в минуты сильного расстройств, когда необходимо было просто идти, не разбирая дороги, чтобы успокоить сердце, идти неведомо куда, и сейчас с Варшавки вместо метро она машинально перешла подземным переходом на ту сторону железной дороги, и пошла по длинной улице, больше похожей на какое-нибудь подмосковное шоссе.

Идёт по забору вдоль берега моря. На волнах прыгают солнечные зайчики, как будто кто-то разбросал осколки зеркала, они ослепляют. Боробова опускает глаза на мокрый песок и видит ракушку, вероятно, бывший домик брюхоногого малюска рапана. Мертвая, давно лишившаяся своего обитателя, съеденного более успешным хищником. Истерзанная волнами, изломанная прибоем, с уже обкатанными краями, утратившая цвет перламутра и шум моря, когда-то звучавший внутри, дурнушка эта, напоминала о боли и безысходности, она была такая понятная, своя, что Боробова бережно подняла её и отряхнула от песка. Рапан был своим. Все изгибы, бугорки, даже вымытые водой отверстия, всё такое родное, как будто картинка прошлого. как первая любовь, совсем непохожая на книжную, и полная горького разочарования. Вот тут - семейная жизнь «как у всех». Потери, ложь, предательство... Серая печаль и полное горечи одиночество вдвоем. Эту ракушку нельзя выбрасывать. Это - жизнь, такая, какой она была.

Это был их первых совместный отпуск. Они прибыли в пансионат перед обедом, но решили пропустить его, поскольку в такую жару даже мысль о еде казалась чудовищной. Вторая половина субботы ушла на обустройство быта на новом месте. На следующий день оба проснулись очень рано и решили совершить небольшою прогулку по окрестностям. Солнцу предстоял еще долгий путь к зениту, но оно уже обволакивало их нежным бархатным теплом, предвещающим знойный день и душный дурмящий вечер. На зеленых дорожках парка, вьющихся вокруг ажурной беседки, было тихо и пустынно. Они говорили мало, а потом и вовсе замолчали, шли, держась за руки, словно прислушиваясь к своим мыслям. Это молчание вместило в себя и внезапно охватившее их душевное волнение, и необъяснимую щемящую грусть. Так бывает, когда пророческое чувство скорого расста-

вания без явных причин пронизывает двух любящих друг друга людей.

- Может быть, пойдём завтракать? - чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание, бодро спросил он.

- Давай ещё погуляем, полюбуемся на всю эту красоту. Сколько ещё таких утр у нас осталось?.. - прошептала она.

Он попытался что-то уточнить, но сдержался, услышав пронзивший сигнал тревоги, зазвучавший в мозгу.

- Вы уволены, Боробова!

Теперь Боробова вспомнила красавицу, появившуюся ниоткуда и свободно входившую в кабинет президента компании. «Так вот, оказывается, как ларчик открывается!» - стукнула себя ладошкой по лбу Боробова.

Отпуск начался удачно. Вскоре у них сложилась компания из трех пар молодоженов, недавних выпускников различных вузов. После завтрака они отправлялись на прогулку вдоль берега. Дозвониться в Москву в те времена было не так-то просто - из желающих пообщаться с родственниками и друзьями на городском почтамте по вечерам образовывалась внушительная очередь. Боробова с мужем решили отправить родителям телеграммы с подтверждением благополучного прибытия, а также с адресом пансионата.

Чувство тревоги, которое то и дело не отпускало Боробову на уровне интуиции, оказалось, к несчастью, не беспочвенным.

На исходе недели ранним утром в дверь номера постучали. На пороге стоял дежурный администратор с телеграммой для Боробовой. Она автоматически расписалась на каком-то листке бумаги, поблагодарила, но только закрыв дверь, нервно раскрыла бланк и прочитала: «Мама заболела. Тебе необходимо приехать. Лена». Боробова несколько раз перечитала короткий текст, пытаясь понять, почему сестра так категорично требует её возвращения.

Зная, что Лена отличается свойством паниковать по любому поводу, предположила, что ситуация, возможно, не настолько чрезвычайная, и решила попытаться позвонить ей. Но муж не только не стал успокаивать Боробову, а предложил немедленно поехать.

Пророческое чувство скорого расставания вновь напомнило о себе, но она с досадой отмахнулась от него.

- Дорогая, тебе непременно надо собираться и ехать как можно скорее. Я ведь знаю, что ты уже не сможешь спокойно отдышать, поезжай, так будет лучше для нас обоих.

Муж говорил так искренне и убедительно, что Боробова устыдилась своих мыслей.

Она прекрасно понимала, что муж абсолютно прав. Лучше поехать и убедиться в том, что серьезных обстоятельств прерывать отпуск нет, чем мучиться угрызениями совести здесь.

Боробова тяжело вздохнула. Давняя острая боль вновь пронзила сердце. Предательство любимого человека было очевидно, а она не хотела его замечать.

Она медленно шла по узкому тротуару вдоль заборов. За поворотом к ней неожиданно потянулись цветущие золотые шары из палисадника, за которым было вполне симпатичное современное двухэтажное оранжевое здание с окнами и дверями цвета персидской сирени, над дверью которого висела вывеска «Изготовление штор». Дом этот совершенно не вписывался в угрюмый пейзаж, Боробова даже остановилась в недоумении: «Неужели кому-то придёт в голову ехать сюда за шторами, когда подобные ателье есть буквально в каждом районе!?»

Щебетанье птиц было ей ответом. Боробова искала глазами солистов, но их скрывала листва. На ухоженном газоне увлеченно занимались своим делом скворцы, чинно ходили важные вороны, семенили трясогузки, при этом никто никому не мешал. Наблюдая за птицами, она вспомни-

ла, как обижаясь на кого-нибудь, пряталась в укромное место и сидела, мечтая стать птицей и улететь в тёплые края, но представив, как родители и сестра расстроятся, сама, заливаясь слезами от жалости к ним, бежала мириться.

Детские воспоминания всегда вызывали у неё светлые чувства. Боль стихла. Боробова решила зайти в эти «шторы», чтобы выяснить, где находится ближайшая остановка автобуса, но дверь была заперта, и пошла дальше, пытаясь обнаружить выход из лабиринта, в котором она оказалась неожиданно для себя самой под влиянием охватившей её безысходности и мыслей о свалившихся неприятностях. «Вот ведь угораздило тебя нырнуть в эти Котляковские лабиринты, - укоряла она себя, - впредь будешь думать, прежде, чем совершать дурацкие поступки. Сама во всём виновата».

- Вы уволены, Боробова!

Далее её воспоминания о тех далёких днях, которые она считала началом своих потерь, приняли прерывистый характер. Она смутно помнила, как тогда, не заезжая домой, взяла такси и прямо с чемоданом помчалась в Зеленоград. У дверей дома ей навстречу вышла взбудораженная старшая сестра. Со словами:

- Наконец-то!

Она схватила чемодан и ринулась в подъезд.

- Как мама, где она? - с детской надеждой на чудо, вымолвила Боробова.

- Теперь уже всё хорошо, - спокойно ответила сестра.

- Так что же ты подняла панику?

- Почему - панику? Просто я собралась ехать в Карелию с Вадиком, мы уже билеты купили, а у мамы, как назло, случился гипертонический криз, поэтому я решила вызвать тебя, чтобы ты присмотрела за ней.

- А отложить свою поездку на десять дней ты не могла? Я ведь за четыре года первый раз поехала отдыхать с мужем!

- Почему я должна приносить свою личную жизнь в жертву тебе?

- Не думаю, что в данной ситуации от тебя требовалась жертва, просто могла бы проявить понимание и дождаться меня. По-моему, я ни разу не дала тебе повода усомниться в моих искренних чувствах к тебе.

- Началось! - воскликнула сестра. - Как же вы меня достали своими нравоучениями!

- Успокойся! Я уже здесь. Слова тебе не скажи... Мама где?

- Спит, если только ты не разбудила её! Счастливо оставаться!

Сестра порывисто схватила дорожную сумку, собранную в ожидании Боробовой. И хлопнула дверью. Из комнаты послышался голос матери:

- Девочки. Не ссорьтесь...

- Мама, мы и не ссоримся, - сказала Боробова, заходя в комнату. Мать несколько не удивилась её появлению, она привыкла, что младшая дочь всегда появляется в нужную минуту.

До конца отпуска Боробова оставалась с мамой. Муж не звонил. Она беспокоилась, как он там, не скучает ли, отправляла ему через день телеграммы. С каждым днём беспокойство всё больше овладевало ею. А почему? Чего же она боялась? Да того, что ей постоянно снились ловушки! Конечно, отчаянной она никогда не была, что бы там про нее ни говорили. Ей всегда приписывали куда больше характера и силы, чем у неё было на самом деле: обманывали, должно быть, твёрдые скулы, крупный рот и особая мягкость движений. Тревога оказалась ненаправленной. Муж в пансионате влюбился в другую, и ушёл... При этом весьма красноречиво осыпал упрёками за её излишнюю привязанность к родным, заявив, что устал от невнимания и участия...

- Вы уволены, Боробова!

После развода Боробова приняла решение не вступать в серьезные отношения с мужчинами, чтобы избежать новых предательств. Она занялась уборкой с целью избавиться от всего, что напоминало ей бывшего мужа. Когда очередь дошла до безделушек, она обнаружила в лаковой шкатулке рапан, найденный во время их первого и как оказалось последнего совместного отпуска, который развалился на три части.

За день до окончания отпуска, перед возвращением домой Боробова попрощалась с мамой и родными. Мать находилась в прекрасном состоянии духа и вызвалась проводить её до автобусной остановки. В светлом платье, подаренном Боробовой, привычно опираясь на выцветший зонтик-трость с некогда резной ручкой, отполированной за долгие годы не одним поколением членов семьи, мама в свои почти 80 лет выглядела весьма элегантно. За несколько десятков метров от дороги они остановились, обнялись, и дальше Боробова пошла одна, часто оборачиваясь, будто пытаясь объемнее запечатлеть образ самого дорогого ей человека. Мать весело помахивала ей зонтиком и улыбалась с еле заметной грустинкой, которая непроизвольно проскальзывала по её тонким губам, такой она запомнилась Боробовой. Через неделю мать умерла...

Кадры их прощания, часто и явственно возникали в её сознании.

Боробова пыталась разыскать сестру, но та, в отличие от неё, никогда не сообщала, где будет отдыхать. Муж даже не ответил на телеграмму, так она осталась одна со своим горем.

Сестра же, после возвращения не только не поддержала её, а, как обычно, предпочла играть роль обиженной. Постепенно они и вовсе перестали общаться.

Боробова вновь переживала смерть матери, предательство мужа и равнодушие сестры, как будто это было вчера. А ведь прошло уже несколько лет.

Но, как известно, после серой полосы, судьба непременно дарит полосу светлую.

Боробова встретила человека, в котором почувствовала родного человека. Валерий тоже выделил её из множества сотрудниц в первый же день прихода на работу. Они понимали друг друга с полуслова и взгляды их во всём совпадали. Судьба подарила им благополучное детство и крепкое здоровье, оба они любили литературу, питали склонность к романтике, ненавидели жестокость, злобу и подлость. Объединяло их стремление к тому, над чем безрезультатно стремился расправиться наш измученный век, и что называется затасканным и все-таки самым дорогим словом «счастье».

- Вы уволены, Боробова!

Валерий выглядел несколько необычно: каштановые с рыжинкой волосы, карие с той же рыжинкой глаза, матовая кожа и угловатые, но какие-то очень цепкие движения. Да, и в обаянии ему отказать было невозможно.

Единственное, что вызывало у Боробовой некоторое беспокойство, так это его готовность рисковать. Но его уступчивость как-то облагораживала его безудержную погоню за удачей, придавая безоглядности что-то романтическое, геройское. Однако если бы Боробова попросила его не рисковать, он принял бы её совет без единого упрека. Уступчивость была его главной силой, поэтому она по своей воле делила одно его безумство за другим, он ни к чему не принуждал ее, но и не пенял за отказ. Все десять лет, что они прожили вместе, ощущение нестабильности то и дело беспокоило её. Больше того, она не одобряла в себе этого ощущения, она была не из тех, кто любит судить или осуждать. Важнее всех разногласий была их до нелепости

пылкая влюбленность, необыкновенно долгая, и еще то, что оба они продолжали быть одержимыми, верными, в общем, достойными той любви, в которой признались друг другу десять лет назад, прекрасно понимая, в чем признаются.

В один миг всё рухнуло. Это совершенно выбило почву из-под ног.

Почему именно её Валера оказался на той злосчастной остановке, в которую врезался этот пьяный водитель? Повторяла она один и тот же вопрос. Вот и сегодня она ушла из дому, потому что боялась там сойти с ума, и вот очутилась в совершенно непонятном месте, из которого никак не может выбраться.

Безмерная усталость и жажда прервали её размышления. Острое желание оказаться дома охватило Боробову.

«Мне уже пятьдесят лет, - произнесла она, едва шевеля губами, - сколько раз в течение жизни меня охватывало отчаяние, страх и сплетение нелепейшего бездумного прозябания с безмерными муками в размышлениях о неминуемой смерти дорогих мне людей. Мысли о смерти не покидают меня с того момента, как я, ещё ребёнком, услышав пронзительно печальные звуки оркестра, увидела странную процессию и узнала от соседских ребят, что это похороны, и поняла, что все люди умирают. Я вижу, что кто-то натравливает один народ на другой, и люди убивают друг друга, в безумном ослеплении, покоряясь чужой воле, не ведая, что творят, не зная за собой вины. Я вижу, что лучшие умы человечества изобретают оружие, чтобы продлить этот кошмар, и находят слова, чтобы еще более утонченно оправдать его. И вместе со мной это видят все люди моего возраста, у нас и у них, во всем мире, это переживает все наше поколение. Что скажут наши родители, если мы когда-нибудь поднимемся из могил и предстанем перед ними?»

Тут она сообразила, что пора прекращать истязания воспоминаниями, поскольку тревоги о судьбах человечества, всегда означали, что сеанс самоедства зашёл в тупик. Пора возвращаться в реальность.

Боробова открыла сумочку, достала пудреницу и, придирчиво оглядев себя в зеркальце, припудрила блик на щеке и подбородок, потом подкрасила верхнюю губу и резко, чуть ли не яростно, прижала к ней нижнюю. Сунула пудру и помаду обратно в сумку и, отряхнувшись, дабы сбросить все неприятности, сказала бодрым голосом:

- Еще целых два месяца лета, теплого, светлого, звездного, с дождями и причудливыми облаками, с яркими астрами, с терпко-горьким запахом бархатцев, с золотыми шарами... Прощаться с летом и его дарами еще слишком рано. Будем наслаждаться, купаться в солнечных лучах, любоваться пышной зеленью, молодой оранжевой рябиной, слушать птичий щебет, шорох листвы, детский смех...

- Вы уволены, Боробова!

УВИДЕТЬ МОСКВУ

Племянница из-под Кургана ранним утром с вокзала объявилась. Глаза горят. Первый раз в Москве!

- Тётъ Тая, какие вы счастливые, всю жизнь в Москве!

- Да-а, - только и ответила Таисия Федосеева, опустив глаза.

Полвека столичной жизни промелькнули одним днём. Из подъезда через дорогу завод. В доме продовольственный магазин, в соседнем - промтоварный.

- Ой, здорово! - воскликнула племянница. - Вы всю Москву мне покажете!

Таисия от этих слов даже порозовела. Что она покажет? Как покажет, когда сама нигде никогда не была! Но стыдно было в этом признаваться. Что скажут на родине?!

Таисия, как и муж, была из-под Кургана. Муж попал сразу после свадьбы, а поженились они в восемнадцать лет, служить в Москву. Ну, и после демобилизации остался в ней. С распростёртыми объятями взяли на завод, дали комнату. И стали они с Таисией москвичами.

Оставив племянницу на кухне, Таисия пошла в комнату мужа.

- Лёнь, - обратилась к нему, сидящему с чашкой и бутербродом в руках, и слушающему очередные новости, не отводя глаз от телевизора. - Лёнь, ты слышишь меня? - повторила она, отключив звук.

- Ты чего, Тась?

- Москву, говорит, мы ей должны показать! - и кивнула в сторону кухни. - Вот напасть-то! Что мы ей покажем? Нам-то это зачем?!

- Жили тихо, нет, припёрлась! - с возмущением прошептал Леонид, бывший слесарь-лекальщик.

Простодушная племянница показала в дверях.

- Ну, с чего начнем?

- Прямо сейчас?.. - спросила изумлённо Таисия.

- Да! Прямо сейчас! После завтрака одеваемся и едем!

- Куда?..

- На поезде, «Ласточка» называется. По новому кольцу!
- самозабвенно выпалила племянница. - По телевизору показывали... Хочу живьём!

- Да куда спешить? Успеем ещё!

- Нет, сегодня. Я своим обещала, что на «Ласточке» прокачусь...

Таисия подумала: «Всю жизнь ждала, когда мы сможем с Лёней для себя пожить. А то всё работа, дети...»

Леонид подумал: «Нет, в грязь лицом нельзя ударять... Давай поедem...»

Племянница шествовала впереди и всё время восклицала, вроде:

- Дома какие большие!

- У нас да, дома большие! - соглашался Леонид.

- Москва всё ж, - поддакивала Таисия.

На платформе станции «Автозаводская» племянница усадила Федосеевых в симпатичную электричку «Ласточку», и она полетела по внутренней стороне нового Московского центрального кольца. Впрочем, это новое кольцо - забытая старая окружная железная дорога, которая долгие годы обеспечивала город всем необходимым для его существования. До появления МКАД именно эта дорога была границей столицы. Конечно, за окнами то и дело мелькали всевозможные хранилища, но вот - парк «Сокольники», а вот и «Деловой центр» на «Пресне». Промелькнуло несколько милых пристанционных домиков начала прошлого века. Времена, стили, эпохи проносились за окном. Пле-

мянница то и дело восклицала: «Ой, тётъ Тая! Смотрите, дядя Лёня! Где это мы, дядя Лёня!?»

А Леонид, поглядывая на восторженную племянницу снисходительно отвечал, неопределённо, потому что не имел понятия, где они едут: «Это Москва рабочая, наша Москва».

За окном проносилась Москва советская, даже социалистическая, «будни великих строек»: уродливые металлические гаражи, барачные складские помещения, - одним словом, промзона.

За забором кое-где стояли унылые пятиэтажки, из окон которых открывается вид на заброшенные пустыри. Местами, правда, сохранились пристанционные вокзальчики начала прошлого века, которые хвалились готическими формами.

В этот день за ужином племянница торжественно объявила дяде и тётке, что намерена с ними пройти всю Москву, чем вызвала у них приступ кашля, сменяемый искусственной улыбкой. Леонид попытался умерить пыл племянницы и сказал:

- Ты хоть понимаешь, что говоришь? Москву нельзя всю пройти. Она огромная, её и объехать-то не так просто! Это тебе не по лесу за грибами ходить, здесь и заблудиться недолго.

Племянница тут же извлекла из сумки карту Москвы.

- Я сразу купила. Вот смотрите, чего только тут нет, - племянница, торжествуя, положила карту на стол.

Таисия подумала: «Я ведь живу в Москве почти полувек, а только и знаю, что на работу, к детям, да в гости ездить, а города-то и не видела. А ведь когда только с Леонидом обосновались, то всё собиралась Москву посмотреть. Да всё некогда было».

И вслух сказала:

- И обойдём!

Леонид удивленно подумал: «Какая муха тебя укусила, что-то ты прежде не очень-то гулять хотела».

Таисия подумал: «Гулять! Да мне голову поднять некогда было всё время дети, дом, работа, магазин, дача...»

- Отлично! - утвердила племянница. - Завтра я приглашаю вас в Кузьминки.

- Конечно, в Кузьминки! - поддержал, чертыхаясь про себя, Леонид.

Таисия на всякий случай сказала:

- Ладно, если погода будет хорошая, а то вдруг дождь...

Леонид довольно бодро выпалил:

- Нам дождя бояться нечего, зонты возьмём!

Края дорожек в лесу выложены рыжими булыжниками, любуясь ими, племянница всё время восхищалась, что это совершенно исключает возможность заблудиться. Вдруг племянница заметила вырванные ураганом деревья и остановились, рассуждая о том, как страшно оказаться в разгул стихии среди падающих стволов.

- Это ж надо, какая силища у ветра! - с чувством проговорил Леонид.

Племянница с завидной энергией шествовала впереди.

Вышли к пруду.

Берега недавно укреплены, над водой построены смотровые площадки.

Конный двор. Жилярди. В виде замкнутого каре. Конюшня. Жилые флигели. Музыкальный павильон. Арка. Аполлон с музами. Кони Клодта. Невзирая на мелкий дождик выгуливают лошадей.

Племянница как-то солнечно в ладоши захлопала.

Прямо перед нею оказался фиолетовый огромный глаз с гребнем ресниц серого красавца в яблоках. Под зонтиком они любовались грацией движений.

В парке одиноких прогуливающихся заметно не было. Гуляли семьями, от мала до велика, шумно, с громким гово-

ром, с детскими звонкими криками. Без семьи - как без рук, при этом, непременно, с едой. Шумно, громко разговаривают с полными ртами, перебивая друг друга. Семейство на прогулке - это демонстрация своей силы и монолитности. Когда всё съедено, семейство чинно следует домой, обсуждая меню очередной прогулки. Леонид с одобрением наблюдая семейные трапезы, сказал:

- Вот это я понимаю отдых, а мы ходим, как неприкаянные. Я бы в кафе посидел, съел что-нибудь.

- Кончились наши застолья! - решительно возразила Таисия. - Дома поедим. Нам с тобой много не нужно. Поели!

- Вот это правильно! - согласилась племянница, худощавая и красивая.

Она подошла к лиственнице и нежно погладила пушистые веточки с миниатюрными яркими и нежными иголочками. А увидев четыре пары забавных утят, плывущих за мамой-уткой, зеркально повторяя все её движения, воскликнула:

- Посмотрите на них!

- Ну, ничего особенного... - сказал Леонид.

- Ничего особенного, а приятно, - сказала Таисия.

Племянница расширила кругозор:

- А вон, смотрите, по газону чинно ходят мудрые вороны, деловые скворцы, семят шумные дрозды и трясогузки, суетятся воробьи, при этом никто никому не мешает, как приятно!

- Сколько птичек! - рассмеялась Таисия.

- Тась, ты как маленькая радуешься... - поддержал смех жены Леонид.

Таисия подумала: «Да я жить начинаю!»

Вечером за ужином племянница предложила на следующий день прокатиться по садовому кольцу на троллейбусе.

Леонид чуть не подавился куском селёдки. А Таисия тут же сняла напряжение:

- Ой, родная, какая же ты выдумщица, и как нам хорошо Москву тебе показывать!

Сады, сады, Москва здесь и кончалась. От Курского на «Б» проехали они по внешней стороне кольца, приветствуя незнакомые дома, которые стоят себе спокойно, невзирая на постоянные перемены. Вглядываясь в новые, рассуждая о том, что через несколько десятков лет эти дома будут восприниматься вполне органично.

Леонид шепнул, чтобы не услышала племянница, сидящая впереди, на ухо Таисии:

- Первый раз еду по Садовому кольцу...

- А я, что, второй, что ли?! - смущенно прошептала Таисия.

Ничто не напоминало о некогда цветущих здесь садах.

Так постепенно под руководством племянницы из-под Кургана Федосеевы узнавали Москву.

Впервые в жизни они обошли вокруг Кремля, миновав чёрный памятник Владимиру, спустились к Москве-реке. Ухоженный газон у кремлёвской стены, тротуар и ни одной скамейки, урны. Нет никакой возможности отдохнуть.

А племянница всё идёт и идёт, и ручками машет, и восклицает, и изумляется красоте столицы.

Поднимаясь по Васильевскому спуску Федосеевы поразились сколько же туристов толпится в узких проходах между сетчатыми переносными ограждениями, пытаются подняться на Красную площадь, которая, как обычно, практически, вся в заборах, за которыми собирают очередную сцену, в проходах теснота, толпы недоумённых экскурсантов тщетно пытаются успеть за своим гидом.

- Лёня, смотри, все страны в гости едут к нам... - шепнула поражённая количеством людей Таисия.

- Москв-а-а-а!.. - ответил Леонид.

Едва протиснувшись вдоль ГУМа к Александровскому саду, они полюбовались цветами, а затем поднялись на

Большой Каменный мост, постояли, следя за речными трамвайчиками, прошли в Репинский сквер и отдохнули, наслаждаясь в тишине прохладой и журчанием фонтана.

Вечером к Фоминым зашла соседка, чтобы узнать, почему их не видно. Когда Таисия сообщила ей, что они с мужем племяннице из-под Кургана Москву показывают, каждый день длительно путешествуют по паркам и садам, она недоумённо пожала плечами и со словами: «Делать вам нечего, что ли?» - ушла.

Сад «Эрмитаж» встретил племянницу с Федосеевыми журчанием фонтана в знойный день, услаждая слух и освежая брызгами. Леонид стал вспоминать, как в детстве прыгал с ребятами в речку под Курганом, смеясь и радуясь, промокший до нитки, а Таисия никак не могла налюбоваться розами, которые цвели вокруг.

В саду Эрмитаж появились белые шатры. Фонари, скамейки, урны - все выдержано в едином старинном стиле. Газоны и клумбы искусно оформлены декоративными растениями, с изыскано подобранным сочетанием цветов и оттенков.

Племянница не переставала повторять, как превосходно и мило для глаз украшают город газоны с подстриженными кустарниками и многочисленными цветниками, а затем, посмотрев карту, предложила «старожилам» пройти в Большой Каретный переулок, который находится буквально рядом.

«Где мои семнадцать лет - На Большом Каретном», - напевала племянница, выйдя в переулок и увидев с левой стороны дом с табличкой: «Здесь жил Владимир Высоцкий».

Леонид был настолько потрясён, что стоит именно у этого дома, и всё нахваливал племянницу, за то, что она проявила настойчивость, чтобы осуществить свою мечту - увидеть настоящую Москву.

Они прошли на Цветной бульвар по чудесному проходу, удивляясь деревенским задам московского центра, заросшего лопухами, крапивой, где среди берёз зияли ямы котлованов, не построенных домов обанкротившимися бизнесменами.

Так постепенно от племянницы из-под Кургана Федосеевы узнали, что оказывается, чтобы от Красной площади добраться до Арбата, совершенно необязательно ехать на метро с пересадкой. Достаточно немного пройти пешком. А если идти от Таганки через Язузу, по Солянке к Китай-городу, то можно увидеть сказочные строения старой Москвы. А если пройти от Солянки по Хохловскому переулку и перейти Покровку, то окажешься на Чистопрудном бульваре! Они впервые прошли от Лубянки через Пушкинскую площадь к Арбату и увидели Патриаршие пруды. За эти несколько дней Федосеевы просто влюбились в Москву.

Паутина Москвы, в которую их затянула племянница, постепенно настолько увлекла их, что они уже не могли себе представить ничего более увлекательного, чем ежедневные прогулки. Они прошли всё Бульварное кольцо с его незавершённой, духом старомосковским и особнячками.

Федосеевы уже чувствовали себя настоящими москвичами, поэтому посещение с племянницей, гостьей столицы, Ботанического сада вызвало у них чувство разочарования и удивления, прежде всего тем, что у метро нет никакого указателя о том, в какую сторону следует идти.

Далее они увидели вместо входа пролом в заборе, за которым обнаружили широкую лесную тропу с зарослями крапивы по бокам вместо тропических и субтропических растений.

Что-то не похоже на Ботанический сад.

Наконец, появились стеклянные дворцы.

Следом за племянницей Федосеевы к ним, но охранник сообщил, что эта оранжерея для посетителей закрыта и отправил их в старую оранжерею.

Пришли.

Старая больше напоминает парники приусадебных участков. Убого, тесно, душно. Скорее на свежий воздух. А где же знаменитые розы? За подлеском виднеется площадка, огороженная хиленьким заборчиком. Чахлые цветы, отдаленно напоминающие розы, пересохли без полива. Но Федосеевы сели на скамейку и стали любоваться ботаническим небом. Там всё хорошо. На лазурном пологие красовалось солнце, слегка подсвечивая золотисто-розовыми лучами облака, причудливые фигуры.

- Завтра у нас – Воробьёвы горы! – с задором объявила племянница.

Несмотря на то, что утром небо затянули тучи, Федосеевы смело последовали по намеченному племянницей маршруту.

Рассеянный солнечный свет едва пробивался сквозь плотный слой облаков. Ветрено и неприветливо было на улице.

Со смотровой площадки на Воробьёвых горах перед ними открылся во всей красе великий город! Помимо сталинских высоток появились новые - на Соколе, Пресне и на Садовой-Каретной.

- Зрелище восхитительное! - звонко пропела племянница.

Прогулка по набережной не удалась, поскольку там шли работы по благоустройству. Они пошли в обход по посыпанной гравием горной тропинке, вдоль которой стоят удобные скамейки. Вокруг - чистота и ухоженность, через овраги проложены деревянные мостики. Миновав Андреевский монастырь, не отставая от энергичной племянницы, Федосеевы прошли под Андреевским железнодорожным

мостом и спустились на набережную, благоустройство которой до Патриаршего моста уже было завершено.

На Пушкинской набережной Нескучного сада они сели отдохнуть, а затем пошли по некогда заброшенному Нескучному саду, о котором слышали, но в котором никогда прежде не были, поражаясь: цветникам, дорожкам, мостикам, слушая пение птиц.

- Просто райский уголок в сердце большого города! – с горящим взором выпалила племянница.

Таисия вдохнула аромат роз всевозможных сортов.

А племянница восторженно говорила, что Москва - это не город, а целая страна, в которой столько прекрасных мест и так много парков и зелени, в которых можно отдохнуть лучше, чем каких-то там Турциях и Египтах, куда ещё и самолётом нужно лететь.

На следующий день отправились в Царицыно.

Твои дворцы прекрасны! И день был удивительный! И свет сумеречный! Солнце скрывалось за плотным слоем дождевых облаков, которые обещали вот-вот пролиться, но его так и не было весь этот волшебный день. Городские звуки, утопая во влажном воздухе, смягчались. Макушки деревьев гладили низкое небо. Птицы притихли. На аллеях безлюдно. На деревянном мостике дремлющего пруда Таисия с Леонидом остановилась, вспоминая то далёкое время, когда привезли сюда детей и увидели заброшенный парк, а вместо дворца стояли руины. Как всё преобразилось! Нет ничего удивительного в том, что около дворца и вокруг поющего фонтана толпился народ.

На другой день подошла очередь Сокольников.

Выйдя из метро на станции «Сокольники» племянница растерялась. Куда исчезли невысокие дома, над которыми возвышался Храм Воскресения Христова? Непрерывно оглядываясь, она пыталась увидеть те Сокольники, которые видела в кино и на открытках, дачные Сокольники. Храм

она увидела не сразу на фоне высоких жилых домов, лишь пожарная каланча соответствовала открыточному виду.

В парке племянница спросила:

- Дядя Лёня, а вы бывали здесь в молодости?

Не моргнув глазом, слесарь-лекальщик ответил:

- А как же! - хотя ни разу здесь не бывал, а Тося тем более.

Нет Федосеевы не из тех, кто в грязь лицом падают.

- Неужели это действительно Сокольники! – продолжала племянница, обнаруживая колоссальный разрыв между открытками и реальностью.

В её представлении Сокольники были похожи на таинственный лес с тропинками вместо аллей, были местом уединения и веселья, зимой с катком, ёлками и «Чебуречной». А сегодня это похоже на европейский парк.

В этом парке на танцевальной площадке знакомилась молодёжь. Здесь катались на коньках, здесь делали предложения возлюбленным.

Племянница в своих белых кроссовках шла впереди, а Федосеевы следовали чуть поодаль, держась за руки, по незнакомому парку, в котором всё до мелочей было продумано для удобства посетителей. Прежде всего, они обратили внимание на обилие указателей. Вот, к примеру, Майский просек - вымощен отличной брусчаткой песочного цвета, удобные скамейки, расположенные не вдоль него, а в уютных уголках. Он манит в даль, которой не видно конца, не переставая удивлять. Берега прудов укреплены стальной сеткой с гранитными камнями, а дорожки вокруг - крепкой плиткой. Между деревьями всё расчищено, кусты изящно подстрижены, в самых уединённых уголках разбиты оригинальные клумбы. А розы! О, этот запах и жужжание мохнатых полосатиков, собирающих нектар. Хочется остановить мгновение. Федосеевы присели на скамейку, пение птиц услаждало слух.

Было время, когда их жизнь состояла из постоянных встреч и застолий.

Только ушли одни гости, как приходят другие, а за ними третьи, либо они спешили к кому-то.

Промчались годы, многие растворились, исчезли, только их лица время от времени возникают в памяти.

Таисия задумчиво сказала: «Лёнь, а Лёнь, я даже представить себе не могла, что в Москве можно найти уединённую тишину, такие заповедные уголки природы».

Племянница привела их к пруду.

Отражённые в зеркале воды кучевые облака, рисующие чудные картины белыми узорами на небесном ковре - завораживали.

Смотреть на воду так же, как и на огонь, как известно, можно бесконечно. При этом возникает совершенно невероятное ощущение перехода в другую реальность, о которой они, возможно даже не задумывались.

- Теть Тая, дядь Лёня, а в Измайловском парке вы были когда-нибудь? - спросила племянница.

Никогда, «ни в жисть» Федосеевы там не были, но ответ был предельно утвердительный:

- Разов десять!

Как это только произнёс Леонид, так у Таисии глаза на мгновение выкатились на ладошки, которые она успела подставить, чтобы тут же вернуть очи на место.

- Поехали завтра?

- Давай.

Под руководством племянницы Федосеевы вышли из вагона на станции «Измайловский парк», бывшей «Стадион имени И.В.Сталина», где три платформы и три пути, чтобы вывозить любителей футбола со стадиона, но они об этом не знали. Поднялись по могучей лестнице, вышли на улицу, озираюсь, чтобы понять, в какую сторону идти.

Никакой информации о парке.

Племянница по наитию повела родственников направо, по широкой асфальтированной дороге, окружённой заросшим лесом.

Впереди был слышен мелодичный звон трамвая.

Да, трамвай ходит прямо перед входом в парк. Преодолев ещё одну дорогу, они оказываются на парковой аллее, ведущей к пруду, с обеих сторон которой стоят стройные белоствольные пирамидальные тополя, и увидели белую беседку, напоминающую знойный юг, тем более, что и день выдался на редкость жарким. В аллее тишина, только деревья переговариваются друг с другом, шелестят ещё зелёными, но по краям уже слегка потемневшими листьями. Птиц почти не слышно, изредка они пробежали то перед племянницей, то перед Федосеевыми, чирикавая скороговоркой, как будто спешили сообщить им что-то важное, и исчезали. У большого пруда, в центре которого расположен живописный зелёный остров, они остановились, наблюдая за качающейся на водной ряби чайкой.

- Давайте я вас покатаю на лодке, - предложила племянница.

- Давай, прокати! - хором ответили Федосеевы.

Когда в новостях сообщили, что в Лужниках сдан к чемпионату мира по футболу стадион, племянница немедленно потащила «москвичей» туда. Они вышли на станции «Воробьёвы горы» потому что выход на «Спортивной» был закрыт на ремонт и направились к Лужникам. Бархатный ветерок мягко гладил им спины, но тут из-за поворота выехала, грозно рыча, мощная рыжая машина, страшнее грузовика и подняла пыльное облако. Но препятствия их не испугали, поэтому они всё же добрались до центральной аллеи перед большой спортивной ареной, на которой журчали фонтаны, вокруг было светло и красиво трогательной, болезненной и хрупкой красотой уходящего лета и вкрадчивым приближением осени.

Не спеша вышли на Лужнецкую набережную. Прозрачный, светлый день великолепные дорожки, удобные скамейки и прелестные икебаны из полевых трав и цветов восхитили их. А племянница всё повторяла, что чувствует себя так, как будто оказалась в курортном городе, где всё сделано для людей.

Ноги сами привели Федосеевых под руководством племянницы к Новодевичьему монастырю и обнаружили там параллели аккуратных дорожек вдоль белых монастырских стен, отражающихся шапками плачущих ив в зеркальной глади прудов, живописные изящные мостики между ними. Много скамеек, никаких заборов, вид на Москву-реку, идеальный газон, стриженные кусты и деревья, чистоту и покой. Белые стены монастыря с красными ажурными макушками в сочетании с небом и зеленью выглядели так выразительно, что Таисия уговаривала племянницу не спешить, полюбоваться закатом. Когда зажглись над городом огни всевозможных цветов, она не могла наглядеться на красочно подсвеченные фасады домов, на отражение огней в реке, и всё повторяла:

- Смотрите, как много вечерних огней в Москве! - в очарованье увиденным произнесла племянница. - Мосты парят над рекой, сияя огнями. Светящиеся деревья - это просто сказка какая-то!

Невозможно наглядеться не мастерство величайшего художника всех времён и народов - Его Величества природы! Бесконечная игра света и тени, движения воздуха, времена года, сменяющие друг друга! С одной стороны - непрекращающиеся перемены изображения, а с другой - завидное постоянство из года в год. Высокие деревья, гордо красуются, потряхивая разноцветными листьями на фоне мокрых чёрных стволов. Они как будто бы даже слегка позванивают, нужно только прислушаться: «Осень идёт, осень идёт, улетаем, улетаем, динь-динь-динь...».

Тишину парка нарушает гортанное курлыкание и негромкое мелодичное гоготанье, и над головами Федосеевых с племянницей пролетело несколько рыжих уток с белыми головками и короткими тёмными клювами. Они сделали несколько кругов над прудом и приземлились, да, именно приземлились на газоне, зелень которого подчёркивала их оригинальное оперение. Высоконогие, стройные, каштаново-рыжие с черными крыльями, они похожи одновременно на уток и на мелких гусей. До чего же умны эти утки! Они, облетев пруд, увидели, что у Ротонды Екатерины II стоит малыш в ярком красно-чёрном комбинезоне и крошит хлеб, и вежливо подошли за угощением. Там уже клевали крошки привычные кряквы: яркие с каштановым зобом и зеленой головой самцы и серенькие уточки. У всех на крыле синее “зеркальце” с белыми каёмками. Конечно же, вокруг маленького кормильца суетились воробышки и голуби, но все птицы вели себя при этом вежливо, с достоинством.

Племянница из-под Кургана показывает Федосеевым аллеи Екатерининского парка в обычный день, любуясь бесчисленными оттенками малахита, серебра и золота осени. Во всём наблюдается мягкость, даже утомлённость. Прохладный ветерок по утрам вкрадчиво шепчет о приближении осени. Сама природа готовится отдыхать, как уставший после трудного дня человек. Оперились птенцы, научились самостоятельно добывать еду. Кто-то готовится к дальнему перелёту, а кто-то торопится сделать запасы на зиму. Стаи скворцов прибыли в столицу, чтобы очистить газоны от личинок и насекомых и набраться сил перед дорогой. Запах яблок в садах и парках опьяняет, поскольку - Яблочный спас!

В удивительно прозрачный, тихий день, когда лучи солнца нежно и мягко освещали всё вокруг, создавая поэтическое настроение, племянница прогуливала Федосее-

вых по дорожкам коломенского парка. Они вглядывались в живописные оттенки крон деревьев, в глубине которых кокетливо покачивались, как золотые серёжки, первые пожелтевшие листочки. Макушки пирамидальных тополей переливались серебром. Щебет птиц, бархатный ветерок, пьянящий аромат яблок - райский сад!

Со склона, ведущего в Голосов овраг, они спустились к ручью по невероятной многоярусной, наподобие винтовых, деревянной лестнице, круто уходящей вниз. Склоны оврага покрыты густыми зарослями - даже не верится, что это почти центр Москвы, а не глубокий лес. Небо едва угадывалось в просветах листвы. Какой перепад высоты! Московская Швейцария! Берега Голосова оврага облагорожены. Ручей, протекающий по его дну, обрамлен булыжником. Через него перекинуты каменные и деревянные мостики. По дну оврага они вышли на набережную Москвы-реки, и когда оказалась на ней, то ахнули от восторга. Европейская чистота и ухоженность! Ничего не мешает любоваться рекой, проплывающими утками и чайками. По реке то и дело проходят прогулочные теплоходы. Зеленые полянки, берега со скошенной травой, тротуарами и клумбами.

Там, где река делает поворот, племянница оглянулась и вскрикнула: «Ой, вы только посмотрите, какой вид!»

Над кронами деревьев возвышался пронзительно белый конус Коломенского собора, а в небе парили чайки, и беспорядочно махали крыльями мудрые вороны.

Сенокос в парках Москвы! Запахи свежескошенной травы, как будто идёшь по лугу. Но это московская аллея, пустынная, с ароматом сена. Траву на газонах скосили, но не убрали, и она, подсыхая, навевала Таисии мысли о просторных лугах, уходящих за горизонт, о тихой реке, отливающей золотом солнечных лучей её детства. Сенокос на газонах и в парках Москвы стал привычным, и, закрыв глаза,

увидеть москву

многие городские жители, так же как и она, переносятся в поля и луга, по которым давным-давно не бродили. Они молча шли, держась за руки. Когда племянница удалилась вперёд на значительное расстояние, неожиданно Леонид остановился, обнял Таисию и жадно поцеловал.

Утром, когда завтракали на кухне, племянница вдруг встала, подошла к окну, долго не отводила взгляда от проходной завода, и неожиданно сказала:

- Дядь Лёня, не хочу я домой возвращаться, устройте меня на завод!

ВСТРЕЧА В ПЯРНУ

Эвальд нервно вышел из автобуса на автовокзале Пярну в 13.50. Было отчего нервничать: нужно было достать к пятнице 50 тысяч евро. А сегодня был вторник. Вот он и прикатил из Йыхви по этому катастрофическому делу, и без лишних объяснений, понятно, не требующему отлагательств, чтобы встретиться с человеком, бывшим когда-то его другом, а ныне довольно-таки состоятельным предпринимателем, у которого накануне по телефону попросил о срочной встрече. Как осмотрительные и опытные люди, другой информации по телефону не озвучивали. «Примешь?» - «Приму». Вот и весь разговор. До встречи с бывшим другом оставалось четыре часа. Ощущая безмерную тупость в голове, Эвальд машинально зашёл в кафе, мысли о деньгах и об угрозах тех, кому он был должен их отдать, не оставляли его ни на минуту. Он никак не мог сформулировать просьбу, с которой обратится к бывшему другу об этой сумме. С какой стати тот согласится дать ему такие деньги?! Пока ехал из Йыхви чувствовал, что решение рядом, заложу дом, а потом как-нибудь выкручусь, но теперь он это отбросил, а другого решения никак не мог нащупать. Вся надежда была на свежий взгляд бывшего друга. Но вот тут и возникла закавыка. Люди настолько переменились с неожиданно наступившим капитализмом, что не узнают друг друга, а разговор о деньгах лучше не заводить, особенно с разбогатевшими, у тех и копейку не выпросишь. В задумчивости Эвальд допил кофе и в сильном волнении закурил.

- А у нас не курят, - сказала официантка.

Эвальд извинился, вышел в фойе, накинул плащ, надел клетчатую кепку и пошёл куда глаза глядят, чтобы скоротать время. Он думал о предстоящем разговоре, существо которого со всей очевидностью было недоработано. И опять по кругу: что нужно сказать, какие аргументы привести, что бывший друг выручил? Что речь идёт о жизни и смерти? А приятелю-то какое дело до тебя? Это не аргумент. Мало ли сколько предприимчивых и быстрых людей вышло из игры с разными последствиями! Бизнес есть бизнес, и он не считается с категориями совести и морали. Купил - продай, а не продал - упал. Вот и весь сказ. Иногда в глазах Эвальда при этих «формулах счастья» темнело. «Вот походи и покумекай, - с безвыходной злостью сказал он себе. - Тут тебе никто не помешает, побудь один».

Погружённый в самого себя Эвальд шёл, не замечая ничего вокруг, по уютной улице, на которой каждый дом отличался от другого, рассказывая о предпочтениях хозяев, хвалясь оригинальным дизайном и разнообразными фонарями, которые в пасмурные дни не выключали. На перекрёстке он остановился, встряхнул головой, чтобы хоть на минуту выбраться из психологического клинча, и увидел вывеску парикмахерской и, чтобы скоротать тянущееся черепахой время, зашел постричься, освежить голову. Парикмахер набрал в ладонь жидкого мыла. Вкусный холодок прошел по макушке, пальцы крепко втирали густую пену, когда грянул прохладный душ, сердце у Эвальда ёкнуло, а в голове прояснилось...

Он вышел к морю и пошёл по кромке пляжа.

На берегу было пустынно, он казался бесконечной жёлтой полоской. Вода становилась то тёмно-серой, то почти фиолетовой. На горизонте, где море сливалось с небом, живописно вырисовывались серо-голубые холмы облаков.

Погода стояла переменчивая, вполне соответствуя душевным переживаниям Эвальда, но он опять настолько по-

грузился в свои невесёлые мысли, что ничего не видел и не слышал.

Дул резкий, сырой ветер, нагоняя крупную зыбь. По грифельному небу скользили тучи, оно то темнело, то светлело, а над постоянно меняющимся морем с криками летали чайки. Эвальд же в который раз перепроверял в уме свои аргументы, пытаясь нащупать неопровержимый и спасительный вариант, который ускользал от него, даже когда казалось, что выход из тупика найден.

Две стихии, вполне живые и самостоятельные, спорили друг с другом - небо и море, ветер и волны, не обращая внимания на одинокую фигуру встревоженного человека, словно его и не было во времени и в пространстве.

Когда ветер стихал, то волны, играя белыми барашками, плавно скользили к берегу, порой касаясь ботинок Эвальда. Порывы раздували полы его серого плаща, и сам он, со своим высоким ростом и худобой, шёл, согнувшись, навстречу ветру, не чувствуя его.

Ни моря, ни неба Эвальд не видел, он в очередной раз шаг за шагом восстанавливал в памяти все тонкости своего безвыходного положения, пытаясь подвергнуть их всестороннему глубокому анализу. Но мало что из этого получалось. Тупость, скованность, дрожь. Эвальд привык мыслить широкими категориями. Сиюминутные выгоды в расчёт не принимал, предпочтение отдавал долгосрочным отношениям и обязательствам, как в деловом, так и в личном плане. Его институтский друг был таким же трудоголиком, как и Эвальд. Это вселяло надежду на то, что вместе они найдут единственное и ясное решение проблемы.

Море постоянно менялось, смотреть на него можно было бесконечно. Оно то покрывалось лазурью, то серебром и перламутром, то чернело как перед грозой. Ропот волн уносил печали и горести людей, но не Эвальда. Тихие песни прибой успокаивали, навевая грусть и мечты.

Волны, казалось, объединились в желании дотронуться до облаков и перевернуть небесное пространство, играя, как живые существа.

На гребнях волнующейся воды отражались облака, перемежаясь со вспененными морскими гребнями.

Очарование моря в своих пространствах таило в себе какую-то тайну, но Эвальд думал только о собственном незавидном положении, не замечая ничего вокруг.

Море же продолжало волноваться.

Седая пена, завораживая таинственностью и магической красотой, нашёптывала о неисчерпаемых глубинах жизни.

Море дрожало вечной плотью, потрясая победными волнами.

Шума волн Эвальд не слышал.

Линия горизонта, разделяющая море и небо, посветлела. Солнце едва приметно выглянуло из-за сталисто-синих туч, приближаясь к горизонту. Море же преобразилось, как будто на него внезапно накинули зеленовато-зеркальную мантию, переливающуюся серебром, а небо поражало сочетанием цветов молочного-белого с матовым розовым и голубым.

Шкрики чаек заглушили протяжные гудки появившегося парохода, золотистые огни которого отражались в воде, где бежали неровными грядами вспененные барашки, а сама вода раскачивалась взад и вперед длинными скользящими ямами и, взмывая наверх, завораживалась белыми пенными раковинами.

Но и гудков парохода не слышал Эвальд.

На море можно смотреть бесконечно - оно всегда разное, новое, невиданное, то шумит, то шепчет что-то сокровенное.

Эвальд в страхе идёт по берегу, едва замечая расплывчатый тусклый свет слева, идёт, ступая осторожно, но не смотрит под ноги. В мыслях его возникают нечёткие виде-

ния в виде подсказок, но как только он пытается зацепиться за них, тут же исчезают.

А в это время в другом месте у моря появляется Эльза. Ветер толкает её в спину с такой силой, как будто собирается оторвать и унести туда, куда захочет, но она упорно продолжает идти.

Эльза привыкла к ежедневным прогулкам по самой кромке моря, когда оно дремлет, затканное тонким искристым туманом. Но сегодня с утра ветер дул с такой силой, что она подумала отказаться от прогулки, но ноги сами понесли её к морю. Если предписаны необходимые ежедневные прогулки, дабы выйти из болезненного кризиса, то нужно идти.

По дороге на пляж Эльза наблюдала забавную картину - на осеннем живописном газоне, усыпанном кленовыми, берёзовыми и дубовыми листьями стоял небывалый птичий гомон, волнение и суета. Что такое?! Грачи, грачи собирались лететь в тёплые края, чтобы там, на солнце пережить холода. День был серый и облачный. На фоне гонимых ветром облаков стаи грачей резвились в воздушных потоках, как бы ласкаясь и прощаясь с родными местами. Они производили впечатление разумных, деловых и серьёзных птиц, понимающих опасность и ответственность предстоящего пути.

Прогулки неизменно помогали Эльзе в борьбе с болезнью. Мысли сменяли друг друга помимо её желаний. Погружаясь в глубины сознания, она пыталась разобраться в причине тревоги, которая не оставляла её с самого утра.

Эльза шла, не чувствуя ни усталости, ни времени.

Чайки кружились на мелководье справа от Эльзы. Она попыталась разглядеть, что их так тревожит, но ничего не увидела, кроме морской пены.

Порыв ветра чуть не сорвал капюшон с её головы. Эльза остановилась и поправила его, потеряла холодные пальцы,

достала из карманов перчатки и надела их. Когда она подняла глаза, то увидела высокого сутулого мужчину в клетчатой кепке, лицо которого было плохо различимо в тени козырька и высоко поднятого воротника плаща. Он шёл ей навстречу.

Непонятное волнение охватило Эльзу. Она остановилась.

- Идёт какой-то человек навстречу, что ты остановилась, - сказала она вслух, но ветер унёс её слова. - Что ты встала?

Фигура в клетчатой кепке приближалась, не обращая на Эльзу никакого внимания. Что-то в ней дрогнуло, и тут же она узнала Эвальда.

Эльза сделала несколько шагов навстречу.

- Эвальд!? - изумлённо произнесла она.

Но он, по-видимому, её не услышал, поскольку был совершенно отстранён.

Расстояние между ними сократилось буквально метров до трёх.

- Эвальд! - громко сказала она. - Ты как здесь?

Он тряхнул головой и остановился...

- А?

- Не узнаёшь? - спросила она и сбросила капюшон.

Он некоторое время вглядывался в её глаза, как бы приходя в себя, и с каким-то испугом проговорил:

- Эльза? Как ты?

- Я хорошо... Ты как?..

- Тоже...

Ни одного лишнего слова. Пауза.

Невольно Эльза перенеслась в далёкие годы ожидания и переживания своей первой любви с Эвальдом, первые признания, первая попытка создать семью, первые обиды, ссоры и незабываемые примирения.

Шёпот моря, шум чаек перенесли её на десять лет назад.

Эльза с Эвальдом познакомились осенью в Йыхви, где она пыталась начать самостоятельную жизнь вдали от родителей. С той поры это время года было особенным для неё. Тогда она даже и предположить не могла, что любовь есть самое коварное чувство, которое выбивает почву из-под ног у многих женщин.

В ту пору, практически, всё время Эльзы состояло из бесконечного общения. И она искренне считала, что в жизни иначе и быть не может. Постоянные разговоры на работе, в дороге, со знакомыми, бесконечная болтовня по телефону, с родителями и подругами, поздними вечерами, занимали всё её время.

Когда они шли, держась за руки, высокий, худой Эвальд с суровым выражением лица, и крепкая, приветливая Эльза, которая едва доставала до его плеча, рядом с ним, окружающие невольно улыбались.

В течение первых двух лет совместной жизни они с Эвальдом ходили всюду вместе, особенно им нравилось бывать в магазинах, в которых выбирали только то, что нравилось обоим.

- Тебе нравится это кофточка? - спрашивала Эльза.

- Очень! - соглашался Эвальд.

В кулинарии первым спрашивал Эвальд:

- Возьмём антрекоты или эскалопы?

- Антрекоты из говядины, - говорила Эльза и с чувством добавляла: - Нет ничего вкуснее! А эскалопы, наверно, здесь из свинины...

Эвальд спрашивал у продавца:

- Эскалопы у вас из какого мяса?

- Из свинины, - отвечал продавец.

- А антрекоты? - уточнял Эвальд.

- Говяжьи, - отвечал продавец.

В выходные и праздничные дни они принимали гостей, либо сами спешили в гости. На вопрос Эвальда о том, не

устаёт ли она от пустой траты времени, Эльза с удивлением отвечала, что нет, не устаёт, а наоборот - счастлива.

Любовной страсти они отдавались самозабвенно, не выключая телевизора, по которому играла музыка или что-то бубнили о необычайных, судьбоносных событиях, в которых, казалось Эльзе, она и есть главное действующее лицо, и сама жизнь в любовном порыве на широком диване подтверждала это.

О том, что любовь - это сочетание страсти, нежности, готовности принимать любимого человека в любых ситуациях, уважение к его внутреннему миру, она не догадывалась, поскольку была уверена, что Эвальд принадлежит ей безраздельно так же, как она - ему.

Она всячески украшала их съёмную квартиру.

Увлечлась пэчворком.

Научилась создавать объёмно-пространственные композиции. Оригинальные покрывала, скатерти, одеяла, подушки, искусно сшитые Эльзой из лоскутов, поражали всех, кто приходил к ним в дом, кроме Эвальда, который её стараний не замечал.

Он большую часть времени проводил на работе.

Эльза всё чаще плакала от обиды, всё чаще переходила на упрёки, на которые он постоянно отвечал, что она пытается лишиться его смысла жизни - работы и внутренней свободы, не потерпит психологического давления ни от кого. Больше всего Эвальда изматывали упрёки и обвинения.

Внимание и заботу Эльзы он воспринимал как тотальный контроль. Он всё чаще повторял, что она перекрывает ему кислород, не оставляя личного пространства. Она же пыталась убедить его в том, что всё делает для создания счастливой семьи. Да ещё при этом она повторяла, что ради него готова на любые жертвы, но не может смириться с особенно доверительным отношением Эвальда к «лучшему другу», для которого он готов на всё, жертвуя её интереса-

ми.

Так в постоянном противоборстве они прожили не многим более двух лет.

Как-то раз она завела разговор о том, что им пора задуматься о детях, чтобы было кому подать стакан воды на старости лет. Как только она произнесла это, не придавая сказанному большого значения, просто к слову, как Эвальд разразился монологом:

- Я так не думаю! Каждый новый человек приходит в мир, чтобы состояться как личность и прожить свою жизнь. Он никому ничего не должен, ребёнку следует объяснять, что он - свободен, как птица, а это очень ответственно.

Его необходимо любить, уважать, ежедневно интеллектуально развивать, поддерживать, своим примером учить добру, воспитывать потребность в творчестве, тогда он, повзрослев, будет так же относиться к близким и окружающим, но не потому, что он должен, а потому, что это естественно для любого воспитанного человека.

Больше всего Эльзу обижало то, что Эвальд не торопился делать ей предложение, когда же она в пылу ссоры упрекнула его в этом, он ответил, что им пора расстаться. Эльза попыталась объяснить, что совсем не это имела в виду, но он вышел и хлопнул дверью.

А она никак понять не могла, почему он стал придирается к её словам. Её ожидание счастливой семейной жизни потерпело крах.

Эвальд не пришёл ночевать. Эльза, мучимая обидой, смешенной с ревностью, всю ночь простояла у окна. «Что его так разозлило, - повторяла она, - наверное, чувство вины, потому что он мне изменяет».

На следующий день она попыталась поговорить с ним на работе, но он отказался выяснять здесь отношения и предупредил, что в ближайшие два дня будет очень занят.

В их отношениях наступил кризис, который они не сумели или, как считала Эльза, Эвальд не захотел преодолеть.

Эльза переживала, пытаясь понять, куда исчезла любовь, как вернуть её? Когда слёзы высохли, она пришла к выводу, что не стоит тратить драгоценное время на то, что спасти невозможно.

Так и не дождавшись возможности поговорить с Эвальдом, она уволилась, и уехала к родителям в Вильянди.

Больше они не встречались.

От общих знакомых она знала, что он сделался успешным бизнесменом.

Эльза же была убеждена в том, что лучше быть женой и матерью, чем хорошим предпринимателем. «Бизнес не обнимет и когда-нибудь выбросит тебя за ненадобностью, тебя оттеснят хищные молодые. Ничего нет лучше семьи, лучше детей и внуков, и конечно, надежного любящего мужа, - думала она, мечтая создать семью, быть любимой и счастливой.

После разрыва с Эвальдом, через несколько месяцев, Эльза пришла с отцом в страховую компанию в Вильянде, чтобы переоформить страховку на дом, доставшийся по завещанию от бабушки в Пярну, и там познакомилась со своим будущим мужем, который заведовал отделом в страховой компании.

Молодой человек окружил её вниманием и заботой и буквально через три месяца сделал предложение, которое она приняла, оценив по достоинству его основательность и надёжность, и рассудив, что лучше быть любимой, чем ежедневно добиваться внимания от любимого самой. Вскоре они переехали в Пярну.

Переосмыслив на расстоянии крах своих надежд, Эльза дала себе слово, что отныне никакие жизненные перипетии: любовь, измена, несчастье, разочарование не выбьют её из той системности жизни, которую она сама выстрои-

ла. «Любовь самое коварное чувство, которое выбивает почву из-под ног у многих женщин, поэтому в отношениях мужчины и женщины самое важное не сама любовь и страсть, а взаимное уважение», - убеждала она себя.

«Всё, что произошло в моей личной жизни раньше, - думала Эльза, - всё это ушло в копилку жизненного опыта. Я ни о чём не жалею, потому что, благодаря ему, научилась отличать сладкую ложь от горькой правды и понимать, что такое настоящее отношение мужчины к женщине».

Скоро Эльза убедилась, что сделала правильный выбор. Муж относился к ней уважительно, заботливо и бережно.

«Именно с уважения к женщине должны начинаться близкие отношения между людьми. А уже потом может возникнуть то, что называют любовью. Искорки страсти со временем угасают, а вот уважение остается навсегда», - думала Эльза.

Опираясь на свой опыт, она повторяла: «Вот только со здоровьем разберусь, а всё другое у меня есть. Наберусь сил, энергии. Надо только каждый день ходить вдоль моря. Уже есть независимость от родителей и некая внутренняя зрелость - можно уже ничего им не доказывать. Есть понимание, чего я хочу, что мне нравится. То есть я уже знаю себя. Есть голова на плечах - уже думаю о последствиях своих действий. В общем, много чего могу и умею».

Крики чаек и протяжные гудки парохода вернули Эльзу к внезапной встрече с Эвальдом.

Прежде гладкая поверхность моря покрылась рябью от сильного ветра.

Море потемнело, но там, где пробилась редкие солнечные лучи, они отсвечивали как солнечные зайчики в осколках разбитого зеркала.

Плавно спешащие куда-то облака безмолвно пронеслись над серебристым морем. Игра света преображала тёмно-серый цвет в розовато-белый...

И вот встреча...

Эльза шла рядом с Эвальдом.

«Да, десять лет назад у меня с этим человеком был роман», - с волнением подумала она.

Они шли, не зная, о чём говорить.

Бывает...

В голове Эльзы вихрем пронеслось: «Нити судьбы моей, такие разные, постепенно соединяются в один клубок. Сколько раз в течение жизни я сбрасывала кожу, меняла своё отношение к окружающим меня людям. Ведь пришлось пройти мне нелёгкий путь, прежде чем я смирилась с тем, что окружающий мир никогда не будет вращаться вокруг меня. Что это я должна научиться строить уважительные отношения с ним. Процесс понимания был болезненным, несколько тёмных нитей я вплела в судьбу свою по собственной глупости и неопытности, но и эти нити обогатили мою душу бесценными переживаниями. Именно благодаря опыту жизни с Эвальдом, я стала особенно ценить сдержанность мужа. Полюбила тихие семейные вечера, когда каждый занят своим делом». А вслух она спросила:

- Не ожидала тебя встретить здесь...

- Я приехал по делам...

- Ты в порядке?..

- В общем, да...

- В полном?

Он мрачновато качнул головой, а затем спросил:

- А ты... как здесь?

- Я живу в Пярну... С мужем...

Эвальд почти равнодушно ответил:

- Я рад...

- А ты!.. У тебя есть кто-то?

- Женат...

- Дети?

- Да... Близнецы... Дочки...

- Сколько им?

- Что сколько?

- Лет...

- Пять...

- А моей дочке уже восемь лет, а сыну - четыре...

Эвальд никак не отреагировал на её слова. Он опять думал о своём незавидном положении. Эльза, заметив это, неожиданно для себя выпалила:

- Ты всегда сам в себе!

Но Эвальд, казалось, не слышал её. Эльза посмотрела на его незащитную фигуру, как ей показалось, и подумала о том, что этот совершенно посторонний человек не похож на того уверенного Эвальда, из-за любви к которому она так страдала.

Фиолетовые тучи то затягивали небо, едва не касаясь воды, то внезапно открывали голубые окна, манящие туда, в неведомый и недостижимый заманчивый мир. Эльза вглядывалась в синеву, наблюдая грациозный танец чаек.

Она вспомнила, как когда-то Эвальд, смеясь, объяснял ей что, когда не знает, что сказать, говорит первое, что приходит в голову, пусть даже это звучит нелепо. Никогда не пытается удивить кого бы то ни было умной мыслью. Экспромт возникает внезапно, на высокой звенящей ноте, как бы сам по себе. Это сродни озарению. Всё значительное в молодости происходит экспромтом.

Она сделала глубокий вдох и сказала как можно громче:

- Мой муж говорит, что счастлив со мной. Мы растим дочь и сына вместе. Мы не только - пара. Мы действительно близкие люди и дорожим нашими отношениями...

Эвальд ничего не ответил.

Эльза остановилась и посмотрела на него, а он, кивнув ей, резко повернулся и быстрым шагом двинулся от моря в сторону города.

встреча в пярну

Зеленовато-жёлтое море волновалось и шумело, вода под напором ветра наливалась свинцовым оттенком, а гребни волн казалось вот-вот коснутся низкого неба.

Приедается все,
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
И годы проходят
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь, и сводишь на нет...

Казалось, что в глубине души Эльзы притаилась невероятная, сокрушительная мощь, которая вот-вот разыграется в полную силу. Когда солнечный свет пробивался сквозь облака, волны моря переливались живыми цветами, а когда светило являлось без помех, играло как драгоценные камни: тут и оттенки изумруда, и сдержанный блеск топаза.

КОЛЬМ

Одиночество сводило Илле с ума.

Она часами неподвижно стояла у окна, тупо пересчитывая прохожих за окном. Бесконечно рассматривала в альбоме карточки, которых было не так много, поскольку отец считал, что сниматься в фотографии - это напрасная трата денег.

Только когда в доме естественным образом заканчивались даже крупы, Илле неохотно выходила в ближайший магазин, покупала всё, что нужно и спешила домой к своему одиночеству, от которого хотелось выть, но как избавиться от него, Илле не представляла.

Так монотонно продолжалось до тех пор, пока однажды не раздался звонок в дверь. Илле притаилась. Звонок раздался вновь, уже более длительный, тогда она с тревогой подошла к двери и спросила:

- Кто там?

- Да это я... Марта... Соседка с четвёртого этажа. Откройте, пожалуйста...

Илле, помедлив, открыла дверь.

- Что-то случилось? - спросила она тихо, глядя сначала на джинсы, затем на толстый свитер, а потом уж на встревоженное лицо Марты.

- Извините, что я вас побеспокоила, - перехватив взгляд Илле, сказала Марта.

Илле плотнее запахнула халат.

- Не извиняйтесь, Марта... Я вас слушаю...

Чувствовалось, что Марта смущалась говорить о своих проблемах.

- Тут, понимаете, такое дело... но я подумала, что вы можете...

- Чем я могу помочь? - с едва уловимым испугом спросила Илле.

- Да, если будете так любезны...

- Так говорите же! - сказала Илле, едва сдерживаясь.

Марта замялась на некоторое время, затем произнесла:

- Мне тоже было одиноко, когда я осталась одна...

- И что же...

Запах любимого лимонного печенья разбудил Илле, и она, потягиваясь, подумала о том, какое это трогательное счастье, когда дома так вкусно пахнет, а это значит, что сегодня выходной, семья в сборе и мама готовит воскресный завтрак. Илле накинула халат, надела тапочки и распахнула дверь комнаты. Запах печенья бесследно исчез. Тревожная тишина вернула её в действительность.

Печальные события последних дней нахлынули на Илле.

Она вновь вспомнила тот злосчастный день, когда они с отцом пытались перейти Нарвское шоссе. Слева в их сторону двигалась машина, совсем не так уж быстро, но Илле всё же остановилась, чтобы её пропустить, отец же, неожиданно ускорив шаг, торопливо пошёл через улицу, но пройдя несколько шагов, опомнился, растерялся и метнулся назад, к тротуару. Илле, заметив его судорожные движения, кинулась поддержать его. Следующие действия их и водителя были вызваны скорее шестым чувством, и шестые чувства обоих пошли параллельно, отличаясь друг от друга лишь долей секунды: сначала движение шофера, а потом - движения Илле и её отца.

Получалось так, будто бы водитель убежал от пешехода, который старался во что бы то ни стало попасть под него, и машина, уже сбавившая скорость, несильно ударила отца. Он упал. Илле, вскрикнув, склонилась над отцом. Води-

тель выскочил из машины, подбежал к ним. Казалось, что машина слегка коснулась отца Илле, и всё закончилось благополучно, но шок, который испытал восьмидесятилетний отец, стал причиной инсульта. Через две недели отец умер. Илле осталась одна.

- У меня Руна... собачка... маленькая... той-терьер... американская... оценилась недавно. Двоих я отдала, а третий, мальчик, остался... Чудесный мальчик... Кольм... - Марта посмотрела на Илле, пытаясь понять её реакцию, но лицо Илле было безучастно. - А я вынуждена лечь в больницу на несколько дней...

Илле до конца не могла включиться в то, что ей говорила Марта, явившаяся, казалось, из другого мира.

Илле родилась, росла и жила в Таллине. Её отец работал сварщиком на судоремонтном заводе. Мать - в заводской столовой на раздаче. Внешне крупная и плотная Илле с тонкой ниточкой губ,

светлыми бровями и ресницами и широким плотным носом производила впечатление женщины уверенной, с твёрдым характером, но в действительности ей были свойственны сомнения и нерешительность.

Что это за женщина стоит перед нею и что-то говорит? Илле никак не могла выскочить из своего одиночества.

Характер у Илле был противоречивый: с одной стороны, отзывчивая, добрая и послушная с родителями, она, в то же время была упряма и замкнута с остальными, пустые разговоры не любила, а слушать других не умела, да и не хотела.

Отец же был для Илле непререкаемой высшей инстанцией.

Он не знал, что такое сомнения, в его высказываниях так и сквозила безапелляционность. Ни мать, ни Илле никогда даже в мыслях не позволяли себе подвергать сомнениям его правоту.

Илле как губка впитывала каждое слово отца, доверяя ему абсолютно во всём. Она даже не понимала, что значит принимать решения самостоятельно. В редких случаях, когда оставалась сама с собой, у неё возникали некоторые сомнения, но она в смятении испуганно подавляла их и спешила к отцу, присутствия которого было достаточно, чтобы они рассеялись.

Марта ожидала ответа.

Илле очнулась и сказала:

- Ой, я об этом никогда не думала...

Марта сказала:

- Присмотреть за собаками...

Илле словно не понимала, что говорит Марта.

- Я?.. За вашими собаками?..

Марта сдержанно кивнула, произнеся:

- Выручите меня... Они такие ласковые, весёлые...

С момента потери отца воспоминания, скомканные в клубок противоречий, не давали ни на минуту Илле покоя. Она с детской наивностью недоумевала по поводу того, как и куда исчезла жизнь. Казалось, буквально вчера отец вёл её за руку в первый класс, а когда она вся в слезах вернулась домой и просила родителей не посылать её больше в школу, отец довольно убедительно объяснял ей, что ей, как и другим воспитанным детям, придётся ходить туда каждый день в течение десяти лет. Илле даже представить себе не могла, что это за срок такой - десять лет! Он казался ей невообразимым. Тогда время для неё как будто остановилось. А вот после последнего звонка время стало неумолимо ускоряться. Годы пролетали незаметно один за другим. Илле же сидела на одном месте в бюро пропусков Судоремонтного завода, куда её после школы привёл отец, проработавший там до семидесяти лет. Там же, в столовой трудилась её мать.

Отец уже после сорока лет выглядел старше - глубокие морщины на щеках, тонкие губы, длинный нос, шишковатый, узкий лоб.

Вообще лицо его производило впечатление человека жесткого, напряженного.

Он и был замкнутым, необщительным, но подчеркнута вежливым со всеми, кто его окружал. Только с дочерью, Илле, он вёл длительные беседы, считая необходимым воспитать её в соответствии со своими жизненными принципами, будучи абсолютно уверенным в их исключительной правильности.

Илле нравилось всё, что делает её отец, как и что он говорит. Она так им гордилась и постоянно повторяла матери: «Какое нам выпало счастье быть рядом с таким невероятно разносторонним и умным человеком!»

Такое восторженное отношение к отцу, создавало серьёзные трудности в отношениях с окружающими. Мужчин она всегда сравнивала с отцом, и сравнения эти неизменно разочаровывали её.

В отличие от своих сверстниц Илле не мечтала о встрече с прекрасным принцем, и даже думать не хотела о том, что будет жить отдельно от родителей. Любое внимание со стороны мужчин она категорически отвергала, что беспокоило только мать. Отец такое поведение дочери одобрял.

Он успокаивал жену словами:

- Не о том ты переживаешь! Главное, чтобы дочка не связалась не известно с кем. Посмотри, что это за тип пытается втереться в нашу семью. Он уже одну жену бросил, ни кола, ни двора не имеет, не мужик, а перекасти поле. Никому не позволю обидеть дочь, пока я жив!

Мать же, опустив глаза тихо отвечала:

- Тебе видней, поступай, как знаешь. Да только все уже её одногодки замужем давно.

- Нам все не указ! - отрезал отец.

Илле в подобных разговорах, поддерживая отца, говорила:

- А мне, кроме вас никто не нужен. Я даже представить себе не могу в нашем доме чужого мужика.

Отец на это одобрительно похлопывал дочку по плечу, приговаривая:

- Моя кровь!

Мать всё больше молчала, двигалась по дому бесшумно, как её собственная тень, и на все вопросы и просьбы дочери неизменно отвечала: «Спроси отца. Как он скажет, так и будет».

К тридцати годам Илле была вынуждена признать, что такой мужчина, как отец, в её жизни не появиться ни мысленно, ни физически, никак. «Этого не понять тем, кто не знал, что это такое, когда в твоей жизни есть такой отец, - думала она. - Это счастье, о котором многие женщины даже не мечтают, а я в нём живу. И если у меня оно есть, то я буду его беречь, и никто мне больше не нужен».

Когда мать скоропостижно скончалась на работе от сердечной недостаточности за несколько месяцев до пенсии, Илле делала всё возможное и невозможное, чтобы в доме ничего не изменилось, сохраняя прежний порядок во всём.

Отец представлялся Илле центром вселенной, и она всячески избегала малейших сомнений, пытавшихся хоть в малой степени подорвать её уверенность.

Илле любила не только говорить с отцом обо всём на свете, но и молчать, что она особенно ценила. Илле удивляло, как люди не умеют молчать друг с другом, а у них в семье молчание было наполнено взаимным уважением. Если каждый молча занимался своим делом - это не значило, что он не хочет разговаривать, они всё равно вместе, у них шёл внутренний диалог между собой.

Таллин был родным городом Илле, и она воспринимала его как естественную среду обитания, не замечая его особенной красоты и прелести.

Свеченье мысли, лёгкое такое, ведёт всё время Илле в облака, которых в небе много, но все они молчат.

Семья их жила очень замкнуто. Сами в гости, практически, не ходили, к себе никого не приглашали. У каждого были свои обязанности, которые исполнялись неукоснительно. В доме был идеальный порядок, для каждой вещи было своё место. К вещам относились бережно, ничего не выбрасывали, если же что-то ломалось или изнашивалось, то этому пытались найти другое применение, но, если ничего придумать не могли, то аккуратно убирали в коробку на всякий случай, поэтому квартира за многие десятилетия превратилась в склад, но склад этот содержался в идеальном порядке, а вопрос, зачем это хранить, даже не возникал. Слова отца о том, что жизнь долгая, мало ли что может случиться, звучали исчерпывающе.

В праздничные дни Илле с родителями гуляла по улицам Старого города, а в дни рождения с ними же ходила в кафе, навещала лавку близ Старого рынка, где продавались сувениры, пряности, луковое варенье в круглых берестяных сосудах и терпко пахнущее чёрное мыло.

Илле очень нравилось просто ходить с отцом по улочкам, вдыхать запах орешков, жаренных в ароматных специях, которые продавали на улицах девушки и парни. Они сами их жарят, тут же расфасовывают по пакетикам и любезно предлагают прохожим. Изредка отец покупал ей такой пакетик, и она грызла орешки очень медленно, смакуя каждый как можно дольше, внимательно наблюдая при этом, как по черепице крыши важно ступает мудрая ворона, держа в клюве сушку, а балтийский ветер развеивает флаги.

На Ратушной площади Илле всегда с восторгом поднимала голову, чтобы весело поприветствовать Старого Томаса, который был сильным и справедливым героем её красочных фантазий, только с ним Илле с детских лет делилась своими страхами, обидами и рассказывала о ссорах с приятелями, и жаловалась на строгость родителей.

А вот родителям о страхах своих Илле говорить не решалась, потому что вполне уверенно считала, что у хороших девочек никаких страхов отродясь нет, и она очень старалась быть хорошей. Поэтому свой пугающий мрачностью многократно повторяющийся сон, в котором она с незнакомыми людьми в звериных шкурах плыла на плату, пытаясь спастись от свирепых диких аборигенов, стреляющих в них горящими стрелами, она рассказывала только Старому Томасу в надежде, что он избавит её от этого ужаса. Томас помог, потому, что пугающие сны эти прекратились.

Бывая на Ратушной площади, Илле с неизменным удовольствием заходила, как в музей, в старейшую в Европе аптеку, что находится напротив городской ратуши в доме № 11, там она, замерев на мгновение и закрыв глаза, вдыхала знакомую с детства невероятную смесь запахов, поскольку в старину здесь продавали помимо лекарств, пряности и сладости, чернила, сургуч, красители, свечи, факелы, бумагу и порох.

Прибалтийская погода, как капризная дама, что захочет, то и устроит. Совершенно обычное явление, когда внезапно набегают облака, темнеет небо, а через два часа оно становится синим и светит ослепительное солнце.

В хорошую погоду отец водил Илле в городской парк Кадриорг. Больше всего Илле любила окрестности Лебединого пруда, украшенные цветочными клумбами, в музеях парка Илле была только в школьные годы с классом. Но, как это ни покажется странным, в музеях Илле скучала.

Отец учил её вести себя вне зависимости от обстоятельств вежливо и почтительно, особенно избегать общения с людьми грубыми и лживыми, при столкновениях с которыми просто молча уходить.

Марта что-то говорила.

Илле что-то отвечала.

Картина была без звука.

Илле старалась быть послушной и смиренной, но всё же в душе её порой вспыхивали бури, хотелось кричать и возражать, топтать ногами, убегать далеко-далеко со Старым Томасом, в заброшенный замок, но она научилась умирять такие бури.

Со временем Илле укротила себя, научилась сохранять внешнее спокойствие в любых ситуациях, не делать замечаний, молчать, не мешать другим.

Рано или поздно почти каждый человек задаёт себе вопрос о тайне рождения и смерти. Илле серьёзно задумалась об этом после смерти матери. До этого, она даже не думала о смерти, чтобы не привлекать её в дом. Когда матери не стало, она испугалась. Ужас был настолько силён, что она не могла ни спать, ни есть. По ночам Илле стерегла сон отца, чтобы убедиться, что он жив. Это продолжалось до тех пор, пока отец не заметил, что она сидит во время обеда перед пустой тарелкой бледная и осунувшаяся.

- Ты что, худеть удумала? - нахмутив густые брови, спросил он.

- Нет, что ты! Что-то мне есть не хочется... - робко ответила Илле.

Объяснить причину она не посмела, чтобы не расстраивать его.

- Болит что? - спросил, смягчаясь, отец.

Чтобы успокоить отца, Илле тут же выпалила:

- Нет, что ты!

- Не выдумывай, ешь! Не хватало мне расстройств... - Он некоторое время смотрел на дочь, не отрывая взгляда.

Илле послушно налила себе суп и съела его. После обеда они пошли на прогулку, чтобы, по словам отца, нагулять аппетит и жизнь вошла в привычную колею.

Илле привела в порядок вещи матери и перенесла в свой шкаф, чтобы они не напоминали отцу об их горе.

Илле старалась быть незаметной, и бесшумной, как мать. Занималась хозяйством, ухаживала за стареющим отцом, который становился всё более упрямым и капризным. Иногда она представляла, что отец - её маленький капризный ребенок и это придавало ей силы, терпеть его капризы и упрёки.

Около полугода после смерти отца Илле почти не выходила из дому, она никак не могла смириться с потерей главного человека в её жизни.

Она доставала из шкафа его костюм, гладила даже носки, чего прежде не делала, ежедневно перебирала бритвенные принадлежности и очки, подолгу сидела в комнате отца, разговаривая с ним, а затем, рыдая, всё повторяла: «Нет, не может быть! Это - ошибка!» Вновь и вновь вспоминала их беседы. Печаль воспоминаний не оставляла её.

Оставалось одной бродить по улочкам. Илле каждый день открывала совершенно новый для себя Таллин. Город стал её надёжным другом, который в минуты огорчений и печалей успокаивал и придавал сил. Она ежедневно выходила на прогулки, а свежий воздух и движение, как говорили врачи, лучшее лекарство, вдыхала запах моря, смешанный с дымом печных труб, и удивлялась, почему она прежде ничего этого не замечала, то есть вроде всё видела, но не чувствовала запах, который витает на улицах Старого Таллина. Она стала внимательно рассматривать старинные дома, по возможности заглядывать во дворики, обращать внимание на детали - уникальные средневековые

вывески, флюгеры и ковки, оригинальные двери, лепнину и старинные лестницы. «Где были мои глаза? - думала она. - Почему же я раньше ничего этого не видела?»

Илле ходила по Старому городу, поднималась на Вышгород. Город лежал перед ней как на ладони с его завязанными узлами улочками, с крепящимися к стенам фонарями и черепичными крышами средневековых башен, тонкими белыми островерхими домами в полтысячи лет, башни городской стены.

В Верхнем городе, как и везде в Старом Таллине, всегда можно найти место, где можно просто посидеть в тишине и выпить чашечку кофе на скромных, «непарадных» улочках. Почти все они вымощены булыжником, узкие, плотно застроенные двух-трёхэтажными домами разных эпох, с характерной средневековой кривизной. Удобно расположившись за круглым маленьким столиком, заказав кофе и пирог с лосятиной Илле размышляла о смысле жизни.

Постепенно наступал вечер. Это то время суток, когда город окутывала плохо заметная синева, толпы людей еще не вышли на прогулку, и на Ратушной площади было тихо. Высоко, высоко на Ратуше виднелась фигурка старого Томаса, Илле улыбнулась ему и помахала рукой. Она не сомневалась в том, что Томас знает, что она справится со страхами и неуверенностью и у неё появятся друзья.

Илле с облака воспоминаний увидела Марту и проговорила:

- Но я не могу... Не знаю даже как... Собаки в доме... Я не умею с ними обходиться...

Марта посмотрела снизу вверх на заоблачную Илле и сказала:

- Нет, не волнуйтесь, они будут жить дома. Руну только нужно покормить три раза в день, и погулять хотя бы утром и вечером, на поводке, она очень спокойная. Ну и за Кольмом приборать... Я буду вам бесконечно благодарна...

Илле молча стояла в нерешительности. Она не знала, как объяснить Марте, что не умеет и даже боится брать на себя такую ответственность. Но отказать тоже не решалась.

Марта предложила:

- Прошу вас, давайте поднимемся ко мне, я вас познакомлю...

Илле в смущении ответила:

- Но я не представляю, как...

Марта чуть слышно рассмеялась и объяснила:

- Нужно только покормить, еда у меня есть, я всё приготовила, и вывести Руну погулять, хотя бы утром и вечером, пожалуйста...

Илле испуганно спросила:

- А вдруг с ней что-нибудь случится?

Марта улыбнулась одними глазами и сказала:

- Всё будет нормально. Я уверена в этом. Она самостоятельная девочка...

Илле с Мартой переглянулись в сдержанной улыбке.

- Ну, если только несколько дней... - нерешительно произнесла Илле.

Марта обрадовалась:

- Мне сказали, что дней 5-6...

И после этого вздохнула с надеждой.

- Хорошо, пойдёмте. - Илле закрыла дверь на ключ.

Здесь уже Марта вздохнула облегчённо.

- Благодарю...

Они поднялись к Марте. В прихожей Илле в буквальном смысле слова оторопела от вида малюсенькой трехцветной собачки, на которой преобладал белый цвет с коричневыми и черными заплатками, как на игрушечной, с торчащими ушками. Собачка тревожно посмотрела на хозяйку, которая прижала палец к губам, и промолчала.

Марта представила:

- Руна, американская той-терьер.

- Какая прелесть! - всплеснув руками, воскликнула Илле.

Марта пригласила Илле в комнату. Илле стояла в нерешительности в прихожей.

- Проходите, прошу вас! Я всё хотела познакомиться с вами, - сказала Марта и, подумав, тихо спросила: - Вы недавно отца похоронили?

Илле в подтверждение склонила голову, и вдруг увидела в широкой плоской корзине, похожей на блюдо, очаровательный комочек...

Кольм во все глаза смотрел на Илле, и глаза эти как будто говорили: «Возьмёте меня, я хороший!».

Неожиданно для самой себя Илле зарыдала. Слёзы крупными градинами хлынули из глаз. Она закрыла лицо руками, пытаясь поймать их, но они ручьем бежали по шее и за ворот платья. Марта протянула полотенце, обняла Илле и усадила в кресло.

- Поплачьте, милая, легче станет.

Илле сквозь слёзы пыталась извиниться, но никак не могла произнести ничего вразумительного. Наплакавшись всласть, она почувствовала такое облегчение, как будто сбросила с груди огромный камень, который давил и мешал дышать.

- Я выполню, Марта, вашу просьбе... Погуляю... Приберу... А сейчас я пойду, извините меня...

- Нет, Илле, я вас так не отпущу. Мы будем чай пить!

Марта сказала это так ласково, в комнате её было так уютно, что Илле захотелось здесь остаться. Разговор за чаем с маленькими горячими пирожками продлился до вечерней прогулки Руны. Илле спустилась к себе, оделась и вышла на улицу вместе с ними. Никогда в жизни Илле так много и искренне ни с кем не разговаривала, и никогда прежде никто не слушал её так внимательно, как Марта.

КОЛЬМ

Ежедневные прогулки с очаровательной Руной так понравились Илле, что она гуляла с ней по полтора часа три раза в день. Но особо ей стал мил Кольм. Он уже выбирался из корзинки, вставал на лапки, и покачиваясь из стороны в сторону, как при морской качке, бродил по ковру. Илле в умилении брала кроху на руки и вместе с Руной стала приводить их к себе и даже не обращала внимания на то, что Руна прыгала на диван прямо с улицы. Чтобы Руна ни делала, Илле только улыбалась. Через шесть дней вернулась Марта, и Илле попросила подарить ей Кольма.

ЧАСТЬ ЦЕЛОГО

Было утро, когда из Таллина прибыл поезд в Тарту, и Елена вышла из вагона. Крупные снежинки беспорядочно мельтешили перед глазами, мешая смотреть.

Елена вся была, если так можно сказать, в рамках научного направления, получившего название «Тартуской», или «Тартуско-Московской» школы структуральной поэтики и семиотики, поэтому понятно, что не окружающая реальность интересовала Елену, а мир невидимый, который создаёт бесконечно многозначный язык. Возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, миру, существующему вне связи с языком, лежащему за его пределами.

Параллельно с этим в голове Елены звучала одна тема, запомнившаяся ей из третьей симфонии Брамса. И странным образом в ткань мелодии вклинивалось вошедшее в моду словечко «концепция». Ну, просто сплошь и рядом вставляют эту «концепцию». Даже муж, Валерий, машинально бросал:

- Какой концептуальный ужин, - пытаюсь разрезать тупым ножом недожаренную говядину.

Или:

- Феллини создал концептуальный фильм из, как бы потока сознания, хаотичного набора театрализованных живописных сцен. Провидческий фильм, в котором каждый раз я открываю для себя что-то новое.

Валерий при этом наливает тонкий стакан воды и смотрит через его объём на Елену. Глаз Валерия устрашающе увеличивается в несколько раз, как в «Андалузском псе» Бунюэля.

- До чего утончённый фильм! - подхватывала Елена. - Он всегда попадет в моё настроение.

- Да! А музыка Нино Рота...

- Она придаёт картине особый карнавальный привкус!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Валерий слегка обнял Елену.

- Ты обратила внимание на концептуальную сцену в лифте?

- Когда?

- Ну, там...

Елена задумалась.

- В лифте?

- Да...

Елена вспыхнула, вспомнив:

- Ещё бы, какие портреты! - и сделав паузу, добавила: - Концептуальные...

Валерий со стаканом вышел в центр комнаты. Остановился и принялся медленно пить, пока не опустошил стакан.

- А как Марчелло идёт по коридору и вдруг делает танцевальный поворот стопы... раз...

Елена рассмеялась и издала губами звук:

- Фю-ю-ить...

- Именно «фю-ю-ить»!

Валерий поставил стакан на стол и взял сначала в руки пепельницу, затем извлёк из пачки сигарету. Закурил...

- А этот маленький... входит с видом профессора, когда Марчелло лежит на кровати... Ну в первых кадрах... в очках, как тебе? - спросил он.

- Который говорит, что не понимает концепцию фильма?

- Да, именно он... Чудесный образ зануды-киноведа...

Валерий курил в квартире повсюду, при этом носил с собой бронзовую массивную пепельницу в виде клубящейся змеи, отливающей золотом, и когда курил стоя, допустим, у

окна, то держал её в одной руке, а в другой - дымящуюся сигарету, как свечку, наблюдая прибавление вертикального столбика пепла.

Пепельница была не простая, ею пользовался более двухсот лет назад ещё приснопамятный пра-и ещё раз пра-пра-прапрадет Валерия, служивший при Петре-Августе-Фридрихе Гольштейн-Бекском, генерал-губернаторе Эстляндии и Петербурга. В Ревеле ещё, нынешнем Таллине... Бывало закурит парижскую папиросу, затянется, пустит голубой дымок к расписному потолку, и небрежно стряхнёт пепел в змеиную пепельницу. Потом пепельница перешла к другому «пра», затем к слудующему «пра», потом к прадеду, который преподавал в Таллинской учительской семинарии, следом пепельница с золотой змеёй, хотя была бронзовой, но её вечно называли «золотой», мол, где моя золотая пепельница? - перешла к деду, от него - к отцу и теперь уж она у Валерия.

- Да, гений! Какая выразительность в показе нервных импульсов, которые влияют на ддящийся бесконечно процесс творчества.

- Весь такой умный, как наш концептуальный кот Филя... Умора!

Белые облака, цепляясь своими длинными хвостами за низкие крыши, шелестя железом, носятся по улице.

Елене представляется, что она в телестудии, на экране, а зрители спрашивают её, конечно, о личной жизни и о семье, а о чём же ещё спрашивать известную лингвистку?! Что она расскажет собравшимся? Произнесёт какие-то общие слова о семье? Что муж - Валерий, доктор наук? Что и она сама тем же званием накрыта и приправлена магическим словом «профессор». Отличная защита от нападок окружающих, как генеральские золотые погоны на рядовом теле! О знакомстве, о свадьбе, о счастливой жизни, о дочери?

Гладкие русые волосы, высокий умный лоб, приветливый взгляд и плавные движения Елены вызывали предельно доброжелательное отношение окружающих. Она почти никогда никого не критиковала, напротив, в каждом знакомом, прежде всего, старалась заметить только положительные черты, тактично, без нажима, отмечала способности.

Со своим мужем, Валерием, Елена познакомилась ещё в студенческие годы на вечеринке. Как только их представили друг другу, между ними как будто пробежал электрический разряд. Валерий пригласил Елену на танец, и они настолько увлеклись беседой о прозе Бабеля, что весь вечер не расставались.

Очень дружная семья? Читают книги каждый день с утра до вечера?

И что значит «читают»? То есть находятся на каком-то отрезке текста, который следует ещё преодолеть, вдумчиво и с аналитическим интеллектуальным откликом. Не дочитали ещё одну книгу, как берутся за другую.

И родителей, и бабушек с дедушками Елена всегда видела с книгами. Они либо читали, либо писали, либо обсуждали написанное. При этом никто никого не перебивал и не переубеждал, только высказывал свою точку зрения, мнение каждого при этом находило глубокое понимание и сочувствие.

Елена естественным образом погрузилась в мир слов, с их многозначностью и таинственностью, с магией преобразования реальности в мифологемы, которые незаметно стали необходимыми, как воздух.

Письменные столы у них с Валерием были так и завалены раскрытыми книгами. Вот лежат справа налево и сверху донизу на всём необъятном пространстве столов раскрытые книги, которые постоянно читаются. А то ведь как бывает у людей, читают-читают, но не дочитывают. Хоро-

шо, что хоть что-то за жизнь прочтут. Весёлый разговор сразу получается о недочитанных книгах.

Да ничего и никому Елена не расскажет о личной жизни!

Она шла по тихой заснеженной улочке, как по строчкам книги Лотмана, которую она взяла с собой в дорогу, и в конце слегка улыбнулась на последней фразе: «Давно уже было пущено в ход сравнение искусства с жизнью». Елена тут подумала, кем пущено, зачем? Разве она может сравнить свою жизнь с искусством?! Но Лотман сравнивает. Как подумает Елена о Лотмане, так сразу Пушкин возникает. Лотман с Пушкиным слились воедино в представлении Елены, и тут вспыхнула догадка, что и она с Валермем так же слилась более четверти века назад.

В университет идти было ещё рановато, поэтому Елена направилась в отель, расположенный недалеко от руин собора, в восстановленной части которого находилась университетская библиотека.

Библиотека для Елены и есть ни с чем не сравнимая настоящая жизнь, в книгах, в строчках, в буквах, в знаках. Всё есть знак: и нота, и цифра, и буква, и все прочие символы. Как думает Елена, умело используемые писателями или композиторами знаки, имеют отличительную особенность вскрывать то, что остаётся за кадром, иными словами, за явленными нам знаками читается воздух подтекста, сообразно интеллектуальной подготовке читателя или слушателя, или зрителя.

В жизни преобладает звучащее слово, устное, многие люди даже простенького письма не в состоянии написать, но говорят безостановочно бойко, и будучи записанным, слово сохраняет тембры, дыхание, отблеск недосказанного. Из этого недосказанного и вырастают всё новые и новые тексты, сплетённые мастерами по звукописи, мыслиписи, чувствовписи, разрушая каноны филологических установок, расширяя границы принятых жанров, выводя на

свет новые науки без страха и упрёка, из одной только любви к созиданию языковых структур. Что такое «Преступление и наказание»? Это языковая структура в тональности художественного предикативного синтеза.

- Были бы знаки, а новую концепцию лингвистического структурализма создадим! - смеялся иногда Валерий.

- Да, без семиотики никуда, как без рук! - восклицала Елена и щёки её румянились.

Создавалось такое впечатление, что у неё было всегда прекрасное настроение, несущее людям радость.

Они жили душа в душу, были друг для друга, казалось, открытыми книгами.

Невероятное родство душ и совпадение вкусов настолько поразило обоих, что Валерий использовал любую возможность, чтобы встретиться с Еленой. Они бродили по Таллину, а через несколько месяцев в канун Нового года поженились и стали жить отдельно в квартире бабушки Елены.

Новый год стал для них особенным праздником. Свою первую ёлку Елена с мужем отправились покупать на рынок на Балти яаам. День был морозный, серый. Ёлки стояли под снегом, прижавшись друг к другу сиротливо, в ожидании, когда их унесут в тёплые дома, где они оттают, расправят свои лохматые лапки, которые украсят золотыми шарами, яркими огнями и сверкающими игрушками, конфетами, орехами, мандаринами. Ёлка для Елены была символом детскости, подарков и исполнения желаний. Праздник проходит, осыпаются с веток иголки, как и отдельные люди, которых заменяют другие.

Вдруг лучи солнца пробились сквозь облака, и в его оттенках заиграли огни на рождественских ёлках. Кругом гирлянды. От обилия иллюминации душа по-детски трепещет.

Супружеская жизнь складывалась у них на редкость гармонично. Часто они сами поражались тому, насколько чув-

ствуют друг друга, когда каждый занимался любимым делом в своей комнате и внезапно вскакивает, чтобы поделиться с родным существом своими мыслями, и тут же выяснялось, что и другой так же спешит ему навстречу, почувствовав то же самое озарение. В такие мгновения у них возникала невероятная страсть. Никакие житейские проблемы и мелочи не омрачали их отношений, поскольку они старались свести их к минимуму.

Свой первый отпуск Елена и Валерий провели на берегу высокогорного озера Рица, в палатке на туристической базе в буковой роще. Эти сказочные места влюблённые постоянно вспоминали в пасмурные хмурые дни. Шум деревьев, дымно-прозрачный Млечный Путь, наполненный мелкой звездной россыпью, царство июльской ночи создавали столь прекрасное настроение, что они не могли заставить себя уснуть, до рассвета всматриваясь в золотое лицо лунного диска.

- Неужели эта же луна тревожит мой сон дома? - спрашивала Елена Валерия. - Даже не верится!

- Да, чудо моё, она, - шептал ей на ушко Валерий, и тянулся за очередной сигаретой.

Летнее утро было спокойно. Солнце пригревало сквозь туман. Но долины, озеро и дальние горы ещё не простились с холодом. Елена вышла на набережную, и остановилась в изумлении, увидев простор озера с высоты. Горы как будто таяли в светлой утренней дымке и, только пристально вглядываясь в них, можно было различить тонкую золотистую линию хребта, исчезающую в небе. Вблизи, в долине, в прохладной и влажной свежести тумана, лежало прозрачное и глубокое озеро. Оно ещё дремало. Две чайки низко и плавно скользнули над водою, и одна из них вдруг блеснула над головой Елены и метнулась вверх. Туман рассеялся. В голубой воде видны были песчаное дно и стаи мелких рыбок, играющих в золотых лучах солнца.

Впереди вода блестела так ослепительно, что Елена невольно зажмурилась. Сладко было сидеть с закрытыми глазами и чувствовать ласку волшебного солнца на лице и мягкую прохладу от воды. Вдруг всё исчезло, но через одно мгновение она поняла, что это ласковые руки Валеры.

Путешествие как знаковая форма.

Какие, - он вскричал, - волшебные места!
Вдруг вижу горы, лес, озера и долины!
Великолепные картины!

Это озеро стало их любимым воспоминанием и каждый Новый год они, нежно касаясь друг друга, вспоминали свой первый отпуск.

Через пару лет у них родилась дочь, которая, как и родители, не расставалась с книгами, Родители воспитывали её любовью, уважением и своим примером. А она, не доставляя им хлопот, росла самостоятельной девочкой, которая с детства откликнулась на зов книг, которые окружали её и манили. Она с увлечением пошла на этот зов. С той поры книги стали её лучшими друзьями, без которых жизнь потеряла бы смысл. Они стали её призванием. Книги открывали ей свои тайны. Встречи с пишущими потрясающими людьми, окружающими её, естественно, сформировали у неё интерес к науке.

Цитатами рождается пространство, завешенное тайной бытия, где в знаках продвигается структура, меняющая стройный образец. Различение структуры и элементов тоже выявит наиболее интересные проблемы; всё ли одинаково необходимо в одной системе или нужно допустить наличие ступеней в целом и, следовательно, существование элементов относительно независимых. Изучение структуры сочетаний, которое, несомненно, сможет и должно будет черпать вдохновение у соответствующей языковой теории, будет здесь решающим.

Вот отблеск для Елены, вот знак.

С другой стороны, возникнет вопрос и о том, всюду ли обязательно встречаются структуры, иначе говоря, в какой степени и в каких условиях форма, будь то внешняя или внутренняя, сло-ва, языка может быть сведена к нулю. Старая проблема бесформенности в лингвистике будет, таким образом, обновлена и обобщена с точки зрения структуралистской.

В программной статье Юрия Лотмана “Литературоведение должно стать наукой”, Елена особо выделяла для себя следующее: “Литературовед нового типа... должен совместить в себе литературоведа, лингвиста и математика”.

И вот сам Лотман, кумир интеллигенции, бесстрашный диссидент идёт по коридору.

Елене показалось, что в нём было что-то от памятника, от того величия, которое памятникам присуще, и эти свисающие, почти запорожские усы, и грозное выражение лица, и суровый взгляд, и причёска «под Битлов», с сединою Толстого или Тургенева.

Елена подметила, что все невысокие мужчины так именно ходят и держатся, величественно и гордо, дабы компенсировать свой малый рост, и не просто говорят, а изрекают, с паузами, весомо и обязательно с цитатами для укрепления своего авторитета. Но Лотман приветливо пожал руку Елене и поклонился, как подобает джентльменам. Он знал, что Елена приедет от доверенного лица, поэтому без всякого опасения передал ей переплетенный том ксерокопии неопубликованной работы «Тайна нулевого знака».

Но потом, в кабинете, Лотман, сидя напротив Елены в кресле, приосанился, чтобы выглядеть внушительнее и избавиться от мало-мальски добродушного или равнодушного выражения на своём лице, тем самым скрыв своё отношение к гостье из Таллина. Всё подчёркнуто нейтрально. Так часто бывает с людьми известными и почитаемыми, ко-

торые стараются держать дистанцию с теми, кто к ним стремится попасть в друзья.

- Пушкин... - вздохнула Елена.

- Да, Пушкин...

- Он острой шпагой тайных смыслов пронизывает все ваши работы, - сказала Елена и добавила: - Концептуально...

- Без концепции ныне никуда, - согласился Лотман и стал объяснять, почему именно Пушкин стал фундаментом его лингвистических изысканий, а именно, чем популярнее автор, коим является Пушкин, тем шире развёртывается поле понимания научной работы обычными читателями. И тут, усмехнувшись в усы, Лотман медленно читает наизусть вслух:

Всё в жизни суета, и все желанья тленны,
Навеки мы в цепях, и безнадёжен бунт!
Цветы любви, страстей и радостей мгновенны,
Уносит их поток мелькающих секунд.

Природа нам чужда; у ней иные судьбы:
Неведом нам экстаз, которым пьян червяк...
О, если б умереть, о, если утонуть бы
В твоей пучине, Смерть, в тебе, могильный мрак!

Но жизни не любя, мы в Смерть давно не верим,
И, не желая жить, не можем Смерти ждать...
Увы! давно ко всем привыкшие потерям, -
Мы только веру в жизнь не можем потерять!

- Чьё это? - спросила Елена и склонилась к своей сумке. Что-то такого стихотворения у Пушкина она не помнила.

А Лотман промолчал, давая понять, что это надо знать по умолчанию, затем привстал, принимая в качестве сувенира от Елены бутылку «Vana Tallinn».

Лотман несколько расслабился, видимо, решил из памятника превратиться в обычного человека, достал из гру-

ды книг её брошюру, Елена сразу узнала, уверенно открыл на закладочке, надо же, восхитилась Елена, и прочитал:

«Для равнодушных, живущих в своей скорлупе людей слово «невидадь» означает отрицание всяческого интереса ко всему, их не касающемуся, главным образом, к театрам, архитектуре, картинным галереям. «Эка невидадь!» - восклицают они, демонстрируя своё пренебрежительное отношение к возвышенному, которое никак не укладывается в их ограниченное сознание. Так и живут, бесцветно и бессмысленно, упиваясь своим мирком. К некоторым из них, всё же, в конце жизни приходит внезапное прозрение - невидадь оказывается печалью о несостоявшейся жизни...»

После этого Лотман сунул брошюру в среднюю часть высокой стопы книг, на место, отведённое ей в видимом книжном беспорядке, и сказал:

- Помимо того, что вы хорошо пишете, вы ещё натолкнули меня на мысль сделать работу об одном этом удивительном слове «невидадь».

- Правда?! - в сильном смущении воскликнула Елена.

- Да...

- У Пушкина?

- Я тоже так сначала думал, - сказал Лотам, маленькой ладошкой проводя по седовласой своей шевелюре. - У меня как-то были коллеги из Оксфорда. Я их попросил эту «невидадь» поискать у Александра Сергеевича... У них ведь он весь сидит в компьютере... По бумажному Пушкину ведь замучаешься искать... Да, сильно мы отстали от просвещённого мира... Да, ладно... В общем, получил я от них ответ, что слово «невидадь» встречается у Пушкина всего один раз, и то в удлинённом виде: «...что за невидальщина, смею спросить?», «невидадьщина», в «Капитанской дочке»...

- Вот никогда бы не догадалась, - сказала Елена.

- Теперь попробую поискать у Льва Толстого...

Наполненная могуществом семиотики, Елена вернулась в Таллин, и буквально на следующий день принялась за статью о знаковой сущности человека, как персонажа божественного промысла.

Колесо времени неумолимо вращалось.

Как только структура Великого, Могучего и, главное, Нерушимого государства распалась, части целого вдруг стали Независимыми Государствами. В Таллине и Тарту не могли в это поверить, поэтому хаотично забегали с опьянённым взором, ощущая вулканический прилив сил, так что головы искрились нимбами, и возникало такое ощущение полноты счастья, что оно стало буйно переливаться через край.

И опять наступила зима. И опять пошёл снег. Вообще, надо сказать, Елена любила гулять под вечерним снегопадом, когда с тёмного неба падают пушистые легкие хлопья, как будто искусный ткач создает у Елены на глазах графическое полотно в стиле Казимира Малевича: белое на черном, или черное на белом.

Сколько помнила себя Елена, детское любопытство привело её к желанию самовыражения. Но не только. Она стала размышлять над этим. Зачем люди пишут? Потом как-то незаметно до Елены дошло - они сохранили для нас свою душу, своё искусство. Значит, и душа Елены не умрет. Она стала переносить свои мысли на бумагу. Желание узнать, с чего начинается художественная литература, как художник создаёт свой отличный от внешнего свой единственный и неповторимый мир, - жажда понять истоки творчества, собственно постоянно мучила Елену. Так она открывала для себя многообразный, яркий, неисчерпаемый мир искусства. Всё и сразу узнать и понять хотелось Елене с детства.

В канун Рождества настроение в семье Елены всегда царило особенное. Она же больше всего любила, как и боль-

шинство людей, не сам праздник, а подготовку к нему. Придумать оригинальные подарки, розыгрыши для дочери и друзей. И сюрпризы...

На ёлке всё сияет! Горит особенным светом! Царит любовь! Звон бокалов, пробка - в потолок, красная икра, белые грибы в маринаде...

Когда утром Елена открыла глаза, то мужа рядом не обнаружила. Подумала, наверно, уже курит где-нибудь. Она поднялась, голова побаливала, во рту была невероятная сухость. Она сделала глоток из чашки с простой водой, которую всегда ставила на полочке рядом с кроватью.

В квартире было почти темно. Елена включила люстру и золотая звезда, венчавшая ёлку под самым потолком, печально подмигнула ей. Елена полусонно прошла в другую комнату, мужа не было, затем заглянула в кабинет, а потом уж на кухню. Валерия нигде не было. Только в его золотистой змеиной пепельнице покоился столбик пепла истлевшей сигареты.

А рядом лист бумаги со словами: «Не ищи меня».

Он как-то незаметно, без всяких объяснений покинул квартиру, отвалившись, как часть целого.

Всё перевернулось с ног на голову.

Сердце у Елены так стукнуло, что она чуть не упала.

Структура организма помутнела.

Спустя время, Валерий, конечно, позвонил, и нейтральным голосом профессора сообщил, что теперь он уже в Америке, его ждут с распростёртыми объятиями в университете, и прочее, что можно сказать в подобном случае.

MERI ARMASTUST

Море было спокойно, а Кюлли вся бурлила. Она жаждала перемен, как это свойственно молодости, особенно тогда, когда она начиталась Сэлинджера, чья книжка была у неё сейчас в руках. Эта манера свободного узнавания мира сразу после прочтения овладела всей читающей таллинской молодежью.

В баре барышни бывают.

Собственно, ради этого она приехала на пляж Пирита, с запахом сосен в морском воздухе, с великолепным баром. А где еще можно найти приличного свободного мужчину? Ну, пусть даже не свободного, пусть у него даже кто-то есть.

Кюлли все-таки не последняя из красавиц, у нее есть все данные, чтобы найти подходящего кандидата в любовники, чтобы обеспечить себе настоящее познание жизни. Миниатюрная, волосы «под мальчика», владеющая искусством макияжа в совершенстве. При любой погоде, в любое время суток выглядит просто как девушка с обложки глянцевого журнала. Знает, как и что говорить, осыпает мужчин комплиментами, говорит тихим вкрадчивым голосом, слушает, затаив дыхание, и никогда не уходит одна, стоит с подругами куда-то пойти, всегда с поклонником, с которым мгновенно завязываются любовные отношения, но, вот беда, через два-три месяца эти мужчины куда-то бесследно исчезают.

Сколько раз, сидя перед зеркалом, она восклицала: «Что во мне не так? Что им ещё надо?!»

Но зеркало молчало. Правда, лучшая подруга детства, пару лет назад, как-то решила ответить ей: «Твоя про-

блема в том, что ты стелешь очень мягко, но недолго, а потом впиваешься в партнёра мёртвой хваткой, душишь его в своих объятьях с такой силой, что он сосредотачивается только на том, чтобы высвободиться из них, и унести ноги».

Естественно, после такого ответа подружка из лучших перешла в разряд бывших. Как только Кюлли поделилась с матерью таким ответом подруги, та сразу сказала: «Кюлли, она тебе просто завидует! Я тебе сколько раз говорила, подруги в наших личных делах - один вред! Какие подруги? У нас у женщин, никаких подруг быть не может. Это только все конкурентки! От них одни слёзы. Ведь мало того, что надо удачно выйти замуж, надо его ещё удержать! Помни об этом, дочка!»

Подкрасила губы, послала своему отражению поцелуй, и направилась на пляж.

Проходя мимо бара, она обратила внимание у стойки на весьма привлекательного седовласого в светло-сером с отливами костюме мужчину, который мельком окинул её оценивающим взглядом и продолжил разговор с барменом. Кюлли плавно подплыла к противоположному концу барной стойки, бармен в мгновение ока оказался перед ней, и с белозубой улыбкой спросил, какие напитки она предпочитает. Кюлли в ответ даже не сказала, а пропела, что, пожалуй, выпила бы стакан сухого белого на его вкус.

Так гости с предощущением веселья садятся за стол, особенно приятно это совершать на открытой террасе, когда ветер шевелит занавески, и вдали виднеется море, вода в котором поблескивает так, как будто в ней сокрыта тайна, но для многих такое видение является преградой, как стена, которая неизвестно где начинается и где кончается, а нужно попасть на ту сторону, как за границу, но вдруг перед тобой неизвестно откуда появляется лестница, которой здесь никогда не было, но она появляется, вот в чём

чудо, и твои губы приоткрываются в почти детской улыбке счастья, а ноги сами идут по ступеням, рука же торопливо поправляет юбку, на ветру обнажающую привлекательные бёдра, и на них такой отблеск, как молочного шоколада.

Как только Кюлли потянулась за сигаретой, бармен услужливо поднёс ей огонёк со словами, что до этого никогда не видел такой здесь красивой девушки. Кюлли, благосклонно кивнув, ответила, что это естественно, поскольку она в этом баре не частый гость. Бармен выразил ещё большее восхищение от вновь увиденной красоты.

Сделав глоток вина, и как бы вскользь обводя взглядом бар, встретила со взглядом седовласого в противоположном конце барной стойки. Он тут же приподнял стаканчик в знак доброжелательного приветствия.

Кюлли мгновенно уловила этот импульс, как рыбак чувствует касание рыбки к наживке, потому что поплавок едва заметно шевельнулся, и навскидку открыла «Над пропастью во ржи».

«Потом я сел в кресло и выкурил две сигареты. Чувствовал я себя препаршиво, сознаюсь. И вдруг я придумал. Я стал рыться в бумажнике - искать адрес, который мне дал один малый, он учился в Принстоне, я с ним познакомился летом на вечеринке. Наконец я нашел записку. Она порядком измялась в моем бумажнике, но разобрать было можно. Это был адрес одной особы, не то чтобы настоящей шлюхи, но, как говорил этот малый из Принстона, она иногда и не отказывала. Однажды он привел её на танцы в Принстон, и его чуть за это не вытурили. Она танцевала в кабаре с раздеванием или что-то в этом роде. Словом, я взял трубку и позвонил ей. Звали ее Фей Кэвендиш, и жила она в отеле «Стэнфорд», на углу Шестьдесят шестой и Бродвея. Наверно, какая-нибудь трущоба...»

Еще раз взглянув на седовласого мужчину, Кюлли бросила книжку в сумку и, не оглядываясь, вышла из бара. За-

чем ей этот старец?! Подвернется что-нибудь более подходящее.

И тут за спиной вдруг со свистом тормозов затормозила машина, страх и ужас охватил Кюлли первоначально, но как только перед ней возник молодой симпатичный паренёк в джинсовой куртке, волнение улетучилось, однако ноздри Кюлли затрепетали, тем более, что эта фигура появилась из чёрной «Волги». Вот она судьба - промелькнуло у Кюлли в голове. Она замерла, захлопала удлиненными ресницами, и почти шёпотом томно произнесла:

- Как вы меня напугали!

Человек слегка склонил голову, провёл ладонью по пшенице волос и сказал:

- Красавица, меньше всего хотел напугать вас!

Глаза её расширились, пробежали снизу доверху всю фигуру.

- А что же вы так гоняете?

Кюлли вздрогнула, прокрутив в головке: «Если он знает Сэлинджера, то мне подходит...» И взглянув на синий в солнечной подсветке морской горизонт, спросила:

- Случайно не ваш брат Д.Б. живет в Голливуде?

Он посмотрел, чуть прищурившись, в том же направлении горизонта и ответил:

- Точно. В Голливуде живёт брат Колфилда...

Кюлли даже подпрыгнула от восторга. И словно к давнему другу обратилась на «ты»:

- Ты хорошо знаешь Колфилда?

- Я с ним не расстаюсь. - Он махнул рукой в сторону машины. - Там книжка на сиденье валяется...

- У тебя своя машина?

- Да что ты! Работаю шофером, шефа вожу...

- Ух ты!.. Как тебя зовут?

- Арво. А тебя?

- Кюлли! Всякая чушь часто приходит в голову. Ты знаешь, я сегодня сбежала с лекции, чтобы встретить тебя...

- Не может быть!

- Может... Когда я с отцом подплывала к Осло... Он у меня капитан... Одна девица в шезлонге всё время восклицала: «Ну и даёт же этот Колфилд!»... Подумала, что за Колфилд. А потом у девицы спросила, что это её так зацепило? Она говорит, Сэлинджер... Ты знаешь, Арво, я как будто заново родилась...

- Помнишь, у Южного выхода в Центральном парке Нью-Йорка летом и весной в пруду плавают утки? - спросил Арво.

- Это когда Холдена Колфилда мучает со всей серьёзностью вопрос, куда же они деваются зимой? - в свою очередь задала вопрос Кюлли.

- Да. Этот роман просто ошеломил меня искренностью, лёгкостью повествования о жизни шестнадцатилетнего Холдена Колфилда, - сказал Арво.

- Прежде всего, подкупает абсолютная внутренняя свобода автора, - сказала Кюлли и продолжила: - Я не расстаюсь с этим потрясающим романом, и смакую каждую страницу, желая как можно дольше продлить общение с обаятельным, совершенно непосредственным Холденом. Поразительное чувство естественности, правды писателя, умеющего передавать процесс рождения личности через иронию ко всему, что окружает Холдена и к себе самому, восхищает меня. Сколько лет прошло с момента публикации романа, но он, как истинная литература, становится всё современнее.

- Слушай, Кюлли, со мной то же самое почти происходило, но это было в армии...

Немного помолчали. Эмоции нужно сдерживать. Кюлли это знает, принимает, понимает, но не всегда справляется с ними. Бывают моменты, когда они вырываются из

под контроля. Кюлли сама опасается подобных моментов. Они сродни извержению вулкана - бушуют, клокочут, и она бессильна перед этой стихией. Это ужасно! После подобных «гроз» Кюлли, обессиленная, непременно должна выспаться, и только после этого способна проанализировать свой срыв, и исправлять ситуацию. Всё чаще ей удаётся контролировать свои чувства и поведение. Люди, обладающие такими качествами, как терпение, сдержанность, умение слушать - вызывают у Кюлли искреннее уважение. Надо сказать, что она постоянно развивает эти качества в себе, и не безуспешно. А воспитание чувств, умение владеть ими - вот уж без чего в жизни никак не обойтись. От умения сдерживать чувства, управлять ими зависит, собственно, то, как складывается у человека жизнь. Воспитание! До чего же приятно строить отношения в разных сферах жизни с людьми воспитанными. Любые вопросы, проблемы с ними решаются легко и свободно. Было бы желание выслушать, понять и пойти навстречу, а то и помочь собеседнику. Кюлли любит мечтать о том, что однажды свершится чудо, и мы все станем доброжелательными, приветливыми, воспитанными и терпимыми. Ведь понять такую простую мысль, что каждый из нас - личность, поэтому относиться друг к другу следует соответственно так же, как ты относишься к себе, довольно несложно. Однако для многих это понимание так никогда и не приходит.

Подумав о воспитанности, Кюлли спросила:

- Ты служил?

- Да... полгода как дембельнулся...

Её кольнуло это слово, но она смиренно, с видом знатока армейской службы, от кого-то, естественно, слышала, спросила:

- А дембельский альбом делал?

Арво мгновенно рассмеялся.

- За кого ты меня принимаешь... Это тамбовские ребята корпели над своими альбомами, и зарубки на ремне делали, сколько месяцев осталось до дембеля... А я в Сэлинджере утопал! Ленинградцы всю дорогу об этом Колфилде говорили... У одного с собой была книжка. Мы её до дыр зачитали! Контраст потрясающий. Сретинск и Нью-Йорк.

- А где этот Сретинск? - спросила Кюлли.

- В Забайкалье...

- Ух ты, куда тебя занесло... Даже представить себе не могу такую даль...

- Везде живут люди... Уж, конечно не Нью-Йорк... Без Колфилда был бы полный мрак... - сказал Арво.

- Да, Меня тоже он спасает частенько... Да ещё Бергман...

- Точно! Я тут «Земляничную поляну» посмотрел...

- Надо же, я просто в восторге...

Сказав это, Кюлли задумалась. Порой у неё возникает непреодолимое желание выпрыгнуть из своего тела, но она не может сделать этого. А так хочется освободиться от тела и перенестись, скажем, в 3123 год, или вернуться во времена до своего рождения. Что там? Как? Тело удерживает её в настоящем, а мятущаяся душа стремится в будущее. Тогда начнется как раз выпрыгивание из тела. По аналогии, если размышлять, в недалёком времени Кюлли сможет себя размножить до любого количества и вдохнуть в новые тела свою душу, и свободно одновременно находиться в разных временах и местах. Да картина возникает весьма заманчивая. Однако это уже будет размножение личности, таким образом, от полёта фантазии до патологии всего один шаг. Буйство фантазии необходимо анализировать. Кюлли вчерашняя отличается от нынешней, ведь каждый новый день - обогащает её душу, привносит в неё пусть крошечный, но ещё один оттенок новизны. Погружение в себя навело Кюлли на мысль читать ежедневно Сэ-

линджера. Она постепенно настолько втянулась в это увлекательное занятие, что теперь это стало её потребностью. Самое удивительное то, что написанные Сэлинджером тексты живут в Кюлли, как будто это всё с ней происходит.

После паузы Кюлли сказала:

- А часы без стрелок...

- Да там такое погружение в себя... - ответил Арво и добавил: - А я после его фильма еще Сартра стал читать...

- А Кьеркегор ему ближе... Датчанин... Я поражаюсь, как Бергман погружает в пустоту внутри и вокруг себя, - сказала Кюлли.

- Да его можно смотреть и смотреть...

- Слушай, Арво, а ты его «Седьмую печать» смотрел? - спросила Кюлли.

- А он разве шёл у нас?

- Да, в одном клубе идёт...

- Правда? - удивился Арво.

- Да. Давай сходим...

- Приглашаешь?

- А почему нет? Не каждый день родную душу встретишь, улыбнулась Кюлли.

- Это точно...

Кюлли смотрела на Арво и вдруг заметила, что глаза его расширились.

- А вон и мой шеф идёт, - кивнув за спину Кюлли, сказал с некоторым смущением Арво.

Кюлли обернулась и, вздрогнув, увидела того седовласого мужчину из бара. Он был высок, элегантен, уверен в себе. Уж в чём-чём, а в пристрастиях этих мужчин она разбиралась, и к месту и не к месту любяла намекать на то, причём, с гордостью, что у них самая эротичная зона - кошелёк. Хотя, впрочем, могла и ошибаться.

Арво бросился открывать дверцу машины со стороны пассажирского сиденья.

Прежде чем сесть, шеф приподнял левую руку, из-под белого манжета с золотой запонкой выглянули ромбовидной формы часы, наверняка швейцарские и, конечно, тоже золотые, после чего другой рукой извлёк из маленького нагрудного кармана пиджака визитку и, протягивая Кюлли, сказал:

- Мне как раз сейчас нужна сотрудница.

Когда машина тронулась, Кюлли взглянула на визитку: «Йоханн Густавович...»

Перебирая в душе и того и другого, Кюлли с азартом ценителя отдала предпочтение седовласому Йоханну.

Когда она позвонила ему, и они встретились, он чуть ли не со второй фразы сказал, что безоглядно влюбился в неё и просто страстно хочет её.

- Значит, вот зачем я нужна вам! - сказала она не вполне раздосадованно, а как-то согласительно, что ли, и отвернулась.

Кюлли следовало бы на самом деле возмутиться со всей серьёзностью или сделать вид, что она и не такое слыхала, поскольку Йоханн обмолвился лишь о том, что люди делают ежедневно, если не ежечасно, в противном случае людей как таковых вообще бы не было на свете. Но по тому, как это Йоханн сказал, она догадалась, что он подобное в своей жизни делал не один раз.

- А вы... - начала Кюлли, но Йоханн тут же перебил:

- Ты...

- Да, ты... - продолжила Кюлли с непосредственным вопросом: - Сэлинджера читал?

Йохан вскинул от неожиданности брови.

- Это о том мальчишке, которому не нравится весь белый свет?

Кюлли почти оторопела, потому что впервые услышала такое отношение к любимой книге, без восторга и даже отрицательное.

- Как?! Вам не...

- Тебе... - вновь поправил Йоханн.

- Тебе не нравится Холден? - спросила она и задумалась.

Она вспомнила о том, что Холден постоянно рассуждает о девчонках. У него возраст такой, естественно, отношения с ними, их непохожесть на мальчиков, непонятное и непредсказуемое поведение, волнуют его. Писатель передаёт через внутренние монологи психологию подростка, чистого, искреннего, доброго, который интуитивно понимает разницу между хорошими и плохими поступками в жизни, но чего хотят девочки, чувства их и поведение не перестают удивлять его. Колфилд наблюдает в окне напротив его номера любовную сцену, не может оторваться от окна, понимая, что это «пошлятина», но уж очень она привлекательна. Мужчина и женщина там, в номере, набирали полный рот воды, или коктейля, и, смеясь, фыркали друг другу прямо в лицо. Со стороны это выглядело абсурдно, но оторваться невозможно. Холден думает о том, что в душе, вероятно, он страшный распутник, потому что сам тоже любит дурачиться с девчонками подобным образом, но ведь им это нравится! Он не может никак разобраться в себе, почему подобные глупости ужасно приятны?! Ведь вот он, например, сколько раз придумывал себе правила, чтобы не испортить что-то по-настоящему хорошее и тут же их нарушал. Никак не может он разобраться в этих сексуальных делах. Девчонки, порой, ещё хуже бывают, чем он. Вот он танцевал с блондинкой, она ему не понравилась, «настоящая идиотка», но он не выдержал и поцеловал её в макушку, а она обиделась! Вспоминает Холден единственный случай с Джейн, когда они целовались, да и то не по-настоящему. Только не в губы, потому что она их как-то всё время отводила. Вот и весь его любовный опыт. Рассуждения Колфилда своей искренностью и чистотой вызывают сочувствие, которое невольно ведёт к пониманию его внут-

ренного мира, переполненного всевозможными, пусть и наивными, переживаниям.

Кюлли вышла из задумчивости, услышав голос Йоханна:
- Как тебе, Кюлли, сказать... Книга хороша тем, что уловила весь негатив подростков. Ну, ничего не нравится юным, ни-че-го! - повысил голос Йоханн. - Всё строится на отрицании, понимаешь, на критике всего существующего... Пусть на критике непосредственной и забавной, что, в общем-то, и веселит подростков, которые самые серьёзные вещи желают превратить в комедию, но исключительно на критике. Вот тут и зарыта собака. Для большинства людей критика существующих порядков есть хлеб их жизни. Даже не хлеб, а оправдание собственной бездеятельности...

Кюлли насупилась, слыша подобное, даже пыталась возражать:

- Он хороший!.. А в «Ляпе-растяпе», помнишь, что говорит Сэлинджер? Это надо знать каждому, там он говорит, я это выучила назубок: "Оттого, что человек умер, нельзя перестать любить, черт побери! Особенно если он был лучше всех живых, понимаешь?"

Но на эти возражения Кюлли уверенный в себе Йоханн не очень-то обращал внимание, продолжая:

- Я и сам был таким, ругал всё на свете, а потом как-то смекнул, что ведь это наживка... Сэлинджер нам наживку бросает, чтобы мы, как рыбки, попались на крючок отрицания. И я сразу стал менять отрицательное на, если так можно сказать, положительное. А главное в этом положительном есть создание своего собственного мира и ясного взгляда на жизнь...

- Как же я не люблю лекции! - не стерпев, воскликнула Кюлли, достала книжку, которая вся была в её пометках, подчёркиваниях, в наспех написанных на полях словах, мгновенно нашла то, что хотела именно сейчас прочесть вслух:

«- Разреши спросить - почему?»

- Почему? Да это длинная история, сэр. Всё это вообще довольно сложно.

Ужасно не хотелось рассказывать ему - что да как. Всё равно он бы ничего не понял. Не по его это части. А ушел я из Элктон-хилла главным образом потому, что там была одна сплошная липа. Всё делалось напоказ - не продонёшь. Например, их директор, мистер Хаас. Такого подлого притворщика я в жизни не встречал. В десять раз хуже старика Термера. По воскресеньям, например, этот чертов Хаас ходил и жал ручки всем родителям, которые приезжали. И до того мил, до того вежлив - просто картинка. Но не со всеми он одинаково здоровался - у некоторых ребят родители были попроще, победнее. Вы бы посмотрели, как он, например, здоровался с родителями моего соседа по комнате. Понимаете, если у кого мать толстая или смешно одета, а отец ходит в костюме с ужасно высокими плечами и башмаки на нём старомодные, чёрные с белым, тут этот самый Хаас только протягивал им два пальца и притворно улыбался, а потом как начнёт разговаривать с другими родителями - полчаса разливается! Не выношу я этого. Злость берёт. Так злюсь, что с ума можно спятить. Ненавижу я этот проклятый Элктон-хилл. Старый Спенсер меня спросил о чем-то, но я не расслышал. Я всё думал об этом подлом Хаасе».

- Вот так и я досадовал! А потом энергию досады пустил на энергию работы... - сказал Йоханн и, помедлив, добавил: - И любви...

Он взял из рук Кюлли книжку. По всему было видно, что он неплохо знает «Над пропастью во ржи». Но он не стал листать её, а просто открыл первую страницу.

- Ну, и что же? - спросила Кюлли.

- А то, что ключ негатива дан в самом начале, - сказал Йоханн, и начал читать:

«Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где я родился, как провел свое дурацкое детство, что делали мои родители до моего рождения, - словом, всю эту давид-копперфилдовскую муть. Но, по правде говоря, мне неохота в этом копаться. Во-первых, скучно, а во-вторых, у моих предков, наверно, случилось бы по два инфаркта на брата, если б я стал болтать про их личные дела. Они этого терпеть не могут, особенно отец. Вообще-то они люди славные, я ничего не говорю, но обидчивые до чертиков. Да я и не собираюсь рассказывать свою автобиографию и всякую такую чушь...»

Кюлли пожала плечами.

- Вот так, - сказал Йоханн.

- Как? - спросила Кюлли.

- Для этого Холдена Колфилда всё серьёзное - чушь, в том числе и классическая серьёзная литература.

- Интересно. Как ты необычно смотришь...

- И ещё. Пожалуй, самое главное. Читая его, я сразу догадался, что Сэлинджер-Холден боялся женщин. Я не говорю «девочек». Холден под всяческими предложениями избегал секса. Он платит какой-то проститутке деньги, но не ложится с ней. Вот тут я и понял, что мне с этой компанией не по пути, потому что я люблю именно любить девочек, и хочу любить, самым обычным, самым естественным, и поэтому самым возвышенным образом...

Время исчезло и начался восторг любви.

Такой любви Кюлли не могла вообразить, потому что был обласкан и исцелован каждый миллиметр её сладкого тела, испытывавшего восторг удовольствия на самой высочайшей ноте, достойной лишь пенью Аонид.

Кюлли зажмурилась, и от этого её ресницы стали невероятно длинными, конечно, здесь и обильная тушь сыграла свою роль. Когда же ресницы расходятся, открывая цвета

морской волны глаза, в них отчётливо заметны слезы, которые, как вода из переполненной чаши, переливаются тонкими струйками и бегут по щекам.

Хрупкая фигурка Кюлли в полумраке излучает свет. Она сидит на краю дивана, прикрывая руками маленькие крепкие бугорки груди, и плачет. Йохан выходит из ванной нагишом, подходит к Кюлли, ласково опускает руку ей на плечо, затем тыльной стороной ладони вытирает со щёк слезы, после чего решительно склоняется, обнимает Кюлли, чувствуя её горячее дыхание, вглядывается в заплаканные глаза, и в приступе невероятной нежности немного приседает, чтобы коснуться коленями её разведённых бёдер. Кюлли поднимает руку и гладит серебро волос Йоханна. Тот медленно приподнимается и с высоты своего роста глядя на неё, говорит:

- Наконец-то я, как ловец во ржи, поймал маленькую девочку.

Кюлли не отводит от Йоханна ясных доверчивых глаз.

- Meri, - произносит она тихо, с придыханием, - armastust...

- Море любви, - вторит ей Йоханн.

ИЗОЛЬДА

Утро в Таллине тихое, особенно в новом доме с видом на море в районе Меерхоф. Изольде сегодня исполнилось 45 лет. Она обижена на весь мир. Её никто не понимает. С юных лет мать внушила ей, что главная цель умной девочки - это удачное замужество, а не какая-то там иллюзорная любовь. Изольда твёрдо знает, что любовь всего-навсего красивый миф, созданный романтиками, которые не понимают реальной жизни.

Изольда озабочена тем, где найти статусного обеспеченного мужа.

Где же он?!

От нетерпения она топнула ногой и прикусила губу до крови.

Отец занимается только материальным обеспечением семьи, а мать пытается реализовать свои амбиции успехами дочери, чтобы приятельницам утереть нос хотя бы зятем. Образование Изольда не получила, некогда, всё время уходит на поиски достойной партии, но женихи попадают все женатые. Изольда, пытается каждого из них убедить в своей неземной любви, требуя решительных шагов, но как только становится очевидным, что желанного предложения не последует, сквозь её старательно демонстрируемую искренность и глубину чувств прорываются тщательно скрываемые пустота и чёрствость с такой силой и очевидностью, что кандидаты под разными предлогами исчезают.

Накануне Изольда с ужасом узнала, что дочь, Наташа, выходит замуж за обычного парня, своего сверстника, раз-

рушая её установки о счастье, а она до сих пор так ни разу и не вышла замуж.

Наташу Изольда родила в надежде женить на себе очередного иностранца, но он поспешно вернулся на родину в семью.

Ошеломлённая Изольда вдруг с ужасом осознаёт, что она уже может стать бабушкой, а мужа всё нет, дочь совершенно не понимает её, не желает слушать. Дочери же она заявляет, что та предала её.

С чего начать жизнь? Каждая женщина, усвоив на чистом листе памяти своё имя, а именно с имени начинается жизнь, особенно, когда так, к примеру, делала мама, соединяет накрепко тело с именем, и как можно стремительнее старается получить от жизни всё задуманное. Посмотрит в потолок Изольда, увидит белую поверхность, словно лист бумаги, мысленно макнет перышко в чернильницу, и не спеша, в глубокой задумчивости выведет сверху: «Изольда». Её при этом имени сразу дрожь охватывает, как будто речь идёт о какой-то другой женщине.

Она с волнением встала, встряхнула головой, прошлась из комнаты в комнату, предельно сосредотачиваясь, вернулась, села и опять возвела взор к белому листу потолка.

И тут перед её глазами возникли обиженные лица многих Изольд, которых она соединяла в себе одной, этих несостоявшихся жён, которые мелькали перед ней как мотыльки. Все они что-то говорили Изольде, но вместо голосов она слышала лишь шелест, похожий на шум метели.

Что-то надо сделать другое сейчас, но звонок домофона прервал её размышления.

Ну, как же можно привыкнуть к такой неудачной жизни!? - спрашивает Изольда у самой себя, до чего же некстати прервал звонок этот! Ведь вот мелькнуло заплаканное женское лицо, и выкрикнуло её имя, а она отвлеклась. Пожалуй, стоит выпить чашечку кофе, а то глаза закрыва-

ются, за окном метель, так и клонит ко сну. Изольда открыла створку окна, и снежники соткали её имя: «Изольда». Что-то ей это имя сейчас не понравилось. Может быть, его поменять? Издеваешься надо мной, ну, пожалуйста, не надо. Оставь, Изольда победоносная, ведь ты женщина с большими запросами. Да уж, тебе уже не за горами - пятьдесят! Рукой подать до пенсии.

Когда всё вокруг Изольде нравилось, она чувствовала себя небесной птичкой. Это происходит, видимо, со всеми, когда событие, любое, хорошее или плохое, которое ждёшь с трепетом и волнением, оказывается далеко позади. Лирическое настроение преображает всё - даже хмурое, печальное утро, когда природа слёзы льёт по заблудившейся зиме с морозами и солнцем.

Изольда в отчаянии размышляла о своих неудачах, годы стремительно летели, крутились-вертелись, а мужа, законного мужа всё нет, а мать всё твердила ей перед смертью, что для каждого есть своя половинка. Но где же её половинка бродит?

Изольда уже с 10-11 лет любила слушать разговоры матери о судьбах женщин, беседовать с её приятельницами. Повзрослев, постепенно стала уверенно манипулировать взрослыми, часто выдавала желаемое за действительное.

После окончания школы Изольда вела себя настолько самоуверенно и надменно с подружками, что осталась одна. Никто из них ей больше не звонил, а при случайных встречах, она нарочито отворачивалась.

Главное - быть в центре внимания мужчин, производить на них впечатление, придирчивость к словам окружающих и нетерпимость создавали для Изольды постоянные проблемы в отношениях с её любовниками.

Где тот надёжный, состоятельный муж, который оградит её от житейских бурь?

В очередном знакомом она надеялась увидеть его, но неумение идти на компромиссы, сводило на нет все попытки, вступить в законный брак. Изольда пыталась приспособиться, но хватало её ненадолго. Она же объясняла неудачи тем, что её избранники нетерпеливы и не ценят её несомненные достоинства, поэтому благоприятная судьба никак не складывается.

Юная Изольда росла упрямой, легко раздражалась и при возникновении малейших неудач не просто расстраивалась, а закатывала матери истерики, требуя, чтобы та оградила её от жизненных неурядиц, но мать упрекала её в недостаточной гибкости и хитрости. В молодости она при возникновении малейших трудностей замыкалась в себе. Её собственный придуманный мир нравится ей гораздо больше, чем реальный. Её смутные мысли, даже не мысли, а проблески мыслей, какие-то задумки так быстро сменяли друг друга, что родители за ней не поспевали. Мать внушала Изольде, что её фантазии ни к чему хорошему не приведут, главное твёрдо стоять на ногах за спиной надёжного мужа.

Эмоции Изольды менялись так же быстро, как задумки. Она любила красивые и дорогие вещи, а также комфорт, уют и деньги. Впрочем, кто от этого откажется, особенно в молодости, когда хочется всё и сразу, здесь и сейчас.

Изольда хотела бы получить престижную высокооплачиваемую профессию, но как подарок свыше, просто за её исключительную, по её мнению, привлекательность, но поскольку чуда не случилось, она стала упрекать родителей за несчастную судьбу.

Изольда реагировала на малейшие неприятности раздражением, агрессией и негативом, пытаясь при помощи эмоциональных вспышек изменить ситуацию в свою пользу.

Повзрослев, Изольда не научилась усмирять свой пыл, поскольку не могла взглянуть на себя со стороны, даже посмеяться над собой, что делает человека добрее, но ей как

раз и не хватало этой легкости. Ей хотелось быть в центре внимания, проводить время в весёлых компаниях, где она сможет показать своё обаяние и незаурядный ум. А то, что окружающие не видят её настоящую, она объясняла завистью. Изольда не умела хранить секреты, поэтому подруг у неё практически не было. Самолюбивая Изольда тянулась только к тем, кто восхвалял её внешность и таланты.

А тут Наташа поздравила! Подарок припасла матери... замуж, видите ли, она собралась! За такого же, как и она, мальчишку безответственного... Вкладывала, вкладывала... «Я ведь ради неё всё делала, чтобы она в достатке росла, ни в чём не нуждалась. Нашла мужа себе достойного, - Изольда никак не могла успокоиться от сообщения дочери о замужестве, - мальчишку себе нашла без рода и племени...»

После рождения Наташи, которую Изольда иначе как Наташенька не называла, она желала доказать всем, что её дочь - самая умная, и внушала дочери то, что та должна полностью оправдать возложенные на неё надежды. Маленькая Наташа отличалась чрезвычайной

подвижностью, просто юла какая-то, а не ребёнок, повторяла мать. Ребёнок жаждал общения со сверстниками, часто при виде ребёнка устремлялась ему навстречу, а если видела за окном, то требовала, чтобы её скорее вывели на улицу к нему. Росла общительной и самолюбивой. Стремилась во всём быть первой...

Когда Наташе исполнилось четырнадцать лет, её словно поменяли на какую-то другую девочку, ставшую вдруг девушкой. К учёбе она относилась вообще непонятно как: тесты кое-как она проходила, но стимула учиться не проявляла. Стала делить знакомых на "фриков" и "нормальных", причём в числе якобы нормальных друзей у неё были подружки, которые на пару лет её старше и вели весьма независимый от мнения родителей образ жизни.

В четырнадцать лет Наташа стала встречаться с одноклассником Вадиком. Мальчик был вполне хороший, воспитанный, но из неполной семьи, мать его продавала мороженное в киоске рядом с их домом. Изольда попыталась объяснить дочери, что не стоит тратить время на неперспективного Вадика. Наташа не только не прислушалась к словам матери, но стала каждое воскресенье приводить его в гости. Ребята закрывали дверь в комнате дочери и сидели там целыми днями. Изольду это выводило из себя, особенно, когда она вдруг подумала о том, что дети взрослеют очень рано. А что если они там уже детей делают?! Она вскочила и побежала в комнату дочери. Приоткрыв дверь, Изольда увидела приглушенный свет лампы, услышала негромкий разговор, влетела в комнату с видом: «Ага, попались!». Ребята изумлённо посмотрели на мать. «Мам, ты чего?» - спросила Наташа, а Вадим, выронил книгу, которую он читал вслух Наташе, которая лежала одетая на диване. «Ничего, - ответила растерянная Изольда, - чего вы в доме сидите, шли бы лучше на улицу, пока погода хорошая».

Наташа мгновенно реагировала на любое высказывание матери. Она даже гордилась своим умением отстаивать своё мнение, убеждения, не вникая в возражения оппонента. Свою непоколебимую уверенность в чём-либо считала единственно правильной. Быстро реагировала на чьё-либо высказывание, с которым она согласна или не согласна. Сразу парировала, как в настольном теннисе была в ответ ракеткой по шарикю.

В восемнадцать лет Наташа всё еще не понимала глупости своего поведения, что спешить с ответами не нужно, а лучше промолчать, или подремать, как в последнее время любила делать Изольда, тем более, что обрыв был крутым, и при взгляде вниз у неё закружилась голова. Постояв пару минут с закрытыми глазами, она пошла вдоль него, в

надежде найти безопасный способ спуститься. Ветви деревьев свисали так низко над ней, что она едва успевала лавировать под ними. Обрыв перешёл в овраг, через который были переброшены две доски. Осторожно, стараясь смотреть только вперёд, балансируя руками, Изольда перешла на противоположную сторону, мысленно благодаря того, кто позаботился о переправе. По пологой тропинке она, наконец, спустилась к берегу реки, больше похожей на бурный ручей. Вновь ей предстояло искать переправу. Преодолевая отчаяние, побрела она по берегу, и обнаружила несколько плавучих брёвен, края которых были сцеплены между собой и закреплены, создавая плавучий мост. Брёвна были скользкие, но Изольда благополучно перебралась на противоположный берег... И проснулась.

Сидит на диване и перебирает в памяти бывших любовников, по-прежнему обвиняя их в своих неудачах.

Ни один из них не оценил её великую любовь, не понял своего счастья.

Как она была обрадована, когда в пятнадцать лет познакомилась у репетитора английского языка с Витольдом, чёрные маслянистые глаза которого ласково смотрели на неё, а улыбка просто сводила с ума. Его родители были с арабскими корнями, но приехали в Таллин из Швеции. Он был старше Изольды на два года. Как только мать с дочерью выяснили, что отец потенциального жениха начальник в департаменте здравоохранения, а мать преподаёт экономику в институте, Изольда влюбилась сразу, напевая: «Вот оно счастье!» Мать была в восторге не меньше дочери, повторяя: «Вот оно счастье! Уж мы его не упустим».

Изольда восхищёнными взглядами всячески старалась обратить на себя внимание Витольда, и ей это удалось.

Витольд пригласил её в кино, потом мать Изольды купила билеты в театр, и попросила Витольдчика сходить с Изольдой, потому что она внезапно заболела.

Витольд примчался к театру с опозданием на 15 минут, когда уже Изольда в гневе собиралась уходить.

- Где ты был?! - вскричала она, как будто уже окончательно присвоила Витольда себе.

Затем мать устроила Изольде день рождения и пригласила Витольда в гости с мамой, но он пришёл один, принёс дорогой букет, большую коробку конфет и серебряные серёжки, вызвав неописуемый восторг как матери, так и дочери, но через пару часов ушёл со словами, что к ним приехали родственники из Швеции.

Сколько сил Изольда с матерью потратили на то, чтобы приручить Витольда, но он вёл себя сдержанно, никак не шёл на сближение. Когда же Изольда стала проявлять настойчивость, вовсе стал её избегать, ссылаясь на подготовку к выпускным экзаменам. После окончания школы Витольд исчез на всё лето, а осенью, когда Изольда, наконец, дозвонилась до него, ей ответила его мать, и очень вежливо объяснила, что сын учится в институте, очень занят и попросила Изольду уделять больше внимания своей учёбе и больше не звонить.

Это было первое поражение. Изольда рыдала и на все увещевания матери непрерывно повторяла:

- Хочу за Витольда замуж сейчас же!

Обида на Витольда, который несказанно подвёл её, была так сильна, что Изольда тайком от матери приняла ухаживания Освальда, владельца нескольких цветочных палаток разбросанных вокруг главной площади.

Опытный в любовных играх Освальд, с тонкой ниткой усиков, окружил её вниманием, водил в ресторан, дарил огромные букеты, клялся в вечной любви, однако замуж звать не торопился. Но как он ласкал её, как пылко целовал каждый пальчик, плечико, ушко, какие шептал ласковые слова!

Устоять было невозможно.

Изольда отдалась ему в обычном гостиничном номере, в который, как выяснилось потом, он водил всех своих любимых.

Изольда была уверена, что теперь-то Освальд никуда от неё не денется, и сделает предложение.

Когда он вечером не пришёл, а она как дура прождала его целый час, на другой день при встрече с ним истерично вскричала:

- Где ты был?!

По всей видимости, в мозгу Освальда мелькнуло что-то вроде: «От этой начальницы нужно держаться подальше», - и вежливо сообщил, что у него есть жена и сыновья, и он никогда не расстанется с семьёй, потому что родители ему этого не простят, что если Изольда будет примерной девочкой, то он сделает хороший подарок.

Обиженная Изольда в слезах убежала домой, и всё поведала матери, которая в ярости понеслась искать Освальда. Нашла она его через несколько дней, ярость её несколько поубавилась, когда «негодяй» отделался кругленькой суммой.

Изольда, успокоившись, пожалела о том, что поделилась сокровенным с матерью, и дала себе слово впредь держать язык за зубами. Первый любовный опыт сильно её разочаровал, уж очень он не соответствовал её представлениям. Любопытство не давало ей покоя, ведь она слышала от женщин так много восхитительных слов о близости с мужчинами.

После выпускных экзаменов Изольда устроилась ученицей продавца в парфюмерный магазин, где познакомилась с полноватым и смуглым итальянцем Доменико, на щеках у которого были ямочки, а наличие у него золотой кредитной карточки вскружило ей голову. Она уже представляла свою красивую свадьбу в Италии и свадебное путешествие по Европе. «Хочу замуж за Доменико сейчас же!» - твердила она как заклинание.

При виде Доменико глаза её сияли, улыбка не сходила с лица, она не говорила с ним, а ворковала. Когда же Доменико увидел в её руках учебник итальянского языка и заметил попытки говорить с ним на родном языке, то был настолько покорён, что предложил ей попробовать жить вместе, многозначительно добавив при этом, что возможно заберёт её с собой в Италию.

Доменико разбудил в ней женщину, страсть их была так упоительна, что вскоре Изольда забеременела. Но возлюбленного эта новость не обрадовала. Он был так расстроен, буквально рыдал и рвал на себе волосы и, чтобы успокоить его, Изольда избавилась от ребенка. Доменико восторженно принял это доказательство её бескорыстной любви и заверил, что позже у них непременно всё будет хорошо и дети в том числе.

Но время шло, а возлюбленный только отдалялся от Изольды. Когда она пошла на третий аборт, врач предупредила её, что она может стать бесплодной, тогда Изольда решила рожать. Доменико был в отчаянии, объяснял, что у него именно сейчас проблемы в бизнесе, и он вынужден сворачивать его и возвращаться домой. На вопрос Изольды, что будет с ней и ребёнком он ответил, что у него есть семья и им придётся расстаться. Изольда закатила такую грандиозную истерику, что её понесло:

- Негодяй! - надрывно кричала она. - Где ты был раньше?! - она не просто упрекала Доменико, она обрушила на его голову все обиды и оскорбления, полученные от всех негодяев: «Все вы одним миром мазаны, обещаете золотые горы, а как только добьётесь своего, сразу забываете о своих обещаниях, вспоминаете о своей семье и спешите домой!»

Вот это «все» произвело на Доменико особенно сильное впечатление, он оставил Изольде три тысячи евро, подарил свою машину и исчез со словами, что теперь сомневается в том, что она ждёт ребёнка от него.

Изольда вернулась к матери. Через несколько месяцев родилась Наташа. Жизнь продолжалась. Изольда вынуждена была устроиться на работу, её мать сидела с внучкой. Конечно, у Изольды были короткие встречи, ведь мужчина, любила повторять она, необходим женщине ещё и для здоровья. Поэтому у них в доме периодически появлялись очередные мамин знакомые. Маленькая Наташа очень старалась понравиться этим знакомым, чтобы помочь маме скорее выйти замуж.

Отец Изольды внезапно умер от сердечной недостаточности. Женщины остались без мужской поддержки, а в квартире начались бесконечные проблемы, то электрика нужно вызывать, то слесаря. Хорошо знакомый всем жильцам слесарь дядя Ваня ушёл на пенсию, а вместо него ремонтировать бачок пришёл новый слесарь, худощавый, загорелый Анвар.

При виде Изольды глаза Анвара запылали огненным пламенем. Он не мог выговорить ни слова, а она только самодовольно улыбнулась. Он аккуратно сделал свою работу, но от денег отказался, и сказал, что для такой красавицы всегда всё будет делать только бесплатно. Изольда же подумала о том, что влюблённый Анвар может быть весьма полезен не только для решения бытовых проблем, но и для здоровья. Страсть Анвара была столь очевидна, что Изольда не устояла. Анвар стал приходить к ней вечерами в дни своих дежурств на пару часов. такого пылкого и ласкового любовника у Изольды не было. Она иногда даже сожалела о том, что он совершенно не вписывается в её планы. С Анваром они практически ни о чём не разговаривали. Изольде даже в голову не приходило, что у него есть семья. Но однажды она увидела, как из подвального помещения их дома вышел Анвар с женой и тремя маленькими детьми. При виде Изольды Анвар опустил глаза. Когда же он позвонил вечером в дверь, Изольда объяснила ему, что

скандалы в их доме ей не нужны, она сыта по горло жена-
тыми мужиками.

Поиски мужа Изольда продолжила через сайт знакомств. Предложения поступали постоянно, но как разобраться в таком потоке и определить реальную кандидатуру? Всё же ей это удалось. Она остановилась на англичанине, который предложил ей встретиться на неделю в Египте, оплатил ей поездку вместе с дочерью. Изольда отправилась с дочкой в Египет. Наташе было десять лет, она не хотела ехать с матерью к очередному потенциальному отцу, плакала, но мать с бабушкой убедили её, что её счастье возможно только тогда, когда мать будет счастлива. Эта неделя в Египте показалась Изольде адом. Англичанин оказался настолько скупым и скучным, что она еле дождалась конца отдыха и уже в аэропорту разругалась с ним, когда он стал требовать у неё возмещения хотя бы части расходов, но Изольда в ярости заявила ему, что это он ей должен за то, что она его ублажала.

После неудачного отдыха с англичанином Изольда больше месяца в тоске сидела дома, мать же вертелась, нервничала, пытаясь пристроить дочь в какую-нибудь иностранную фирму, в надежде реализовать свою мечту о богатом зяте.

Случайная встреча матери Изольды с бывшей одноклассницей помогла ей устроить дочь секретарём в офис одной фирмы, хозяином которой был состоятельный немец Гюнтер. Высокая, стройная Изольда очаровала коротышку Гюнтера, который годился ей в отцы, ласковой улыбкой, обволакивающим голоском и беззащитностью. Изольда не спускала с Гюнтера преданных глаз, старательно исполняла все его поручения, следила за тем, чтобы он обедал в одно и то же время. Щебетала ему на ушко, чтобы он берёг своё здоровье, которое её очень беспокоит. Такое внимание юной девушки льстило Гюнтеру, семья ко-

торого жила в Германии. Он навещал жену и взрослых детей один-два раза в месяц, но регулярно созванивался с ними. Изольда с трудом переносила эти звонки, но виду не подавала. Сын Гюнтера был на три года старше Изольды, а дочь на два года моложе.

Постепенно Изольда выяснила, что жена старше Гюнтера, это вселило в неё надежду стать законной супругой босса. Она стала заботиться о нём с ещё большим рвением, жаловалась на строгую корыстную мать, рассказывала, что бабушка обижают её дочь Наташу, так убедительно, что Гюнтер стал помогать ей с дочерью, а когда она, рыдая, призналась ему в своей огромной любви, купил для совместной жизни небольшую квартиру. Первые месяцы жизнь их была безоблачной. У них появилась помощница по хозяйству, Изольда стала регулярно посещать салоны красоты, заказывать себе одежду из Германии, при этом каждую покупку обсуждала с Гюнтером. Они втроём несколько раз ездили на выходные дни в Австрию и Италию. Изольда ликовала. Не прошло и года, как Изольда настолько вошла в роль жены Гюнтера, что на лице её появилась надменное выражение, а в голосе стали преобладать повелительные интонации.

Когда он являлся поздним вечером, а то и ночью, то ему пулей в лоб летел визгливый скандальный вопрос:

- Где ты был?!

Гюнтер всё чаще проводил вечера в ресторанах, а на все выходные и праздничные дни уезжал к семье. Он стал отдаляться от Изольды, а она всё чаще упрекала его в том, что он только кормит её обещаниями о разводе. Сообщение Гюнтера о том, что он возвращается в Германию, и что они расстанутся, повергло Изольду в глубокую депрессию. Но Гюнтер совершил всё-таки широкий жест, оставив Изольде свою маленькую квартиру с видом на море в Мерхофе.

Пошёл снег. Изольда очнулась от снежной музыки, прислушалась: шу-шу, ша-ша, бесшумна та мелодия, но Изольда слышала столкновения снежинок. Тихо-тихо доносились звуки отовсюду. Потом всё сразу побелело, как будто вид на море закрыл занавес. Метель покрасила белилами окно, и потолок казался ещё белее, но Изольда всё равно приоткрыла створку, чтобы снег влетел в комнату.

Потом Изольда одевается и идёт по узкой снежной аллее к морю, где над чёрной водой носятся чайки. Изольда несёт большой пакет, набитый крошками хлеба. Хлеб она покупает только для чаек, сама не ест, чтобы не поправляться.

ПОСЛЕ МЕНЯ

Выйдя на пенсию, Дарья Дмитриевна испробовала всевозможные диеты, но ни одна из них не улучшила её здоровья, несмотря на то что она потратила на них не один год. Походы в поликлиники ей не просто не помогли, но она убедилась в том, что это совершенно пустая трата времени в бесконечных очередях, да к тому же прямая возможность потерять то, что осталось от здоровья.

При этих мыслях Дарья Дмитриевна тяжело вздохнула, подошла к холодильнику и, открыв его, проговорила:

- Ну... Что Егор тебе приготовить на завтрак?.. Может кашу рисовую молочную с черничным вареньем?.. Опять чашку кофе и сыр... А я с удовольствием кашку поем...

Она берёт пакет молока, наливает его в ковшик и ставит на маленький огонь, насыпает в чашку рис, промывает его в восьми водах и аккуратно перекладывает в молоко, чуть-чуть подсаливает и ждёт, когда молоко поднимется, затем три минуты следит, чтобы каша не сбежала. Выключает. Кладёт сливочное масло, плотно закрывает ковшик, заворачивает его в газету, накрывает полотенцем и оставляет на полчаса, чтобы каша дошла. Включает чайник, ставит на стол хлеб, сыр, вазочку с черникой, протёртой с сахаром.

Каждый год накануне своего дня рождения Дарья Дмитриевна пыталась убедить мужа встретиться с её родственниками, которые всегда приходили без приглашения, чтобы поздравить её, но Егор Антонович всегда уходил рано утром к своей матери.

Тёща, дрожа от гнева, цедила сквозь зубы:

- Вот ведь наказал Господь зятьком! Никакого уважения...

Родственники тоже не отставали от матери Дарьи Дмитриевны, высказывая свои обиды на «профессора», который мог бы хоть раз уважить их. Дарья Дмитриевна пыталась сгладить взаимное непонимание обилием еды и питья. Каждая из четырёх племянниц пыталась хоть на минутку уединиться с тётушкой, чтобы пожаловаться на тяжёлую жизнь, долги, болезни детей, в надежде получить «хоть чуть-чуть денежек». Дарья Дмитриевна старалась им помочь, присматриваясь, кому из них можно будет доверить нажитое добро, останавливаясь периодически на одной из них, шла к нотариусу, составляла на избранницу завещание, а через какое-то время переписывала завещание на другую.

Мысли о том, что достойного наследника нет, не давали ей покоя.

Простая жизнь, простые мысли, день идёт за днём. А ночь тревожна...

Полоса света из окна дома напротив своим мерцанием тревожит Дарью Дмитриевну, не даёт уснуть. Чтобы узнать который час, она подходит, не зажигая света, с будильником к окну. На часах половина третьего.

Дрожащий луч рассекает пространство, как будто кто-то жонглирует заточенным лезвием.

Луч этот обнажает потаённые мысли, от которых Дарья Дмитриевна тщетно пытается избавиться. «Есть ли на свете хоть один человек, которому ни разу не приходилось прятаться от очевидного?» - думает она, и вздрагивает от странного звука чужого ржавого голоса, вглядывается вглубь комнаты. Нашупав тапочки, она идёт на кухню, смочить горло.

Звуки монотонной мелодии тонут в снегу.

Юная Даша, обвязанная крест-накрест пуховым платком, стоит на крыльце, вслушиваясь в едва различимую ме-

лодию. Кто-то выбивает коврик неподалеку, и на снегу остаются дымчатые квадраты пыли, но звуки ударов проваливаются в мягкость падающего снега, а пальцы в варежках нажимают то на белые, то на чёрные клавиши. Сквозь искрящиеся снежинки проступают чернеющие крыши домов, деревья, арматура, трамвайные пути, движущаяся фигурки, укутанные плотным слоем одежд. Слышно, как падает снег, и летит птица. Все наносное и сиюминутное теряет смысл, перед взором остаётся крыльцо, занесённое снегом, звон трамвая вдалеке, торжество покоя.

Она витает над землей, подобно бабочке перепархивает от одного дерева к другому. Кто она? Трудно предугадать, что произойдёт, когда она коснётся своими маленькими ножками земли. Страшно, но так интересно. Она неуловима, её сердце словно подсказывает направление полёта. Оно, сердечко, как бы окутывает землю, а её тончайшие крылышки продолжают своё движение, то поднимая её над деревьями, то паря вниз, и уже у самой земли вновь уносят Дашу к скользящим облакам. Происходит нечто невероятное, но захватывающе приятное. Даша свободно перемещается в пространстве, внезапно острая колющая боль пронзает её сердце, она судорожно делает один глоток за другим, и возвращается в комнату.

Ощущение лёгкости исчезает, а боль сменяется горькими воспоминаниями пережитых обид от бесконечных родственников, которым она делала только добро, а получала вместо благодарности одни претензии в том, что могла бы помочь и больше.

Очень долгими бессонными ночами Дарья Дмитриевна вновь и вновь прокручивала ленту своей семейной жизни, пытаюсь понять, почему же так непросто складывалась на протяжении тридцати лет их с мужем совместная жизнь, в которой они не могли долго существовать друг без друга, но и так часто разбегались по своим углам.

Не было у них своего дома, так и кочевали двадцать лет из квартиры её матери в его квартиру, а самостоятельно вдвоём всего-то и прожили не полные десять лет.

Причиной был обычный квартирный вопрос. Дарья Дмитриевна жила в двухкомнатной квартире, которую её мать получила от завода, на котором проработала сорок лет. Мать, женщина суровая, властная, требовала постоянного внимания и заботы от дочери, а мужа её иначе как «этот чужак» не называла. Всё в Егоре Антоновиче раздражало тещу - его вежливость она воспринимала как демонстрацию культуры, молчание как гордыню. Мать Дарьи Дмитриевны занимала большую комнату с телевизором, а дочке с зятем выделила восьмиметровую комнату, остальное время по её убеждению они должны были проводить вместе, в её комнате перед телевизором. Мать не выносила закрытых дверей комнат, проходя мимо, всегда их открывала. Егор Антонович авторитарную тещу больше двух дней не выдерживал, сбегая к своей матери, которая жила в соседнем доме благодаря стараниям Дарьи Дмитриевны, потому что это она в течение года занималась обменом квартиры мужа. Не раз она уходила вместе с ним, но у матери мгновенно повышалось давление или случался сердечный приступ, поэтому Дарья Дмитриевна была вынуждена возвращаться к ней, чтобы выслушивать постоянные упрёки в том, какая она чёрствая и жестокая дочь и что «чужой мужик» ей дороже родной матери.

Мать мужа, Егора Антоновича, была женщина тихая, приветливая. Она жалела своего Егорушку, если он, войдя в квартиру, проходил в свою комнату, молча поцеловав её в щёку, она не задавала ему вопросов, а тихонько уходила к себе в маленькую светёлку и, убавив звук телевизора, рукодельничала, пока сын сам не попросит ужин или чаю. Дарью Дмитриевну она называла дочкой, и была с ней предельно деликатна. Конечно, Егор Антонович пытался убе-

дочь Дарью Дмитриевну жить у него, но у той не хватало сил и решительности, чтобы оставить родную мать в одиночестве, несмотря на то, что считала доводы мужа более чем убедительными.

Споры с мужем о том, у кого жить, были единственным камнем преткновения в их отношениях.

В пятьдесят два года Дарья Дмитриевна похоронила свою мать, которая прошла через все испытания и невзгоды своего поколения, овдовев в 1942 году, одна вырастила сына и дочь. Более того, Даша единственная из всех своих многочисленных двоюродных сестёр и братьев получила высшее образование, чем мать так гордилась, как будто это она вечерами поле работы пять лет ездила в институт. Правда, по специальности дочь не работала ни одного дня, но это никак не влияло на материнскую гордость. Отца Дарья Дмитриевна не помнила, знала его по старой маленькой фотографии. Брат не вернулся домой после армии, женился и остался на Урале.

Среди женских добродетелей нет ни плохих, ни хороших. Есть в той или иной мере счастливые и несчастные. Женская правота измеряется удачей. Заплаканного лица не прощают. Хороший вкус человеческого общежития требует сдержанности, это знает каждый. Страдание оскорбляет равнодушных свидетелей, а неравнодушные устают от него.

В этом Дарья Дмитриевна убедилась на собственном печальном опыте - когда супруг через двадцать лет, как ей казалось безмятежной жизни, в любви и надёжности которого она не сомневалась, неожиданно ушёл к своей аспирантке, она, можно сказать, потеряла голову, в полной мере прочувствовав жестокость равнодушных свидетелей в лице своих родных.

Через пару лет аспирантка мужа благополучно защитилась и вышла замуж за ровесника. Её уход совпал со смер-

тью матери мужа. Егор Антонович был настолько поглощён своими переживаниями, что совершенно растерялся и обратился к ней с просьбой о помощи. Дарья Дмитриевна не только выразила ему поддержку и сочувствие, но и взяла на себя решение всех печальных проблем, помогла ему найти силы, чтобы справиться со своей болью.

Это были длинные, длинные, суматошные три дня: позже Дарья Дмитриевна так и не смогла понять, откуда у неё появились силы, чтобы справиться с бесконечными хлопотами и делами, а также собрать родственников свекрови, проживающих не в Москве, встретить их, разместить, проводить. Отношения с родственниками мужа поддерживала только его мать, после её смерти они прекратились.

Горе вновь объединило супругов. Случившееся с ними расставание, видимо, было неизбежно, и Дарья Дмитриевна даже в мыслях никогда не сетовала на измену мужа, понимая, что это так же неумно, как грозить в небо кулаком за то, что там совершаются космические процессы или восходит и заходит солнце. Воссоединившись после расставания, они стали относиться друг к другу бережно и терпеливо.

В ту последнюю новогоднюю ночь с мужем Дарья Дмитриевна не могла избавиться от мрачных предчувствий, ей казалось, что зловещая угроза притаилась в мирных берегах их маленького, благополучного уголка, сердце её сжималось предчувствием неизбежного краха, по лицу то и дело текли неконтролируемые слезы. Слава богу, муж не заметил их в полутёмной комнате.

Дарья Дмитриевна была убеждена в том, что сохранить долголетний брак удаётся супружеским парам, либо потому, что партнеры неравны и более слабый вовремя капитулировал, сдался на милость победителя, или же оба, после борьбы, заключили перемирие на основе взаимных

ограничений. Бывает также, что сохраняются союзы, с самого начала питаемые не столько любовью, сколько более стойкими и неразлагающимися от времени элементами единства идей, работы, убеждений, вкусов, сходства духовного склада или жизненной зависимостью друг от друга.

По определению мужа, Дарья Дмитриевна напоминала полураспустившуюся почку: ростом не более полутора метров, несколько расширяющуюся книзу, на маленьких ножках 34-го размера. Мелкие черты лица, почти кукольные, маленький ротик, левый уголок губ был слегка вздёрнут, как будто с её лица не сходила задорная ухмылка, курносый носик, глубоко посаженные глаза, придавали таинственность, меняя цвет в зависимости от освещения. В молодости муж с нежностью называл её "ранней весной". Одевалась Дарья Дмитриевна просто, предпочитая прямые приталенные платья, отличающиеся друг от друга только воротником и расцветкой. К золоту и драгоценностям относилась равнодушно, для особенно торжественных выходов у неё была единственная нитка жемчуга, серёжки с жемчугом, да обручальное кольцо, но выглядела она всегда аккуратно. Была у неё одна страсть - туфли. В годы дефицита она не могла устоять перед очередной моделью, если её размера не было, она покупала на размер меньше в надежде разносить туфли или на размер больше, убеждая себя в том, что подложит в носок ваты, ходить в них, как правило, не могла. В основном, туфли так и лежали в коробках долгие годы. Но расстаться хотя бы с одной парой Дарья Дмитриевна не могла. Хранила их на антресолях, доставая и примеряя в те редкие дни, когда матери не было дома.

Муж относился к её страсти спокойно, а вот мать приходила в ярость при виде очередной коробки, но даже она не могла справиться со страстью дочери.

С мужем, Егором Антоновичем, они были одногодки, но выглядели как две противоположности - он худощавый и высокий, она маленькая круглая.

После сорока Егор Антонович казался значительно старше жены из-за ранней седины, которую тщательно скрывал, регулярно подкрашивая волосы хной, отчего у них был соответствующий оттенок.

Дарья Дмитриевна с пониманием относилась к его попыткам скрыть возраст и даже сама напоминала, что пора покрасить корни, не замечая, что Егор Антонович выглядит смешно с неестественным цветом волос на седых корнях, ей всё в муже нравилось.

Тёщу попытки зятя скрыть седину раздражали, а жена старалась всячески смягчать и сглаживать высказывания матери.

В отличие от общительной Дарьи Дмитриевны, которая всю жизнь была администратором в ведомственной гостинице, умела разговаривать и договариваться почти со всеми, Егор Антонович был человеком замкнутым, праздным разговорам предпочитал книги и статьи по экономике. Он так и не защитил докторскую диссертацию, над которой работал до последнего дня

жизни, Дарья Дмитриевна объясняла это его исключительной скромностью. Долгие годы Егор Антонович много курил, что очень беспокоило жену и она постепенно, мягко убедила его заменить сигареты леденцами.

Дарья Дмитриевна подошла к окну, раздвинула шторы, но ни неба, ни земли не увидела, сплошной туман. Постояв какое-то время, она пошла на кухню, заглянув в маленькую комнату, в которой они прожили с мужем большую часть совместной жизни. Диван, письменный стол у окна, стул, да книжные полки - вот и всё. Как только они умудрялись тут помещаться, не мешая друг другу, понять было невозможно! У письменного стола Егора Антонович,

она провела рукой по столу, поправила рамку с их совместной фотографией, смахнула набежавшую слезу, и пошла на кухню. В маленькой кухне стояли рядом холодильник и морозильная камера, под потолок, как будто здесь жила многодетная семья. Дарья Дмитриевна была женщина запасливая. Как часто повторял муж, на кухне, запасы, как на подводной лодке, можно безбедно год прожить.

Напротив, над рабочим столом висели полки, стояли плита и мойка, а справа прямо у входа была втиснута стиральная машина. Слева стоял маленький столик, сделанный на заказ и две табуретки. На подоконнике покоились банки с крупами. Она поворачивается к окну и задумчиво произносит:

- Сварю-ка я себе кофе! Знаю, знаю, что нельзя, но уж очень хочется... С конфеткой...

Дарья Дмитриевна сглатывает слюну, достаёт из холодильника пакет с шоколадными конфетами, берёт одну конфету «Белочка», открывает холодильник, чтобы убраться пакет, но вновь решительно открывает его, достаёт ещё несколько «Мишек косолапых» и «Огни Москвы», приговаривая: «Нельзя, нельзя! Хочу и буду радовать себя! Вредно, но лишать себя удовольствия тоже не очень-то полезно. Одна радость осталась у меня - вкусненькое! В юности денег на вкусненькое не было, а нынче, когда я могу покупать его вдоволь, врачи пугают, что вредно. Нет уж, не так много у меня радостей осталось!»

Дарья Дмитриевна смотрит на часы, чтобы скоротать время пока доходит каша, идёт поливать цветы в комнатах.

У письменного стола мужа она садиться на его стул и вновь перебирает его вещи, и мелкие вещицы, сохраняющие эффект его присутствия. Каждая вещица лежит на своём месте, когда-то она была полезна. Мелкие вещи, порой, терялись, а потом находились, радуя хозяина. После

смерти его исчез смысл их существования, а ведь прежде каждая вещь была нужна. Например, авторучка «паркер», которую она когда-то достала ему в подарок с таким трудом, как же он радовался этому подарку! Недалеко от настольной лампы стоит их совместная фотография в красивой резной рамке, купленной во время их первого совместного отдыха на Северном Кавказе, которая нравилась им обоим. Лежит блокнот мужа с его последней торопливой записью, а на нём открытая пачка сигарет, в чистой пепельнице - коробок спичек, муж не любил зажигалки, в карандашнице красуются остро отточенные мягкие карандаши: красный, синий и простые. Муж всегда делал пометки на полях книг разными карандашами, по принципу понятному только ему. Эти вещи по-прежнему ждут своего хозяина. Мысль о том, что в случае её смерти всё это просто выбросят, не давала ей покоя.

- Ох, Егор, как же ты подвёл меня, как рано ушёл! Мы только жить стали для себя!

Дарья Дмитриевна идёт в «залу», обводит её глазами, ведь за несколько месяцев до смерти муж сделал ремонт в ней - сам побелил потолок, поклеил обои, двери покрасил, живи себе беспечно, смахнув набежавшие слёзы, она полила цветы на подоконнике, потом на этажерке у окна. Комнатные цветы стояли всюду. Дарья Дмитриевна ухаживала за ними, разговаривала, а они отвечали ей красотой и обильным цветением.

Дарья Дмитриевна остановилась перед сервантом, любясь посудой, которую собирала всю жизнь. Изящные перламутровые кофейные чашечки с молочником, такие тоненькие, их прямо в руки страшно взять. Она их из Праги привезла, и ни разу не пила из них, опасаясь разбить, впрочем, как и всё, что красовалось в серванте: сервизы, бокалы, приборы из мельхиора. Для приёма родственников Дарья Дмитриевна ставила обычные де-

шёвые тарелки, стопки, приборы из нержавеющей стали. Сервизы же и прочие доказательства достатка ждали гостей «важных», но так и не дождались. Надо сказать, что Дарья Дмитриевна из года в год только собиралась начать настоящую жизнь.

- Господи сколько же мы с тобой, Егор, добра нажили, какая красота! Кому всё это достанется? Кто здесь будет хозяйничать, если я умру? Я хочу, чтобы в нашей с тобой квартире всё оставалось так, как есть! Но как это сделать? Вот ведь племянницы так и ждут моей смерти, все между собой переругались, а мне в один голос каждая твердит: «Тётя, давай я тебе помогу убраться, вынести всё ненужное...». Ишь, нетерпеливые, спешат всё выбросить. Нет уж, пока я жива, никому не позволю хозяйничать, а кому это всё оставить подумаю ещё. Почему нельзя в завещании потребовать, чтобы наследники ничего не меняли? - Дарья Дмитриевна замолчала, прислушиваясь.

- Даша, о чём ты думаешь?

Голос мужа прозвучал так явно, что она даже вздрогнула, но не удивилась, она чувствовала, что он здесь, рядом, просто его нельзя увидеть.

- Егор, не хочу, чтобы наш дом чужим людям достался! Вот о чём! Я смерти боюсь! Что делать?

- Живи! Не думай о смерти, она сама тебя найдёт в нужный час.

- Как это сделать?

- Ты меня удивляешь... Просто живи...

- А что тебя удивляет? Ты столько труда вложил, столько сил на свою науку, карьеру, а наследники ведь ничего этого не оценят. Им ничего не жалко... Ты всё только обо мне беспокоился, а я переживаю, что будет с тем, что мы нажили, после нас, чтобы квартира досталась человеку благодарному, который будет просто пользоваться ею, но менять и выбрасывать ничего не будет.

- Но это не в твоей власти...

- Пока в моей! Я, слава Богу, ещё жива, за здоровьем слежу, денег на него не жалею. Есть ещё время!

Поскольку она книг не читала, самым большим удовольствием для неё были женские глянцевого журналы, из которых она после прочтения аккуратно вырезала кулинарные рецепты, полезные советы, «умные», по её мнению, мысли и складывала их сначала в банку из-под печенья, потом в обувную коробку, искренне веря в то, что они пригодятся. Шли годы, коробки множились, а времени, чтобы разложить вырезки по конвертам, не было.

К очередной уборке в шкафах, шкатулках и чемоданах Дарья Дмитриевна приступала стихийно. Перебирая наполняющие её дом предметы, она вновь и вновь пересматривала свою жизнь, погружаясь в наиболее дорогие воспоминания, каждый раз убеждаясь в том, что не в силах ни с чем расстаться.

Она не просто убиралась, она как бы просматривала свою жизнь заново. В этом процессе нет места спешке и суете, его невозможно ограничить конкретным промежутком времени.

После каждой подобной уборки следовал очередной мучительный процесс размышлений о том, кто из четырёх племянниц относится к ней уважительнее, но выбор был скудный. Племянницы то и дело сами обижались на Дарью Дмитриевну за скупость, а она, в свою очередь, упрекала их в неблагодарности, шла к нотариусу и отменяла завещание.

Потом наступало перемирие, следовала видимость заботы и внимания, в этот период племянницы ссорились между собой, каждая из них жаловалась Дарье Дмитриевне на остальных. Потом вдруг Дарье Дмитриевне представлялось, что одна из них поумнела, и она шла вновь писать завещание.

После всех этих забот о том, что будет «после меня», прошло не одно десятилетие.

Дарье Дмитриевне, оказавшейся очень живучей, исполнилось девяносто пять лет. Она давно уже похоронила не только племянниц, но и их мужей, утратила связь с внучатыми племянниками. Вокруг не было ни одной родной души. Наследников не осталось. «Надо жить», - сказала себе Дарья Дмитриевна и устроилась у телевизора.

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

В один из пасхальных дней Надежда Никитична вышла из трамвая на той остановке, где ждала её дочь Катя. Они перешли горбатый мост, поднялись на горку и остановились, чтобы отдышаться.

- Мама, какая красота! - сказала Катя. - Я никогда не была здесь, даже не предполагала, что есть такой уголок старой Москвы.

- Да, когда-то я взлетала на эту горку с лёгкостью птицы... А сегодня у меня сердце так сильно стучит... В детстве вернулась... Через столько лет!

Надежда Никитична, худощавая брюнетка, волосы почти седые. Лицо узкое, близорукая, единственный недостаток - курит всю жизнь и не может ни одного дня прожить без трёх-четырёх чашек чёрного кофе. К еде относится равнодушно. Готовит простую еду не заморачиваясь, поели и встали из-за стола, нечего из еды культ делать, застолья не любит, принципиально не печёт и банки не закатывает, считает, что лучше провести время на дачном участке среди благоухания цветов, чем стоять у плиты.

Весеннее солнце разгулялось по-летнему после мрака зимы. Мать и дочь сели передохнуть на скамейку у церкви. Пронзительная тишина окутала их. И вдруг из-за колокольни донеслась неожиданная трель соловья.

- Не может быть! Так рано! Только начало весны! Они ж в мае поют! - не веря своим ушам, с какой-то детской радостью провоскликала Надежда Никитична.

- Ой! - только и произнесла Катя, и некоторое время так и оставалась с открытым ртом.

Деревья еще голые. Небо синее. И соловей. Надежда Никитична попыталась найти солиста глазами, но он затерялся среди ещё голых после зимней стужи ветвей.

Дочери выросли, вышли замуж, у старшей, Кати, - второй муж. Первый раз вышла замуж за соседа, друга детства, едва им обоим исполнилось 18 лет. Через год разбежались. Младшая, Мила, в девятнадцать вышла замуж за таксиста, родила сына, работает в отделе женской одежды, спокойная, дружит с матерью, самостоятельная. Катя лет десять после развода искала себя, но к тридцати успокоилась, вышла замуж, родила дочь. А тут ей знакомая сообщила, что видела её мужа с другой женщиной. Дочь взвилась от обиды и выгнала мужа, а выяснять отношения с ним отказывалась.

- Уж как соловушка для нас, Катя, заливается!

- Да, это он невесту, наверное, себе высвистывает! - выдохнула Катя.

Муж Надежды Никитичны, Николай Семёнович, человек открытый, простой, больше всего любил проводить свободное время в гараже, поэтому от него постоянно пахнет бензином. Ещё со времён Дворца пионеров он обожал работать руками, оборудовал себе там мастерскую, любил паять, сверлить, точить что-то. Другая бы жена постоянно упрекала его за пустую трату времени, но Надежда Никитична нисколько ему не препятствует, уважает его увлечение, поскольку тоже не отдаётся быту до фанатизма, сама спокойно занимается своими делами, любит рукоделие, отлично шьёт и дочерей учит всегда делом заниматься, не убивать время впустую.

- Как заливается, какие трели... а сейчас, слышишь, как будто зовёт кого?

- Мама, не нас с тобой.

Беспокойство или внутреннее напряжение Надежда Никитична снимала физическими занятиями, к примеру, мы-

ла окна, ванну, гладила, волнение исчезало бесследно, а всё вокруг блестело. Она никогда не делилась с приятельницами или соседками ни своими проблемами и огорчениями, ни делами и заботами мужа и детей. При этом она была человеком дружелюбным.

Дружелюбие не предполагает глубины доверия, достаточно вежливости и поддержки в делах и целях, чтобы хорошие отношения сохранить, нужно соблюдать границы дозволенного, правила эти она не нарушала.

- Что-то я никогда такой мелодичной соловьиной песни не слышала.

- Ну, ты и фантазёрка, мама, я за тобой раньше этого не замечала.

- День-то сегодня какой тихий, тёплый... и соловей... особенный...

Когда соловей стих, они зашли в храм, поставили свечи за здоровье родных, и пошли по улице, где как жемчуга рассыпаны особняки и домики классической Москвы.

- Как тебе улица детства? Изменилась? - спросила Катя.

- Конечно, стала как музей, ухоженная, прежде всё было гораздо проще - облупившаяся штукатурка на фасадах и краска на рамах, но зато на подоконниках всюду были цветы. Особенно нравились столетник и герани красные, розовые, белые, горошек душистый. Как-то по-другому всё было... И жизнь совсем другая была... - задумчиво проговорила Надежда Никитична.

Она прислушивается к голосам, доносящимся из распахнутого окна, пытаюсь разобрать в общем шуме голос своей матери, и слышит, как мама напевает:

Далеко-далеко,
Где кочуют туманы...

- Так о чём ты хотела поговорить, мама?

- Я сейчас, подождите... Катя, это ты...

Катя с недоумением остановилась.

- А кто же ещё! Ты же сказала, что тебе нужно сказать мне что-то важное, - сказала Катя.

- Я помню, поэтому и привела тебя сюда, надеясь, что здесь ты услышишь меня. Катюша, ты просишь, чтобы я посоветовала тебе: простить мужу измену или развестись с ним? - Надежда Никитична сделала паузу, подбирая слова. - Но, доченька, ты же знаешь, что я советов не даю, потому что они никому не нужны. Каждый должен сам решать, слушать свою душу, быть мягче, уступчивее, а это именно такое решение...

- Мам, не начинай, а...

- Прошу меня выслушать. Один раз...

- Ладно, обещаю...

- Как ты считаешь, у нас счастливая семья?

- Конечно! Ещё бы! Вам с отцом повезло, что вы встретились...

- Можно и так сказать...

- То есть?

- Именно! Есть и то, и это.

Надежда Никитична прожила с мужем уже не один десяток лет. Познакомились они в то время, когда она была студенткой дошкольного отделения педагогического института, а он после армии учился на инженера, был уже дипломником. Влюбились, поженились буквально через три месяца, года не прошло, как Катя родилась. Надя - студентка, он целыми днями на работе, в день зарплаты ждала его, волновалась, как бы не увлёкся, отмечая рождение дочери. Жили с его матерью в одной комнате в коммуналке. Через пять лет Мила родилась. Свекровь поддерживала Надю, помогала, они с ней были дружны, потому что Надя понимала, если хочешь сохранить семью, уважай родителей и его и своих.

- Понятно... - вздохнула Катя, опуская глаза в землю.

- Катя, ты обещала меня выслушать. Один раз...

- Слушаю...

- Я устроилась в ясли, чтобы быть рядом с тобой, потом перешла в сад, родилась Мила. Наш дом расселили, мы получили квартиру отдельную, жили хорошо, но тут свекровь слегла, нужен был уход постоянный, мне пришлось уволиться...

Соловей где-то совсем рядом запел новую песню, да с таким упоением, что Надежда Никитична замолчала.

- Ты это к чему?

- К тому, дочка, что жизнь - очень длинная, да всё в гору, тяжело идти, но нужно и с минимальными потерями, чтобы сохранить самое дорогое, что она тебе дала - любовь, семью... Вот ты и определись, чего сама хочешь? Что для тебя главное, а потом уже поступки совершай...

И вновь запел соловей.

Пытаясь разглядеть крошечного серенького солиста среди ветвей ещё голых деревьев, мать и дочь свернули в переулочек. Соловья они так и не увидели, но залюбовались заброшенной усадьбой, которая ожидала восстановления. Усадьба была небольшая, дом старый и незатейливый стоял на углу как будто вышел оглядеться. Ворота явно покосились, но от усадьбы так и веяло теплом и уютом прежней Москвы.

Дочки выросли. Родители строили планы, что их дочери непременно реализуют то, чего им самим не удалось добиться. А девочки считали иначе, они действовали, как родители, сообщив однажды, что вскоре у каждой из них будет ребёнок и своя семья. Пока родители привыкали к мысли, что у их дочерей уже появились свои дети, им сообщили, что уже внуки собираются создать семью.

О том, как непросто этого достичь, чтобы в доме была любовь и гармония, она вообще не задумывалась. То, что

семья - это ежедневный взаимный путь уступок, терпения, умения слушать и слышать, промолчать и прощать, она узнавала, совершая ошибки и преодолевая обиды. Конечно же, любовь разбивается не только о быт. Разбивается она оттого, что не хватает воздуха свободы и доверия. Прежде всего, хорошо бы молодым понимать, создавая семью, что ни муж, ни жена не получают друг друга в собственность на всю жизнь.

Всякое становление проистекает из повторений, при которых «материал» закрепляется, становясь второй натурой. Характер складывается из постоянных ежедневных действий, превращающихся в привычки, сохраняющие при этом привязанности детства, которые совершенствуются под влиянием взрослых. Мудрость окружающих людей, их терпение способствуют становлению характера нового человека, впитывающего всё, что его окружает и о чём ему говорят умные книги.

- Мама, ты устала?

- Устала, дочка, но счастлива! Как же эта маленькая птичка поительно поёт о любви!.. Поехали домой.

- Это всё!

- В смысле?

Благодаря мудрости и терпению Надежды Никитичны они пережили все кризисы - измену мужа, взаимные обиды, непонимание. Примерно через десять лет после свадьбы Надежде Никитичне «добрые» знакомые сообщили, что Николай Семёнович ей изменяет, и пытались рассказать подробности, но она их не только слушать не стала, даже бровью не повела. Долго думала о том, стоит ли выяснять отношения с мужем, но решила промолчать, поскольку терпеть не могла разговоров о личной жизни других, и сама никогда ни с кем не делилась. Муж вёл себя странно, нервничал, но она вопросов не задавала, вела себя ровно и спокойно. Примерно через год всё стало как прежде.

- Ты мне хотела сказать что-то очень важное...

- Соловей всё сказал, лучше не скажешь... Счастье - это взаимный труд... Всю жизнь!

Жизнь идёт по кругу, ежесекундно одни приходят в этот мир, а другие покидают его, не задумываясь о краткости и смысле своего земного пребывания. Все спешат устроиться покомфортнее, посытнее. Люди как «Бесы» Достоевского покоя не знают, плодятся и множатся, то и дело выскакивают отовсюду. Спешат, суетятся... исчезают. Понятие вечности у них аморфное. А тех, кто живёт совершенно другими категориями, пытаюсь познать то, что написано до них в книге Вечности и пишут, создавая свои книги в ней, в лучшем случае жалеют, считая убогими, а то и презирают. Зачем им знать, что каждая «маленькая мушка, которая жужжит около него в горячем солнечном луче, во всем этом хоре участница: место знает свое, любит его и счастлива; каждая-то травка растет и счастлива! И у всего свой путь, и всё знает свой путь, с песнью отходит и с песнью приходит...» и что соловей свистал! Не свистел, а свистал! «Я по глазкам видел; помните, вечером-то, при луне-то, соловей-то еще свистал?» - свистал при Достоевском, что устами старца Зосимы проповедует не только любовь к природе, но и покаяние перед её существами: «Всякая-то травка, всякая-то букашка-то, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают её сами, и, вижу я, разгорелось сердце милого юноши. Поведал он мне, что лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того как в лесу ничего я, говорит, не знаю, да и все хорошо».

Некогда людям теперь читать, думала Надежда Никитична, тем более Достоевского, лишь единицы задумаются над тайной: «Тайна что? Всё есть тайна, друг, во всём тайна бо-

жия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поёт, али звезды всем сонмом на небе блещут в ночи - всё одна эта тайна, одинаковая. А всех большая тайна - в том, что душу человека на том свете ожидает».

Надежда Никитична и Катя в раздумьях и разговоре медленно шли по старой улице.

Дома, домики, флигеля, мезонины, доходные домищи, достающие до неба, а уж каждый угловой дом выстроен на особинку. Плотно прилегают друг к другу, чтобы самый сильный и колючий ветер не мог прорваться сквозь их стены, а уж раскрашены как пряники, с фасадами кирпичных, темно-песочных, зеленых, кисельных, оливковых, белых, фисташковых, кремовых цветов. Каждый хвалится своей изюминкой - скульптурами, разнообразием лепных лент, разностью окон и дверей.

Надо сказать, что Надежда Никитична ходила по узким тротуарам крайне осторожно. Она слишком хорошо запомнила падение в марте прошлого года, когда, не заметив маленький кусочек льда, поскользнулась, упала и сломала запястье, спешила в школу за внуком, но не почувствовав боли, вскочила, дошла до школы, где боль пронзила её с такой силой, что пришлось попросить охранника вызвать «скорую». Перелом запястья, гипс на месяц, пришлось научиться справляться по дому одной рукой. После падения несмотря на то, что асфальт под ногами был уже сухой, она очень внимательно смотрела под ноги, так, что даже не заметила ленту, предупреждающую об опасности. Одновременно с возгласом: «Поберегись!» - перед ней упал внушительный кусок льда, его осколки разлетелись в разные стороны. Надежда Никитична в страхе остановилась и подняла голову. С крыши жилого дома 20-х годов прошлого века рабочий в альпинистском снаряжении сбрасывал гроздь огромных сосулек, другой рабочий в оранжевом

жилете стоял у ограждения, предупреждая об опасности.

Надежда Никитична зашла в ближайшую арку, под её ногами хрустнул со звоном колокольчиков тонкий весенний ледок и тут же растаял. Она достала пачку сигарет с лавандой, спички и закурила, в недоумении оглядываясь по сторонам, пытаясь понять, куда исчезла зима!? Где сугробы, которые она наблюдала буквально неделю назад, думая о том, что они, вероятно, пролежат до июня? Это был первый не просто тёплый, а жаркий день. Природа вновь изумляла скоротечностью весны, которая спешит уступить место лету.

Вечер был по-летнему хорош. Надежда Никитична унесла чай, убрала посуду. Подошла к окну, открыла его. Звуки улицы понемногу затихли, в кустах сирени под окнами защёлкал соловей. Звездное небо как будто наблюдало за ней. Первые листочки ещё только готовились появиться, но соловьи неторопливо и спокойно исполняли песнь любви. Один из них, вероятно, отчаянно влюблённый, заливался с таким упоением, ожидая отклика, который последовал откуда-то издалека. Влюблённый щёлкнул один раз и затих, ожидая.

Соловьи перекликались вперемежку, и слышно было, как они тревожно перелетали с места на место.

Надежда Никитична заслушалась. Бесшумно ступая, подошёл Николай Семенович и обнял её за плечи.

Они долго стояли молча.

Соловьи затихли.

Она хотела уйти.

- Давай постоим, - сказал он, удерживая её. - Здесь так хорошо.

Она оперлась рукой о подоконник и посмотрела вниз.

- Да, хорошо... Коля, я вот стою и думаю о том, что столько лет живу на свете, уже внуки подрастают и только нынче как в первый раз услышала соловья! Мне всё неког-

да было прислушаться, насладиться его трелями, переливами. Боже, какая красота!

Николай Семёнович, смущённо сказал:

- Надюша, тебе можно стихи писать.

- Сказал тоже, хорошо, что услышала музыку эту восхитительную, душа запела.

Соловьи отозвались им.

- Свистал, и не устал! - сказал Николай Семёнович.

От этого "свистал" Надежда Никитична вздрогнула, как будто рядом с ней был Достоевский.

- Ты ли сам слышал, как этот московский-то соловей свистал? Нет, ты не слышал! Потому что всю жизнь в гараже просидел. А надобно ножки размять, по таким уголкам Москвы походить, куда никто не заглядывал, кроме соловьёв! - сказала Надежда Никитична, ласково, похлопав мужа по спине.

- Я готов. Пошли!

Соловьиное пение растревожило Надежду Никитичну, ей не спалось.

Вновь и вновь она вспоминала прошлое.

Улыбалась своим наивным девичьим мечтам о семье как об идеале жизни. Муж, дети, дом, все любят друг друга - счастье!

Сначала их было двое. Он и она. Потом их стало трое. Третий, очаровательная малышка, Катя, смотрела на них круглыми глазами и ничего не говорила, но смотрела так внимательно, впитывая слова и восторги родителей, что, казалось, уже по дороге из роддома заговорит сама. Спустя время появилось ещё одно восхитительное маленькое чудо - дочка Милочка.

Супруги с изумлением наблюдали, как из маленького бессловесного младенца, который только пришёл в этот мир, проявляется личность. Жили они вдвоём, и вдруг, явился младенец, не зная даже, кто он и как его назовут

родители. Растут девочки и в каждой присутствует на одной чаше весов - хорошее, на другой плохое. Как сохранять равновесие, когда не всё зависит от них? Только терпение и смирение помогают в ситуациях, нарушающих желанное равновесие, а качества эти нужно, прежде всего, в себе развивать, чтобы затем привить их детям, ведь при желании можно научиться восстанавливать равновесие с минимальными потерями.

Надежда Никитична не испытывала прежде особой привязанности ни к кошечкам, ни к собачкам, ни к голубям, ни к соловьям. Но этой весной в соловьином пении она как бы услышала голоса ангелов. Захотелось ей узнать о соловьях как можно больше. Она даже собралась в библиотеку, чтобы взять что-нибудь о них. В библиотеке ей ничего, кроме детских книг с картинками предложить не смогли, а вот внук дал ей книгу Тургенева «О соловьях», которую Надежда Никитична с интересом стала внимательно читать и потом всё пыталась и мужу и детям рассказать о том, что «...По охотничьим замечаньям, хорошего соловья от дурного с виду отличить трудно. Многие даже самку от самца не узнают. Иная самка еще казистее самца. Молодого от старого отличить можно. У молодого, когда растопыришь ему крылья, есть на перушках пятнышки, и весь он темней; а старый – серее. Выбирать надо соловья, у которого глаза большие, нос толстый, и чтобы был плечист и высок на ногах. Тот-то соловей, что за тысячу двести рублей пошёл, был росту среднего. Его Ш...в под Курском у мальчика купил за двугривенный...», - но её никто не слушал.

Этой весной соловьиные трели звучали для Надежды Никитичны особенно пронзительно, волновали, она всё больше погружалась в их волшебный мир. Соловьиное пение звучало в её душе, не смолкая, она настолько внимала этим звукам, что не слышала, порой, слов мужа. Она старалась в ранние часы, пока ещё все спали, выходить на про-

гулку, подолгу смотреть на небо, на плывущие по нему облака, а прохладными весенними вечерами любовалась тихим мерцанием звёзд и соловьиными трелями.

За свою долгую семейную жизнь Надежда Никитична пришла к убеждению, что самое важное для женщины - терпение и мудрость. Женщина для мужчины является родником живой воды, к которому он возвращается снова и снова, чтобы наполняться силами. Уставшая женщина не может помочь мужчине восстановиться. Она, как пересохший колодец, не способна утолить жажду страждущего, поэтому с детства девочке полезно научиться любить себя. Всё, чем занимается женщина, она должна делать с любовью. Ради себя, ради своей семьи, чтобы осуществить своё главное предназначение. Подойдет всё, что доставляет женщине наслаждение и позволяет обрести гармонию - пение, рисование, танцы, музыка, рукоделие. Для каждой женщины важно знать, что она прекрасна. Это создает ощущение наполненности. От ласковых слов и признания красоты женщина становится мягкой, нежной, игривой и расцветает ещё больше. Умный мужчина знает, как помочь любимой женщине стать ещё прекрасней. Чем больше он заботится о женщине, тем пышнее она цветет и наполняет своей энергией мужчину. Женщина является очагом, которому необходим огонь.

Солнце легло спать и длинные облака, красные и лиловые, сторожили его покой, протянувшись по небу. За окном заливались соловьи. Надежда Никитична погрузилась в бездны мыслей, среди которых были и такие, что и подумать о них стыдно. Таков человек, состоящий из стыда, гордыни, страха, отчаяния - всего не перечислить, да и не нужно. Наедине идёт бесконечный процесс познания себя, но всё же дойти до дна не удаётся никому, потому что только в чрезвычайных ситуациях можно сделать такие открытия в себе, которые никогда не проявятся даже наедине в жизни обычной

Надежда Никитична сумела сохранить в себе искренность и открытость. Искренность всегда привлекательна, размышляла она, по сути дела, это состояние сродни невероятному вдохновению, когда летишь без тормозов по воле сердца. Всякий раз, когда мы встречаем искренность в ком-то, она пленяет нашу душу. Жаль только, что в нашем мире искренность пребывает больше в гениях и в детях. Как и всё настоящее, подлинное - это бесценный дар.

Раздалась весёлая соловьиная трель, которую пытались подхватить воробьи своим громким беспорядочным чириканьем, но после возмущённого карканья ворон стихли и соловьиное пение своими переливами заполнило всё вокруг.

Беспокойство никогда не покидало Надежду Никитичну, даже тогда, когда ей казалось, что она абсолютно спокойна. Причины для беспокойства столь многообразны, что их не перечислить. Больше всего она волновалась о здоровье родных, что вполне понятно. О смерти она даже думать себе запрещала, отгоняя мысли о том, что сама пульсация жизни есть беспокойство, которое исчезает только со смертью тела, но не духа.

Ранним утром в открытую форточку к Надежде Никитичне, заливаясь трелями, залетел соловей. Она приподнялась в постели, опершись на локоть, а соловей, как ангел, сел ей на голову, и голос его звучал невероятно торжественно, словно под сводами собора.

И ВОРОТА НА ЗАМОК

- Представляете, девчонки, сидим у окошка, а во дворе ни души! Только птички чирикают. За оградой толпы туристов спуют, а мы сидим, смотрим на барельефы доходного дома купца Забалуева, и чай пьём! Книжки стоят ровными рядами, а мы с них только пыль смахиваем, да за влажностью и температурой следим! - любила повторять Синичкина в такие моменты

- Рай! - хором подхватывали девчонки.

- Да! И ворота на замок! - добавляла Синичкина.

- Хорошо бы!..

Вспомнив это, Синичкина надела своё многострадальное пальто, которое уже давно заслужило отдых где-нибудь на даче, но поскольку ничего другого у неё не было, пальто старалось её хоть как-то согреть. Зарплата заканчивалась всегда неожиданно быстро, ведь нужно было и в театр сходить и с друзьями пообщаться. Выскочив из метро, она открыла зонтик и понеслась через мост. На улицах из-за проливного дождя было малоллюдно, пробегали только одинокие прохожие, прикрываясь газетами или пакетами, да влюблённые под зонтиками, которые не замечали ничего. Миновав один за другим переулки, Синичкина заскочила в гастроном, затем, вдыхая умопомрачительный аромат свежего хлеба и прижимая к груди бутылку вина «Улыбка» и пакетик развесной пастилы, проскочив через проходной двор, остановилась у приоткрытых чугунных ворот.

Контролёров не было.

«Успела», - пронеслось в голове. Сделав глубокий вдох, она вошла в ворота и скрылась в правом флигеле усадьбы.

Чай и кофе пили не менее трёх раз в день. Обед как-то само собой переходил в уютные доверительные посиделки. В подобных случаях отправлялись гонцы за более крепкими напитками, которые, случалось, продолжались после окончания рабочего дня, до тех пор, пока мужа и дети не начинали разыскивать их.

Телефонные звонки врываются в их маленький замкнутый круг и все, торопливо собрав вещи, спешили по домам. Синичкина же, как обычно, собиралась домой не спеша. Она убирала со стола, проверяла выключен ли свет, закрывала двери и шла сдавать ключи.

Она уже собралась уходить, но, услышав хлопок входной двери, остановилась. Через пару минут в полутёмный отдел вбежала заплаканная Нина, которая в этот день отпросилась по личным делам, при этом готовилась так тщательно, как будто собиралась на свидание. Нина выглядела потерянной.

- Что случилось? - спросила Синичкина.
- Ты уже уходишь? - Нина потупила взор.
- Собиралась...
- Можешь остаться?..
- Конечно!

Взглянув на потолок, Синичкина включила свет, разделась, а Нина продолжала стоять.

Минуты недоразумений здесь возникали часто.

Стремящаяся всегда быть предупредительной, Синичкина работала в государственной библиотеке.

Зарплаты едва хватало на транспорт и квартплату, а на еду просто не оставалось. Но это стоило пережить ради избавления от всевластия КПСС. Поэтому продолжали работать только истинные библиотекари, для которых жизнь без книг была невыносима. Но как же весело и дружно они жили, умудряясь почти каждый день устраивать себе праздник.

- Я сейчас, только воды в чайник налью. Не пугай меня, садись, - сказала Синичкина.

- Да, да... Не могу понять... - пробормотала Нина.

Когда Синичкина вернулась, Нина сидела за столом в центре отдела по-прежнему одетая, а на столе стояла бутылка смирновской водки. Синичкина молча поставила стопки и достала из холодильника всё, что нашла: апельсин, кусочек сыра и половинку бублика, который замёрз в морозильной камере. Нина расстегнула пальто, открыла бутылку и разлила водку.

Облегчение само собой подступило. Синичкина посмотрела в окно. Она любила этот двор. Вообще, надо сказать, ей нравилось узнавать всё новые сохранившиеся в центре старые дворы, где из открытых форточек слышны голоса, двери в подъезды открыты, а ворота вечером запирает дворник, оберегая покой жителей. Такие дома, как корабли, дрейфуют в городском шумном море. Сколько же разнообразных ворот в Москве! Решетки с орнаментом, чугунные, с листьями винограда. Скрипящие калитки. Прежде дворы замыкались и служили своеобразной крепостью для жителей домов, составлявших один общий двор. В послевоенные годы ворота часто только прикрывали, за исключением монолитных, глухих. Калитки же были открыты, заходи, если хочешь.

Нина как-то обречённо вздыхала, прикладывая уголок платочка к ресничкам, чтобы не потекла тушь.

- Давай, за женщин... - сказала она.

- За нас, - поддержала Синичкина.

Выпили.

Библиотека для Синичкиной стала родным домом не сразу.

Первое время она робела, когда к ней обращались на первый взгляд неприступные, элегантные дамы, которые, казалось, не ходили, а бесшумно плавали по коридорам и лестницам старинного особняка, встречая каждого читате-

ля не просто приветливо, а с душевной теплотой, так их добросердечие и уважительное отношения к ней вскоре переросло в восхищение.

Вначале Синичкина старалась быть незаметной, обращалась к окружающим деликатно, вопросы задавала робко, но вскоре осмелела, почувствовала себя уверенно. Никаких пересудов, разговоры только о литературе, выставках, спектаклях, тонкий юмор и самоирония отличали «коренных» сотрудников библиотеки.

Только тут Нина сняла пальто, подошла к зеркалу и ужаснулась.

- Боже!.. Это я так шла... Чёрные потоки из глаз...

- Ой! Ерунда! Никто внимания не обратил... - пропела Синичкина.

Когда Синичкина пришла устраиваться на работу, ей сразу понравилась уютная усадьба главного дома с колонами, расположенная в глубине двора под сенью старых дубов и клёнов с утопающей в цветах клумбой за массивными воротами. Синичкина замерла от восторга. Дом с флигелями, двор выглядели таким уютными, как будто тут всё ещё живёт патриархальная семья девятнадцатого века, погружённая в сон, как в «Спящей красавице», ничего не зная о том, что за оградой происходят перевороты, войны, репрессии.

После небольшой паузы Синичкина спросила:

- И что же?

- Ты не понимаешь... Дело в том, что я перед ними свою слабость показала... Я сейчас, - сказала Нина и выскочила из комнаты.

Впечатлительная Синичкина сразу влюбилась в этот дом с колонами и парадным балконом, двор со старым клёном, дубом и круглой клумбой, утопающей в цветах.

Прежде она входила в библиотеку, как в храм, где живее, настоящее живут те писатели, с которыми она проводила самое лучшее и незабываемое время.

Вернулась Нина умытая и причёсанная.

Со вздохом одобрения Синичкина посмотрела на неё и сказала:

- Совсем другое дело.

- Прости...

- Не нужно извиняться, что я не человек, что ли...

Оказавшись впервые в многоярусном хранилище, Синичкина услышала голос Данте, который поведал ей о чистилище грешных, о кругах ада, предсказав ад советских концлагерей. С трепетом прочитала вполголоса строчки из стихотворения Волошина: «...Но полки книг возносятся стеной. // Тут по ночам беседуют со мной // Историки, поэты, богословы. // И здесь - их голос, // властный, как орган, // Глухую речь и самый тихий шепот // Не заглушит ни зимний ураган, // Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот...».

Между тем, Нина сказала:

- Ты же знаешь, что я не люблю откровенничать, но сегодня мне необходимо выговориться... Только, пожалуйста, никому...

- Обещаю!

- Надеюсь.

Совершенно книжная ситуация, один к одному. Может быть, Синичкина и смотрела на жизнь из книг? Ведь к книгам у Синичкиной с детства отношение было не просто трепетное, открывая новое имя писателя, она влюблялась в него, как в близкого человека, чувствуя с ним даже единую метафизическую плоть. Мысль о том, что в книгах живёт сам Бог, пришла к ней уже в зрелые годы, тогда она не думала об этом, но в том, что великие книги формируют душу прекрасного человека будущего, нисколько не сомневалась.

- Ты никому не скажешь? - почти шёпотом спросила Нина.

Для подтверждения тайны Синичкина сомкнула веки, а затем таким же шёпотом произнесла:

- Нина, ты от меня слышала хоть раз о чужих делах?

- Да, я не сомневаюсь... Просто не привыкла откровенничать... Но сегодня сил нет...

В молодости Синичкиной, как и её подружкам, так хотелось веселья, любви и приключений, что они эти приключения придумывали практически каждый день. Синичкина отличалась от подруг беспечным отношением к деньгам, тратила их с небывалой лёгкостью, поэтому то и дело обращалась к родителям за помощью. Мать качала головой и всё чаще отказывала ей в этом.

- Да, что случилось-то?! - не выдержав затянувшейся загадочности, задала она вопрос.

- Давай ещё выпьем, мне расслабиться нужно, - только и ответила Нина.

- Давай! За то, чтобы всё, что нас не убивает, делало нас сильнее! - сказала Синичкина.

Оптимистичная Синичкина вместе со своими молодыми коллегами не ведала скуки. Они постоянно куда-то спешили, то на выставки, то в кино, то за «горящими» билетами в театр. Досаждали только особенно требовательные читатели, которые были вечно чем-нибудь недовольны, из-за которых то и дело приходилась отвлекаться на то, чтобы найти и выдать не просто книгу, а подобрать по списку неподъёмную пачку литературы. Вставать из-за стола и выходить на кафедру так не хотелось, поэтому любимым днём был санитарный. В этот день, расставив книги, библиотекари накрывали на стол и поднимали бокалы за то, чтобы книги в библиотеке только хранились, стоя ровными рядами на полках, в ворота были закрыты на замок, тогда будет обеспечена сохранность, никто не будет отвлекать их от упоительных разговоров.

Молча смотрела на Синичкину Нина, и так же молча Синичкина смотрела на Нину.

- Меня сегодня предали люди, которым я верила больше чем себе, причём так гадко... Исподтишка, - сказала Нина.

Сочувственно Синичкина вздохнула, едва сдерживая улыбку.

К санитарным дням под руководством Синичкиной готовились каждый раз особенно, например, летом накануне готовили крюшон: срезали у большого арбуза верхушку, удаляли ножом и ложкой мякоть, измельчаем её блендером. Клубнику, персики или киви со сливами нарезали некрупными ломтиками, выкладывали ягоды в арбуз, добавляли сахар и оставляли минут на 20. Затем выливали в арбуз по бутылке сухого шампанского и сухого белого вина, грамм 50 коньяка, добавляли арбузную массу, перемешивали и убирали до следующего дня настаиваться в холодильнике. Оставшиеся ягоды клали в морозильную камеру. В санитарный день доставали арбуз с крюшоном и разливали по бокалам, кинув в каждый предварительно по несколько замороженных ягод. В таких случаях на работу приезжали даже те сотрудники, которые были в отпусках.

Сейчас Синичкина понимала отчётливо, что торопить расстроенную Нину не следует. Нужно просто выслушать её. Она почистила апельсин и, разделив его на дольки, молча протянула одну Нине. Та, кивнув в знак благодарности, проглотила его.

В библиотеке среди нескольких десятков женщин были самые невероятные экземпляры и «серые мыши», и неиссякаемые оптимистки, и любительницы страдать по поводу и без него, образцовые матери и жёны, вечные невесты, убеждённые одиночки. Блистательные представительницы старшего поколения, которые знали о жизни до переворота не из газет, а от свидетелей, ушли на пенсию. Но дух того, что жить следует настоящим, а не прошлым и будущим, сохранялся, поэтому работа для них была больше, чем праздник.

Пошмыгав носом, Нина сказала:

- Я ведь уже два года с парнем живу.

- Неужели?

- Да, и его мать - с нами. За всё это время я ей ни одного слова против не сказала. Готовлю, всё по дому делаю, обо всём с ней советуюсь... Противно!.. Понимаешь... в глаза она мне всё только... Ниночка, Ниночка... а я, наивная, верила...

Библиотекари жили здесь, как большая семья, в которой не прекращались бесконечные выяснения отношений, конфликты между поколениями, постоянно кто-то дружил против кого-то. Здесь отмечали поступления в институты и их окончание, влюблялись, отмечали свадьбы и рождение детей, переживали разводы и предательства, поддерживая друг друга.

А Нина говорила с таким трудом, как будто у неё в горле ком застрял. Синичкина, погладила её по руке.

Чего только не происходило в библиотеке - здесь не только мыли голову и красили волосы в маленькой раковине рядом со служебным туалетом, но и стриглись. Косметика в те времена состояла из туши, на которую нужно было плюнуть, прежде чем нанести на ресницы, а помада и пудра и карандаш заменяли всё остальное, но эффект от их использования был потрясающий. Серые мыши превращались в красавиц. Собирая на свидание подруг, укорачивали юбки, собирали одежду, украшения. Подруги были и визажистами, и модельерами, и психологами друг другу. Свадьбы, разводы, рождение детей - всё слышали эти метровые стены, насчитывающие около полусотни лет. В те годы служащих в обязательном порядке постоянно отправляли на овощные базы и на уборку овощей в колхозы. Не миновала чаща сия и библиотеку. На овощные базы, правда, не отправляли, так как библиотека работала с 10.00 часов до 22.00 в будние дни, а в выходные с 10.00 часов до 20.00, но

в колхоз на месяц райком обязал отправить трёх человек. Посылать было почти некого, молодые всё были либо беременные, либо находились в отпуске по уходу за детьми, либо брали учебные отпуска, но оставшиеся во главе с Синичкиной нашли выход и поехали. Провожали их со слезами на глазах, но поездка оказалась весьма удачной, поскольку две подруги Синичкиной познакомились там с ребятами с завода «Орджоникидзе». Слезы сменились восторгом и закончились весёлыми свадьбами. Жизнь шла своим чередом, и Синичкина продолжала жить, порхая, как бабочка в поле, по городу из гостей в гости. В компаниях она была в центре внимания, рассказывая очередную историю, была абсолютно уверена, что друзья, которые слушают её, конечно же, всё поймут правильно, откликнутся на шутку, улыбнутся фантазиям, разделят печаль.

Нина продолжила:

- С Гришей, парнем моим, тоже всё хорошо было... Я же не скрывала от них, что мать моя в Чудиново живёт, что я с подружкой комнату снимаю... Не просилась к ним жить... Это его мать настаивала, чтобы я у них жила, а я, как дура, думала, что нравлюсь ей, что мы с Гришей поженимся. Мы с ним в Чудиново поехали, матери моей он понравился. Она всё меня спрашивала, когда же мы поженимся... А я всё отмахивалась... А тут Гриша решился и мы сегодня в загс договорились пойти, только он меня предупредил, чтобы я его матери раньше времени не говорила ничего. Я отпросилась... Стою у загса, а его нет и нет. Звоню ему на работу, а мне отвечают, что он ушёл по личным делам. Я чуть с ума не сошла, думала с ним случилось что... Через два часа понеслась домой, а он там с матерью своей чай пьёт. Представляешь?..

Нина стала метаться по комнате.

Работа в библиотеке была хороша тем, что позволяла подобную вольность в отличие от более серьёзных учрежде-

ний, в которых в случае отсутствия на рабочем месте не то что один день, а и несколько часов необходимо предъявлять справку, больничный или оформлять отпуск за свой счёт. Вообще работа в стране развитого социализма, впрочем, как и сама жизнь, была похожа на некое соревнование человека с государством в том, кто кого переиграет. Зарплаты были символические, дефицит продуктов и промышленных товаров был чудовищный. При этом за дисциплиной следили не только руководители, отделы кадров, но и бесчисленные общественные организации - партийный и народный контроль и особо ответственные добровольцы. Особое внимание уделяли своевременному приходу и уходу с работы. За опоздание на 1-2 минуты карали сокращением премии не только сотрудника, но и всех работников отдела, по этой причине, опаздывающий на несколько минут звонил на работу и предупреждал, что ему необходимо задержаться, например, по семейным обстоятельствам на 2-3 часа, чтобы не подводить ни себя, ни других.

Перестав метаться из угла в угол, Нина резко воскликнула:
- Чай с мамой!

Жизнь в эпоху развитого социализма была настолько фантазмагорична, что возможны были совершенно невероятные события. Руководители рассказывали сказки о том, что они день и ночь думают только о том, как сделать нашу жизнь ещё лучше и краше в то время, когда результат неумолимо приближался к минусу, а население день и ночь пыталось не просто выжить, но при этом ещё и удовольствие получить вопреки неустанной заботе. Они мешали, а люди приспосабливались. Сообщив на работу, что ей необходимо один день отлежаться, чтобы не заболеть, Синичкина стала перечитывать «Записки сумасшедшего» Льва Толстого, написанные, по её мнению, явно в соревновании с Николаем Гоголем. Она открыла очередной том прямо на странице с этой неоконченной повестью. Тема сумасшест-

вия, настолько многолика и неисчерпаема, что описана во многих произведениях классической литературы. Но, Синичкина считала, что Льву Толстому очень далеко до раскрытия этой темы, да и, собственно, до сумасшествия, потому что он слишком правилен в тексте, но абсолютно извращен в жизни. Барин, плодившийся, как крепостной крестьянин, и при этом поучавший всех и вся. Отложив Толстого, она перешла к гению сумасшествия Николаю Гоголю, в «Записках сумасшедшего» которого тонко показано, как герой сходит с ума. Вот Поприщин слышит разговор двух собачонок: "Здравствуй, Меджи!" Вот тебе на! кто это говорит? Я обсмотрелся и увидел под зонтиком шедших двух дам: одну старушку, другую молоденькую; но они уже прошли, а возле меня опять раздалось: "Грех тебе, Меджи!" Что за черт! Я увидел, что Меджи обнюхивалась с собачонкою, шедшею за дамами. "Эге! - сказал я сам себе, - да полно, не пьян ли я? Только это, кажется, со мною редко случается". - "Нет, Фидель, ты напрасно думаешь, - я видел сам, что произнесла Меджи, - я была, ав! ав! я была, ав, ав, ав! очень больна". Ах ты ж, собачонка!» Синичкина поймала себя на мысли о том, что порой и она, как и герой Гоголя, постепенно утрачивает грань между реальностью и своим миром.

На душе тревожно и странно.

- А что случилось-то? Он объяснил? - заинтригованно спросила Синичкина.

- Объяснил! Ни-че-го! Он маму встретил!.. Они работают вместе! И раскололся, что мы заявление подаём, а она ему сказала, что плохо себя чувствует, и попросила её домой проводить. Сынок проводил, а мама ему объяснила, что он погорячился! И они сели чай пить!

- А к тебе поехать и объяснить это, он не догадался? - возмущённо спросила Синичкина.

- Мама ему сказала, что я никуда не денусь, сама приеду!

- Да-а-а! - только и смогла произнести Синичкина.

- Давай напьёмся, - сказала Нина и налила по полной стопке.

Домой Синичкина добралась чудом.

После посиделок и бесконечных разговоров, Синичкина чувствовала необходимость в тишине и покое. Она, порой, хотела превратиться в маленькую девочку, которая чувствовала себя в безопасности только в своей комнате в сумерках с поэзией и чудесами.

Бледнеет восток. Рассвет уже близок. Туманно. Тихо. Ни шороха, ни звука. По границе сна проходит разделение, раздвоенность, разлад, снижение скоростей, обратное течение, абсурд, движение в неверном направлении. Синичкина ясно понимает, что спешит по неверному решению, душе не дав покоя ни на миг, что напрасно время тратит, и ей не раз еще придется пожалеть об этом. Но исправить уже ничего нельзя... «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что я делаю! Что мне делать? Я ничего не имею. Голова горит моя, и всё кружится предо мною. Спасите меня!»

Синичкина взглянула на часы, стрелки которых показывали десять. Она вскочила, поспешила в ванную, стала одеваться, но никак не могла попасть в рукав.

Проспала! Случилось необыкновенное?

Голова была чугунная, во рту всё горело. «С чего это я напилась так вчера? – подумала Синичкина. - И как я оказалась дома? Ничего не помню!»

С этими мыслями она встала, пошла на кухню и стала пить прямо из чайника. В голове стало проясняться. Она вспомнила Нину и сочувственно покачала головой.

Проспала!

Нет! Признаться, с ней это случалось нередко, представив какую кислую мину состроит кадровик, который с наслаждением каждое утро в девять часов встречает опаздывающих в воротах их библиотеки с часами и блокнотом в

руках, при этом укоризненно покачивая головой, ей захотелось лечь в постель и накрыться одеялом с головой.

Он уже и так ей всё чаще по утрам покачивал при встрече головой, повторяя: «Что это у вас Синичкина в голове всегда такая путаница?»

Она с виноватым видом пожимала плечами, а он настойчиво советовал просто ставить будильник на десять минут раньше и перед зеркалом крутиться меньше. Если бы всё было так просто. Какое зеркало! Не объяснять же ему, что вообще по утрам она не только в зеркало не заглядывает, но даже расчёсывается и застёгивается на ходу.

Собираясь на работу, она то и дело металась как угорелая то в поисках ключей, то необходимой части белья, которая исчезала именно в тот момент, когда она на секунду отвлекалась, собираясь её надеть, то сумки, а то и второй туфель никак найти не могла.

Вся жизнь в безумной спешке проходила. Времени катастрофически не хватало на себя.

- Что я всё несусь куда-то? - воскликнула Синичкина так громко, что сама испугалась своего голоса, замерла на мгновение и уже гораздо спокойнее сказала:

- Вообще на работу не пойду... Сегодня!.. Имею право отдохнуть от наставлений и упрёков кадровика. И так он мне уже во сне покоя не даёт! Прямо наваждение какое-то...

Повеселевшая Синичкина решительно подошла к окну и раздвинула плотные шторы, которые обычно раздвигала только по выходным, потому что уходила рано, а приходила затемно. Этот день был одним из тех, когда рассвет сливается с закатом, и трудно понять, какое время суток на дворе, то ли пять утра, то ли пять вечера. В такие дни глаза закрываются, тело окутывает серое одеяло тоски.

«Никакого уныния! - сказала Синичкина. - Объявляю сегодня праздник! Работа подождёт. Не так уж часто я поз-

воляю себе пропустить один денёк». Она решительно набрала номер телефона и слабым голосом простонала:

- Алло... Нинуль, как ты?.. Нормально?.. Я же говорила, что нужно это дело переспать... А я никак в себя не приду... Представляешь... Скажи, что у меня зуб болит что ли... Передашь?.. Я на связи... Целую вас...

Закончив разговор, она закружилась, послала поцелуй и запела: «У любви, как у пташки, крылья, // Её нельзя никак поймать. // Тщетны были бы все усилья, // Но крыльев ей нам не связать. // Всё напрасно - мольба и слёзы, // И страстный взгляд, и томный вид, // Безответная на угрозы, // Куда ей вздумалось - летит. // Любовь! Любовь! // Любовь! Любовь!»

Развеять вползающую тоску Синичкиной помогала музыка, мягкий свет, чашечка ароматного кофе, в душе сразу наступал рассвет, который длился столько, сколько она желала. Она давно поняла, что погода, настроение, вдохновение - всё внутри человека. В любящем сердце всегда рассвет, а она была влюблена, поэтому унынию в её сердце места не было.

Досчитав про себя до двенадцати, Синичкина вскочила, подошла к зеркалу, внимательно посмотрела на себя и громко сказала своему отражению:

- Всё! С завтрашнего дня прекращаю бесконечный бег из ниоткуда в никуда! Начинаю новую жизнь. Выхожу замуж, становлюсь примерной женой и рожаю детей! А для начала кардинально изменю цвет волос.

СЫНОЧЕК

В последнее время, да и не только в последнее, но и всегда, думая о сыне, о своём единственном сыночке, Зина ловила себя на мысли, что все настроены не только против него, но и против неё. Тут о многом задумаешься. Сейчас она остановилась перед, как это ныне принято поголовно у всех, вопреки давнему призыву Булата Окуджавы: «Не запирайте вашу дверь. Пусть будет дверь открыта...», железной дверью в свою квартиру, глубоко вздохнула и решила успокоиться прежде, чем открывать дверь, чтобы сын Никита случайно не увидел её в таком взвинченном состоянии.

А Зина, сколько себя помнила, постоянно находилась в каком-то не подвластном ей состоянии напряжения, готовая вот-вот вспыхнуть, взорваться, пуститься в яростный крик, в какой-то неизбывной обиде на всех и вся, как будто все ополчились на неё, а она обороняется.

Она, как ей казалось, очень заботилась о спокойствии любимого сына, всячески оберегала его от неприятностей, которые мерещились ей повсюду, ведь мальчику так катастрофически не повезло с отцом.

При тягостной мысли о бывшем муже, с которым она развелась уже двадцать лет назад, не покидающая её обида и пульсирующее раздражение охватывали её с такой силой, как будто они расстались только вчера.

Вот сегодня Зина настойчиво настояла на необходимости встречи с ним, чтобы в очередной раз детально втолковать «бывшему», что он просто безо всяких отговорок обязан помочь сыну, придумать, в конце концов, что-то такое,

что всецело увлечёт мальчика, а в ответ услышала всё те же обидные упрёки, что она сама, а не кто-то другой, во всём полностью виновата.

При этом Зина ядовитым взглядом просверлила этого лысеющего мужчину, который давным-давно был её мужем, но смолчала, вскипая желчно изнутри.

«Самодовольный эгоист! Предатель! Палец о палец не хочет ударить! - гневно повторяла про себя Зина, глотая слёзы обиды. - Я виновата! Конечно, ведь я всё делаю для любимого сына, забочусь о нём, кручусь, верчусь, чтобы ему было тепло и уютно дома, окружила его любовью, пытаюсь защитить от дурного влияния, а так называемый папочка только деньги давал и всё! А теперь и вовсе считает, что ничего сыну больше не должен и денег ему не даст больше ни копейки!.. Денег он пожалел!..»

Решительный отказ бывшего мужа давать на сына деньги совершенно вывел Зину из равновесия.

Услышав звук остановившегося на этаже лифта, Зина поспешила скрыться в квартире. Оставив в прихожей сумку, она тихонько подошла к двери в комнату сына, прислушалась, Никита очень бурно реагировал на звуки ударов и непонятный шум. Зина несколько секунд помедлила, а потом на цыпочках вошла в комнату. Розовощёкий Никита сидел в наушниках перед монитором и самозабвенно сражался с очередными силами зла.

Учительница русского языка и литературы Зинаида Захаровна, которая не любила ни язык, ни литературу, дождавшись пенсии, сразу ушла из школы, которая, по её словам, «выпила из неё все соки», и зарабатывала теперь репетиторством. Главным достижением своей жизни, её гордостью и безмерным счастьем был сын Никита. Зинаида, по словам матери, с самого рождения была невероятно упрямая и неуступчивая, но очень, как ей казалось, умная. То, что дочь училась в школе на пятёрки и четвёрки, а после школы са-

мостоятельно, без всякой поддержки, поступила в институт, стала учительницей, вызывало у её матери, которая всю свою жизнь работала дворником, несказанную гордость, поэтому мать никогда и ни в чём дочери не перечила, только поддакивала. Она смирилась с «крутым нравом дочери», принимала её тяжёлый характер как должное.

Внешность у Зины была вполне обычная, даже с некоторой натяжкой привлекательная, если бы не плотно сжатые губы и злой взгляд, которые не способствовали желанию познакомиться с ней. Зина в молодости никуда не ходила, объясняя подружкам, что не любит пустое времяпрепровождение, она даже себе не решалась признаться, что стесняется и не умеет развлекаться. Так сложилось, что тщательно скрываемая стеснительность превратилась в

комплекс. Конечно, она мечтала о любви, представляла себе романтические встречи, но дальше этого даже в мечтах не осмеливалась ничего представлять, любимым занятием было вышивание крестиком и просмотр телевизионных сериалов, но страсть к ним скрывала.

Как-то раз, когда ей уже было тридцать пять лет, она совершенно случайно познакомилась на даче у подруги с соседом Федей, который месяц назад вернулся из армии, куда его призвали на год после окончания института. Новый знакомый так непринуждённо в тени сирени и под пение соловьёв ухаживал за ней, рассказывал всевозможные смешные истории, что она впервые почувствовала себя совершенно раскрепощенно. Они безудержно болтали и смеялись, ходили купаться, дурачились и танцевали так беззаботно, что она почти совсем перестала обращать внимание на свою «врождённую» скованность.

Они обменялись номерами телефонов.

Конечно, Зина вполне отчётливо понимала разницу между ними, поскольку Фёдор был значительно моложе её, но, с другой стороны, она не скрывала, что училась с его

соседкой в одной группе в педагогическом институте, следовательно, сам Фёдор ясно понимал, сколько ей лет, но несмотря на это настойчиво продолжал ухаживать за ней. Зина же сама довольно искренне удивлялась тому, сколько неподдельной нежности и волнующей ласки испытывала она к этому мальчику.

Да, Зина волновалась. Волнение, вызванное ожиданием, страхом, радостью, испытывает перед важным событием каждый человек. Порой, она встречала наивных людей, которые считают, что волнение присуще только им. Странно устроен человек. Многим хочется верить, что они не такие как все, а какие-то особенно чувствительные. Задумалась Зина, напряглась, хотела вспомнить, когда же впервые это чувство посетило её?! Вспомнить не вспомнила, но зато отчётливо поняла, что волнуется она с самого рождения. Впрочем, как каждый человек, пришедший в этот мир. Новорожденный волнуется с первых мгновений. Плачет, куда пришёл, зачем? Дадут ли есть? Уложат ли спать? Как же страшно! Потом волнение охватывает человека по разным поводам, важным и не очень. Лично Зина очень хорошо помнит трепет и волнение перед каждым днём рождения...

Лето пролетело как одно мгновение. Страстные поцелуи и объятия были так упоительны, что Зина желала большего, как и Фёдор, но не могла преодолеть страх быть, как говорят в народе, «опозоренной». Она всё повторяла ему, что боится позора.

Когда страсть вовлекает человека в свои объятия, безумие ослепляет его, он не способен ни рассуждать, ни видеть ничего вокруг. Это чувство полностью захватывает человека, уносит его в свой водоворот, обжигающий и пожирающий.

Фёдор с изумлением посмотрел на Зину и, выяснив всякими косвенными путями, что у неё не было мужчины, про-

стодушно предложил оформить отношения официально, чтобы перед «народом» не было стыдно.

Как положено, они пошли в районный загс и расписались.

Однако никакой свадьбы, несмотря на многочисленные просьбы её матери и его родителей, не было.

Внешне же всё складывалось довольно удачно. Молодые сразу стали жить отдельно, в квартире Фёдора, которую ему оставила бабушка.

И всё великолепие тайн любви Зина наконец-то испытала. Глаза её горели. Она была в состоянии, близком к помешательству.

Ах, вот что такое любовь!

Зина родила мальчика, которого назвали «Никитой».

Муж был счастлив и всё время повторял:

- Это мой сын! Ты понимаешь, у меня есть сын!

Зина кивала:

- Есть...

И сама восхищалась своим пухленьким, как медвежонок, Никитой, который постоянно улыбался ей и искрящимися глазами смотрел на неё. Зина целовала толстенькие в складочках ручки и ножки приходя в восторг от того понимания, что это она создала такое чудо.

Фёдор с приятелем занимался программированием, в доме был достаток, но жизнь не складывалась так, как хотелось Зине. Фёдор ни минуты не мог сидеть на месте, постоянно куда-то спешил, то на встречу с друзьями, то на спортивную площадку, то звал Зину в поход, то ещё куда-нибудь. Зина же хотела посидеть спокойно с любимым на диване, сходить в кино, навестить маму, пригласить подруг. Чрезмерная активность мужа раздражала её, она пыталась мирно решать споры и предлагала Фёдору свободу, при условии, что он оставит её в покое, а он уходил, хлопнув дверью.

Зина вся без остатка ушла в сына, восхищалась каждым его жестом, каждым звуком, муж просто мешал ей. Отвлекал. Интимная жизнь стала её утомлять, и она всё чаще искала предлог, чтобы умерить пылкость мужа. Когда к ней приехала свекровь выяснять, почему Фёдор ходит такой мрачный, она сорвалась и заявила, что не желает ни слушать, ни знать, ни мужа, ни его родственников.

После развода, муж оставил Зине с сыном квартиру, в надежде сохранить дружеские отношения, привозил деньги и старался участвовать в воспитании сына, но Зинаида всячески пыталась сократить их свидания.

Она не называла мужа иначе, чем «предатель».

Через три года муж женился, у него родился другой сын, но Зина сразу заявила, что не позволит брать своего сына, своего сыночка Никиточку к чужой женщине, которая без зазрения совести разбила её семью, никаких возражений она слышать не желала. Она предпочитала звонить мужу домой в любое время и называть сумму, которая нужна ей для сына.

Обычно муж выполнял её требования, вероятно, потому что Зинаида не превышала пределов разумного. Но в этот день муж не просто отказал ей, а ещё и твёрдо заявил о том, что Никите давно пора обеспечивать себя самому, да ещё и ей помогать.

Зинаида вновь и вновь вспоминала гневные упрёки мужа:

- Неужели ты не понимаешь, что не даёшь сыну не только жить, ты дышать ему не даёшь! Это ты его от всего оберегаешь! Ты таскала его по врачам, придумывала самые невероятные болезни, чтобы уберечь его от армии! Молчи! Я хочу, чтобы ты услышала меня! Ему уже 22 года, а он не имеет ни специальности, ни цели, он ничего не хочет! Он учился уже в двух вузах и я оплачивал его обучение, а он просто бросил их и даже не удосужился сообщить об этом

не только мне, он и от тебя это скрыл! Ему, видите ли, там скучно! А ты говоришь, что я ему опять что-то должен. Работать он не хочет! Ты потакаешь ему во всём, лишь бы он был у тебя под боком...»

С этого момента Зинаида отключилась.

Да, впервые муж отчитывал её, а она молчала, но не потому, что ей нечего было ему возразить, а потому что от ярости и обиды на мужа у неё перехватило горло.

Зинаида была настолько уверена в своей правоте, что считала глупость свойством других, только не её.

Своя глупость остаётся, как правило, абсолютно не замеченной. О том, что мера ума измеряется единицами понимания собственной глупости, Зина и слышать не хотела.

С наступлением темноты Никита смиренно сжимался в ожидании новых пугающих и одновременно притягивающих видений, которые вызывали в нём страх и сладость. Тревога и искушение наплывали на Никиту в ночные часы светящимися паутинными приманками, наполняли уши низким звуком колокола, не давали уснуть и отступали только на рассвете с того дня как он стал заниматься строительством собственной тюрьмы для самых опасных заключённых. Уж очень он хотел стать не просто архитектором тюрьмы, а построить тюрьму идеальную, преодолев дефицит бюджета, бунты заключенных, побеги, нападения на персонал, поломку оборудования и множество то и дело возникающих мелких препятствий.

Виртуальная жизнь настолько овладела Никитой, что он, несмотря на все мольбы матери, практически перестал выходить не только из дома, но и из своей комнаты.

- Ох, - вздыхала Зина.

Она знала, что в наше время компьютерные игры куда актуальнее, чем спортивные. Кто-то Зине сказал, что более 60 процентов подростков предпочитают проводить время дома, играя в компьютерные игры, вместо того чтобы вый-

ти на улицу и поиграть, например, в футбол. Никита же сохранил своё увлечение этими играми, отслеживая появление новых компьютерных игр, в которых его затягивали сюжет, графические качества, атмосферность и развитие событий. От обычных «стрелялок», в которых игроки разделяются на террористов и сотрудников спецназа, где задача террористов - заложить бомбу в определенном месте и охранять ее до взрыва, а цель спецназа - обезвредить бомбу до того, как она взорвется, Никита перешёл к играм эпохи турниров, перевоплощаясь попеременно то в лорда, то в гладиатора, а то и правителя государства.

Мир виртуальный не отпускал Никиту, он не слышал просьб матери поехать вместе с ней «по-человечески», и она стала приносить еду к компьютеру.

Виртуальная жизнь позволяла Никите чувствовать себя успешным путешественником, завоевывающим неведомые земли и планеты, покоряющим океаны и горные вершины. Сколько раз, приближаясь к самому высокому уровню игры, он срывался и терял с таким трудом завоеванные позиции, впадал в отчаяние, выключал компьютер, зарекаясь прекратить играть, но через какое-то время гнев и обиды на всё и всех вокруг стихали, и он вновь приступал к очередной игре. Игры предоставляли Никите возможность чувствовать себя командующим двух противоборствующих сторон, оснащённых оружием, картами, огромным парком военной техники и проводить масштабные бои. Вот только победы он добиться никак не мог, но он был уверен, что вина лежала на авторах игр, а не на недостатках его стратегии и тактики.

Зина, сама того не понимая, всячески холила свою обиду на мужа, не пытаясь её объяснить себе самой, ни малейших сомнений она не допускала. Она даже не допускала возможности того, что может быть хоть в чём-нибудь не права. В адрес бывшего мужа она постоянно всё яростнее

повторяла фразу: "Никогда не прощу!". Глаза её при этом выражали праведный гнев. Но ни матери, ни уже взрослому сыну не приходило в голову задать вопрос о том, чем же так обидел её муж.

С посторонним человеком конфликтов не возникает, обменялись колкостями, в случае возникновения непонимания, и пошли дальше. Конфликты произрастают между родными и близкими из-за нежелания понять друг друга или уступить. Чаще всего конфликты вспыхивают из-за мелочей, которые есть только повод для выплеска минутного раздражения. У мудрых тактичных людей они, как правило, не затягиваются, а разрешаются достаточно быстро в результате взаимных извинений.

Сын вырос и погрузился в виртуальный мир. Зинаида же вечерами щелкала каналы телевизора, крутила ленты социальных сетей, не вникая ни во что.

Конечно, всё вокруг проходит, сменяя друг друга. Часы, дни, недели, месяцы, годы, десятилетия, даже век промелькнул и тысячелетие сменилось. О временах года и говорить нечего, только достанешь сезонную одежду, как наступает пора снова её убирать, при этом скорость постоянно увеличивается. Мы торопимся, чтобы не отстать от потока и уже не ускоряем шаги, а скользим по поверхности. Спешим куда-то в наушниках, громко разговаривая по телефону и жестикулируя, мельком оглядываясь по сторонам, не замечая никого и ничего вокруг. Если бы это касалось только физической жизни, то можно бы было смириться, но скольжение ума по поверхности, тем более скольжение по тексту без проникновения в его смысл, приводит к поверхностным мыслям, знаниям, суждениям. Возможно, стремительное развитие новейших технологий невольно привило нас к расцвету поверхностных, необдуманых решений и увеличению непрофессионалов, которые не в состоянии ана-

лизировать, рассматривать сложную проблему во всей её глубине.

При встрече с одинокими приятельницами Зина охотно поддерживала разговоры о том, что нынче мало сильных мужчин. Как воспитывать мальчика, чтобы удобнее было им управлять, чтобы он, став мужчиной, чтит женщину превыше всего. Общая женская природа не меняется - хочется сытости, спокойствия, единственного и верного мужчину, которым легко управлять, и у которого наличествуют хорошие гены в потомстве.

Излюбленная проблема многих женщин - найти не просто мужа, а достойного. При этом каждая вкладывает в определение «достойный» исключительно своё понимание этого слова. Воображение героини рисует идеальную картинку мужчины прекрасного во всех отношениях - красивого, богатого и, естественно безумно влюблённого в неё, готового посвятить всю свою жизнь только ей. Кто-то из них активно ищет свою мечту, кто-то просто ждёт, когда идеальный мужчина упадёт с неба. А подумать о том, что сам факт замужества не гарантирует безбедной, счастливой жизни и вечной любви, как-то не приходит в голову. Встреча с мечтой чаще всего заканчивается словами: «По усам текло, да в рот не попало».

Да, мужчин сильных, хотя это понятие каждый искривляет по-своему, всё меньше. Почему? Сейчас у женщин больше равноправия, она и диктует, как жить, развивать отношения. Везде героини, чаще сказочные, а побеждает везде ...трагическая женская любовь! Учить женщин по-другому, то есть по-мужски смотреть на проблему воспитания мальчиков, чтоб вырастить их сильными - бессмысленно. Сильные, волевые мужчины женщинам не удобны, поколениями они вытравили их силу, чтоб те были слабы перед их влиянием.

Мудрые женщины, вполне серьёзно полагала Зина, вырастят из мальчика воина, защитника, сильного Мужчину.

Сейчас многим одиноким женщинам, которыми хоть пруд пруди, проще завести собаку или кошку, а то и нескольких, ухаживать и не заморачиваться вопросом об одиночестве. И лишь иногда задумываются о мужчине, чтобы был такой же ласковый, как эти восхитительные шерстяные друзья. Мужчине тоже хочется встретить ласковую, понимающую, любящую женщину. И всё вроде бы должно быть в гармонии, но у неё уже есть любимые животные! А у него - характер. Так и живут - соседями по стране. И каждый несёт свои жертвы на алтарь одиночества. Кормит его. Верит в него, не в любовь. На любовь они лишь бессмысленно и глупо надеются.

Любовь - редкая гостя! Её надо кормить, но никто не кормит её, все ждут, что это любовь будет давать неземное счастье. Так и учатся уживаться с одиночеством и, в конце концов, любить его.

После окончательного разрыва с мужем, который отказался выполнять свою святую, по мнению Зинаиды, обязанность по содержанию сына, она решила завести кота. Подошла к этому очень серьёзно - изучила в интернете породы и преимущества характера кошек разных пород. Старалась привлечь к выбору будущего члена семьи Никиту, но он сказал, что полностью доверяет ей. В результате долгих раздумий она остановилась на кошках породы уральский рекс, мускулистых крепких с миндалевидными глазами, «классической» мордочкой и ушами. Они привлекли её внимание тем, что обладают уравновешенным, покладистым характером, развитым «интеллектом» и всегда способны точно чувствовать настроение хозяина и понимать, чего от них хотят. Особенно её привлекло то, что от них в доме не будет шерсти, что они любят сидеть на руках у хозяина.

Когда Зинаида принесла в дом крошечного чёрного котёнка с необычной на ощупь волнистой плотной и упругой,

но при этом мягкой и шелковистой шерстью, Никита сразу влюбился в него. Вместе они долго придумывали ему имя и остановились на Арсении.

- Я буду называть его Арс, Арсик, - сказал Никита, прижимая друга к себе.

Появление Арсения сблизило сына с матерью, сын часами занимался с ним, стал меньше играть в компьютерные игры. Арсений не отходил от Никиты ни на шаг. Зинаида была счастлива. Сын постоянно дома, с ним не может случиться ничего плохого, она в состоянии заработать на свою семью. И никто! Никто не разрушит гармонию созданного ей мира!

Шумное воодушевление на улицах, с барабанным боем, песнями и плясками, с пестротой флагов, шляпок и футболок. Открытие чемпионата мира по футболу в Москве. Повсюду разгоряченные фанаты, - точно эхо, доносится, - оле, оле, оле, - множество коричневых выдубленных солнцем лиц. Лица эти как-то опасно, мутно пьяны. В метро похожие на ланей девушки в минимальных шортах, их юные спутники уверенно держат ладони на юных атласных бедрах.

Неприятно глядя на эти полуобнажённые тела, на пьянящий огонь в глазах, Зиной вдруг овладела оторопь от мысли, что и её ненаглядный сыночек Никита может потянуться к женщинам, даже приведёт себе какую-нибудь подобную с обнажёнными бедрами, ляжет с нею в постель...

А что, если он тайно уже занимается этим?! У Зины даже заныл низ живота. Нет, такого быть не может, потому что Зина никогда и ни при каких условиях этого не допустит. Он её единственный сыночек будет с нею всегда, всю жизнь, она никому его не отдаст.

Плотно сжав свои злые тонкие губы, Зина, не отрываясь, смотрит на эти руки и эти бедра, и эти равнодушные инопланетные лица, - испуганно смотрит она на чужую так-

тельную жизнь, но взгляд её обращен в себя самое, в собственную пустыню, в которой каждая клетка обезображенного тела недо... недо... недо... и жизнь полна препятствий и преодолений, - ведь ноша её всегда при ней, а рядом юные пальцы порхают по экрану, а вдалеке кричат фанаты, и эхо разлетается по гулким переходам. Какие-то внезапные невиданные прежде люди из окрестных мест, - провинциально наряженные дети с собачками в руках, разодетые в пух и прах длинноногие женщины. Выделяются наивные глаза европейцев, их детская вера в цивилизованный мир, в истинные ценности.

ЦИКОРИЙ

Духота июльских дней измучила Полину, она просыпалась каждые два часа, вставала, ходила по квартире, пила воду, ложилась снова, подолгу вертелась без сна. Утром она шла на работу усталая и печальная, состояние было такое, как будто она всю ночь разгружала вагоны с углём. Почему-то этот образ усталости пришёл ей в голову, наверно, из какого-нибудь фильма.

Высокая, с распущенными ниже плеч волосами, выкрашенными до черноты угля той самой ночи, что резко контрастировало с её большими голубыми глазами.

Звонок мобильного в сумке вывел её из подавленного состояния. Она достала телефон, на ходу приложила к уху, с бирюзовой сережкой.

- Ало, Поль! Привет! Это я, - слышался писклявый голос из трубки.

- Привет, простите, кто это? - с удивлением спросила своим низким, почти мужским голосом Полина.

- Ну, ты даёшь! Это я, Таня!

Полина возвела глаза к предгрозовому сиреневому небу и спросила:

- Карасёва?

- Да, вспомнила, наконец!

- А ты бы ещё не на десять, а на двадцать лет пропала, я бы... - с усмешкой сказала Полина.

- Ой! Ладно тебе считать! Главное, что я тебя нашла...

- Откуда у тебя мой номер...

- Приснился!..

- Колись, давай...

- Всё при встрече!
 - Ты откуда звонишь?
 - Из дома.
 - А где твой дом?
 - В Солнцево...
 - Занесло тебя Карасёва...
 - А ты как, куда пропала?
 - Никуда я не пропала, жизнь меня мотает...
 - Талантливая ты наша! Пишешь, снимаешь?
 - Собираюсь! У меня всё впереди!
 - Опять впереди... - сказала Карасёва.
 - Какие мои годы, - легко парировала Полина.
 - А чем же ты занимаешься?
 - Работаю, кручусь...
 - Где, если не секрет?
 - В Кузьминках и живу и работаю, - сказала Полина.
 - Где работаешь, Польша, хватит темнить! - воскликнула Карасёва.
 - В парикмахерской, делаю из своих клиенток неотразимых красавиц...
 - Ой! Я к тебе приеду, можно?
 - Конечно! Когда?
 - Сегодня!
 - У тебя проблемы? - сделав лицо строгим, спросила Полина.
 - А у кого их нет... - отшутилась Карасёва.
 - Конечно, приезжай! Я тебе адрес скину.
 - Часа через три буду!
- В ожидании встречи с одноклассницей после более десяти лет тесного общения, Полина не вошла, а впорхнула в салон, и нараспев поприветствовала своих коллег:
- Прии-веет, мои хорошие!..
 - Доброе утро! - удивлённо вскинув брови, ответила администратор.

- Полина, поделись радостью.
- У нас на газоне цветёт цикорий! Прямо чудо какое-то! Никогда прежде я его не видела здесь...
- Ну, ты даёшь... Это тебя цикорий так возбудил?
- Да, ладно тебе язвить, просто улыбнись...
- Да я спать хочу, у меня глаза слипаются...
- Что ночь была забываемая...
- Можно и так сказать.
- Как там у меня запись? Есть свободное время часа через три?

- Есть! И через два, и через три... Отпуска...

Полина села в свободное кресло. Поправила привычно у раковины за большим зеркалом на пластмассовом узком стеллаже всевозможные щётки, ножницы, расчёски...

Полюбовавшись собой, сказала:

- Понятно. Только ты ко мне с 12.00, пожалуйста, не записывай никого.

- Хорошо. Свидание?

- Бывшая одноклассница должна подъехать... - пояснила Полина.

- Понятно...

Полина опять посмотрела на себя в зеркало, но увидела девочку-подростка, смысленный взгляд, тонкие губы, нежная смуглая кожа, красиво подстриженные тогда ещё русые волосы, несколько суетливые движения беспокойных рук и высокий рост 175 сантиметров.

Одноклассники в один голос прочили Полине карьеру модели, а она выбирала между профессиями актрисы, певицы и художницы. Полина всё схватывала на ходу, скользила по поверхности, не погружаясь в глубины, и была уверена, что может достичь успехов в любой творческой профессии.

«Ничего, у меня ещё всё впереди - и книги, и съемки, я всё успею», - подумала она и стала поправлять макияж.

Отец Полины работал в пожарной охране, а мать - бухгалтером в детском саду.

Полина с самого детства примеряла на себя роли героинь книг и фильмов. Правда, книги она узнавала через фильмы, через всевозможные экранизации, а не через чтение. Она искренне верила, что когда-то действительно была этими героинями. Образы из фильмов стали её частью, и вот так с миру по нитке она собирала себя, и желание казаться кем-то из них, вошло у неё в привычку. Полина ни сколько не сомневалась в том, что делает это замечательно, а окружающие только плечами пожимали, не решаясь высказать своё мнение.

Она родилась, училась, росла и жила на окраине Москвы, как принято говорить, в спальном районе. Родители гордились своей отдельной двухкомнатной квартирой. «Комнатки у нас маленькие, но уютные, - любила повторять мать Полины, - а у Полюшки - отдельная комната!»

Родители, как водится в простых семьях, души не чаяли в своей дочери, восхищались ею и всегда поддерживали её увлечения и мечты.

В юности Полина постоянно вертелась перед зеркалом, любуясь собой, отработывая приёмы кокетства и примеряя различные выражения лица. Где-то она услышала о том, что красота бывает заманчивой, таинственно-прекрасной, такая красота не является сразу, а прячется, проявляясь постепенно, разжигая воображение, притягивая взгляд, и пыталась овладеть тайнами такой красоты.

Свою наивность Полина облекала в форму какого-то легкого, поверхностного отрицания, ей была свойственна некоторая небрежность, как в словах, так и в поступках. Она не имела постоянных друзей, но и врагов тоже не имела.

Полина вполне была довольна своей внешностью, с правильными чертами лица, приковывавшего мужское внима-

ние. В четырнадцать лет она впервые подвела глаза и обнаружила, что ей очень идёт красная помада.

Вообще эксперименты с внешностью доставляли ей огромное удовольствие. Стеснительной она не была. «Ну, "стесняшки" - это не про меня, - говорила Полина подружкам, - если влюбилась, то влюбилась. И неважно, кто позвонит или признается первым». Она не считала нужным скрывать свои чувства, считала, что если понравился человек, его упускать нельзя.

Свободного времени Полине постоянно не хватало. Она обожала смотреть кино, её любимым режиссером был Квентин Тарантино. Она называла Тарантино богом кинематографа. Могла говорить о нём бесконечно, и совершенно искренне рассуждала о том, что он бы обязательно снял её, если бы однажды случилась такая встреча, поскольку так, как она его чувствует, его не чувствует никто! «Я никогда не фанатела ни от каких музыкальных групп, ни от кого, - только от Тарантино и его работ. Когда я вижу Тарантино, то начинаю просто бесноваться, хлопать в ладоши. Другим приходится меня успокаивать».

Даже если у тебя в жизни всё поставлено с ног на голову, нет никакого плана и ритма, по твоему убеждению, сам ход вещей затягивает незаметно в ритм, день за днём, утро за утром, ночь за

ночью, и ты следуешь ему, совершенно не задумываясь. Спать, есть и двигаться - эти потребности тела выполняются ритмично, автоматически, а вот развитие, образование, профессия и смысл без внутреннего ритма, просто осуществить невозможно.

Вдруг что-то огромное и горячее сзади навалилось на Полину. Она оглянулась и увидела невероятно полную женщину, с тройным подбородком, с завитой круглой причёской вытравленных волос, с маленькими, заплывшими жиром глазами, с толстыми маслянистыми губами, доже-

ывавшими ещё горячий кусок чебурека, который она держала в приподнятой руке. Только взглядевшись в это чудо, Полина догадалась, кто это.

- Карасёва!.. Ты меня напугала! - пробасила Полина.

- Поля, меня Таней зовут, если ты забыла, я уже давно не Карасёва, - пропищала Карасёва.

- Не обижайся, это я привыкла так, учту.

- Да, я и не думаю обижаться, просто отвыкла. Слушай, а ты почти не изменилась, поделишься секретом!? - доедая чебурек, сказала Карасёва.

- Секрет один - любить себя и всё вокруг...

- Банальненько, но приятно! - с неподдельной весёлостью произнесла Карасёва.

Полина тоже с весёлостью, насколько хватило у неё таланта менять настроение, спросила:

- Расскажи лучше, как ты живёшь?

Карасёва сначала неспешно покопалась в сумке, достала большое яблоко, с хрустом откусила почти половину, и доверительно с некоторым юмором изложила:

- Хорошо, замужем, муж заведует продовольственной базой, со всеми вытекающими, две дочки, лежим на диванах, смотрим телевизор, экран во всю стену. Живём по потребностям. Шашлыки ходим жарить к речке. Живём-то для чего? Да чтоб хорошо поесть! На днях позвонила Зинка, вот поболтали о школе, вспомнили тебя, она твой телефон дала. Мои отпустили меня к тебе на целый день, еле добралась, тяжело же ходить, ну, это, рассказывай о себе.

И Полина стала рассказывать. Низкий голос её звучал плавно, она свободно переходила от предмета к предмету, всегда знала обо всем, что делается в её мире и вокруг. В её рассказах все обретало плоть, вкус, запах, было на редкость зримо. Она с упоением пересказывала скандальную хронику из жизни «звёзд», известных семей столицы.

Сердце Полины было вновь занято, уж такой влюбчивой она была. Она вспомнила свою первую любовь, которая накрыла её, как она любила повторять, в семнадцать лет:

- Я шла по улице в апреле, была метель, а я ела мороженое, и увидела краем глаза, как мимо меня прошёл высокий парень в ярком свитере. Я толком даже лица его не разглядела, но меня будто теплой волной обдало. Застыла как вкопанная. Я уже тогда поняла: вот он - мужчина моей мечты! Первый шаг к сближению сделала сама через неделю после знакомства: почесала ему шею, услышала довольное урчание и влюбилась еще больше. Он меня целоваться научил. Вообще, это не земная, а очень возвышенная любовь, как в кино, я обязательно напишу сценарий фильма и сыграю в нём себя!

Подружки подкалывали Полину, то и дело спрашивая, готов ли сценарий, а она отвечала небрежно, сейчас у меня времени абсолютно ни капельки. «Девчонки, мне сейчас некогда, как вы не понимаете! Мы ни секунды не можем быть в разлуке! Я только о нём могу думать, без него мне ничего не нужно!

- Полина, я слышала, что ты за него замуж вышла тогда, поступала в театральный, писала книгу, а я все искала твоё имя в журналах, на афишах, - сказала Карасёва.

- Не всё сразу, мои дорогие, я собиралась начать писать книгу, но времени, что тебе объяснять, ты сама всё прекрасно понимаешь, катастрофически не хватает, помимо творчества есть ещё быт... У меня родился сын.

Полина поведала однокласснице о том, что рассталась с мужем, когда сыну было три года. Точнее сказать, муж ушёл, заявив, что устал от её нытья и вечного недовольства скучной жизнью. Полина очень переживала, но мужа вернуть не пыталась, слишком велика была обида на него за то, что он не понял её нежную, творческую душу.

Около пяти лет она всё своё время посвящала сыну, правда, муж тоже часто навещал его, а она не возражала, мудро рассудив, что их отношения не должны отражаться на ребёнке. Увлечения, конечно случались, но мимолётные.

Наконец, она рассказала о том, что случай свёл её с человек романтическим, совершенно особенным, которого не интересуется быт, что он совершенно не приспособлен к земной жизни, Полине хочется его поддерживать в поисках себя, но Тимофей, так зовут возлюбленного, держит пока её на расстоянии и не любит говорить о себе. Полина готова пожертвовать собой, лишь бы любимый был рядом. Они часами беседуют по телефону, пишут друг другу письма.

- Полина, извини, но мне кажется, что тебе пора повзрослеть и расстаться с иллюзиями, - сказала своим писклявым, почти плачущим голосом Карасёва.

- Я так не считаю, - мужским баритоном ответила Полина, - меня всегда привлекали личности неординарные...

- Да в чём его неординарность? По-моему, ты теряешь время...

- Тань, мне было приятно с тобой пообщаться, но давай каждая из нас будет сама решать, как ей жить, - довольно сухо проговорила Полина.

- Давай! Извини, если я позволила себе лишнее.

- Брось! Я была рада повидаться с тобой!

Проболтав до конца рабочего дня, одноклассницы расстались.

Встреча с Карасёвой выбила Полину из колеи.

Чувства ещё нет, но что-то неопределённое в душе возникает, даже без точной направленности на какое-нибудь лицо, или на событие, или на явление. Неопределённость эта изматывает, тревожит, но не стихает, несмотря на все попытки справиться с предчувствием, вызывая томительное ожидание неизвестно чего. Полину предчувствие поч-

ти никогда не обманывает, поэтому при его возникновении она старается настроиваться на приятное событие, следуя совету мамы, которая любила в таких случаях повторять, что надо ждать хорошего, чтобы не накликасть беду, которая всегда случается внезапно.

Полина отправила Тимофею сообщение с просьбой позвонить ей, и не выпускала телефон из рук, чтобы случайно не пропустить звонок любимого. Около полуночи раздался звонок.

- Привет, Полюшка!

- Здравствуй, Тим!

- Как дела?

- Нормально, а у тебя?

- Тоже нормально.

- Ты моё письмо получил?

- Да. Ты так красиво пишешь, могла бы стать писательницей.

- Да, я и собираюсь.

- Пишешь?

- Мечтаю написать, да всё времени нет.

- Я тебя не понимаю, что значит - нет времени?

- Я же объясняла тебе, что у женщин масса ежедневных дел и обязанностей, на выполнение которых не хватает дня, приходится ещё ночью, например, готовить на завтрашний день...

- А может быть, ты слишком увлекаешься бытом?

- Тима, я тебя прошу, давай оставим этот разговор...

- Давай... Что не спишь так поздно?

- Мне луна в окно светит. Она сегодня какая-то большая и почему-то очень желтая.

- Да, как в тот день, когда мы с тобой познакомились.

- Ты помнишь... А давай загадаем желание?

- Смешная... Желания загадывают, когда звезды падают. А когда смотрят на луну, не загадывают желаний.

- Все равно давай. Я очень хочу. Очень, очень и прямо сейчас.

- Давай.

- Я уже загадала.

- И что же?

- Говорить нельзя. Не сбудется.

- Сбудется, лунные желания всегда сбываются.

- Ладно. Я загадала, чтобы через много-много лет мы проснулись с тобой такой же ночью и увидели бы такую же луну, потому что и через много-много лет я буду так же любить тебя...

Полина с Тимом разговаривали по телефону часами, встречи же их были короткими и редкими. Полина пыталась как-то изменить это, но Тимофей ускользал, а на её попытки объясниться ласково отвечал, что не переживёт очередного разочарования. История их длилась уже более двух лет, а кроме редких страстных свиданий у неё дома, когда сын уезжал к отцу, ничего не происходило.

Однажды Тимофей исчез. Целую неделю телефон его молчал. Полина сходила с ума, но ничего не могла предпринять, ведь она почти ничего о нём не знала. Наконец он позвонил и назначил встречу в парке.

По дороге туда она вдруг увидела на газоне синие цветочки, которые приветливо покачивались на высоких крепких стеблях, и мгновенно настроение её переменялось, ведь эти цветы так похожи на глаза её мамы! Как же их зовут? Забыла! Мать Полины выращивала на даче самые разные

садовые цветы: астры, гладиолусы, ноготки, пионы и другие, но любила и полевые цветы, среди которых эти, особенного редкого тона пользовались её особенной любовью. Полина остановилась, рассматривая голубое чудо на изумрудном газоне, на душе стало светло, воспоминания нахлынули и накрыли её маминой любовью. Название вспомнилось само собой - это цикорий!

«Конечно, легче влюбиться в розу, чем в неприметные васильковые цветочки. Но заглянешь в цветочки цикория, и на душе светлее».

Полина подумала о том, что хорошо бы об этом цветочке написать рассказ, и тут же испугалась этой мысли, потому что даже в своих мечтах что-либо написать ей было страшно.

Полина сидела на скамейке в ожидании любимого. К ней подошёл старик в потрёпанной шляпе и, склонив голову в полупоклоне, спросил:

- Можно мне... присесть?

- Ой, да конечно...

- Спасибо. Я не помешаю? Вы ведь ждете кого-то?

- Да... Он задерживается немного.

- Ваш любимый?

- Как вы догадались?

- Настоящую любовь чувствуешь сразу, в первый миг.

Она бывает одна на всю жизнь...

- Ну, это если настоящая...

- А что, бывает не настоящая?

- Бывает, встретишь человека и влюбишься, да так, что не только жить без него не можешь, но и дышать, а через какое-то время, внезапно, начинаешь сомневаться в том, что это твой человек, и ты понять не можешь, как ты могла в него влюбиться...

- Мне очень жаль, если подобное случилось с вами, но ведь без горького не почувствуешь сладкого. Многие в жизни может ранить, но всё в этой жизни даётся нам для чего-то. Ничего не происходит просто так!

- Но сейчас у меня всё иначе, - уверенно сказала Полина.

- Желаю, чтобы всё было именно так!

- Благодарю! Всё так и будет.

Старик встал, церемонно поклонился Полине и, пожелав ей счастья, не спеша удалился. Она же с тревогой смотре-

ла по сторонам, ругая себя за то, что позволила себе усомниться в любимом человеке: «Может быть, я, правда, выдаю желаемое за действительное, и придумала себе Тимофея? Нет, я чувствую, что это мой человек, он ни на кого не похож, он особенный. Вот, сейчас...» Телефонный звонок прервал её размышления.

- Полюшка, я стою в пробке...

- Ой! Слава Богу, а то я так испугалась...

- Не надо ничего бояться. Иди домой. Я приеду к тебе, как только смогу, перезвоню и мы посидим в кафе, хорошо?

- Хорошо, Тим.

Они сидели в маленьком кафе вдвоем. Звучала тихая музыка. Это было похоже на счастье. Полина водила пальцами по скатерти, невольно улыбаясь от счастья. Она ждала признания от Тимофея. Он был рассеян, она же испытывала единственное желание - чтобы он обнаружил хоть какое-нибудь волнение. Но никакого волнения не было, он говорил о разных вещах так спокойно и с такой непринужденностью, как будто расстались утром. Полине стало так жаль себя, она едва сдерживала слёзы.

- Полюшка, хочешь выпить? - спросил он.

- С удовольствием, шампанское! - ответила она.

Сила отчаяния вернула ей уверенность и решимость выяснить его отношение к ней.

Тимофей сидел напротив и молча пристально смотрел на неё. Достаточно было заговорить, и поскорее, казалось, что признание вот-вот слетит с его губ. Но оба молчали.

- Я хотел поговорить с тобой раньше, - наконец сказал Тимофей, - я очень дорожу тобой...

Он нежно коснулся её руки.

Официант принёс шампанское.

- Давай выпьем за тебя, - сказал Тимофей.

Она молча пригубила бокал.

- В общем... Я должен попросить прощения. Я женат... У меня двое детей... Мы с супругой сохраняем семью ради детей... Я очень дорожу тобой...

- Я это уже поняла...- еле слышно произнесла она, а слёзы предательски покатались по её лицу.

Тимофей подошёл и обнял её. Полина почувствовала какую-то расслабленную нежность.

Он предложил потанцевать, обнял её, осторожно прижал к себе, её голова оказалась возле его подбородка, и она почувствовала себя почти счастливой, как будто не было его слов о семье.

Тимофей шептал ей о том, что для полного счастья нужно быть любимым и горячо любить самому. Она только кивала в ответ. Он сказал, что очень счастлив, потому что любит Полину, а она любит его, но помимо чувств есть ещё долг, и он должен был, конечно, раньше ей сказать об этом, но это было выше его сил.

Полину охватила слабость, она едва держалась на ногах, непрерывные переходы из одного состояния в другое, вымотали её.

Тимофей наклонился к ней и поцеловал в щеку.

- Мне необходимо сесть, - прошептала она.

- Бедная моя девочка, - сказал он.

- Мне нужно домой, - сказала она.

- Сейчас я тебя отвезу, - ответил он.

Тимофей проводил Полину до дома. Около дверей лифта он выпустил её руку. Она нашла силы улыбнуться ему на прощание.

Полина осторожно открыла дверь, стараясь не шуметь, заглянула в комнату сына, он спал, вошла в свою комнату, подошла к зеркалу и сказала:

- С завтрашнего дня всё свободное время я буду посвящать творчеству. Они ещё услышат обо мне, а Тимофей будет жалеть о том, что оставил меня.

Она кое-как разделась и рухнула на постель.

Сна не было. Полина представляла свою книгу, презентации, аплодисменты. Она шла по красной дорожке в роскошном платье в пол, с высокой причёской и изумительных серёжках с изумрудами в окружении поклонников, под восторженные крики одобрения её таланта. В своих талантах она нисколько не сомневалась, нужно просто сесть за стол и написать уже эту книгу, чтобы доказать всем, что она другая, не такая, как они. Она напишет о своём знании и понимании любви, так, как ещё никто не писал. Это будет бомба!

«Я больше не буду тратить время на пустые разговоры, - обещала она себе, - хватит развлекать знакомых, которые так и льнут ко мне, страдая от скуки. Чувство неудовлетворённости собой не даёт мне покоя, мешает, но я это преодолею. У меня есть бесценное качество - умение сопереживать. Я напишу о том, как боязнь изменить свою жизнь лишают человека возможности любить, а именно любовь дарит нам свет, вкус, запах и музыку земного бытия, что почти бессознательная череда ошибок совершается из-за сомнений. Моя книга будет о том, как следует поступать или делать, о том, что тот, кто боится боли, никогда не обретёт счастья!»

О плодах яблони вспоминаешь в том смысле, что яблоко от яблони недалеко падает, и задумываясь, как, к примеру, родившийся в семье плотника стал Богом, вдруг видишь под яблоней книгу, которой зачиталось одно из яблок, и возникает желание её прочитать, так начинается процесс ухода от падших яблок, а затем самое сложное - постоянное открытие мира. Обстоятельства детства дают неограниченные возможности всем, но пользуются этим единицы, те, которые заинтересуются книгой под яблоней жизни. К сожалению, книги под яблоней семьи Полины не оказалось.

Ведь всякое становление проистекает из повторений, при которых «материал» закрепляется, становясь второй натурой. Характер складывается из постоянных ежедневных действий, превращающихся в привычки, сохраняющие при этом привязанности детства, которые совершенствуются под влиянием начитанных взрослых. Мудрость окружающих людей, их терпение способствуют становлению характера ребёнка, впитывающего всё, что его окружает и о чём ему говорят умные книги.

Огромный лунный диск внимал мыслям словам. Тихая летняя ночь. Занавески двигаются в такт с ветром, танцуют с ним вальс, Полина сидит на подоконнике, перед ней лежит чистый лист, она покусывает кончик ручки, пытается придумать первую фразу, тяжело вздыхает, встаёт, подходит к окну, раздаётся звонок городского телефона. Полина с облегчением бросает ручку и снимает трубку...

ИСПОРЧЕННАЯ

Утром Пухова сосредоточенно и стыдливо выгребла всю мелочь из карманов и кошелька, и дрожащими руками пересчитала её, чтобы набрать на бутылку самого дешёвого вина. Частенько случалось, когда денег ни на что не хватало, собирала бутылки и банки, чтобы купить хотя бы пива, либо шла к магазину в надежде найти компанию.

Она вся сжималась в нервном напряжении от жалости к самой себе оттого, что едва стоит на ногах, от отравления всего организма, от мрака в глазах, от трясущихся рук и ног.

Пухова постоянно повторяла то, что на неё наложили порчу, поэтому у неё не сложилась жизнь - она не получила образование, не создала семью, а главное - стала пить. «Господи, за что ты послал мне столько страданий? Видишь, у меня кончаются деньги, мне не на что жить, помоги!»

Тут же появился спутник, который обнял Пухову, сомкнув руки у неё на талии. Её золотистые волосы мягко светились в сумерках.

- Парочка под хмельком, - с откровенным смешком, произнесла Пухова, и вздрогнула.

Она почти фанатично верила в то, что все её беды происходят от порчи. Собиралась сходить к гадалке, снять эти напасти, отомстить завистникам, по вине которых вся жизнь её превратилась в сплошную цепь несчастий.

«Господи! За что ты так мало меня любишь!? Что я такого совершила?..», - задавала она одни и те же вопросы, но ответить ей было некому.

Пуховой было сладостно обвинять незримых врагов, которые, по её убеждению, растоптали её жизнь, которая должна была, в этом она не сомневалась, быть счастливой.

- Что я вам сделала? За что вы так со мной? Отпустите, чёрные силы! Я ведь делала людям только хорошее! Отпустите!..

Свет внезапно погас, оставив их в потемках. Она даже растерялась на мгновение. Зато не растерялся спутник. Он тут же повернул её к себе и, тесно прижав и не отпуская, маленькими шажками двинулся с ней в глубину арки. Он, прерывисто дыша, прижимался к ней все теснее, и она не сопротивлялась, она уже успокоилась.

От мягких волос Пуховой, от её больших сиреневатых глаз, и от тонко очерченных и слегка вздрагивающих губ веяло чем-то необыкновенно трогательным.

Пухова с рождения жила в коммунальной квартире, расположенной в дореволюционном, некогда доходном доме. Отец оставил их с матерью, когда дочке едва исполнилось девять лет, вырастила её мать, которая была известной в литературных кругах машинисткой высочайшего класса, благодаря чему Пухова имела возможность читать ещё не изданные произведения современных авторов, которых власти считали вредными для народа и изымали из библиотек.

Когда Пухова вышла из возраста неоперившегося птенца, и пришло время принять бремя собственной зрелости, одна из подруг матери устроила её в редакцию научного журнала.

Редакция находилась на втором этаже старого здания. В первый же рабочий день Пуховой секретарша доверительно сообщила, что до 1917 года здесь располагались монашеские кельи разрушенного большевиками монастыря. Она же ввела новенькую в курс дела. Сообразительная Пухова очень быстро освоила свободную жизнь творчес-

ких людей, и плавала по редакционным коридорам как рыбка в родном аквариуме. Бесконечные разговоры, перекуры, перерывы на кофе и чай день за днём плавно переходили к нервным срывам, выяснениям отношений, которые приводили к необходимости снять стресс чем-нибудь покрепче.

При слове «счастье» Пухова неизменно представляла дом, увитый виноградом, участок с подсолнухами, гортензиями, клематисами, цветущей сиренью, с розами, деревьями с желтеющими грушами и краснеющие яблони! Голубое озеро, синие стрекозы над водой, стая уток, плывущих рядом! Старые дубы, ясени, клёны... Овощи с грядки, шашлык на шампурах! Домашнее вино!

Хочешь быть счастливой - учись слушать собственную душу, и иди туда, куда ведёт тебя она по дороге доброты. Вот и весь секрет женской мудрости, которая превыше и сильнее даже мужского эго.

Жажда заглянуть в будущее, при этом сказочное, о другом Пухова в детстве и не мечтала, в подростковом возрасте привела к увлечению предсказаниями. Потом мечты сменила жажда полноты жизни с её открытиями, разочарованиями, переживаниями, потрясениями. Она поняла, что нет ничего более захватывающего, чем сама жизнь с её неожиданными поворотами и сюрпризами.

Впечатана порча в сознание Пуховой.

Предсказания же тисками намертво сковывают психику впечатлительных, безвольных людей, и они сами добровольно следуют по намеченному предсказанием плану, как мотыльки на огонёк.

Весна первой страстной любви наступила для Пуховой в декабре.

Во время очередного застолья она вышла перекурить одна и наткнулась на очень большого человека, с заросшим густой растительностью лицом, который был очень

похож на неуклюжего медведя в узком редакционном предбаннике.

Его фамилия была абсолютно противоположна его внешности - «Беленький».

Вскоре они начать жить вместе и любить друг друга всерьёз. Беленький был из Саратова, прописки московской у него не было. Он работал по договорам, а когда их не было, писал статьи на заказ за наличные. Он снимал однокомнатную квартиру в Зюзино у старинной подруги матери, которая работала на Севере, а отпуск проводила у его матери.

Денег с Беленького она не брала, он просто оплачивал коммунальные услуги. Окна в квартире были занавешены одеялами. Обстановка была спартанская: в углу стояли коробки, вдоль одной стены - самодельный стеллаж с книгами, а напротив в углу - старый добротный письменный стол с двумя массивными тумбами. Слева от двери лежал широкий матрас, возле которого стоял стул с комом сброшенной в спешке одежды. Пухова, первое время, ничего вокруг не видела, столь сильны были любовь, страсть и наслаждение, что комната с наглухо завешенными окнами казалась уютным гнездом.

Вечер начинался грохотом с отблесками молний, но ни капли дождя не выпало.

А ранним утром, разобравшись наверху, грозовые тучи объединились, и началось: полтора часа выло и трясло, небесная вода лилась так, что было похоже на пургу!

А сейчас - тишина и на небе синие оконца. И самое главное - прохладно, уж очень жарко и душно было вчера.

С утра погода была сонная.

Но у Пуховой наступил период просветления. Несколько дней она перемучилась без водки и без снотворного. Остатки силы воли явились откуда-то из глубин испорченной души.

В самый жаркий час, когда все устремились обрести покой в открытых кафе или в тени парков и бульваров, любопытство погнало Пухову на поиски ветра и волны, и одиночества. Она неспешно шла по набережной. Ей было сложно представить жизнь как непрерывное движение конвейерной ленты, по которой тебя кто-то, не спрашивая твоего согласия, продвигает от одной точки к другой, когда тебе ничего больше не дано, кроме разговоров обо всём на свете, а попытки тормозить время - всего лишь иллюзия. Размышления её прервал порыв сильного ветра, который сорвал соломенную шляпу и унёс в Москву-реку.

Пухова с удивлением ребёнка разглядывала московское лето.

В этом году оно навевало воспоминания о том далеком романтичном лете в год окончания школы своими ранними рассветами, мимолетной утренней прохладой с запахом полевой свежести, долгими днями с безжалостно палящим солнцем посреди ослепительно синего, словно с почтовой открытки неба, которое вечерами становилось мягкого неопределенного тона, с серыми и розовыми облачками, какие постоянно витали здесь. Помолодевшая Москва, словно забыв о возрасте, наслаждалась свободой, роскошью, безмятежностью, доставляя радость кочующим толпам туристов. Как хороша она была с восклицательными знаками башен высоток, изгибами реки и ухоженностью парков и бульваров!

Беленький постоянно был занят делами своих бесчисленных друзей и приятелей. Он появлялся дома обычно очень поздно. Пухова всячески пыталась изменить ситуацию, добиться его внимания, но Беленький просто отказывался её понимать. При виде её обиженного лица он неизменно повторял: «Я весь твой, люблю и думаю только о тебе, чем ты опять недовольна? Меня попросили помочь, я не мог отказать хорошим людям».

Потихоньку Беленький стал освобождаться из любовного плена.

Пухова открыла глаза в кромешной тьме, нестерпимо хотелось пить. Она наощупь включила свет, огляделась. Вещи валялись где попало. Она пошла на кухню и залпом выпила два стакана воды из-под крана. Взглянув на стол, она ужаснулась, долго припоминая, когда же разошлась компания перепившихся подружек, видимо, судя по царящему разгрому, совсем недавно.

Пухова попыталась, насколько смогла, навести хоть какой-то порядок, бестолково переставляя грязную посуду с места на место, но сил не было. Она приняла душ и рухнула на матрас. «Беленький наверняка сейчас бродит где-то один», - пронеслось у неё в голове. Он всегда отправлялся побродить, когда между ними вспыхивала ссора. А вчера, когда она с подружками устроила девичник, не предупредив его, пытаясь продемонстрировать свою самодостаточность, он, возможно, и приходил домой, но она ничего не помнила.

Беленький вернулся около десяти утра и увидел, что Пухова ещё спит. Он прошёл на цыпочках, чтобы не разбудить её, на кухню, посмотрел на грязную посуду и пустые бутылки, и ушёл, осторожно закрыв за собой дверь. Удивительно. Что вид спящей Пуховой не вызвал у него никаких нежных чувств, ведь он любил её почти что благоговейно. Вначале особенно ценил в Пуховой надёжность, она была из женщин надёжных по самой своей природе и стала еще надежнее в силу своей любви к нему. Встретились они, когда он был не такими уже молодыми, но совсем еще нестарыми. Именно поэтому его уверенность в Пуховой не вызывала у него скуки, а продолжительность их любви не казалась угрожающей - как могла бы казаться несколькими годами раньше. Было время, когда Беленький очень нравился женщинам, он даже разыгрывал из себя настоя-

щего донжуана, года два или три, и теперь эти годы казались ему самыми дурацкими и пошлыми в его жизни.

Любовников часто разлучает не смерть их любви, а миг, песчинка, которой довольно, чтобы превратить безоблачное счастье обладания друг другом в глубокое разочарование.

Потерять сейчас Пухову ему совсем не хотелось. Но и жизнь в обстановке бесконечных выяснений отношений он вообще представить себе не мог. Ни за что! Никогда! Вскоре Беленький исчез из жизни Пуховой без всяких объяснений.

Одна из подруг по возлияниям рассказала ей, что наложить порчу на человека можно, если допустить агрессивную беседу и мысленно что-то пожелать ему или позавидовать, поэтому в ответ на вопросы о жизни Пухова начала жаловаться на бесконечные неудачи и нужду, настойчиво объясняя, что на неё наложили порчу. Если же собеседник выражал сочувствие, она охотно рассказывала о постоянной усталости, из-за которой она не может ничего делать и на ночные кошмары. Постоянную тягу к спиртному объясняла тем, что кто-то наложил на неё порчу на алкоголизм, поэтому она не может бросить пить, поэтому её жизненное пространство разрушено.

Какое-то время Пухова жила в полном одиночестве и сильной нужде. Тяжело переживая разрыв с любимым человеком, она стала пить. Ей казалось, что за дымкой опьянения забывается боль. Порой, в пьяном угаре совершала немислимые безумства.

Но в итоге она забыла сама себя.

В этот период её жизни появился Валентин.

Пухову привлекала жизнь, неизменным спутником которой был алкоголь. При этом после спиртного она часто переживала депрессию и закатывала истерики, после которых впадала в болезненное уныние.

Незаметно тяга к спиртному оказалась сильнее всех остальных пристрастий Пуховой. В её квартире стали появляться весьма сомнительные люди, а бутылки во время застолий сменяли одна другую. Пухова постоянно жаловалась на непонимание, а свои несчастья объясняла тем, что на неё наслали порчу завистники и недоброжелатели. Именно по этой причине она пристрастилась к бутылке, стараясь утопить в нем свои проблемы.

Валентин ревновал Пухову невероятно, и взамен встреч с прежде близкими ей людьми предлагал ей ежедневно обильные возлияния. Любые попытки прежде близких ей людей объяснить, что Валентин губит её, провоцировали нервный срыв и очередной запой.

За прожитые с Валентином годы Пухова смирилась с его несдержанностью и бестактностью, но как-то раз, не выдержав его очередного срыва, она позволила себе сказать ему: «Хватит! Болтаешь невесть что!» Ответом было потрясённое молчание.

Валентин настолько привык испытывать её терпение, что ее вспышка произвела на него сильное впечатление. Он даже не попытался сдержать себя, обрушив на неё каскад оскорблений и упрёков, его гневные слова, показались ей камнепадом.

Пухова попыталась вырвать руку, но он только крепче сжал ее, и больше она не сопротивлялась.

- Отпусти, - сказала она и ускорила шаг.

Он довольно грубо дернул её и раздражённо произнёс:

- Что ты психуешь? Молчи лучше!

- Из-за того, что меня достали твои разговоры о том, что ты меня кормишь!

- А что это не так?

- Может, не будем считаться? Не опускайся до мелочного убожества!

- А ты не смей делать мне замечания!

Они улеглись спиной друг к другу. Пухова прежде во всех ссорах винила себя, но в этот раз обида захлестнула её с такой силой, что она приняла решение утром незаметно навсегда исчезнуть из жизни Валентина, и притворилась спящей. Когда она открыла глаза он уже встал. Пухова молча проскользнула в ванную, а когда вышла оттуда, он вновь высказал ей, что она накануне вела себя возмутительно, что благосостояние их держится на нем, и только на нем, на его силе и уме. Потребовал, чтобы она об этом не забывала.

Звонок телефона прервал выяснение отношений.

Пухова схватила трубку, как спасательный круг.

- Как у вас дела? - весёлым голосом спросила приятельница Валентина, которая постоянно раздражала Пухову.

Она включила громкую связь и, передав трубку Валентину, демонстративно вышла из комнаты.

- Я решила, что вы обо мне совсем забыли, и мне стало грустно. У вас всё в порядке? - спросила приятельница.

- Нет, как я мог забыть? - отвечал Валентин не слишком убедительно.

- Может, мы поужинаем вместе. Как вы на это смотрите?

- Да... Как-нибудь... - отвечал Валентин.

- Как насчёт следующей недели?

- Договорились...

Он уже приготовился положить трубку, но приятельница продолжила:

- Мы ужинаем вдвоем или втроём? Я должна знать заранее.

- Вдвоем! - ответил Валентин, закончив разговор.

Он пошёл на кухню. Пухова жадно пила воду из крана.

- Тебя мучает жажда? - спросил он.

- Просто мечтаю что-нибудь выпить!

- Ты уже выпила всё, что было!

- А что ж ты не позаботился!?

- Устал!

Пухова, опалив его огненным взглядом, хлопнула дверью.

При любой неудаче она утешала себя тем, что на неё навели порчу. И сразу успокаивалась. Что дергаться, если ты испорченная?!

Завеса ливня упала, и над городом открылась чисто вымытая синева ночного неба, она манила теплом, пленяла романтикой и после долго бушевавшей грозы наполняла сердце и взгляд смутным чувством, похожим на счастье.

Пухова не видела ни небесной чистоты, ни асфальта под ногами. Она спешила за лекарством в магазин. Больно ударившись ногой о неожиданное препятствие, она пнула его еще разок и чертыхнулась сквозь зубы. От боли в щиколотке не могла сделать ни шагу.

- Кто тут посмел камни швырять? Какой наглец?! - громко возмутилась она, подняв негодующий взгляд к окнам.

- Надеешься, что кто-то откроет окно и крикнет: «Это я!» - ответил ей Валентин. - Идем домой! Надо посмотреть, что с ногой, а то и в этом буду я виноват.

- А кто же ещё? Конечно, ты, а не твоя подружка!

Дома Пухова села на стул и собралась снять туфли, но заметила на тумбочке совершенно неожиданную бутылку, и просветлела.

- Портвейн!? - изумилась она, указав подбородком на бутылку.

Ощущение праздника охватило её, хотя она до конца не понимала, что это вдруг Валентин так изменился.

- За твою ножку и за твою терпеливость, радость моя! - сказал он.

Они выпили. Ревность и обида на Валентина рассеялись, боль из ушибленной ноги тоже улетучилась, и Пухова, игриво подмигнув ему, и прошептала:

- Потанцуем?!

Валентин немедленно прижал её к себе в танго.

- Скажи, - спросила она, - а ты нечего в портвейн не подмешал?

- Нет, конечно, что это тебе в голову взбрело?

- Не взбрело, а скорее ударило...

- Не понял...

- Мне так легко стало, что хочется летать...

- Ты уже полетала, едва ногу не сломала!

- По-моему нам пора выпить ещё, чтобы вернуть романтическое настроение, - с этими словами

Пухова с ловкостью змеи высвободилась из объятий Валентина и элегантно наполнила стаканы.

Валентин не спеша закурил, задумчиво подошёл к окну, затянулся и пристально посмотрел на неё. Она молча осушила стакан.

Валентин продолжал изучающе смотреть на неё.

- Почему ты молчишь?.. Я слишком много пью?..

- По-моему ты слишком торопишься.

- Раньше ты меня торопил...

- Раньше... Раньше всё было по-другому...

- Что значит «всё»?

Валентин тоже выпил и сказал:

- По-моему нам лучше лечь спать.

Пухова вышла из комнаты с бутылкой. На кухне она, предварительно открыв кран, высказала Валентину всё, что у неё накипело, особенно достали её бесконечные звонки «подружек». На замечание по поводу склонности её к пьянству, просто рассмешило, «кто бы говорил, сам без выпивки ни дня прожить не может», - гневно высказала она воде.

Много лет Пухова довольно убедительно изображала из себя счастливую женщину, представляя Валентина как любящего заботливого мужа, а на вопросы любопытных, почему они до сих пор не женаты, отвечала, что они выше этого, и хорошее дело «браком» не назовут. Мысль о том,

что кто-то узнает, что она из любимой женщины стала в миг брошенной, не давала ей покоя.

- Ну, уж нет, не дождётесь! - говорила Пухова своим воображаемым доброжелателям.

Она с детства была приучена втискивать свою жизнь в общепринятые правила, думать прежде о том, что люди скажут, а уж потом о себе.

Во взаимоотношениях мужчины и женщины нередко взаимное влечение сменяет непреодолимое равнодушие. Понимание того, что Валентин охладил к ней, последние дни всё чаще не давало Пуховой покоя, поэтому она всё чаще запивала мрачные предчувствия, вызывающие раздражение и даже злость. В то же время она тосковала по его крепким рукам мужчины, любящего женщин, по его жадным поцелуям и ласкам, несмотря на то, что делал всё этот мужчина всегда спустя рукава, а женщинам приносил скорее горе, чем радость.

На Пухову всё чаще накатывало страстное желание, похожее на любовное помрачение подростка, вернуть Валентина. В такие моменты помогала рюмка чего-нибудь крепкого.

После исчезновения Валентина, события понеслись галлопом, в квартире Пуховой всё чаще появлялись странные люди, похожие на тени, и всё как обычно заканчивалось шумными попойками. Соседи вызывали милицию, которая забирала всю компанию вместе с Пуховой, но выслушав очередной рассказ о порче, которую на неё навели завистники, её отпускали.

Мысль о том, что всего следует добиваться самой, что мечты о свободном, безбедном скольжении по жизни есть не что иное как иллюзорное счастье, даже не приходила в голову Пуховой.

«У меня все было для счастья, когда я встретила Беленького, но мне завидовали окружающие, видите ли, им не давало покоя то, что я, по их мнению, веду достаточно праздный и счастливый образ жизни. Я была молода, хороша со-

бой и каждый день в хорошем настроении, но я даже не могла предположить, что могла вызывать у окружающих зависть и они вместо того, чтобы заниматься своей жизнью, совершали страшные вещи, чтобы навредить моему счастью. В результате я стала всё чаще впадать в депрессию, таблетки мне не помогали, а несколько стаканов вина снимали безысходную тоску, из-за которой не спала по несколько дней. Я победила депрессию безо всяких таблеток. В молодости даже лёгкая грусть приносила мне счастье, я с удовольствием грустила. Я нравилась мужчинам. Меня любит Бог. У меня было полно всяких способностей для реализации желаний, меня щедро наградила природа. Я существовала в среде интересных людей, любила кино и литературу, не сомневалась в том, что меня окружают добрые друзья. Мне хотелось сильной любви, и я встретила мужчину своей мечты. Беленький был именно таким, я была абсолютно уверена, что мы будем вместе всегда. Рядом с ним я невероятно молодела и хорошела с каждым днём. Единственной проблемой была периодическая нехватка денег. О трудностях я не думала. Поэтому их и не было...»

«Господи, пошли мне немного денег, - просила Пухова по утрам после бурных попок, - немного совсем, только на лечение».

Пухова вошла в роль, объясняя все свои несчастья порчей, что даже в результате поверила в это сама.

Сознание её было парализовано словом «порча».

Глазливые люди мерещились ей повсюду, они неотступно преследовали её, поставив себе цель погубить Пухову окончательно.

СИГНАЛИЗАЦИЯ

Настойчивое жужжание окончательно вывело меня из себя, пришлось открыть глаза, посмотрела на потолок, никого там нет - ни комара, ни мухи! Ко мне в квартиру не так легко пробраться. Я ведь каждую щель законопатила так тщательно, чтобы никто, даже самая крошечная мушка не прокралась, но кто же нарушил мой покой? Не успела я об этом подумать, как раздался звонок городского телефона. Я нехотя взяла трубку, странный кашляющий голос сообщил мне, что в библиотеке сработала сигнализация, поэтому мне необходимо срочно приехать. «Лето! Выходной! За что? Я спать хочу, на часах 6.00», - всё это пронеслось в моей голове, а в трубку я печально сказала: «Буду минут через сорок».

- Вот и славненько... кхе-кхе...

В полусне я собралась исключительно автоматически и доехала до библиотеки. В метро и на улице было безлюдно, как обычно в летний воскресный день. Как только я увидела, что у входа меня никто не ждёт, сон пропал мгновенно. Я едва сдержала слёзы, но не обиды, а гнева. Пока я рылась в сумке в поисках мобильного, подъехала полицейская машина. Двое полицейских объяснили задержку тем, что даже предположить не могли, что я приеду так быстро.

- А что же вы не вошли внутрь, - спросил меня полицейский с автоматом.

- Боюсь! - ответила я.

- Да там, наверное, кошку вчера закрыли, вот сигнализация и сработала.

- А если нет?

- Всё правильно! - одобрил мои действия второй полицейский. - Зачем рисковать...

Я с облегчением нащупала ключи от библиотеки, мысленно поздравив себя с этим, потому что в этот момент поняла, что мобильник остался дома. Открыла дверь. Пропустила автоматчика вперёд и сняла сигнализацию. Когда мы второём тщательно обошли все помещения и сообщили дежурному, что всё в порядке, он предположил, что сигнализация сработала, вероятно, из-за жары. Полицейские, попрощавшись, уехали, а я решила остаться, раз уж приехала, и заняться бумажными делами, которые множились с каждым днём. Включив кондиционер, я пошла на кухню, которая располагалась в полуподвальном помещении и была нашей гордостью, в ней было уютно, мило и всегда чисто. Мы собрали деньги на посуду, купили симпатичные сервизы для чая, кофе и целый ряд значимых мелочей, которые радуют глаз в минуты пасмурного настроения, способствуют доброжелательным отношениям. Сама мысль о чашечке живительного кофе поднимала настроение, напевая, я шла вдоль стеллажей, с нежностью отмечая произведения любимых авторов. Неожиданно звук, напоминающий глухое покашливание, насторожил меня. Я остановилась, прислушалась

- Тишина, показалось, - мысленно успокоила я себя и продолжила путь.

«Кхе-кхе», - произнёс отчётливо кто-то за стеллажом. Я замерла. Это же «кхе-кхе» мне звонило! Первая мысль была бежать к тревожной кнопке, которая располагалась на кафедре за спиной, но ноги не слушались меня. В конце прохода появилась сначала тень, а потом очертания сутулого человека, ужас охватил меня: «Это сон, сейчас я открою глаза и проснусь», - подумала я и крепко зажмурилась. В голове моей понеслись одна за другой картины, связанные с Достоевским.

Я настолько растерялась, что не решалась задать ни одного вопроса из тех, что вихрем кружились в моей голове. Федор Михайлович выглядел уставшим, на бледном лице из-под высокого крутого лба на меня смотрели светлые пронизательные глаза, излучавшие свет и доброту. Светлые редкие волосы и длинная жидковатая борода завершали образ писателя, знакомый мне по портретам. Странно, но как только Достоевский заговорил, у меня не возникло вопроса о том, как и почему он тут оказался. Я лихорадочно искала нужные слова, но Достоевский заинтересованно стал расспрашивать меня о библиотеке, о читателях, читают ли его книги, чем интересуется молодежь. Говорил он, слегка покашливая, и я предложила ему чаю, но он, поблагодарил и ответил, что предпочитает посмотреть библиотеку внимательнее. Он заинтересовался фондом, пошёл вдоль стеллажей, при этом казалось, был погружён в себя, в свои художественные мысли, но, когда он с ироничной улыбкой предложил мне помощь в том, чтобы снять с полок книги нехудожественные, иначе говоря, плохо, примитивно написанные, которые могут испортить неопытному читателю вкус, я поняла, что ему достаточно беглого взгляда для того, чтобы отличить зёрна от плевел. Я же молча кивала ему, не решаясь сказать, что большинство читателей приходят в библиотеку не за художественной литературой, а за «читивом», чтобы «убить время». Но от его предложения освободить полки от серой литературы, я, поблагодарив его, отказалась, ссылаясь на строгий учёт. Самое сильное впечатление на Фёдора Михайловича произвёл компьютерный зал и интернет. Когда я стала показывать ему огромные возможности по чтению его произведений, варианты поиска, которые предоставляет интернет, огромное количество мировой литературы о нём и его творчестве он был поражён совершенно.

Когда мы вышли из библиотеки и пошли по раскалённому асфальту к Москве-реке, я поделилась своими впечатлениями от книги Достоевского "Бедные люди".

- Это моя первая книга.

- Да! Именно с неё началось моё знакомство с Вами, Фёдор Михайлович, я говорю так, потому что знакомство с писателем через его произведение считаю самым искренним и ценным даром. Я погружаюсь в текст и живу внутри, полностью погружаясь в текст, писатели для меня самые дорогие, мудрые друзья! Вы открыли мне, что любовь спасает человечество на протяжении всей истории его существования. Горшок с бальзаминном на окошке, загнутый уголок занавески, светлая улыбка - всё это составляет счастье, смысл жизни человека. Макар Деушкин беспокоится о единственном, дорогом существе Вареньке, «маточке», как он нежно её называет в своих письмах. Вы так образно и нежно передаёт чувства двух беззащитных существ, которые пытаются вопреки обстоятельствам, выжить, поддерживают друг друга, отказывая себе в самом необходимом. Ангельчик Варенька приболела, и Макар передаёт ей вместе с письмом веточку винограда. Ради Маточки Макар бредёт в дождь в худых сапогах, теряя по дороге подошву, к дому ростовщика, чтобы достать денег, он готов на всё, но сам совершенно беспомощен и беззащитен, помощи нет и ждать её неоткуда. Как в двадцать два года вы так глубоко проникли в малейшие движения души героев?

- Мне ничего не надо было придумывать. Наблюдения за пациентами больницы, разговоры с ними способствовали моим философским размышлениям, столь сильно жизнь этих людей с детства запала в мою душу, что желание под-сознательного проникновение в тайники человеческой души стало смыслом жизни.

- Да, любовь, такое светлое, но и самое коварное чувство, и помогает преодолевать все сложности, как, скажем, в случае вашей встречи с Анной Григорьевной.

- Анна Григорьевна - мой ангел Хранитель!
- Маргариточка моя любимая, - шепчет он.
- Феденька любимый, - растворяется в любви она.

Я себя одергиваю: «Какой ещё Феденька!». У меня в руках его «Идиот», которого я целую в переплёт. Мамочка моя, я с ума в этой библиотеке сойду.

А ведь нужно было совпасть, чтобы нерв к нерву, взгляд к взгляду, душа к душе, всё должно было сойтись в этой встрече, одиночество и жажда любви, творческое горение, понимание друг друга с полуслова, а такого по определению произойти не может, потому что люди настолько по настрою отличаются друг от друга, что не то что не тянутся друг к другу, а стремятся игнорировать, унижить, поставить на место, но на ловца и зверь бежит, на одинокого писателя прилетает чистая понимающая душа, настроенная на его волну. Бесконечные ночи раздумий, тревог, страхов, такими мне представляются ночи писателя. Непростая судьба выпала на его долю. Ужас пережитой публичной казни, каторга, болезнь и бесконечное безденежье. Бесконечные родственники достают со своими проблемами, просьбами. Я вижу Фёдора Михайловича, который белыми ночами говорит себе о том, что как только выиграет, непременно завяжет с игрой в рулетку. Играет ночами напролёт, выигрывает, остановиться никак не может, удача сегодня на его стороне, и вновь крах! Мгновение и он проиграл разом всё. Ночью заснуть никак невозможно, мысли о реванше не покидают его. Достоевский страдал в рождении образов, рыдал с ними. Они становятся для него родными. Он поспешно, в постоянной экзальтации пишет, а потом опять то ли он, то ли герой его является вечером к игре, просиживает за ней далеко за полночь. Возвращается, обдумывает очередную сцену, молится, впадает в тоску. Кошмары погружают его в болезненное состояние. И опять идёт играть с

утра до ночи, а потом с ночи до рассвета. В какой-то момент он смотрит на светлое небо и не может понять, день ли на дворе, или белая ночь.

- Я не раз была в вашем музее на улице Достоевского, это бывшая Божедомка...

- И улица в мою честь есть?! - с изумлением воскликнул он.

- Да...

- Ну, конечно, чтобы стать Достоевским нужно было родиться именно и только на улице Достоевского.... Как же иначе! Ведь если бы я родился на Божедомке, то стал бы Божедомкиным, или, точнее, Бежедомским!

Я тут же рассмеялась.

- Почти Иваном Бездомным!

- Это ещё кто таков?

Меня поразило то, что писатель Божедомский не знает Бездомного, объяснила:

- Это из романа Булгакова...

Божедомский насупился, опустил голову, борода уперлась в грудь.

- Такого писателя не знаю... кхе-кхе...

Божедомский-Достоевский задумчиво посмотрел на воду.

- Воспоминания о детстве нахлынули на меня, - сказал он. - Деревянные игрушки, лошадь-качалка... семейные чтения по вечерам... Музыкальные вечера... Голос матери звучит так отчётливо... Праздники в особняке у тётки Куманиной... Москва незримо присутствует в моих произведениях - доктор Газ... Его девиз "Спешите делать добро...", оказал на меня столь сильное влияние...».

Мы отправились с Фёдором Михайловичем на метро к дому, перед которым стоит памятник того самого доктора Газа, который облегчил участь колодников, идущих по этапу, скованных цепью, безумно страдающих от кандалов, натирающих язвы на ногах. Ведь Достоевский не из-

бежал участи, общей для всех петрашевцев - ссылка, этап... Жесткая школа жизни. Когда в вагон вошла девушка и села напротив нас, Достоевский, взглянув на неё, полушёпотом обратил моё внимание на шею в вырезе простенького платья, сомкнутые плотно колени, неловко лежащие на них руки, - ничего особенного, но мягкость очертаний, поворот головы, и сказал, что её образ напомнил ему Маточку. Мы молча постояли у памятника, а когда отправились на станцию метро «Достоевская», он сказал, что именно доктор Газ был прообразом князя Мышкина в романе "Идиот".

«Кто не знает улицу Божедомка?! А вот не знают, потому что она опять улица Божедомка, а напрасно переименовали, потому что получается, что Божедомский родился на улице Божедомка».

Голова совершенно пошла кругом. Какой ещё Божедомский?! Нет такого писателя. Хотя если спросить у кого-нибудь, мол, какой писатель родился на улице Божедомка, то и ответят сразу, не задумываясь: Божедомский.

Это он родился как раз тогда, когда ни года, ни месяца, ни числа не было. Ничего тогда не было, а он раз, взял и родился. Откуда? Каким образом? Никто не рассказывает. Между тем, мы подошли к его музею. «Я помню, пускал мыльные пузыри...», - произнес он, и стал ходить взад и вперёд вдоль ограды, не видя и не слыша, что происходит вокруг него.

Я задумалась о том, насколько он добр и мягок, а когда очнулась, то увидела черную фигуру памятника в смиренной рубашке за оградой. Так вот кто, оказывается, мне звонил, подумала я: памятник! И он сам стоит у памятника и речь толкает о том, что в библиотеке сработала сигнализация, чтобы, значит, народ собирался на открытие памятника, прямо в больнице, со связанными руками, буйный, с топором бегают за банкирами.

Сознаюсь, что встреча эта так поразила меня, что, когда в Москве стояла невыносимая жара, я решила отправиться в Люблино, надеясь на ещё одно чудо. В письме к пасынку, Павлу Александровичу Исаеву, от 4 июня 1866 года, Божедомский подробно пишет, как добраться в Люблино: «Если приедешь в Москву, из вагона же нанимай извозчика в Люблино. Выезжать надо в Покровскую заставу, на Карачарово (село) и в конце Карачарова будет поворот вправо на Люблино, близ Кузьминок. Надобно, чтоб ты нашел извозчика, бывавшего в Люблино - иначе заблудишься, хотя Люблино 5 верст от заставы и три версты от поворота из Карачарова. NB. Через Люблино идет новая железная дорога, которая еще не готова. В Люблине я стою на своей даче. Впрочем, спроси Ивановых. Можешь, если хочешь, справиться и в Константиновском институте. В Люблино платить извозчику надо от 1 1/2 до 2-х рублей».

В то отдаленное время Люблино представляло уютный, тихий уголок. Дачи были окружены прелестным старым парком, примыкавшим с северной стороны к большому проточному озеру, а с южной - парк незаметно переходил в смешанный лес. В Люблино можно было проводить лето весьма приятно. Феденька снял дачу в Люблино, чтобы без остановки писать, с разгоном писать, как умел это делать только он, вот сядет за стол, одно слово напишет, потом сразу три, а уж за ними без остановки строчит с такой скоростью, что не только с топором за работниками кредитных организаций, которые изо всех углов и телевизоров заманивают дураков за кредитами, побежишь... А вы думали, как романы пишутся? Так и строчатся, не думая. Правильно Божедомский говорит, что писателю думать вредно, писатель должен просто и только писать со скоростью взлетающего самолёта. Так Федя и строчил на втором этаже жёлтого домика в Люблино какую-то там часть своего «Преступления и наказания». А при этом то

и дело возникали постоянные споры с издателями, противоположность взглядов по ряду вопросов всё больше беспокоила его. Кроме того, у него был кабальный договор со Стелловским. А он ещё за роман для него не принимался. А как вы хотели? Чтобы жизнь по маслу текла? Нет уж! Дудки! На каждое ваше дело будет препятствие! Чтобы форму не теряли. Постоянно были в тонусе. Ежедневно тренировались в игре в карты, на рулетке, в домино и в футбол. А то...«Стелловский беспокоит меня до мучения, даже вижу во сне», - писал он. Работы было много, и писатель рассчитывал, что сможет осуществить в этом очаровательном месте свои планы. Он вставал около девяти часов утра и, после чая или кофе, садился за работу, которой не прерывал до самого обеда, то есть до трех часов пополудни. Обедал он у Ивановых, где уже и оставался до самого вечера. Таким образом, Федор Михайлович писал по вечерам крайне редко, хотя говорил, что лучшие и наиболее выразительные места его произведений всегда выходили у него, когда он писал поздно вечером. Однако вечерние занятия ему были воспрещены, как слишком возбуждавшие и без того расстроенную его нервную систему.

В «Бесах» Достоевский увидел грядущее «светлое будущее» России в лице большевиков, разрушавших повсеместно храмы. Тех самых большевиков, которых постоянно ныне хотят отмыть добела новоявленные персонажи «Бесов».

Лето 1866 года Ф. М. Достоевский провел в Люблине у Ивановых. Сладкая жизнь в мармеладовом раю, когда рулетка выписывает бесчисленные червонцы выигрыша. А кто не любит сладкого, да ещё после рюмочки? О страстных влечениях Мармеладова весьма выразительно говорит фамилия, выбранная писателем не только сладкая, но и липкая до неприятности. При слове "сладострастие" пере-

до мной возникают многочисленные из сладкого ряда образы, созданные Достоевским. Сколько оттенков сладострастия, как отталкивающих, так и трогательных! Человек и рождается на свет, благодаря сладострастию. Вот куда углублялся Достоевский!

Вряд ли бы Божедомский сказал о себе, что он Родион Раскольников.

Он даже в том, что он - Достоевский не сознается.

Прячется у меня в библиотеке на стеллажах и за стеллажами со своим «кхе-кхе», и поднимает меня по тревоге звонками своими. Хотя убийца жил в его душе. Как и в каждом человека живет палач и жертва. Вопрос в том, как управляет поведением мозговой центр. Божедомский бы порешил топором Стелловского, и этим самым поражает меня не только красотой души, своей особой гармоничностью топора и рулетки, искренностью, он говорил настолько тепло и доброжелательно, что очаровал меня. В сердце появилась та теплота, которая появляется от встречи с давним, долгожданным другом. Алеша (альтер эго Достоевского), задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, сейчас же естественно сказал себе: "Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю". Безмерно страшные минуты ожидания смерти в колпаке у столба на эшафоте превратились в нестерпимую вечность. «Что есть время? Время не существует; время есть: отношения бытия к небытию», - так определил Достоевский это таинственное явление действительности. Время движется по-разному, в зависимости от внутреннего состояния человека. Случается в одно мгновение увидеть, услышать, прочитать всё до малейшей детали, а в другой раз, невозможно понять, куда исчезло время. У Бога нет ни времени, ни пространства. А что же есть? Слово! Время у Достоевского бесконечно, как бесконечен сам Достоевский.

Погружаюсь в нервический текст Достоевского, оглядываясь, вижу, как крадётся по его следу Смердяков, как в страхе спускается к булыжной набережной реки Перерытицы. Старая Русса! В этом ныне тихом, спокойном городке стены домов, деревья и камни помнят, как по вечерам Достоевский, с воспалённым взором, прогуливался с Анной Григорьевной, обдумывая монолог Ивана Карамазова или смиренные речи брата Алёши. На улице я с опаской раскланиваюсь с Фёдором Павловичем Карамазовым, а у скотопригонного рынка из трактира Земского слышно, как размашисто со звоном битой посуды гуляет Дмитрий Карамазов. Я иду по безлюдным аллеям курортного парка Старой Руссы мимо спящего бассейна, когда ничто не нарушает покоя, даже фонтан едва шумит.

Холодный день холодного сентября с холодным дождем. Иду под зонтом к воротам Миусского кладбища. Оно сохранилось в отличие от Лазаревского, на котором была похоронена мать Федора Достоевского. Теперь на его месте расположен детский парк. Москва Федора Достоевского не сохранилась, к сожалению. Мы ведь на редкость расточительны, нам все места не хватает для строительства новых домов и улиц. Я шла мимо крестов и надгробий по мокрым пустынным дорожкам, выложенным разноцветной плиткой. Старые захоронения, которые мог видеть Достоевский, потерялись среди захоронений XXI века. А кладбище ведь основано в 1771 году, во время эпидемии чумы, за Камер-Коллежским валом недалеко от местности Миусы. Ноги сами привели меня к храму Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии - подворью патриарха Московского и всея Руси. В этом храме, думаю, Достоевский бывал, потому что церковь была построена в 1823 году. Не случайно же в самом начале "Братьев Карамазовых" появляется фамилия Миусовы: "Первая супруга Федора Павловича была из довольно бо-

гатого и знатного рода дворян Миусовых, тоже помещиков нашего уезда".

Чем дальше живешь, тем острее чувствуешь потребность в любви, всё меньше времени остаётся на всё остальное, а поскольку писательство есть главная любовь для пишущего человека, на ссоры, упреки, доказательства, возражения, выяснение отношений, на злобу дня и ум веков, на критику и прогресс - у писателя времени нет. Только успевай любить, обнимать, прижимать к себе, распространять вокруг себя тепло, купаться в тепле другого, слушать его сердце и дыхание, делиться и главным, и сиюминутным так, чтобы все это немедленно становилось общим. Входить в сплоченность тайны, переполняться нежностью и выплескивать ее из себя, сочетаться, сродняться каждой клеточкой, льнуть, приникать, вникать, воплощаться в ближнем. И спешить, отчаянно спешить с этой любовью, пока не угас в тебе ее источник, пока не растеряны средства ее воплощать, пока еще есть глаза, чтобы любоваться, и руки, чтобы ласкать, и сердце, чтобы мучиться и блаженствовать. Потому что ад, как сказано у Достоевского, - это осознание невозможности любить, чувство навсегда утраченных, не воплощенных возможностей любви. Память о Достоевском в Москве хранят его музей, памятники, станция метро Достоевская, а я по-прежнему приезжаю на Божедомку побеседовать с Фёдором Михайловичем.

- Доброе утро, - произнес глухой голос весьма приветливо.

Я открыла глаза. Передо мной стоял бородатый человек, очень похожий на Достоевского.

- Не может быть! - только и воскликнула я.

- Может, - мягко сказал похожий.

Я встряхнула головой, чтобы прийти в себя. Мало ли что, ведь всякое с головой бывает. До сих пор не могу понять,

куда делся мой страх, потому что я так, как будто виделась с ним не впервые, приветливо сказала:

- Доброе утро, Фёдор Михайлович!
- Простите, как вас величать? - спросил он меня.
- Маргарита Васильевна...
- А какой нынче год?
- Две тысячи восемнадцатый...
- Вы здесь служить изволите, Маргарита Васильевна?
- Да, Фёдор Михайлович...

ЗНАКОМСТВО С СОБОЙ

Мира Матвеевна с изумлением обнаружила, что неподвижно сидит в своей комнате в темноте перед светящимся экраном монитора, на котором изображена стартовая страница Яндекса. В правом нижнем углу монитора она увидела число 23.11.2017 и время 18.48. Она не проснулась, нет, а как будто прошла сквозь паутину. Она закрыла глаза. А когда открыла, то испуганно воскликнула:

- Куда пропал день!? Что со мной случилось?

Дрожь, крадучись, подступила к ней, и тело покрылось мурашками.

Ей так хотелось спросить о том, куда все исчезли, но её собеседник или собеседница, а точнее её второе я, напомнило, что она уже давно живет одна. «Хорошо, допустим, но где я и как тут оказалась?» - спросила она себя, обводя глазами комнату.

Сердце стучало так громко, что заложило уши, как это случается в самолёте.

- Господи! Как страшно! Потеря памяти, за что? За какие грехи!..

Словно осенним скворцом улетучился день, и Мира Матвеевна старалась схватить его за хвост, с предельной сосредоточенностью восстановить в памяти исчезнувший день с момента пробуждения.

Звук собственного голоса в пустой квартире создавал иллюзию присутствия некоего спасателя.

- Так, когда я утром включила свет, было около девяти часов. Подошла к окну... Точно сквозь шторы мне ещё показалось, что в воздухе парят птицы, я шторы

раздвинула и обомлела от невероятного танца кленовых листьев, которые ветер поднимал вверх столбом, а потом они плавно разлетались в разные стороны в восхитительном танце... я тоже кружилась по комнате... потом привела себя в порядок... точно, уложила волосы... подвела глаза...

Мира осторожно встала и, опираясь рукой о шкаф, боясь потерять равновесие, нащупала выключатель, зажмурилась от яркого света.

- Матвеевна, соберись... - позвала её она же, только теперь это была Мира из прошлого в облике длинноногой смешливой девочки с двумя тоненькими косичками.

Кровь сильно пульсировала в висках, как будто кто-то там стучал молоточком.

Сжав пальцы в кулачки, Мира Матвеевна медленно открыла глаза, и с немалым удивлением разглядела в зеркале себя, только двенадцатилетнюю, в маминой узкой юбке с разрезом, и выглядела на Мире не элегантно узкой юбкой, а колом, который был привязан к её чрезвычайно худенькому телу тонким кожаным ремешком. Она выглядела так нелепо! Смешная девчонка хотела произвести неизгладимое впечатление на мальчика из одиннадцатого класса, из соседнего подъезда, того светловолосого высокого мальчика, который ей не просто нравился, а снился ей, после чего она поняла, что это любовь:

- Сними немедленно! Это чудовищно! Да и не нужен тебе этот мальчик, - сказала она той Мире, которая не слышала свой голос из будущего, и рыдала оттого, что ей нечего надеть, - нашла из-за чего реветь! Пройдёт время и тебе будет смешно, что ты плакала из-за таких пустяков! У тебя всё будет в своё время, наберись терпения!

Мира из прошлого не слышала себя настоящую, она хотела любви такой, чтобы все сверстницы просто упали от зависти.

Непреодолимое беспокойство, волнение, смешанное с ужасом, страх потерять рассудок - всё это вновь навалилось на Миру Матвеевну, она обхватила голову руками и застонала.

Очнулась Мира Матвеевна в крошечной тьме.

В голове было пусто.

Вообще, ощущение такое подступило, как будто и внутри тела ничего нет.

Мира Матвеевна нащупала слегка дрожащей рукой провод над головой, робко нажала кнопку на выключателе. Стрелки часов показывали 19.50.

Они всегда показывают одно и то же время, и позавчера было 19.50, и в 1881 году, когда умер Достоевский, они показывали 19.50. А нам кажется, что время постоянно куда-то идёт. А оно бубнит всю жизнь во все века одно и то же: 19.50.

Вы не знаете, когда будет 19.50? Знаю, смотрите на свой циферблат. И у вас непременно будут свои 19.50. Не надо спешить. Наберитесь терпения.

Утраченное время, исчезновение бытия, состояние потерянности, невозможность всё вспомнить - отчаяние охватили Миру Матвеевну.

«Я должна всё вспомнить, всё восстановить до мелочей», - упрямо твердила она. Процесс погружения в себя, анализ поступков и чувств неизменно помогали находить причины происходящего прежде, но в этот раз понять, что привело её к этому состоянию, она не могла и это пугало. «Жёлтый лист от ветерка с верхушки высокого клёна сорвался, затрепетал и плавно полетел в свой последний полет. Кружась и переворачиваясь, он наслаждался полётом, и всё же спланировал вниз, - произнесла она, - кому и зачем я это говорю?»

Мира Матвеевна неуверенно встала, покачиваясь, подошла к окну, раздвинула широкие занавески, приоткрыла раму, закрепив щель «гребешком».

Она с каким-то новым волнением посмотрела в разноцветные светящиеся окна высокого дома напротив, неотступно думая о том, что же ей необходимо срочно делать: «Позвонить знакомым и сообщить о том, что с ней произошло, значит, дать им повод думать, что она выжила из ума. Позвонить в «скорую», страшно, они ведь могут забрать её в больницу, а то и в «психушку». Нет, она никому не скажет об этом, нужно только подождать».

Скворцы улетают на юг, она бы скворцом улетела за ними.

С этими невесёлыми мыслями она осторожно пошла, продолжая слегка покачиваться, по квартире, включая свет и внимательно изучая обстановку. Вся без исключения верхняя одежда была на своих обычных местах. Куртка была сухая, сумка стояла пустая на привычном месте, открытый зонт в прихожей. Мира Матвеевна на всякий случай проверила входную дверь, она была, как подобает, закрыта изнутри, ключ - в замке. Она с некоторым успокоительным облегчением вздохнула. На кухне самым пристальным взглядом она обнаружила, что продукты, которые она собиралась купить утром, лежат, как и требуется, на своих местах, стало быть, вне всяких сомнений, она их сама разложила.

Но тут...

Собираясь совершенно машинально, как Мира это делала по нескольку раз в день, включить телевизор, привычно потянувшись за пультом, но не только этого самого усеянного кнопочками пульта не обнаружила, но и самого телевизора.

Телевизора нет на месте!

Вот оно, коварство, где притаилось!

Спрятался от меня!

А она-то думала, что всё в порядке.

Будет тебе порядок!

Мира протерла глаза мизинчиками обеих рук, для ясности.

Ясность оказалась абсолютной.

Телевизора не было.

Страх с новой силой молоточком, да не одним, а несколькими молоточками, чтобы страх был более нагляден, застучал в голове.

Вместо телевизора стоит невысокая хрустальная плоская ваза с румяными большими яблоками.

- Спокойно, - сказала Мира Матвеевна сама себе, - без паники! - И опустила на банкетку. - Если что-то запоминается, то идёт сплошной непрерывной лентой, от начала дня до конца. А если взять более отдалённый период? Там и начинаются эти самые провальчики памяти. Ну, это как раз понятно. Что там забивать голову всякой дребеденью?! Бывало, посмотришь вечером фильм, а утром и вспомнить можешь, что смотрела... Ах, ты Господи. Чего только в голову не лезет... Сейчас я о чём говорю, вот то-то и оно, что ничего не помню... Ты ведь думала о том, что два телевизора тебе не нужны уже давно, ведь в комнате большой стоит, а здесь, на кухне, маленький, и собиралась освободить место на кухне, может быть, днём ты унесла его на балкон?

Стараясь насколько возможно держать себя в руках, Мира Матвеевна пошла проверять балкон, но там телевизора не было. Оставалось только развести руками.

Мозг напряженно совершал свою непостижимую работу.

- Странно, телевизор, что, сам куда-то ушёл, что ли?

Тут в сосредоточенной тишине довольно-таки громко зазвонил городской телефон. Как только Мира Матвеевна, откашлявшись, подняла трубку и отозвалась, то услышала взволнованный голос её бывшей коллеги, а теперь такой же, как она пенсионерки, Татьяны Петровны:

- Мира Матвеевна, как вы себя чувствуете? Вы в порядке? - тревожным голосом спросила она.

- А я, что была в беспорядке? - вопросом на вопрос ответила Мира Матвеевна, стараясь говорить как можно спокойнее.

- Ну, когда вы мне сегодня позвонили первый раз, признаюсь, я испугалась немного...

Мира Матвеевна от этого сообщение вся съёжилась.

- Татьяна Петровна, я вам звонила сегодня?..

- Да!.. Четыре раза... На мобильный... Я ещё удивилась, что вы не по городскому звоните, ведь я уже давно съехала с дачи...

- Так вы бы сказали, чтобы я перезвонила на городской...

- Я сказала, а вы ответили, что не умеете пользоваться городским телефоном, и вообще не знаете, где он...

- Я!..

- Да, Мирочка Матвеевна, а я так испугалась за вас...

- Спасибо, милая Татьяночка Петровна...

- Да, что вы, Мирочка...

- Простите меня...

- Что вы, что вы! Не беспокойтесь...

- Да как же мне не беспокоиться...

- Всякое бывает, Мирочка Матвеевна...

- Да нет, не со всеми такой ужас, такой ужас... Что теперь... Как?..

- Дорогая Мирочка, успокойтесь! Вам бы чаю сладкого попить... Помогает...

- Да, пожалуй... А что я вам ещё говорила. Татьяна Петровна?

- Вы мне позвонили и сказали, что потеряли день...

- День!?!..

- Да!.. И ещё всё время повторяли, что сегодня понедельник, а я вам отвечала, что - четверг... А я пыталась объяснить, что вчера была среда...

- Ужас!.. Извините меня...

- Мира Матвеевна, не думайте вы об этом, я к вам всегда прекрасно относилась, вас уважаю и моё отношение к вам ничто уже не может изменить, главное, позаботьтесь о себе...

- Татьяночка Петровна, простите, что перебиваю, но я вас тоже люблю и уважаю...

- Ложитесь и отдыхайте, Мира Матвеевна, утро, как говорится вечера мудренее, а я, с вашего позволения, утром, часиков в десять позвоню вам.

- До завтра, моя дорогая, я так и сделаю! Татьяна Петровна, не кладите трубку...

- Да...

- Я хотела уточнить, а что я ещё вам говорила, возможно, это поможет мне восстановить этот провал памяти.

- Что-то про телевизор говорили... будто он исчез... Ой!.. Не заморачивайтесь... С кем не бывает...

- Так вот не бывает, потому что никто из моих родных и знакомых ничего подобного мне не говорил!

- Мира Матвеевна, не думайте об этом! Вы, наверное, переутомились или слишком долго у компьютера сидели, переутомились. Вы когда последний раз на прогулке были?

- Давно! Вы правы! Теперь ежедневно буду гулять! А телевизор-то действительно исчез...

- Что вы!? Но вы проверили деньги, документы?

- Да, всё на месте!

- Слава Богу!

- До завтра, Татьяна Николаевна.

- Отдыхайте, Мира Матвеевна, не думайте о плохом.

Легко сказать, не думать. А как тут не думать, когда думается без всякой воли. С этим Мира Матвеевна направилась на кухню, заварила чай, достала лимон, тонко его нарезала, положила на тарелку сушки с маком. Налила чаю, посидела несколько минут, достала из шкафа плитку молочного шоколада и положила два кусочка в рот и зажму-

рилась от удовольствия. Настроение резко пошло вверх. «Чёрт с ним с телевизором, - подумала она, - завтра пойду в поликлинику, запишусь к неврологу и буду пить лекарства». Она свято верила в спасительную силу лекарств, тратила на них несколько тысяч ежемесячно, и запрещала себе даже думать о болезнях и возрасте. Но сегодня мысли не давали покоя.

Она решила «прибраться в голове».

По карнизу стучал дождь.

Ветер срывал листья с деревьев и швырял их на землю с такой силой, что казалось, что вот сейчас он ворвётся в окно и унесёт Миру Матвеевну в тёмную бездну.

Перед глазами Миры Матвеевны замелькали вспышки прошедшей жизни.

Вспышки чёрные - печальные, другие же разноцветные, плавно проплывая, превращались в размытые, широкие мазки прошедшей жизни. Мира Матвеевна наблюдала их как фильм, который не имеет к ней никакого отношения.

«А были ли эти события со мной? Так ли это было? - спрашивала она себя. - Прикрепили имя к моему телу, и я иду с ним по жизни. Смотришь, а ребята исчезли из памяти, как будто их не было. Как будто улетели на другие планеты. И всё же кто-то стал самостоятельной фигурой, а кто-то просто растворился в безликой толпе. Продолжительное время я думала, что мир во мне и окружающий мир и есть один реальный мир. Я была зациклена на себе, переживая период юношеского максимализма, недоумевала от несоответствия моего понимания и отношения событий с реальностью. Затем пришло осознание того, что я несу в себе, сознавая саму себя, а не кого-то другого, два мира: мир во мне мой, и мир вне меня. Существование в мире вне меня, познание его, умение взаимодействовать с ним, собственно, и есть жизнь земная. Но в моей жизни всё складывается само собой, без учёта моих желаний. Видит Бог,

я старалась быть хорошей дочерью, женой, но мои старания не очень-то ценили. Родственники доставали бесконечными советами по каждому поводу, да, и без повода тоже. Так и жила с оглядкой на их мнения. Муж, которому я всячески старалась угодить во всём, сбежал к лучшей моей подруге со словами, что со мной ему скучно. Сын во всём слушает свою жену, которая всего-то на десять лет моложе меня, как я могла с этим смириться!?»

Всё чаще Миру Матвеевну охватывало паническое настроение. Страх остаться одной на старости лет. Вот чего боялась, то и случилось. Вся жизнь состоит из противопоставлений. Вот они - замечательные родственники, друзья, все рядом, а время проходит, бежит, несётся, и вот ручей бежит, а я от жажды над ним умираю.

Всего месяц отделял Миру Матвеевну от страшной даты - семидесятилетия, и вот подарочек от судьбы - провал памяти. Как страшно! Она ведь даже мысли подобные гнала от себя. А теперь даже пригласить некого. Осталась одна радость - Фейсбук!

Мира Матвеевна вела активную жизнь в социальных сетях: Фейсбуке, ВКонтакте, в одноклассниках. Часто даже поесть толком некогда, столько тем нужно было обсудить: наследства, свадьбы, разводы звёзд. Жизнь бьёт ключом, но нынешнее событие выбило её из колеи.

А прошлое? Оно здесь или выбито? А Гомера тугие паруса, где они? Ладно, нужна лёгкая остановка, потому что никогда...

«Никогда не говори: «Никогда!» - вспыхнула она. - Жизнь - секунда, а часы пробили вечность. Но можно сказать, что вечность - это миг. Годы, порой, мелькают быстрее, чем день один. Годы борьбы с миром, собой, судьбой. Годы холодные снежные, годы яркие, солнечные. Время всегда без начала и конца. Время может быть новым, лёгким, как ветерок. Века мелькают как минуты. Ремень вре-

мени хлещет безжалостно каждого встречного, поперечного. Свой час наслаждения в любви и свой час тоски в одиночестве. В понедельник прозвенел будильник - вчера закончилась эпоха. Время вспахивает жизнь плугом и человеку решать кем быть яблоней или крапивой. Век с челом. Столетие во мраке. Годы, как прохожие, мелькают за окном. Куда меня завел этот день. Воскресну ли я?»

Мира Матвеевна ходила от одного окна к другому. Сна не было. В голове был вихрь сомнений, страхов, кошмарных видений, тревожных предчувствий. Всю жизнь она боролась с ними весьма успешно, но тут они полностью завладели ею.

«Я всегда была уверена в том, что не такая как все, а какая-то особенно чувствительная, но никто из моего окружения не хотел с этим считаться, вот я от них и отдалилась, надеясь, что они не смогут потерять меня, будут добиваться моего внимания, но никто и не заметил, что я отдалилась.

Мира Матвеевна вновь подошла к зеркалу, вглядываясь в морщинистое лицо, с горечью рассматривая пигментные пятна, нависшие веки, поджатые губы. Она не желала узнавать себя в этой угрюмой женщине. Никак не хотела признавать, что своей жёсткостью и нетерпимостью растеряла всё то, что было дорого, а теперь страшно жить. А ведь нужно было любое счастливое или трагическое событие переживать терпеливо. А терпения-то и нет.

Часто я ловлю себя на мысли, что моя прошлая жизнь видится мне как призрачный сон. Меняются не сами воспоминания, а ракурс, в котором я вижу их. Он каждый раз становится новым. Обычно я погружаюсь в мир воспоминаний во время бессонницы. Она приходит ко мне всегда неожиданно. Я подружилась с ней. Ведь, в сущности, значительная часть жизни уходит у меня на знакомство с собой любимой во время бессонницы. Анализ своих поступков, откровенный

разговор с собой, любимой, для этого больше всего подходит ночная тишина. Размышления. Что такое моя жизнь?! Как легкомысленно и беспечно я обращалась со временем».

Мира Матвеевна включила компьютер и погрузилась в социальные сети. Там бушевали страсти, которые унесли её в сладкую иллюзию жизни звёзд, которые жаловались на свои несчастья, непонимание, обиды, измены, а поклонницы, подобные Мире Матвеевне, утешали их и давали советы, этот фарс унёс, как ветер несёт осенний лист, в так называемую реальность. Но что-то изменилось внутри Миры Матвеевны, там появилась ещё одна Мира, которая наблюдала за предыдущими Мирами с некоторой долей иронии. Мире Матвеевне было перед ней несколько некомфортно, ведь она всё же гораздо умнее себе подобных по ту сторону экрана.

Мира Матвеевна подумала было о том, чтобы поделиться своими открытиями с друзьями в социальных сетях, но ещё одна Мира Матвеевна посоветовала ей не спешить: «Будешь умничать и этих друзей потеряешь, не торопись».

Внезапно совершенно неожиданная мысль пришла ей в голову - записать свои умные мысли. Тогда она создала папку в ворде под названием «Мысли» и стала писать: «Задумалась я как-то о том: скольких людей я встречала на протяжении всей своей жизни, с каким количеством общалась? Ну, вот если провести беглый статистический анализ всех лиц, которых я видела, то цифра будет устрашающей. Ведь каждый день я непременно сталкивалась с новыми людьми. Подавляющее большинство из них стерлись из памяти совершенно. Вспоминаются они непрерывно движущейся размытой лентой, на которой вдруг чётко сами собой возникают отдельные лица. Эти лица я хорошо помню, но забыла, где и при каких обстоятельствах я с ними пересекалась. Или, наоборот, в памяти всплывают имена и эпизоды из прошлого, но лица как бы стёрты. Порой я вижу на улице лицо человека, с которым была знакома, но не могу вспомнить кто это.

Мучительно пытаюсь воскресить в памяти, но тщетно. Вдруг через какое-то время, когда я уже забыла о нём, вспоминается вся история этого знакомства. В голове крутится бесконечный калейдоскоп лиц. Воспоминания же постоянно как бы представляют мне сцены из прошлой жизни. Например, за долгие годы на одном месте в крупной библиотеке в моём отделе работало непродолжительное время несколько десятков человек, но я многих абсолютно не помню. Вдруг в метро меня окликают по имени и отчеству, улыбаются, напоминают, что работали со мной несколько месяцев. Я улыбаюсь, киваю головой, но вспомнить этого человека не могу».

Нет-нет, долго компьютером увлекаться ни в коем случае нельзя, а то всю себя и навсегда забуду.

Мира Матвеевна спешно оделась и пошла на улицу.

Она с трудом двигалась навстречу порывистому холодному ветру. Она искала счастье. Где ты, счастье? Отзовись! Тишина. Вдруг раздался едва уловимый голос из глубины:

«Я здесь, с тобой, ты меня не слышишь. Чтобы к тебе относились по-доброму, не критикуй, не делай замечаний, не грузи никого своими «умными» советами, которые на самом деле оказываются «идиотскими», не лезь туда, куда тебя не звали, не доставай людей пустыми телефонными звонками... Оглянись назад на значительную часть прожитой жизни. Посмотри, как много там было пустоты и суеты. Ты жила, не задумываясь, небрежно, как бы наспех. Жизнь шла, пестрела разными событиями - значительными, незначительными. Переживания, связанные с неудачами минувшего дня, легко смывались ночным сном. Утром отношение к, казалось бы, неразрешимым проблемам менялось, и то, что раздражало или приводило в отчаяние, вызывало улыбку. Сон - великий целитель и мудрец. Он разводит все несчастья и печали, как круги на воде, удаляется и исчезает».

На обратном пути Мире Матвеевне повстречался дворник, в оранжевой куртке, приветливый восточный молодой

человек. Как только он увидел её, то сразу расплылся в широкой улыбке и сказал:

- Спасибо вам за телевизор! До поздней ночи вчера смотрел у себя в подвале.

Постаравшись взять себя в руки и не показывать, что об этом эпизоде с дарением дворнику телевизора она ничего не помнит, Мира Матвеевна проговорила, вспомнив:

- Вы подождите здесь, я сейчас поднимусь к себе и принесу вам инструкцию по пользованию телевизором.

Дворник едва заметно пожал плечами.

- А вы мне вчера вместе с телевизором и эту самую инструкцию дали...

«Ох, как всё славно разрешается!» - вздохнула Мира Матвеевна в лифте.

Утром у большого телевизора, умиротворённо расположившись на диване, она пила зелёный чай и ела румяные сырники со сметаной, на экране показывали страшные последствия урагана, который пронёсся над островами в Тихом океане. Настроение было бодрое, она уже успела записаться к врачу и ждала звонка Татьяны Николаевны, который раздался ровно в десять утра.

- Голубушка, Мира Матвеевна, как вы себя чувствуете?

- Доброе утро, Татьяна Николаевна, благодарю вас! Всё хорошо. Всё хорошо, мне значительно лучше. На следующей неделе пойду к врачу.

- Правильно. А сейчас вам нужно себя поберечь.

- Обещаю.

- Не забывайте гулять!

- Обещаю!

ЮВЕНОЛОГИЯ

Разливают белое вино. Сверкает электрический заснеженный крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке. Снег наглухо залепил стрельчатые окна. В саду мелькнула белая рука. Все ветки на деревьях под тяжестью снега обвисли. Сарайчик напомнил гигантскую сахарную голову. Дом накрыло шапкой белого генерала. Сад безмолвен и спокоен, высвечен нетронутым снегом. Надёжный мир исчез, растаял, а скатерть, несмотря на залпы орудий, тревогу и чепуху, бела по-прежнему. Белизна её ослепляет. Белый хлеб продолговат. За столом белеют лица. Унтер-офицерские погоны с белыми нашивками. Белые брови и поседевшие инеем подстриженные усы. От горьких вестей белеют лица. «Мама, светлая королева, где же ты?» Инга на сцене в роли Елены из «Дней Турбиных».

Зима была для Инги любимым временем года, потому что именно в эту пору с ней происходили чудесные события. Так два года назад она познакомилась со своим мужем на ёлочном базаре. Настроение было предпраздничное, которое часто бывает лучше самих праздников. Он помог ей не только выбрать ёлку впервые в жизни самостоятельно без родителей, для которых она хотела сделать сюрприз, но и помог донести ёлку до дома, по дороге рассказал, что у него пропадают два билета в театр Станиславского на спектакль «Взрослая дочь молодого человека», и пригласил Ингу скрасить его одиночество. Она не может без улыбки вспоминать тот необыкновенный день, вот и сегодня она перенеслась в то минувшее, когда ответила, что она согласна пойти в театр, но не знает, как быть с ёлкой. Молодой человек, который представился «Иваном»,

сказал, что он всё решит. Действительно он чудесным образом достал бумагу в ближайшем магазине, упаковал ёлку, уговорил контролёра пропустить их в театр с ёлкой, и сдал лесную красавицу в гардероб, щедро заплатив гардеробщику.

Вечер был феерический!

Спектакль! Блещущий остроумием Иван!

Никогда Инга не была так счастлива и весела.

А потом Любовь закружила её, как метель снежинку.

В голове стало проясняться.

Белый праздник идёт, мерцают свечи, бродят белые лучи прожекторов...

За окном маленького кофе, в котором всего-то пять столиков и только два посетителя - Инга, да не совсем трезвый, громогласный, уже немолодой человек, который явно пытается привлечь её внимание, но она упорно не смотрит в его сторону. За окном воет ветер, возможно, это и не вой, а её обида на мужа стонет и плачет. Сердечко притаилось и сжалось от обиды и боли?

«Уж, если и мстить мужу, который так больно обидел меня, то с достойным молодым человеком, а не с этим чудовищем», - с остатком негодования подумала Инга, и тут же почувствовала, что обида её куда-то исчезла. Инга с удовольствием допила кофе, достала из сумки пакет с конфетами «Мишка косолапый», который она захватила с собой, когда уходила из дома мужа, как она думала, навсегда, развернула одну конфетку, положила её на язычок, зажмурилась от удовольствия. «Как хорошо, что я не забыла прихватить конфеты, - усмехнулась Инга, - а то этот «гадкий» Рудольф съел бы их. Ему ведь не понять, что у нас в магазинах всё, кроме хлеба и гороха, - дефицит. Ничего не достать! Зато - гласность и перестройка!»

Инга в пушистой пачке кружилась в обнимку с белокурым мальчиком в коротком голубом, расшитом золотом

камзольчике под музыку Чайковского, ставящего рукой на нотных линейках кружочки то тут, то там, и музыканты мгновенно оживляли его ноты под взмахи палочки дирижёра, который задавал темп и ритм, преобразая знаки партитуры в музыку. Ведь «В вальсе снежинок» она видела самого Петра Ильича с белой бородкой!

Первые снежинки появляются всегда неожиданно, кружась в вальсе, количество их постепенно увеличивается, они ускоряются и превращаются в снегопад, а звуки музыки всё нарастают, превращаясь в увертюру метели, которая возвеличивается, крепчает до появления тревоги...

Сколько Инга себя помнила, её любимым занятием было чтение. Когда она была совсем маленькая, отец часто перед сном читал ей книги, а она никак не хотела засыпать, её уговаривали лечь на бочок, закрыть глазки, а она сопротивлялась и, оставшись в комнате одна при слабом свете ночника, тихо плакала. Она так искренне переживала самые невинные неудачи героев, что непременно придумывала счастливые продолжения. Как только она научилась складывать буквы в слова и стала читать сама, а потом ещё и писать научилась, то по утрам почти каллиграфическим почерком писала на маленьких листочках продолжения любимых историй и, сложив их, прошивала нитками, превращая странички в крошечные книжечки.

Но это было когда-то очень давно, а может быть, и не было вовсе. Спросить не у кого, да и не нужно пытаться задавать подобные вопросы, а то просто в ответ окружающие в лучшем случае покрутят пальцем у виска. Уж надёжнее вернуться в актовый зал и кружиться в вальсе, скользя по зеркальному паркету под звуки вальса Цветов из балета «Щелкунчик».

Когда конфета растаяла, Инге так отчаянно захотелось оказаться дома, рядом с любимым мужем, что она торопливо оделась и выскочила из кафе.

Редкие снежинки, такие молодые и наивные, кружились перед глазами.

Город притих, укутанный снежным покрывалом, создающим праздничный, поэтический мир. На черных деревьях искрился золотом снег, освещённый горящими фонарями. Улицы и дома от переливов неоновых ламп казались нарисованными, нереальными.

Ей захотелось стать снежинкой, но она напонила себе, что пора возвращаться из мира фантазий в жизнь взрослой замужней дамы.

Она в импульсивных переживаниях направилась к остановке троллейбуса.

«А чего я так завелась? - заставляя себя успокоиться, подумала Инга. - Ведь Иван меня предупреждал накануне, что к нему придёт в гости бывший сокурсник Рудольф, у которого он ещё в студенческие годы был свидетелем на свадьбе. После окончания института Рудольф этот уехал вместе с женой, тогда ещё в ГДР, они не виделись много лет. Я ведь даже приготовила им винегрет со свежим огурцом, «достал!», и потушила мясо с корицей. Да, то, что они напились до такого состояния, стало для меня потрясением. Ещё Рудольф этот, «противный», другого определения я даже не пыталась подобрать, стал приставать ко мне, а мой любимый заснул... Ужас! До чего же неприятный тип этот Рудольф, особенно со своей модной рыжей бородкой! Но не уходить же из-за этого от мужа. Хорошо, что у меня ума хватило никому не сообщать о том, что я сбежала от мужа, а то бы начались звонки, отец приказал бы «немедленно» вернуться домой, а у матери бы вообще давление бы подскочило».

Инга почувствовала, как холод предательской змейкой поднимается по позвоночнику всё выше, а троллейбуса, как назло, не было видно.

Она поёжилась, вглядываясь в темноту, стремясь разглядеть желанные троллейбусные огни.

Какие-то дурацкие кошмары предыдущей ночи снова обрушились на неё. Мычащий что-то нечленораздельное Иван, которого она никогда не видела таким пьяным, вызвал почти отвращение. И чего он так набрался? Не рассчитал силы? Инга росла в дружной семье, окружённая заботой совершенно непьющего отца и ласковой матери, и пьяных видела только на улицах. Рудольф же этот не просто был «в дым» пьяный, но он оказался развязным, и начал к ней весьма недвусмысленно приставать, а Иван даже не заступился за неё, совсем рассудок потерял. Он за неё не заступился! Не выгнал этого неприятного типа! Уснул! Или попросту «вырубился»? А что от такого требовать?! Ничего не скажешь, встретились друзья!

Инга вновь почувствовала жгучую обиду на своего Ивана. «Защитник, ёлочки зелёные! Тоже мне! Здоровый мужик заснул! А этот бесцеремонный «друг» никак не мог уgomониться. Ужас!»

Ночной кошмар обступил её вновь. Она стоит у окна, на котором юная зима нарисовала хрусталь реки, изломы гор, пруды в снегу. «А где же утки!?» - спрашивает она у мороза, пытаясь разглядеть хотя бы одну маленькую уточку, но им на стекле не хватило места.

Изо всех сил в эту бесконечную ночь Инга ждала декабрьское утро, но оно всё не наступало. А, может быть, утро уже прошло, наступил день, но, чтобы узнать об этом, нужно было открыть глаза, но Инга не хотела их открывать, потому что боялась того, что неприятности ночи продолжатся в наступившем дне.

Тогда-то она в припадке ярости схватила из шкафа пакет конфет, свою зарплату, которую накануне положила на условленное место в книжном шкафу, оделась потеплее и впопыхах выскочила из квартиры.

На белом свете ни души.

А она такая расстроенная и несчастная в растерянности стояла у подъезда, размышляя о том, куда идти и как быть.

Проще всего, разумеется, было поехать к родителям, но Инга категорически отказалась от этой мысли. Они и так слишком пристально пытались контролировать её попытки самостоятельной жизни, а к Ивану относилась настороженно, постоянно повторяя, что если он посмеет обидеть Ингу, то она должна сразу же об этом им сообщить. Оставались две одинокие подружки, но им Инге тоже звонить не хотелось. Она чувствовала, что не следует никому рассказывать об отношениях с мужем. Поэтому поехала в парикмахерскую к своему мастеру. Там она сделала себе волшебную маску для лица, чтобы убрать следы бессонной ночи, покрасила брови и ресницы, сделала укладку, а потом отправилась в видеосалон, на какой-то американский боевик. Днём там было человек пять зрителей вместе с ней.

Она различала в шуме разные звуки: хлопанье оконных ставень, - город просыпался, - скрипы и стуки подъездных дверей, тонкие взвизги далеких тормозов, шелест шаркающих подошв на тротуарах... Слышала топот десятков ног?... Вот один шаг, вот - два, вот уже много - они сливаются в один звук... Но тут, должно быть, пожилой пешеход стал ей особенно слышим, она четко различала его шаги, похожие на цокот копыт пони...

Это оказалась контролёрша, которая сообщила Инге, что сеанс окончен.

Она вышла из тёплого зала, спустилась на набережную Москвы-реки, которая дремала под толстым льдом.

«Что там за толстым слоем льда?» - вопрос этот не давал покоя Инге, но с завидной регулярностью внутренний голос задавал ей его столько раз, сколько она себя помнила. - А сколько я себя помню, а сколько минут, часов, дней, лет, помню я? Об этом лучше не думать, поскольку дело-то

не в количестве такой относительной величины как время... Согласна, но тогда в чём? И это не главное... А что же? Что есть самое главное в жизни? Это вопрос риторический! Любая попытка ответить на вопрос «сколько» при размышлении о цели и смысле жизни - бессмысленна, главный вопрос «зачем». Кто-то интуитивно отвечает на него с рождения, кто-то ищет ответ годы, а нащупав ответ, обретает крылья, погружаясь в упоительный процесс творчества, и обретает бессмертие, а кто-то вообще не обременяет себя вопросами, живет день за днём, удовлетворяя одни и те же потребности, и вполне доволен, а то и гордится собой.

«Как же одиноко и ветрено на набережной. А дома тепло и уютно», - вздохнула Инга, и побрела, съёжившись, в сторону Малого Каменного моста, а потом по Большой Полянке, где увидела вывеску «Кафе», хотя прежде здесь никакого кафе не было. Инга вошла и обнаружила маленький, уютный зал, в котором было меньше десяти столиков. Она повесила дублёнку на вешалку, взяла пирожок и бутерброд с сыром, попросила горячего чая, и устроилась за столиком в углу у батареи. Согревшись, она услышала голос отца и оказалась на ёлке у Достоевского перед чудесным деревом до потолка, сияющим огнями, усыпанным яблоками, золотыми украшениями, маленькими лошадками и куколками, вокруг которого танцевали нарядные дети. А за окном она увидела посиневшего от холода ребёнка, который замороженно наблюдал за происходящим в красивой комнате действием. «Опять этот мальчик голодный на морозе один, - затрепетала Инга, - почему? Я ведь написала, что его пригласили в дом, согрели и накормили... Сколько можно мучить ребёнка! По кругу бегает всё время и повторяется всю жизнь. Который час, спрошу у Деда Мороза. У каждого из нас свой час рождения, познания, ухода, чтобы узнать ответ, нужно родиться и пройти свой земной путь.

«Не для того на свете мы живем, // Чтоб смерть застала нас в блаженной лени!» И мысль дополнил в "Батюшкове" Мандельштам: «"Который час?", его спросили здесь, А он ответил любопытным: "Вечность"».

- Ой, холодно! - услышала Инга чей-то хриплый возглас.

Она посмотрела по сторонам, но никого не обнаружила на пушистом снежном ковре, на котором не было даже птичьих следов. Мороз кусал её щёки, а изо рта шёл пар. Зачем нужно было в такую стужу убегать из дому? Надо было набраться решимости и выгнать этого Рудольфа вон!

Ветер воет, в спину толкает, плакать хочется, совсем как тогда в детстве, когда она с отцом шла на ёлку в Сокольники в метель, молча, ведь ей обещали, что настоящий Дед Мороз вручит ей подарок. Сколько лет Инга спрашивала, почему Дед Мороз приносит ей подарки, когда она спит, а ей постоянно отвечали, что у Деда Мороза и так много дел, но она во что бы то ни стало получит подарок от него лично, и потрогает его за бороду, чтобы убедиться в том, что она действительно из снега.

Как она любила засыпать после бесконечного первого дня Нового года, когда мороз стучится в двери, душа теплеет на глазах. С ней игрушечные звери читают вечность на часах. Свет угасал с каждым днём. Ночи становились всё длиннее и длиннее. В лубяной лесной избушке было сумеречно даже днём. Старик со старухой охали и ахали, пугая друг друга тем, что со дня на день вовсе не будет рассветать. На опушке ворчал, шумел, ругался ветер. Вьюга бранилась: «Замету, занесу!» Страшно. Вдруг старуха насторожилась, и толкнула старика в бок: «Слышишь, там кото-то есть». - «Выдумываешь, нет там никого, почудилось тебе», - ответил он. Затихли оба. Вдруг опять странный звук раздался за дверью. Старуха решительно слезла с печи и тихонько прокралась в сени. Встала у двери, и услышала какие-то жалобные всхлипы. Приоткрыла дверь, а

там свёрток большой лежит. Не удержалась, втащила свёрток в избу и позвала старика, чтобы вместе открыть. Одной-то боязно. Развернули, а там - младенец, да такой беленький, да такой ладненький и улыбается. «Господи, чудо-то какое!» - воскликнули они одновременно. И давай младенца обнимать и целовать. В избе внезапно стало светло-светло. В замёрзшем окошке заиграли солнечные лучи. С этого дня ночи становились всё короче, а день - всё длиннее. И было счастье.

Вдруг, как в сказке, появился троллейбус, распахнул двери и Инга, войдя в него, устроилась у обогревателя.

За замёрзшим окном выла метель: «Ух, скоро приду. Ух, замету снегом».

Если смотреть на снежинки снизу вверх, то небо совсем другим кажется, как будто перину кто-то распустил. Воспоминания нахлынули на Ингу. Детство. Первый снег. Она жадно ловит снежинки ртом. Весело. Но вкус у снега совсем другой, или она уже другая? Снежинки такие разные: мелкие как крупа, летят быстро и молча; весёлые средние не падают, а порхают; крупные кружатся, вальсируя и как бы напевая. До чего же интересно наблюдать за ними. Они летят вниз, затем сквозной ветер затягивает их в водоворот, уносит вверх и там, над крышами домов, они разбегаются на все стороны света. Метель. С каждым годом Инга ощущала, что расстояние от одного Нового года до другого сокращается неумолимо. Только встретишь очередной Новый год, уберёшь ёлку - весна, ждёшь тепла. Вот и лето пролетело, здравствуй, осень родная! Пора готовиться к встрече Нового года! Как? Осталось несколько дней! Вот так всё быстрее и быстрее убегают минуты, часы, дни... пролетают годы.

«А куда исчезла моя любимая ёлочная игрушка - девочка в белой шубке, отороченной серебром, с муфточкой снежной в голубом платочке, Снегурочка, - с нежностью

вспомнила Инга, - такая хрупкая! Я ведь придумала, что она появляется только с дедушкой Морозом в Новый год и исчезает неведомо куда. Она не меняется нисколько, не растёт, живёт на Северном полюсе, просыпается только на Новый год, помогает дедушке дарить детям подарки, а потом засыпает до следующего Нового года. Живет Снегурочка только месяц в году, поэтому не меняется. Беспокоило меня только то, откуда она так много знает и почему всегда весёлая такая. Родители мне ещё на очередной Новый год утром под ёлкой положили большую книгу «Снегурочка» Островского с замечательными иллюстрациями Васнецова. В ту зиму я перечитывала её несколько раз. Надо будет у отца спросить, где она, покопаться на книжных стеллажах у него в кабинете, и книгу забрать».

По ледяной дорожке, испытывая необыкновенный восторг, перемешанный со страхом, Инга катится с горки. Горка крутая, высокая! Миг и санки переворачиваются вниз в мягкий снег. Смех и веселье овладевают ею. Она спешит скорее на горку, чтобы вновь испытать сладостный восторг. Ей нисколько не страшно! Катаясь на санках, она научилась преодолевать страх. С той поры счастливой, когда нужно принимать непростые решения, Инга зажимается, видит крутую горку и летит.

- Конечная! Просьба покинуть троллейбус!

Инга испуганно вскочила и очутилась в незнакомом месте.

- Господи! Вот не везёт! - воскликнула она в отчаянии. - Заехала, чёрт знает куда...

На улице было очень холодно. Инга глубоко вдохнула морозный воздух, и почувствовала, как он влился в неё. Казалось, его можно было пить глотками, как холодную воду, и устало побрела на остановку.

На безбрежно снежном пустыре отважно кружились вороны. Голуби клевали пшено в кормушке зимней, сладостно воркуя на декабрьском морозе. Красота!

Больше всего на свете ей захотелось оказаться дома в тепле. От обиды на мужа не осталось следа. Она поняла, что вела себя глупо.

Удача повернулась к Инге лицом. Тут же подошёл троллейбус. Не прошло и часа, как она подошла к дому, с волнением посмотрела на родные окна на пятом этаже, в них горел свет. Осторожно открыв дверь, она переступила порог и попала в объятия своего Ивана. Он был чист, как снег, в своём белом колючем свитере под горло.

- Ингочка! Девочка моя! Как хорошо, что ты пришла! Я места себе не находил! Обзвонил всех! Всех на ноги поставил! Куда ты пропала?! - возбуждённо восклицал Иван, обнимая её.

Колючий свитер мужа в это мгновение показался Инге пушистым снегом.

- И моим звонил? - отстранившись и глядя в глаза Ивану, испуганно спросила она.

- Конечно! В первую очередь!

Иван понял, что совершил ошибку, развёл руки в стороны, приоткрыл рот, желая что-то сказать, но промолчал.

- Зачем!? - я не хотела, чтобы они знали...

Иван походил из стороны в сторону, затем в своё оправдание с нажимом сказал:

- Я с ума сходил!.. Метался по квартире... Где ты?.. Куда исчезла?

Инга старалась держать себя в руках.

- Но этот ужасный Рудольф... - только и промолвила она.

Иван тут же с дрожью в голосе выпалил:

- Забудь о нём! Ты его больше не увидишь! Я сразу смекнул, в чём дело, и выставил его!

Инга облегчённо вздохнула.

- Ванечка, я не хотела, чтобы кто-нибудь знал о том, что мы поссорились...

- Мы не ссорились! Случилось недоразумение! Я виноват...

- Я тоже не права...

- Родная, главное, что мы снова вместе!

- Да...

Тут зазвонил телефон. Иван взял трубку.

- Это твоя мать... - с некоторым огорчением произнёс он.

Инга от испуга возвела глаза к потолку.

- Я не могу сейчас с ней разговаривать...

- Но она же не успокоится...

- Скажи ей, что я сплю...

Иван включил громкую связь.

- Где моя дочь? Что ты с ней сделал?... - раздался гневный голос матери.

- Всё хорошо, Инга заснула...

- Не верю!.. Ты чего-то там выкручиваешься!..

- Мама, - закричала Инга, - у нас всё хорошо! Я отдыхаю!

Созвонимся завтра...

- Нет, я хочу знать сейчас, что там у вас происходит...

- Мамочка, у нас любовь, ты всё не так поняла...

- Мы едем за тобой...

В этот момент Инге страстно захотелось запустить в мать чем-нибудь тяжёлым, но та была недосягаема. Ох, уж этот ненавистный телефон!

Но подавив гнев, более или менее сдержанно ответила:

- Нет!.. Мама мы уже легли! Оставь нас в покое! Мы счастливы!

В трубке послышались рыдания матери, а затем грозный голос отца:

- Немедленно возвращайся домой!

Это уже походило на родительский террор

- Папа, не драматизируй! Успокой лучше маму... Мы вас крепко любим! Увидимся на следующей неделе!

Отец отрезал:

- Смотри у меня!

Мать сквозь рыдания добавила:

- Какая ты, Инга, жестокая...

В трубке послышались короткие гудки.

- Ванечка, ну зачем ты им позвонил? Я не хотела родителям ничего рассказывать, и никому не хотела...

- Но я волновался! Ты исчезла, Я не знал, что думать. Обзвонил всех твоих знакомых по твоей записной книжке, объяснял, что я тебя обидел и волнуюсь...

- Любимый!..

- Ингочка, я так волновался! Навел порядок, вымыл посуду, прости меня...

- И ты меня прости, любимый.

Примирение их было столь бурным, страстным и фееричным, что они забыли обо всём на свете.

Когда Иван, утомлённый и счастливый, уснул, Инга никак не могла успокоиться от смешанных чувств. «Этот день я не забуду никогда, он, пожалуй, целого года стоит, пора прекращать детские капризы, взрослеть пора, моя хорошая», - говорила она себе, вздрагивая от бури пережитых чувств.

СТАРОПАНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Ясенева жила не в Ясенево, а в Отрадном, и стала она после выхода на пенсию немножко, как это говорится частенько, не от мира сего. Она и сама ощущала, что вступила в какую-то незнакомую полосу жизни, когда уже бояться нечего, кроме смерти. Эта мысль время от времени подбиралась к ней, но она всяческими уловками приглушала её, как это делают, по всей видимости, все люди, отдаваясь постоянно мелькающим дням жизни, и даже полагая при этом, что смерть их не касается, что они есть вершина жизни, и вся история приготовлялась только для них. Такая она уходящая, вся в себе, как Старопанский переулок, о существовании которого она знать не знала, прожив в Москве всю жизнь, хотя на пенсии почти каждый день на метро приезжала в центр, устраивая сама себе необыкновенные экскурсии. Её привлекала не конкретика, она не интересовалась названиями переулков, только самые известные западали в память надолго, вроде Столешникова или Леонтьевского, а так она с ликом восторженной посетительницы Третьяковской галереи по выставочным переулкам центра бродила и не могла налюбоваться этой открытой для всех красоты. Где это? Что за переулок?

А он сказал:

- Встретимся в Старопанском переулке... Там есть церковка... Вот у неё...

Заинтриговал.

И сразу стал загадочным, манящим. В её-то лета! Господи, прости.

И если бы таилось только то, что век назад и более волновало людей, строивших эти прекрасные с барелье-

фами, пилястрами, карнизами дома, плотно пригнанные друг к другу, словно это один дом, уходящий в перспективу переулка, людей живших здесь, служивших в банках и конторах, провести прямую линию, как прямо простреливает путь от одной улицы до другой переулков, сквозь парадный вид проявляется новое чувство, подобное тому состоянию, когдаходишь под своды древнего собора, где купол держится на небе, в колоннах вечности блуждая, так здесь ты кажешься пылинкой. Ну, ничего себе, улыбнулась Ясенева, и сама же с собой согласилась, потому что это она с недавних пор сама создавала себе свой мир, отгораживалась от схематичности современности, отбирая для себя только прекрасное, волновавшее её.

О, скоротечность времени! Куда, зачем несёт Ясеневу оно? Неужели и она умрёт?! С годами незаметно поблекли яркие краски упоительной молодости, а вера в то, что всё ещё впереди, успокаивала с завидным постоянством, незаметно сменяясь на ощущение упущенных возможностей. Перёд оказывается сзади в прошлом, как в этих старомосковских переулках, и не просто старомосковских, а в Китай-городе, в самом сердце столицы.

Предстоящая встреча очередного Нового года уже не радовала Ясеневу, а печалила, и она уже в который раз пыталась вернуть прежние желания и жажду жизни, которые испытывала на протяжении предыдущих лет, последнее время она постоянно вела с собой бесконечный диалог:

- Тебе уже за шестьдесят, а выглядишь ты на тридцать, но осторожничаешь, как будто тебе - за восемьдесят! Хватит хандрить! Просто ты сама себя загоняешь в сети нерешительности, лукавишь! Признайся, наконец, что ты никак не можешь решиться на новые отношения с совершенно незнакомым человеком, который тебя не просто волнует, ты испытываешь при одной мысли о нём страстное жела-

ние, но боишься обжечь крылышки, осторожничаешь! Чего ты ждёшь? Одинокого угасания?

- Да! Осторожничаю! Что в этом плохого, пора лёгких влюблённостей давным-давно миновала, - возражала та Ясенева, которая постоянно спорила с Ясеновой первой, - видишь ли, не хочется покупать подарки, готовиться к встрече Нового года, какое горе! Бедняжка! Нашла повод для грусти! Глупость это, мадам, как и то, что ты разучилась флиртовать и веселиться. Ты пытаешься себя убедить в этом, потому что чувствуешь, что вот-вот от страстного желания у тебя снесёт крышу, и ты потеряешь контроль над собой.

- Дело не в этом! - возразила Ясенева первая, - Я пытаюсь уберечь себя от необдуманных поступков...

Она замедлила шаг, посмотрела вверх, но кроме безоблачного неба, ничего не увидела.

Зимний день порадовал солнцем и теплом, что редко случается в Москве в это время года. Ясенева наслаждалась чудесным с небольшим снежком солнечным днём.

Свободного времени до назначенной встречи с новым знакомым было вполне достаточно, не только на то, чтобы не спеша прогуляться по центру, но и примирить желания со страхами, и решить, наконец, как себя вести на этой встрече. Стоит ли окунаться в страсть, или проявить благоразумие? Ведь она ничего не знала о новом человеке, но с момента случайного знакомства на выставке Нестерова почувствовала не только жгучий интерес к нему, но и незримую душевную связь с ним. Подобные чувства она испытывала буквально два-три раза в жизни, и внутренний голос настойчиво шептал ей, что эта встреча не случайна.

Тогда он стоял у «Видения отроку Варфоломею», пристально вглядываясь в то место на картине, где над русой головой мальчика прорисовывается старинная, видимо,

деревянная церквушка, два голубых купола которой напоминают синие цветочки цикория.

Ясенева решила перестоять его, но терпение у неё было на исходе, а он, с чёрной бородкой, с сильными залысынами, всё смотрел и смотрел в одну точку.

Ясенева нетерпеливо поглядывала то на него, то на картину, наконец, не выдержала и спросила:

- Вам что-то особенное открылось в картине?

- О, да! - густым негромким басом ответил он.

Голос как орган.

- И что же? - спросила она.

- Каждый мазок художника вызывает во мне целый поток ассоциаций. Вот, к примеру, здесь... на этой церквушке у меня вдруг возник образ нашего Страстного монастыря, и я вижу его на месте невнятного концертного зала на площади восстановленный Страстной монастырь...

- Вы знаете, и я довольно часто думала об этом, - с некоторым волнением сказала она.

Он посмотрел на неё с таким проникновенным выражением больших чёрных поблескивающих глаз, что Ясенева внутренне вздрогнула, ощутив токи какого-то неизведанного влияния на неё, идущие прямо в сердце. Ей стало так хорошо от этого взгляда, как будто она давно знала этого человека.

А он продолжил:

- Я вижу Пушкина на прежнем месте, в начале Тверского бульвара, по которому он прогуливается. Ошибки следует исправлять. Десятилетиями взрывали, разрушали, передвигали, потому что не имели представления об истинном творчестве, поскольку весь народ в едином порыве ни памятника не создаст, ни книгу не напишет, поэтому долгие годы у нас в части были заказные критики и представители так называемой «советской интеллигенции», а точнее чиновники при должности. Вот откуда разгул безвкусицы

и заместителей искусства, которые в едином порыве за достатком объясняют, «что такое хорошо и что такое плохо». Вот какие мысли нахлынули на меня у этого «Видения...»

Ясенева не могла оторвать взгляда от его одухотворённого лица, так оно светилось. Ясенева сначала хотела возразить ему, но сдержалась.

Ведь она ходила по выставке Нестерова в несколько ином настроении. Конечно, красивые полутона, даже лапти и сарафаны красивы. Всё красиво. Михаил Нестеров создает сказку о нежной Руси. Храмы среди ёлочек. Да, он далёк от страстей. Это осознанный выбор художника, он показывает «...человека, живущего внутренней духовной жизнью в объятиях нашей матушки-природы». На выставке впервые были показаны эскизы для росписи храмов. Перед взором Ясеновой проплывала целая галерея портретов знаменитых современников художника, членов его семьи, автопортретов. Известный портрет его дочери, Ольги, в амазонке и красной шапочке. Красный цвет на трех работах - распятии, двух портретах дочери - как бы сигнал о драмах, без которых нет искусства, но о которых молчит художник. Он созидает святую Русь без изъянов. Русь бесконфликтную. Много воздуха и цвета. Французский импрессионизм не давал спать спокойно...

Ясенева прожила с мужем около двадцати лет вполне счастливо, но они последние годы настолько отдалились друг от друга, что развод, после совершеннолетия сына произошёл по взаимному согласию, мирно, и они с мужем поддерживали дружеские отношения.

Сын после школы по настоянию отца пошёл в армию, затем получил специальность программиста и жил отдельно в квартире, которую ему подарил отец.

Ясенева шла по почти пустынному сказочному переулочу, вспоминая ту выставку на Крымском валу, и автоматически обходила редких пешеходов. Так она обошла невысо-

кую женщину в красной куртке с отороченным крашенным в красный же цвет капюшоном, с двумя объёмными

пакетами в руках. «Вот ведь надо было ей меня обогнать, чтобы перегородить собой тротуар, - с досадой подумала она, и свернула налево в пустынный переулок и даже замерла на мгновение, очарованная его такой привычной старомосковской дугой и сплошной линией домов, спасающих пешеходов от ветра в ненастную погоду.

Левая сторона переулка, по которой шла Ясенева, находилась в тени, а фасады домов на противоположной стороне его, в солнечных лучах были так хороши, что Ясенева остановилась, любуясь ими. «Дом под номером пять, конечно, - Шехтель, - беззвучно произнесла Ясенева, даже в узком переулке он выделяется воздушностью, стремительностью и изысканностью форм. Я ведь не раз восхищалась им, встречая фотографии в альбомах, и никак не связывала с этим переулком.

Она повернулась, чтобы продолжить путь, тут её окликнули:

- Ясенева! Ты, что ли!?

Из-за спины в этот момент выскочила та самая женщина в красной куртке, которую она буквально несколько минут назад обошла.

- А я смотрю, идёт такая вся из себя стройная, как девочка, пальто просто шикарное, шарф развевается, прямо модель! Правда ботиночки тебе бы на каблуках больше пошли бы. А походка всё та же, только волосы уложены вместо хвоста, - выпалила женщина, пристально разглядывая стильное пальто Ясеновой, необычного оттенка голубого цвета, и развивающийся оригинальный шёлковый шарф с геометрическим рисунком чёрных фигур на сером фоне.

Вглядываясь в лицо шумной женщины, Ясенева неуверенно спросила:

- Волкова?..

- Была «Волкова», да вся вышла. «Долгова» - я давно! Уже скоро серебряная свадьба, хотели гостей собрать, да жизнь дорожает не по дням, а по часам.

Не сказала, а выпалила Долгова и, не дав возможности Ясеновой что-либо ответить, продолжила:

- Как только ты меня обогнала, мне показалось что-то знакомое в твоей высокой фигуре, но узнала только тогда, когда увидела твой нос! По носу твоему тебя узнала, аристократка ты наша! Ты как тут?

У Ясеновой был длинный и тонкий нос, из-за которого в подростковом возрасте она сильно переживала. Она росла в обстановке нежной семейной привязанности всех друг к другу, готовности каждого пожертвовать собой ради интересов ближних. Родители её проявляли трепетный интерес не только друг к другу, но и ко всем окружающим людям и к миру, в котором они жили. Они нашли нужные слова и объяснили ей, что в жизни важно, и она постепенно не просто смирилась, но и полюбила свой нос.

- По делам, - только и успела сказать она.

- Ну-ну... А я тут за углом работаю, - кивнула она в сторону, откуда она шла.

- И пенсию получаешь? - спросила Ясенева, лишь бы спросить.

- А как же!

Ясенева не пыталась поддержать разговор, её внимание привлекла маленькая церковь в два окна, украшенная белой лепниной, напоминающей узор из крема на пряничном домике. Сердце её забилось. Вот оно, место свидания...

Тогда на выставке Нестерова Ясеновой в душе вдруг заработал какой-то моторчик и она, глядя то на отрока, то на бородатого собеседника почти без остановки, как это часто случается у женщин, желающих выговориться, причём, говоря быстро и почти без запинки, выпалила:

- Человек родился, но каждому ли дано понять, кто он такой - песчинка в космосе или центр мира? Зачем родился, для какой цели? Ждали его или он случайно родился и никому на этом свете не нужен? Страшно, вот и кричит младенец беспомощный от ужаса перед неведомым миром... Жизнь есть вечный поиск для многих... Людей, которые с детства стремятся к ясной цели, рождается меньшинство... Счастлив тот, кто занимается любимым делом. Для этого ещё и характер нужен, чтобы состояться. Большинство же следуют стереотипу обеспеченной жизни, достатка, да ещё хорошо бы добра накопить, как можно больше, чтобы детям оставить на безбедную жизнь. Вот и живут жизнью песчинки. Уверенность в том, что у них всё получится, не покидает их...

Он со вниманием, изредка почёсывая бороду, выслушал её, и только она кончила, как подхватил:

- У ребёнка час равняется месяцу, у подростка час равняется неделе, у взрослого час равняется дню, у старика час равняется минуте, исходя из этого можно сделать вывод, что времени вообще не существует, потому что всё видимое смывается вечность, кольцом, колесом бесконечности, кроме Слова, которое и крутит это колесо для интеллектуальной загрузки бесконечно

появляющихся на свет копий оригинала, который известен каждому, но все почему-то, говоря о Всевышнем, смотрят в небо, пребывая в неведении, где слепые есть поводыри слепых.

Ясенева буквально застыла от новизны взгляда на жизнь.

- Вы хотите сказать, что все мы одинаковые?

- Тела наши абсолютно одинаковые, только анатомическое устройство...

- А как же быть с женщинами и мужчинами?

- Одно и то же, только с небольшими перекомпоновками... Господь постарался создать такой совершенный самосознающий биокомпьютер, что просто диву даешься...

- А если Господа нет в небе, так где же он, - совершенно сбитая с толку, спросила Ясенева.

Он указал на маковку церквушки над головой отрока и сказал:

- Вот он... Размноженный на непостижимое количество во всех временах и пространствах, и око его из кажущегося каждому телу индивидуальным видит всё и везде... По образу и подобию... Бог есть собирательное слово и звучит, и пишется оно как Христос...

- Ну, это-то я знаю, - промолвила Ясенева.

- Не думаю, что до конца... Потому что Христос - это Херос Теос, то есть Херос Бог...

Ясенева даже покраснела от этих впервые слышимых в жизни определений.

- Не может быть! - прижала она ладошки к щекам, вдруг ясно представив себе мужской ху...

- Но это так... И от этого, как вы сказали, ху... и созданы все слова мира, в каждом из которых замаскирован Херос-Христос. Как люди ходят в одеждах, так и Ху... постоянно скрыт, поэтому и говорится, чтобы не поминали имя Господа всуе...

Для Ясеновой это был сокрушительный удар. Как так, «Ху...» - Бог. Это что-то чудовищное, ужасное, не поддающееся никакому здравому смыслу... Вот жила себе и жила, а тут её лицом об стол!

Взглянув на часики, она поняла, что пришла на пятнадцать минут раньше.

Не обращая внимания на молчание одноклассницы, Долгова продолжала:

- А я часто вспоминала тебя... Слышала, что вы с Ильёй Орловым поженились вскоре после выпускного, правда?

Ясенева поняла, что пора прервать молчание, чтобы не обидеть одноклассницу и ответила:

- Нет, я поступила в «Мориса Тореза», а он - в «Губкина», и мы как-то само собой расстались...

- А мы с девчонками были уверены, что...

- Извини, что разочаровала. Лучше расскажи о себе.

- А я, что!?! У меня всё то пусто, то густо. Замуж вышла вроде удачно, дочка родилась. Жили в достатке, а тут деньги обесценились, мы просто чуть концы не отдали... Ужас!.. Что творится! Деньги постоянно дешевеют! Я уже голову сломала, куда их вкладывать. Вроде в валюту, но вдруг её у нас запретят. Ты об этом ничего не слышала?

Ясенева с грустью смотрела на Долгову, как бы не понимая, о чём она говорит, потому что вспомнила себя прежнюю, когда жизнь её была наполнена лирическими взлетами надежд и мечтаний, которые постепенно с приобретением личного опыта, совершения ошибок и потерь существенно изменили её отношение к жизни. Тогда её интересовали, как, впрочем, и всех «общечеловеческие проблемы», поэзия, музыка, отвлеченные вопросы духовной жизни. Она мечтала о любви, причём не на короткое время, а надолго, быть может, навсегда, о том, что любимый человек распахнёт перед ней свой мир, и вместе они обретут смысл жизни. Молодость - наивна!

Ясенева посмотрела в один конец переулка, потом в другой, как бы не понимая, где она находится, поскольку архитектура старого узкого переулка вполне могла находиться в любой европейской столице, не говоря уж об узких улочках Риги...

И вдруг эта Волкова, ставшая Долговой, некстати выскочила.

- Извини, я отвлеклась, что ты спросила? - сказала Ясенева, скрывая смущение оттого, что за нею как будто подглядывают.

- Как спасти сбережения от инфляции? - с недоумённым выражением на полнощёком лице спросила Долгова.

Ясенева так и знала, что эта Долгова будет тянуть её из чудесного романтического состояния в гнетущую бытовуху. Стало так неприятно, что хотелось от неё поскорее отвязаться. Но прямо же не скажешь Долговой об этом! Приходится смиряться, вести себя нейтрально, поэтому Ясенева, пожав плечами, сказала:

- Я в этом ничего не понимаю...

- Богато живёшь?! - усмехнулась Долгова, полагая, что все вокруг должны сразу врубаться в её интересы.

- Нормально живу... - сказала как можно равнодушнее Ясенева.

Долгова продолжала на той же обывательской ноте:

- Муж хорошо зарабатывает?

Ясенева хотела было ответить, что они с мужем расстались, но неожиданно для себя произнесла, стараясь избежать лишних вопросов:

- Нормально, вполне...

Но этот ответ явно не удовлетворил Долгову:

- Вполне, это сколько?

Ясенева опять пожала плечами

- Не хочешь, не говори, - опередила её Долгова, - деньги любят тишину. Мой вроде прилично зарабатывает, мы тоже шикарный ремонт сделали в квартире, которая мне от бабушки досталась, обставили её, оформили на имя дочки перед свадьбой, мало ли что. Потом такую свадьбу ей устроили, но сваты нас, конечно, подставили, представляешь, прямо в день свадьбы детей заявили, что у них деньги кончились!.. Но мы сдержались, промолчали, чего только не проглотишь ради любимой дочечки...

Долгова говорила без остановки.

Они дошли до конца переулочка, перпендикулярного другому. Вот так переулочек, подумала Ясенева, соединяет не ули-

цы, а два других переулка. Переулок в переулках, переулками укрытый. Точно так и человек весь состоит из переулков, укрывающихся от чужого взгляда. А чужие так и лезут, так и хотят всё выведать. Из любопытства соткан человек.

Старопанский, какие-то паны, Лжедмитрии, смутное время, смутная страна, кто принимал роды, кто убивал, ищут в архивах, на которые нет, практически, никакой надежды, потому что они составлялись должностными лицами, как это было угодно правителям, рвавшимися к власти любыми путями, актёрствуя и лицемеря, окружавшие себя гвардиями и спецслужбами, как это делали и паны, имевшими основания это делать, потому что в смуте наверх может выскочить кто угодно, была бы должность, а человек найдется...

- Ну я пошла, - вдруг сказала Долгова.

Ясенева даже едва заметно облегчённо вздохнула, мысленно поздравив себя с окончанием этой ненужной встречи, и ответила, что у неё назначена деловая встреча здесь, рядом.

- Деловая...

- Да.

- Но мы толком и не поговорили!

Ясенева взглянула на часы. Было без семи минут.

- У меня совсем мало времени, извини, - сказала она.

- А дети-то у тебя есть? - замедлила уход Долгова.

Ну какое ей дело, что у меня и кто есть, мелькнуло в голове у Ясеновой, но всё же кратко ответила:

- Сын...

А Долгова опять вопрос:

- Сколько ему, чем занимается?

Едва сдерживая себя, чтобы не послать Долгову куда подальше, Ясенева бросила:

- Двадцать четыре, работает...

А та опять вопрос:

- Женат?

Тебе-то какое дело, чуть не вскрикнула Ясенева, но спокойно сказала:

- Пока нет...

Но Долгова голыми руками взять было невозможно.

- Невеста уже есть, конечно! - воскликнула она.

Это уже походило на допрос в тайной канцелярии.

- Пока ни с кем не знакомил, - сказала Ясенева.

Долгова никак не желала униматься, с возмущением произнесла:

- Они теперь всё сами решают! Вот увидишь, познакомит, когда женится.

И зачем Долгова это говорит, и почему вообще люди разговаривают? Ясенева, в этот момент, понять никак не могла.

- Это ему решать, - как можно спокойнее сказала Ясенева и, опять взглянув на часы, добавила: - Прости, мне нужно идти. Терпеть не могу опаздывать...

- Нет, ну это же надо, где встретились, своим расскажу, удивятся! - усмехнулась Долгова.

- Всего тебе хорошего, - сказала Ясенева, и поспешила назад к церкви, где уже стоял тот, который ей здесь назначил свидание.

- До свидания, - вдогонку сказала Долгова. - Скажите на милость, какие мы деловые! Встретились в кои-то веки...

Она проследила из любопытства за удаляющейся Ясеновой, и когда та подошла к солидному бородатому мужчине в чёрном у церкви, с ухмылкой вздохнула:

- М-да... Знаем мы ваши дела!

НОВЫЙ ВЕК

В юности она придумывала всевозможные истории, которые происходят в жизни людей за тем или иным окном. Ульяна любила прогуливаться по бульвару, с волнением наблюдая как в окнах домов, то тут, то там, зажигается свет. Вот роза алая, вот яркий василёк...

Особенное волнение у неё вызывали окна занавешенные, ведь за каждым окном живут люди со своими судьбами, переживаниями, горестями и радостями, но в том, как выглядят занавески, она чувствовала настроение.

Одни окна светятся удивительно мягким, ласкающим светом, другие - романтичные с цветами на подоконнике, а бывают окна, от которых веет холодом. Вот за такими странными окнами происходят события, леденящие кровь. Имеет значение силуэт окна - привычный типовой или необычный, например, эркер, фонарь, а то и мезонин!

Ульяна придумывала истории в соответствии с чувствами, которые вызывало то или иное окно - печальные, смешные, романтичные, но всегда давала шанс своим выдуманным героям осуществить заветные мечты. Было время, когда игра эта так увлекла её, что она подумывала о том, чтобы записывать свои выдуманные истории, но тут произошло событие, которое совершенно заслонило мир её фантазий и заставило мгновенно повзрослеть.

Да, это случилось накануне не просто Нового года! Весь мир, внимая с волнением бесчисленным, самым невероятным предсказаниям, ожидал наступления не просто нового века, а третьего тысячелетия!

Ульяна училась в десятом классе школы с изучением двух иностранных языков, увлекалась математикой, строи-

ла самые смелые планы на прекрасное будущее, которое другим просто быть не может в их маленькой счастливой семье. Она всю осень искала оригинальные подарки родителям, и была поглощена мыслями о том, как сделать встречу нового тысячелетия незабываемой, чем поразить своих самых лучших в мире родителей.

Отец Ульяны, профессор Черепанов, свободно владел многими европейскими языками, он занимался переводами филологической и художественной литературы, защитил докторскую диссертацию по сравнительному языкознанию, писал книги об особенностях художественного перевода, читал лекции по приглашению крупных университетов мира. На вопрос Ульяны о том, сколькими же языками он владеет, отец с улыбкой отвечал, что он этого даже сам не знает, а постоянно изучает языки, что процесс это бесконечный, а заниматься подсчётами просто глупо, следует систематически работать ежедневно, пользоваться своими знаниями, приумножать их на протяжении всей жизни. Помимо европейских языков отец занимался переводами с японского языка.

В большом кабинете отца царили, в основном, словари и книги на языке оригинала, часть библиотеки на русском языке была в комнате Ульяны. Огромный письменный стол, под которым маленькая Уля нередко засыпала под бесконечные разговоры об искусстве перевода, ответственности переводчика перед автором о допустимости использования идиоматических выражений, был до школьных лет её колыбелью.

Голоса увлечённых взрослых убаюкивали её, и она спала на полу до тех пор, пока, в редкие моменты тишины, кто-нибудь из взрослых не обращал внимания на её сладкое сопение, тогда отец бережно уносил её в кровать.

Ульяна воспринимала изучение языков под чутким руководством отца, как увлекательную игру и с удовольствием

ем играла в слова, то подбирая синонимы к заданному отцом слову, то эпитеты.

Мать её молодая, обаятельная красавица, поразила воображение седовласого профессора своей жадной жизнью, серебристым смехом. Черепанов мог слушать её ангельский голосок бесконечно, как музыку своего любимого композитора Рахманинова.

Ради обладания прелестной юной феей, прибывшей в Москву в гости к дядюшке из провинции после окончания музыкального училища, он был готов изменить свою налаженную десятилетиями привычную жизнь.

Женился.

На какое-то время закружился в вихре музыкальных вечеров, премьер и фуршетов с прелестной юной феей.

Через год родилась Ульяна.

Юная мать с легкостью переложила заботы о ребёнке на няню и счастливого отца, а сама продолжала свой полёт по музыкально-театральной Москве, но каждый раз, возвращаясь домой, обязательно заходила в детскую, чтобы поцеловать «свою ненаглядную девочку».

После рождения дочери Черепанов вернулся к своему прежнему распорядку жизни, ежедневно уделяя время маленькой Ульяне, не мешая жене кружиться в вихре «светской» жизни.

Ульяна считала абсолютно естественным, что благоухающая, воздушная мама как ласковый ветер появляется всегда неожиданно, с нежностью подхватывает её на руки, целует, приносит ей красивые платья, игрушки, сладости, сказочным голоском напевает о своей любви к «дочечке и папулечке», исчезая вновь.

До встречи долгожданного 2000-го, от которого Ульяна ожидала необыкновенного чуда, хотя знала, что новый век и новое тысячелетие начинается с 2001 года, а не с 2000, но сама цифра - 2000 - вдохновляла, изумляла и восприни-

малась как по-настоящему Новый век, дома не было слышно никаких скандалов, казалось, что все любят друг друга.

Вечером 30 декабря мать сообщила отцу и Ульяне, которую она считала уже взрослой и самостоятельной девочкой, что полюбила необыкновенного человека и уезжает с ним на гастроли, что это не значит, что она их разлюбила, тем более предала, просто в разлуке с любимым человеком ей нечем дышать, без него она умрёт. Ульяна толком ничего не поняла, она подумала, что мать уезжает на какое-то время. Отец же пытался поговорить с женой наедине, но она, рыдая, упорхнула с двумя чемоданами.

Ульяна восприняла это как очередное мамино чудачество, которое с ней случалось время от времени. Отец же молча закрылся в кабинете. До вечера в квартире царила напряжённая тишина. Ульяна несколько раз стучала в дверь кабинета, но отец односложно отвечал: «Занят». Телефон как обычно был выключен.

Находиться дома в гнетущей тишине она не могла и поспешила на бульвар к Рахманинову. Для неё памятник Сергею Рахманинову, скрытый от глаз прохожих в глубине бульвара зарослями кустарника, был местом укрытия в моменты отчаяния и горестей. Она спешила к нему, обливаясь спасительными слезами, и сбивчиво рассказывала любимому композитору всё, что происходит с ней, а он касался клавиш невидимого рояля и играл только для Ульяны, и она, слушала его спокойную, погружённую в себя музыку, смотрела на его тонкие, длинные пальцы и успокаивалась, забывая обо всём на свете.

Новое тысячелетие, несмотря на то что оно замыкает 2000-м годом старое, Ульяна с отцом встретили вдвоём, отключив все средства связи. А под утро гуляли по своим любимым переулкам, в которых наступила вожделенная тишина.

Отец рассуждал о том, что тематика переводов становится все сложнее, а при работе над переводом художествен-

ных произведений ответственность и уровень требований настоящего переводчика к себе постоянно возрастают, поэтому он испытывает порой запредельные перегрузки, и Ульяна должна быть к этому готова.

Ульяна в эту необыкновенную ночь встречи двух тысячелетий решила признаться отцу, что хочет стать программистом, чем несказанно его удивила, но он воспринял её решение спокойно.

О матери же они не обмолвились ни словом.

Две недели от матери не было никаких вестей. Ульяна несколько раз пыталась ей дозвониться, но телефон был отключен. Наконец мать прислала телеграмму, что она - счастлива и любит свою ненаглядную девочку, но очень занята напряжёнными гастролями любимого человека.

Осознав, что мать в этот раз уехала навсегда, Ульяна решила, что никогда не предаст отца и ни на кого не променяет.

С того дня они всячески заботились друг о друге, стараясь предугадать желания и оберегать от неприятностей.

Ульяна обладала редким качеством, которое не зависит от возраста, оно даётся как награда любящим добрым сердцам. Она учила себя в каждом видеть хорошего человека, неизменно вела себя со всеми доброжелательно и приветливо.

Мать вначале часто звонила Ульяне, но диалога не получалось - Ульяна, в основном молча, слушала восторги матери, односложно отвечала на её вопросы. Мать первое время передавала или присылала ей «прелестные вещички», которые должны были преобразить, по её мнению, жизнь дочери, а потом они с новоиспечённым супругом уехали за океан в поисках новой жизни. Звонки почти прекратились, только четыре раза в год - на Рождество, Новый год и дни рождения Ульяны и отца, мать ограничивалась короткими поздравлениями.

Сколько раз в течение жизни Ульяна слышала в самых невероятных ситуациях слова о том, что время лечит! С годами у неё по этому поводу сложилось иное мнение, что ничто и никто тебя не излечит, если ты сам не научишься справляться с уколами судьбы, обидами и залечивать раны, которые неизбежно случаются в пути каждого из нас. Боль и обида на мать из-за предательства затаились, но не прошли, как Ульяна ни пыталась расстаться с ними.

Она по-прежнему обращала внимание на свет в окнах, рассматривая слово «окно» просто как многозначное слово, придумывая истории героев своих будущих рассказов, ещё не отдавая себе отчёта в том, что будет писать, размышляя о том, что Чехов написал бы об этом не один глубокий и содержательный, рассказ.

Отец был для Ульяны и матерью, и подругой, и учителем. Она восхищалась его эрудицией, блестящей памятью, ведь он мог часами читать стихи любимых поэтов на языке оригинала и в своих переводах, обсуждать с ней свою теорию о единстве языка народов мира, а она слушала его речь, как прекрасную музыку.

Внутри каждого из нас живёт ребёнок, тот, кто не растерял способности радоваться жизни, и видеть удивительное. Даже любящие матери почему-то стремятся к тому, чтобы ребёнок быстрее повзрослел, научился жить «правильно», окончательно убив в себе искренность и непосредственность. Чаще всего так и происходит. Вокруг столько серьезных людей, внушающих, что ты живёшь неправильно, что жизнь на самом деле гораздо сложнее и непредсказуемее, чем видишь ты, чтобы облегчить её, нужно добиваться положения в обществе, которое обеспечит тебе материальные блага и связи. Самое страшное то, что пресловутое большинство нисколько не сомневается в своей правоте, и с ними не нужно спорить, никого не следует ни в чём переубеждать.

Встречи с людьми, которые заботятся о тебе, о твоём настроении, крайне редки! Встретить умного и доброго человека огромное счастье, которое необходимо беречь. Бережь так, как он бережёт твоё состояние духа, понимая, что его отношение к вам, это не ваши достоинства, это - невероятный подарок судьбы!

Прожитые годы вполне можно рассматривать как путь, оглядываясь на который убеждаешься в том, до чего он извилист и прерывист, отмечен множеством перепопутий!

Само слово «путь» выражает основательность и достоинство, а «перепопутья», как жёсткие прутья, бьющие по лицу, вызывают боль и сожаления.

Куда людей несёт по перепопутьям?

Ведь виден же был прямой путь к счастью, но, чтобы это понять, необходимо было преодолеть перепопутья, испытать боль, разочарования, предательства, иначе человек не приобрел бы опыта, не воспитал бы в себе терпение, не научился бы отделять зёрна от плевел. Эти перепопутья делают человека таким, каков он есть, но жизнь продолжается помимо его воли, и неизвестно ещё какие перепопутья ждут впереди, но человек, принимая их как неизбежность, будет искать способы справиться с ними, не причиняя никому неприятностей.

Отец объяснял Ульяне, что не нужно идти прямо на предмет, необходимо искать художественные решения проблем.

Ульяне предстояло понять, что преодоление препятствий и верность избранному пути и есть жизнь.

После окончания механико-математического факультета Московского университета Ульяна не сразу, но нашла себе работу по душе. Её окружали умные и интересные мужчины, но она воспринимала их только как достойных сотрудников, и они видели в ней отличного собеседника и приятного коллегу.

Ульяна верила в любовь и мечтала о ней. Но боль, которую она получила в момент предательства матери по отношению к отцу не проходила, как она ни силилась избавиться от неё, и поэтому дала себе слово, что никогда не предаст отца, не оставит его одного до той поры пока он будет в ней нуждаться. Как сердечко её начинало взволнованно трепетать в момент знакомства с молодым человеком, она сразу же всеми правдами и неправдами отдалялась от него, чтобы сохранить верность отцу, не догадываясь о том, что отец, в свою очередь, тоже несколько лет всячески скрывает свои отношения с женщиной, чтобы не ранить сердце любимой дочери.

Так они и жили, оберегая друг друга.

Внешность Ульяны излучала тёплый свет души, истинную безыскусную красоту, которую замечают только мудрые мужчины. Видел это её отец и очень переживал за судьбу своей тонко чувствующей девочки, пытаясь всячески уберечь её от ударов судьбы. Он по-прежнему любил свою красавицу-жену, которая представлялась ему прекрасной бабочкой, порхающей по жизни, не касаясь земли. Ульяну же он считал романтической, ранимой, но земной девушкой, которой он желал встретить достойного, любящего человека, одновременно ревнуя её к нему.

Ульяна стала заботливой хозяйкой. Друзья и ученики отца по-прежнему собирались у них дома, она старалась, чтобы все они чувствовали себя желанными гостями и ни в чём не нуждались, сама же с удовольствием безмолвно внимала их беседам.

Один из учеников отца, которого он выделял особенно, как самого талантливого, Судаков, занимался переводами церковных текстов для отдела внешних церковных сношений, с первой встречи привлёк внимание юной Ульяны. Всё в нём нравилось ей - бархатный голос, умение слушать, доброжелательность, коротко стриженная чёрная как

смоль бородка, горящий взгляд из-под густых бровей, крупный нос.

Ульяна искренне восхищалась Судаковым, а он повторял, что у неё нет недостатков, а на её возражения отвечал, что не видит их. Их необъяснимым образом тянуло друг к другу, но Судакова смущала значительная разница в возрасте, а Ульяна запрещала себе даже думать о своих чувствах, поскольку решила посвятить себя заботам об отце.

Ах, как ей не хватало матери, женского совета, взгляда!

Она приняла решение, что никто и никогда не узнает её тайну.

Всё же потребность в общении, хотя бы виртуальном, спустя время, привела её в появившиеся новомодные сети интернета, но в отличие от большинства пользователей, скрывающихся под псевдонимами, оставила своё имя.

Конечно, она пробовала писать на всевозможные темы, не затрагивая только область чувств, понимая, что исповедоваться друзьям, пусть и виртуальным, не стоит, но постепенно стала откликаться на интересные посты комментариями и сама писать на волнующие её темы. Вскоре среди друзей у неё появился единомышленник и очень интересный человек под псевдонимом «Полиглот». Постепенно их виртуальный обмен постами и комментариями расширился до электронной почты. «Полиглот» стал для Ульяны самым важным и дорогим человеком после отца. Она была предельно сдержанной в словах, но её письма всё больше выдавали одиночество гордой ранимой юной души. Это продолжалось больше года, «Полиглот» обладал восхитительным чувством юмора, и всегда умел развеять её девичьи печали.

Ульяна настолько дорожила своей дружбой с «Полиглотом», что, когда он осторожно намекнул ей на возможную встречу, например, в Третьяковке на Крымском Валу или в другом удобном для неё месте, она долго не решалась на этот шаг, боясь разочарования.

Сердце Ульяны разрывалось между желаниями увидеть «Полиглота», страхом разочаровать его, боязнью влюбиться, что для неё было равносильно измены отцу.

Она не могла спать, ходила как сомнамбула по квартире.

Её бедная головка разрывалась от желаний и сомнений.

Отец заметил, что с ней происходит нечто небывалое, попытался выяснить причину, но Ульяна объясняла всё перепадами давления. Отец стал каждый вечер перед сном обязательно выводить дочь на прогулку. Как же ей хотелось рассказать ему обо всём, но страх огорчить отца был значительно сильнее желания поддержки и совета.

Перемены в ней заметили и на работе, и постоянные гости отца, но никто не осмелился спросить об этом.

После длительных размышлений и диалогов с собой, Ульяна решила, встретится с «Полиглотом» у книжного прилавка в Третьяковке на Крымском Валу.

Накануне она не сомкнула глаз. Ведь в 22 года у неё ещё не было ни одного настоящего свидания, только дружеские встречи со сверстниками.

В шесть вечера она вошла в холл и увидела Судакова, который внимательно рассматривал альбом, Ульяна, растеряно кивнув ему, хотела уйти, но он, улыбаясь, стремительно подошёл к ней, взял за руку и сказал, что ждёт именно её.

Недоумение, удивление, замешательство, облегчение - буря эмоций захлестнула Ульяну.

Они ходили по пустынным залам и не могли наговориться. Судаков пытался объяснить ей, почему он даже не допускал мысли о том, что такая серьёзная, умная и неприступная девушка может им заинтересоваться, а Ульяна никак не могла понять, как такое возможно! Она только повторяла постоянно, что не хочет пока, чтобы отец узнал об их встречах. Судаков согласился.

Они стали встречаться сначала два раза в неделю, потом - три. Еженедельные вечера в доме отца не считались, потому что они оба держались при всех как прежде.

Судаков превращал каждую их встречу в восхитительное путешествие влюблённых в страну музыки и поэзии, они показывали друг другу любимые места в Москве, ходили на концерты и в театры, сидели в кафе и никак не могли наговориться. Вскоре Судаков пригласил Ульяну к себе в «холостяцкую берлогу».

Романтические отношения перешли в страстный роман.

Когда это произошло впервые, Ульяна была не то, чтобы разочарована или напугана, она недоумевала, почему в книгах близость описывают так восторженно и поэтично? Может быть, с ней что-то не так и она не способна к наслаждению!?

Но уже на второй встрече она почувствовала восторг от совершенно невероятного удовольствия слияния их тел и поток неведомых прежде чувств.

Сохраняя свои отношения втайне, они встречались у Судакова два-три раза в неделю.

Ульяна невероятно похорошела, глаза её сияли, она постоянно что-то напевала. Отец не мог не заметить этих перемен, он любовался дочкой, но не решался задать ей вопрос о том, кто её избранник. Сомнений в том, что Ульяна влюбилась, у него не было. Он надеялся, что придёт время, и она сама всё ему расскажет.

Ульяна же была уверена в том, что отец ни о чём не догадывается.

Судаков относился к Ульяне с нежностью и заботой, он видел в ней маленькую девочку, которую нужно всячески оберегать. Она же могла слушать его бесконечно. Ей тоже хотелось заботиться о любимом, но при этом мысль о том, что она предаёт отца, не давала ей покоя. Обсуждать это с Судаковым она не решалась, он же её не торопил.

Так в заботах друг о друге их отношения зашли в тупик. Дома Ульяна думала о том, чем сейчас занимается любимый, думает ли о ней, а у него она испытывала чувство вины перед отцом.

Судаков был настолько внимателен к ней, что, порой, вызывал у слишком самостоятельной Ульяны раздражение. Своими постоянными напоминаниями застегнуться, одеться потеплее, он, всё чаще стал вызывать разочарование.

Между ними то и дело стало проскакивать раздражение. Отношения не развивались. Она была убеждена, что новость о том, что она влюблена, ранит отца, а он не хотел её огорчать, но не понимал, почему им нужно скрывать свои чувства.

Его заботу она всё чаще стала воспринимать, как строгий ошейник у собаки, периодически ей казалось, что она задыхается от его постоянных напоминаний внимательно переходить через дорогу, не спешить...

Судакову же казалось, что она слишком мало дорожит им, даже пренебрегает.

Поговорить, услышать друг друга было бы идеальным выходом из сложившейся ситуации, но они настолько боялись потерять друг друга, что сдерживались из последних сил, что в результате привело к окончательному разрыву.

Желание думать и решать за дорогого человека чаще всего приводит к противоположному результату.

Хочешь сохранить отношения, молчишь, сдерживаешься, считая, что так будет лучше, а в результате в одно мгновение из-за случайного жеста, восклицания, теряешь любимого навсегда.

Принять любимого таким, какой он есть, что может быть проще, но нет обязательно он или она начнет пытаться «помочь ей (ему) стать ещё лучше, сделать как лучше».

Ох, уж это пресловутое «как лучше»!

Сколько влюблённых сердец рассталось из-за этого пресловутого «как лучше»?!

Сколько ошибок и несчастий принесло желаний сделать дорогому человеку «как лучше».

А сколько семей, в которых родители и дети, пытаюсь сделать друг другу как лучше из благих побуждений, распались, а некогда близкие люди стали врагами...

«Не контролируйте друг друга, не пытайтесь сделать любимого человека лучше, чем он есть!» - хочется крикнуть мне влюблённым.

Новый век, а нравы те же!

НЕВЗРАЧНАЯ ДЕВЧОНКА

- Никак не пойму, Светка, это ты, что ли?! Каким ветром?
- раздался вроде бы знакомый голос у неё за спиной.

Лаврова замерла на мгновение от неожиданности, а в голове пронеслось: «Не может быть! Мне показалось!»

До этого у неё в жизни пронеслась какая-то буря. Но по порядку.

Желание вновь любить и быть любимым пришло к мужу Лавровой на его пятьдесят седьмой весне. Весной, когда всё чаще стало пригревать солнце, и разные птицы громкими голосами заглушали шум машин, а женщины в самых невероятных головных уборах с экстравагантными причёсками всем своим видом демонстрировали несдержанность чувств, внимание мужа Лавровой привлекла молодая женщина, маникюрша в парикмахерской, где он постоянно брился перед важными заседаниями на работе.

Он записался к ней.

В его жизни это был первый и последний маникюр, в общем неудачный.

Когда он уже отшлифованным пальцем попытался дотронуться до её щёчки, она от неожиданности опрокинула миску с мыльной водой. Он объяснил ей, что никак не хотел её обидеть, а рука его невольно потянулась к её очаровательному личику, что он просто хотел пригласить её на прогулку в такой прекрасный весенний вечер, женщина же спокойно привела его ногти в порядок и ответила отказом в неоскорбительной форме...

Но что же показалось Светлане Лавровой в магазине? А вот что. Когда она медленно повернулась, то не поверила

своим глазам - перед ней стоял Тихомиров, её первая и безответная любовь.

- Не узнаёшь? Чего у тебя глаза такие сердитые?

И тут она вспыхнула:

- Вадик!.. Как ты тут?.. Откуда?..

- Что значит откуда?! Я уже лет десять здесь живу, - сказал Тихомиров.

- Ничего себе! - буквально оторопела она.

Но мысли Лавровой были всё там же и о том же.

По роковому совпадению, буквально через пару дней после неудачной попытки привлечь внимание понравившейся ему маникюрши, мужа окликнула у метро весьма симпатичная женщина с полоской черных усиков над окровавленными помадой губами.

Он не сразу узнал в ней приятельницу жены, которая в последние несколько лет иногда заходила к ним под незначительными предложениями.

Она выглядела ослепительно в модном пальто цвета экрю, то есть белом с едва заметной примесью приглушенной желтизны, и изящной шляпке цвета горького шоколада, при этом так выразительно продемонстрировала радость от столь приятной встречи, что он галантно взял её мягкую ладошку и поцеловал.

Они пошли рядом, оживлённо беседуя о ранней весне.

Оба жаждали любви, и отдались своим чувствам самозабвенно.

За всю свою жизнь муж Лавровой не слышал и малой части комплиментов и восторгов, которыми неустанно осыпала его подруга жены, всячески демонстрируя своё бескорыстие и искренность чувств.

Вообще все это произошло с невероятной скоростью, чему способствовала весна, изящная шляпка и её усики.

Муж Лавровой собрал свои вещи и поспешно покинул дом, избегая каких-либо объяснений, но заверил разъя-

рённую супругу, что ни на что из нажитого непосильным трудом добра он не претендует.

Коварный предатель!

Лаврова металась по квартире одна. Некоторое время она никак понять не могла, почему муж, за которым она ухаживала, можно сказать, всю жизнь, предал её, да ещё и унизил, променяв на подругу!

Мысли её путались.

- Как! Когда это произошло!? Как я могла ничего не заметить!?! - повторяла она вновь и вновь!..

Тут она вспомнила одну из неопровержимых улик его коварной измены, которую, по ошибке, сочла сигналом о его нездоровье - он этой весной заметно похудел:

- Что это ты так осунулся? - спросила она. - Давай, я запишу тебя к врачу?

- Не стоит, - ответил он, - я чувствую себя отлично.

- Не понимаю! Я, что плохо стала готовить или у нас в доме еды недостаточно? - спросила она.

- Что-то аппетит пропал, - ответил он, и скрылся в кабинете.

«Почему я тогда не догадалась, что он завел себе любовницу! А эта «подруга» тоже хороша! Тихоня! Пробралась ко мне в дом, присмотрелась к моему мужу и увела его! Вот змея! Не получит из моего дома ни лоскутка, ни вилки, ни ложки - всё, что нажито, я лучше уничтожу, но ей ничего не отдам! А этот, пусть берёт свои личные вещи и уматывает!»

Лаврова от ярости прикусила губу до крови.

Казалось, что старые тополя за окном едва заметно наклонили ветви, словно прислушиваясь к непонятным для них словам. Но не слушали и не слышали. У них было свое. Стояли, безучастные к людям, бесстрастные, бездумные, со своею жизнью и тайною, а с темных ветвей их падала, как роса, отрясаемая ветром, прозрачная грусть.

Мысли о смерти, после коварного предательства мужа всё чаще не давали уснуть Лавровой. Стоило ей выключить верхний свет, оставив только лампу на столе, как её охватывал страх, что из полумрака вот-вот появятся чьи-то тени, или к груди подкатывала волна небывалого по странности ощущения: стены комнаты то приближались к ней, то отступали и пол шевелился. Она то ложилась, пытаясь уснуть, то вставала, шла в гостиную, включала свет и телевизор, садилась в кресло у стола и начинала щёлкать пультом, то ходила по комнате, останавливалась у зеркала, в котором очень растерянный и кого-то напоминающий человек пытался изобразить улыбку. Она то пристально смотрела на себя, то отходила, то опять возвращалась с приветливой улыбкой, постепенно успокаиваясь, но верхнего света все-таки не гасила, чтобы не нарушить состояние, казалось, обрётённого покоя.

Мягкий ковер заглушал шаги.

Так ходить, бросая беглый взгляд в зеркало, можно было долго, только бы не сделать резкого движения, которое изменит ровный строй мыслей.

Она ходила до тех пор, пока не ощутила слабости в ногах и легкого головокружения.

Всю ночь по карнизам стучал дождь. Под утро потянуло ледяной стужей. Ветер сотрясал рамы окон, пытаясь ворваться внутрь.

Лаврова прилегла.

Ей приснился диковинный сон, будто она идёт по лесу, в котором на небольших полянках разбиты изящные скверики, она восторженно любит искусной стрижкой деревьев и кустов, как вдруг посреди одного из них видит большой камень, а на нём написано её имя, год рождения и прочерк...

Наутро она поспешила в платную поликлинику на приём к кардиологу, поскольку к бесплатной медицине относилась недоверчиво.

Врач Лаврову выслушала, смерила давление, направила на электрокардиограмму, посмотрела результаты анализов и, удовлетворенно кивнув головой, успокоила, что повода для беспокойства нет, посоветовала прогулки на свежем воздухе и найти себе занятие по душе.

Лаврова заплатила за этот «совет» более десяти тысяч рублей, и поняла, что только она сама сможет себе помочь.

Но как!?

- Для начала пойду-ка я в магазин и куплю себе что-нибудь вкусненькое, - сказала она.

- Купи себе не что-нибудь, а всё, что твоей душе угодно, - ответила вторая Лаврова, которая всегда успокаивала, оправдывала и утешала первую, - мало ты сэкономила, выгадывала, чтобы накормить мужа, и денег скопить и на машину для него и на путёвки в санаторий, чтобы его драгоценное здоровье поправить!?! Получила!?! Всё! Теперь думай только о себе! Ни в чём себе не отказывай!

Лаврова собиралась в магазин с особенной тщательностью - румяна, пудра, помада, тени и контурный карандаш преобразили лицо, глаза заблестели, любимый аромат духов поднял настроение, а небрежно брошенный пушистый шарф кораллового цвета придал образу женственности.

Обручальное кольцо она положила в шкатулку, но украсила пальцы несколькими перстнями.

Послав любящий взгляд своему отражению, она отправилась в универсам, как на поле биты, в надежде встретить предателей с видом не побеждённой, а победительницы.

Но ни у подъезда, ни по пути в магазин она не встретила никого из знакомых.

Покупки Лаврова делала основательно, внимательно изучала состав продуктов, срок годности, особенно на товарах по акции. Можно сказать, что она была профессиональным покупателем, глаз её мгновенно выхватывал подозрительные наклейки, обнаружив которые она всегда

добивалась вразумительных ответов на свои вопросы. В этом магазине, рядом с домом, её знали почти все продавцы, поэтому ответы она получала исчерпывающие.

Лаврова методично изучила ассортимент овощей, фруктов, молочные и колбасные продукты, и погрузилась в изучение вин. Со словами: «Вечно на наклейках пишут так, чтобы нормальный человек не мог ничего разобрать», - она достала из сумочки лупу и стала изучать надписи на бутылках.

И тут этот голос из-за спины. Тихомиров. Лет десять рядом живёт. Ничего себе!

- Как!? А я уже больше двадцати лет, в пятнадцатом доме, - выпалила она.

У Тихомирова расширились глаза.

- А я в двадцатом, - с удивлением сказал он.

- Да, как же это может быть?!

- Что «это»? - пожал Вадик плечами, - Я не понял, что тебя так удивило?

- Как же мы с тобой ни разу не встретились?

- Почему не встретились? Вот сейчас...

Лаврова жила в довольстве, но довольство её было каким-то холодным, ненужным, оно не сделало счастливыми ни её, ни мужа. В доме их было много ненужных вещей, стояла лишняя мебель, не делавшая уюта. Во всём чувствовалось равнодушие хозяев друг к другу. В столовой стоял длинный стол для гостей, но они никого не приглашали. Пианино фабрики «Красный Октябрь» было покрыто чехлом, который она стирала раз в год, а папки с нотами вообще пылились годами в тумбочке под телевизором. В квартире не было ни комнатных растений, ни кошки, ни собаки.

Лаврова воскликнула:

- С ума можно сойти... Какой ты...

- Какой?

- Солидный, представительный...

- Ты, Светка, тоже изменилась...

Лаврова вышла замуж не потому, что испытывала чувства к избраннику, а потому, что мать постоянно твердила, что нужно спешить, поскольку ей уже через три года будет тридцать, а это уже статус старой девы, поэтому на предложение Лаврова стать его женой, она, не раздумывая, дала согласие. Буквально через год после замужества Лаврова расцвела, и стала не просто видной, а даже вполне интересной женщиной. Сотрудницы её считали франтихой, хотя она уверяла их, что на свою одежду тратит совсем немного денег. Одевалась она вначале действительно ярко и даже несколько вызывающе. У нее была своя портниха, подруга её матери, которая шила и переделывала ей платья и костюмы. Лаврова ухитрялась бантом или цветным шарфом делать из простого платья или костюма эффектный наряд. Она никогда не стремилась слепо следовать моде, но хорошо знала, что ей идёт. Хозяйство вела экономно и просто так, на пустяки, деньги не тратила, чем вызывала уважение мужа.

- Так ведь мы не виделись лет двадцать пять, - сказала она, отмечая добротное пальто и шапку из норки на Тихомирове, по которому пролила так много слёз, но он об этом ничего не знал.

Тихомиров тоже отметил про себя, что некогда невзрачная девчонка, которая постоянно крутилась у него под ногами, превратилась в привлекательную живописно раскрашенную женщину лет сорока, одетую богато, но на его взгляд слишком пёстро.

- Москва тесная, вот и встретились, но ты ничего себе, очень даже... Замужем? Дети?

- В свободном поиске, - с некоторым вызовом ответила Лаврова, - а ты?

- У нас с супругой кризис. Живём в одной квартире, а питаемся отдельно.

Повисла обычная пауза, но быстро кончилась.

- Что так? - машинально спросила Лаврова.

- Ой, не спрашивай, разве вас поймёшь? То всё хорошо, спокойно, то вдруг, когда приходишь домой вечером, тебя не замечают, всем видом показывают, что ты виноват.

- Бедный! А дети у тебя есть?

- Дочка, у неё своя семья, мальчишек двое, - ответил Тихомиров.

Вступив в возраст зрелости, Лаврова перестала корить себя за то, что съела лишнее печенье, что не убрала постель, что купила смешную шляпку, которая приглянулась ей своей несуразностью. Каждый раз, примеряя эту шляпку перед зеркалом, она повторяла себе, что имеет право на необдуманный поступок, хотя она так и не решилась ни разу надеть её, даже не показала мужу, но оставаясь одна, любила повертеться в этой забавной шляпке перед зеркалом, повторяя: «Могу я себе позволить быть экстравагантной хотя бы перед зеркалом!»

В юности Лаврова даже мысли не допускала о том, что когда-то и она, ОНА, будет старой. Когда ей впервые уступила в метро место девочка лет четырнадцати со словами: «Садитесь, пожалуйста, бабушка», - она оглянулась, но, обнаружив среди окружавших её пассажиров никого на эту роль, недоумённо пожала плечами, потому что даже предположить не могла, что это относится к ней. Увидев её реакцию, юное создание страшно смутилось.

Я была свидетелем того, как многие дорогие мне люди слишком рано покинули этот мир, еще не поняв, не испытав великую свободу, которую дарует возраст. Кому какое дело, что возраст даёт мне возможность смотреть телевизор до четырех часов утра и спать хоть до полудня? Да, я порой танцую сама с собой, слушая замечательные мелодии, и, если мне иногда хочется поплакать над ушедшей любовью или упущенными возможностями, то я плачу.

Иногда я бываю забывчивой, это правда. Впрочем, не все в жизни достойно запоминания, а о том, что мне дорого, я помню. Конечно, за эти годы мое сердце было разбито не раз. Как может не разбиться сердце, если ты потерял любимого, или когда умирает любимая собака? Но разбитые сердца и есть источник нашей силы, мудрости, нашего понимания, нашего сострадания. Сердце, которое никогда не было разбито, никогда не познает радости несовершенства. Год от года мне всё легче быть естественной. Меня не заботит то, что другие думают обо мне, но сомнения всё чаще не дают покоя. Мне нравится мой возраст, мой опыт, они освободили меня. Мне нравится тот человек, которым я стала. Я не буду жить вечно, но пока я здесь, я не стану терять времени на переживания по поводу того, что могло случиться, но не случилось, я не стану переживать по поводу того, что может еще случиться. И я буду каждый день пить любимый кофе и есть шоколад!

Размышляя о том, как долго я пребывала в заблуждении, что впереди еще целая жизнь, невольно откладывая всё наиболее сложное и неприятное на завтра. И вот это далекое завтра наступило. Я же оказалась в полной растерянности перед целой горой того, что когда-то не доделала. Лихорадочно хватаясь то за одно, то за другое, но стоит мне вспомнить чье-то мудрое утверждение, что следует делать ежедневно одно дело в день, как всё встаёт на свои места.

Я пришла к выводу, что возраст - это дар. Наконец, я стала тем человеком, которым всегда хотела быть. Нет, речь не о моем теле, конечно! Иногда это тело вызывает у меня отчаяние - морщины, мешки под глазами, пятна на коже. Часто меня шокирует отражение незнакомки, которая обосновалась в моем зеркале, но переживаю я недолго. Я бы никогда не согласилась обменять мой бесценный опыт, мои ошибки и раскаяния, моих любимых людей, мою жизнь

на меньшее количество седых волос и на плоский подтянутый живот.

Как часто я слышала в свой адрес слова: «У неё натура такая. Её не исправишь». Звучит как приговор. Были желающие «исправить» или перевоспитать неподдающуюся натуру, а она не поддаётся даже мне. Не хочет быть как все. У этой природы есть свой взгляд на всё, что происходит вокруг, своё прочтение, своё отличное от общепринятых взглядов мнение и своя личная жизнь. Она не мешает никому. Её не волнуют награды и сиюминутный успех. Натура моя делает то, без чего жить не может.

Лаврова относилась к числу скорее чувствительных, чем глубоко чувствующих людей. Она прожила значительную часть своей жизни, так и не соприкоснувшись непосредственно с жестокостью, предательством и насилием, но не всегда могла удержаться от желания посмаковать чужую жизнь. Мысли о смерти против её воли тоже посещали её время от времени.

Так случается рано или поздно с каждым человеком: в какой-то час он задумывается о смерти. Особенно, когда ему уже много лет. Ну, пожить бы еще пять, десять, двенадцать лет, а там все равно... Конечно, проще, когда уже не сознаешь ничего от старости или слабости. Не может быть, чтобы люди перед смертью не сходили с ума. Но раз она неминуема, как же не думать об этом, все равно в старости или в молодые годы. Мы просто только обманываем себя и отмахиваемся от ужасных мыслей, убеждая себя, что к нам это не относится.

При словах о внуках лицо Тихомирова озарила счастливая улыбка, глаза заблестели.

- Два парня... - повторил он.
- Они не с вами живут? - спросила Лаврова.
- Отдельно. Там всё как надо.

- Ну, и слава Богу! - очень серьёзно, даже мрачновато сказала Лаврова.

Опустив глаза в пол, Тихомиров как-то протяжно вздохнул и спросил:

- А ты чего такая невесёлая?

Лаврова смерила его изучающим взглядом.

- Есть причина, - сказала она, - но я не хочу об этом распространяться. Предлагаю отметить нашу неожиданную встречу у меня дома, ведь, согласишься, нам есть, что вспомнить! Ты как?

Тихомиров усилием воли сбросил с себя напряжение.

- Готов! Отчего не отметить.

Они посмотрели друг другу в глаза.

- Ты не спешишь домой, к жене? - вкрадчиво спросила Лаврова.

- Сказал же, что мы живём под одной крышей, но отдельно!

По дороге Лаврова строила грандиозные планы по осуществлению своей юной мечты: «Господи, благодарю тебя за эту встречу! - думала она. - Так вот для чего мне было послано предательство мужа и так называемой «подруги», чтобы освободить меня перед встречей с любовью всей моей жизни». Буря эмоций, жажда страсти, и нереализованные фантазии вспыхнули с такой силой, что Лаврова буквально потеряла голову.

Тихомиров же предвкушал вкусный обильный ужин и короткое приключение с давней знакомой, которая не давала ему прохода в молодости, но не вызывала прежде у него никакого интереса, но через много лет превратилась в весьма привлекательную женщину, жаждущую приключений.

Дома Лаврова мгновенно поставила на стол стопки, рюмки, подала солёные огурчики, красную рыбу, открыла банки селёдки, оливок, ананасов и предложила выпить за встречу.

Тихомиров с удовольствием её поддержал.

После нескольких рюмок Лаврова выдала ему тайну о своей восторженной любви к нему.

- Если бы ты только знал, как я тебя ревновала! Я ведь была в тебя по уши влюблена!

- Да, брось, Светка, к кому было ревновать-то?

- Ко всем девчонкам, которые так и вились, Вадик, во-круг тебя.

- Это твои фантазии, тебе лет-то сколько было?

- Почти пятнадцать!

- Ерунда! Причуды!

Тут Лаврова вспомнила, что поставила варить картошку и метнулась на кухню.

Лавровой несвойственно было страдать в одиночестве, при малейшей неприятности она обычно находила собеседницу, чтобы «убить» время. Проводить время в пустых разговорах, о сериалах, соседях, сослуживцах было её любимым занятием. Она обо всём судила уверенно, сомнения были ей несвойственны. Она любила рассказывать о своих удачах, давать советы о том, как надо жить, но свои неудачи и потери держала при себе.

Лаврова идёт босая по сыроватому песку дорожки сада. Она ёжится от утреннего холода, обхватывает плечи руками, пытаясь согреться. Золотой край солнца медленно поднимается из-за синей линии горизонта. Она поднимается на вершину обрыва, из-за прозрачного розовато-млечного тумана, который исчезает на глазах, открываются захватывающие дух дали. По телу разливается странная холодная, и в тоже время бодрая радость, а на душе пронзительная грусть. Мечты и думы мелькают, как орнаменты в калейдоскопе.

Пока Лаврова копалась на кухне, Тихомиров вышел на балкон, увидел пепельницу и закурил.

Страстное признание и напор Лавровой озадачили его, он рассчитывал на лёгкую интригу, но никак не на

страстные выяснения отношений, которых ему хватало дома.

«Что нам делать вместе? Она жаждет жизни, страстей, а я не знаю, куда от них скрыться», - думал он.

Энергичный блеск её глаз, яркий внезапный румянец грели и лелеяли сердце, но стоило ему на мгновение представить Лаврову женою, как очарование её меркло.

- Куда ты пропал? - спросила Лаврова, войдя в комнату.

- Я здесь, на балконе обнаружил пепельницу, решил покурить.

- А я думала, что ты меня пойдёшь искать, - кокетливо сказала Лаврова, демонстрируя прозрачный пеньюар.

Глаза её светились знойным блеском.

- Да как-то... - неопределённо вымолвил Тихомиров.

- Горячее подавать, или отдохнём? - многозначительно спросила она.

- От горячего не откажусь, - ответил он в тон ей.

Лаврова включила какую-то музыку, играли что-то неопределённое между танцевальным и серьёзным.

Тихомиров, прибодряя самого себя, сыпал тосты один за другим, а потом, когда она варила кофе, уснул.

Накрыв его клетчатым шерстяным пледом, она убрала со стола, и прилегла на кровать, а когда очнулась, то обнаружила, что Тихомиров ушёл, не оставив даже номера телефона.

К подобному поступку с его стороны она никак не была готова. Ведь, казалось, что счастье нашло её!..

БОГОМОЛЬЕ

- Боже! Что это!?! - воскликнула Полина.
- Не произноси имя Бога всуе! - послышалось из кухни.
- Мама, ты в порядке? - спросила Полина
- Да, Поля, со мной всё в порядке, к нам Лидочка зашла, с богомолья, познакомься. Она чай пьёт на кухне.

В квартире стоял едкий запах то ли рыбы, то ли кислых щей.

Полина буквально чуть не задохнулась.

- Мам, а чем это пахнет?
- Благодатью Божией, чистотой и непорочностью, - ответила невидимая Лида из кухни.

С трудом преодолевая желание выскочить из квартиры, Полина остановилась на пороге кухни.

Утром, когда Полина собиралась на работу, за окном светило солнце, ничто не предвещало резкой перемены погоды. Полина вышла на балкон, постояла пару минут, взглянула на сухие дорожки и решила вместо сапог надеть закрытые туфли цвета тёмного шоколада на толстой подошве, купленные на осенней распродаже с большой скидкой, что вызывало у неё чувство особого удовлетворения. Распродажи, можно сказать, были одним из её серьёзных увлечений.

На остановке автобуса Полина ощутила резкую перемену погоды, но возвращаться не стала.

Когда день прибывает, когда на деревьях проклёвываются точки почек, устремлённые к солнечным лучам, выглядывающим всё чаще из-за спешащих на восток облаков, и ты убираешь перчатки в карман, чтобы ощутить их ласкающее тепло, а на тебя внезапно обрушивается суровый

зимний ветер, который безжалостно набрасывается на ветви деревьев, и ты пытаешься спрятать сжатые от холода пальцы в рукавах пальто, ты спешишь нырнуть в спасительное тепло ближайшей станции метро, но до метро ещё нужно было добраться, а автобус не спешил к замерзающим на остановке пассажирам.

На кухне лицом к Полине сидела женщина в странном нечистом одеянии, похожем на бесформенный мешок неопределённого цвета, лицо её скрывал платок. Она шумно хлебнула чай из кружки и громко спросила:

- Что же это ты, сестрица, такой разгульный образ жизни ведёшь?

Полина с первого взгляда поняла, что в квартиру пробрался враг.

Нахлынули воспоминания... все горькие, невесёлые, под стать настроению. В ушах назойливо звучал глухой стук молотка по крышке гроба. Сон, в котором могильщики опускают гроб с её телом в могилу, не давал покоя.

Полина всё повторяла, что она ещё жива, но глухой стук гроба о землю не давал покоя.

Напрасно она напрягала память, пытаясь зацепиться за ободряющую полосу света. Её память упорно отказывалась воспроизвести что-нибудь светлое, радостное, и назойливо рисовала устрашающие, мучительные картины ужасов. Полусумрак едва освещал стены комнаты, и, казалось, чужие предметы в ней. Маятник неутомимо отчеканивал такт...

«Никогда больше не буду знакомиться с новыми родственниками», - как заклинание повторяла Полина.

Она ещё не понимала, что не следует ни от чего зарекаться, что жизнь - секунда, а часы пробивают вечность, что вечность - это миг, что годы, порой, мелькают быстрее, чем день один. Впереди будут годы борьбы с миром, собой, судьбой. Годы холодные снежные, годы яркие, солнечные.

Время всегда без начала и конца. Время может быть новым, лёгким, как ветерок. Века мелькают как минуты. Ремень времени хлещет безжалостно каждого встречного, поперечного. Свой час наслаждения в любви и свой час тоски в одиночестве. В понедельник прозвенел будильник - вчера закончилась эпоха. Время вспахивает жизнь плугом и человеку решать кем быть яблоней или крапивой. Век с челом. Столетие во мраке. Год, прожитый зря. Месяц на небе. Годы, как прохожие, мелькают за окном. После весны идет зима, потом лето, а осень наступает в середине мая. Время - бремя. Счастливый час.

Детство Полины прошло в коммуналке, в которой родился ещё её отец, туда же он привёл мать Полины, которая по комсомольской путёвке приехала строить Московскую кольцевую автодорогу.

Познакомились родители, как это часто происходило в те годы на танцах в Парке культуры. Они были похожи друг на друга - оба крепкого телосложения ростом где-то под метр восемьдесят, с вьющимися пышными русыми волосами, только глаза у матери были голубые, а у отца - карие. Их часто принимали за брата и сестру. Жили хорошо и дружно, но, когда Полина училась в девятом классе, на работе отца произошёл несчастный случай, в результате которого он погиб. Полине с матерью дали отдельную 2-х комнатную квартиру в новом районе и пособие по утери кормильца. Горе и печаль поселились в их доме на несколько лет.

- Лидочка, я же тебе говорила, что Полина была у подружки дома, она у меня очень скромная девушка, - потупив взор, сказала мать.

- Мама, я сама могу ответить сестрице, - едва сдерживая раздражение, сказала Полина.

Мать и дочь сблизилась настолько, что не общались близко больше ни с кем, и погрузились в печаль, как в дол-

гий тяжёлый сон, но, жажда жизни однажды разбудила Полину и она поняла, что хочет веселиться, жить, как окружающие её сверстники. Полина после окончания университета работала в НИИ в тихом переулке недалеко от Патриарших прудов, и мечтала о том, что однажды произойдёт чудо, и она вернётся вновь из безликого спального района туда, где прошло её детство, на родную Таганку.

В НИИ Полина была самой молодой, и более опытные сотрудницы взяли над спокойной приветливой девушкой шефство, объяснили ей, что в жизни важно научиться вовремя переключаться на хорошее, и что проблемы у многих людей возникают из-за того, что они боятся брать на себя ответственность за свою жизнь и страшатся самостоятельности.

Каждый раз, приезжая домой в безликий спальный район, Полина с тоской смотрела на унылый длинный серый дом, в котором было 23 подъезда, печально брела в свой одиннадцатый подъезд, поднималась на лифте на последний 12-й этаж, размышляя о том, что подобные дома могли придумать только чиновники, которые ненавидят всех, кто их окружает. «Как можно строить такие дома, без арок в центре этого горизонтального «небоскрёба», чтобы было удобно, не обходя его весь вдоль, сразу попадать вглубь квартала! За, что мне выпало наказание жить в таком доме». Единственным утешением была небольшая деревянная церковь с синими куполами, построенная совсем недавно.

Порой Полина с грустью думала о том, что она как белка крутится в замкнутом пространстве, поскольку один день в точности повторяет предыдущие: мелькают вторники, впрочем, так же, как и среды, и четверги, и субботы...

Она объяснила себе, что собственно слово «вторник» очень уж созвучно с «повторением», «многократным использованием» чего бы то ни было в жизни, в событиях че-

ловека и ангелов. Вторник - вторит. Понедельник - открывает неделю. Среда - средний день. Четвёртый день - четверг. Пятый - пятница. Шабаш, шабад - конец работы, отдых, суббота. Воскресаем в воскресенье, чтобы опять открыть неделю приставкой «по». Рождение - смерть, рождение - смерть... Круговерть, круг, колесо - образ мира. На протяжении всей истории человечества люди ждут всегда чего-то нового, казалось бы - всё уже случилось, давно известно, а мы, люди, ждём. Не устали, не надоело. Хочется, чтобы один вторник не был похож на другой, и так каждую неделю, месяц год. Ну и что, что жизнь идёт по кругу. Пусть ни один круг не будет похож на другой! Чудеса есть, они происходят, но мы не можем их заметить, так как они происходят рядом, близко, а это не то. Рядом мы не видим или не хотим? Слишком просто, так не интересно. Ждём. Счастья. Хлеба и зрелищ. И так каждый вторник, среду, четверг...

Мать Полины, Нина Петровна, после смерти мужа мечтала только о том, чтобы дочь получила образование и вышла удачно замуж, жила в достатке на зависть всем её родственникам из Самары, которые постоянно останавливаясь у них проездом то в санатории, то на заморские пляжи, хвалились своими удачами и достижениями. Нина Петровна выросла в большой семье - шесть сестёр и два брата, от которых было семнадцать родных племянников. Она была самой младшей и самовольной в семье и в 19 лет уехала в Москву, потому что стремилась устроить свою жизнь по-своему, но как именно, не представляла, но мечтала о том, чтобы устроиться как-то иначе. Вот это «как-то» подвигло её на бегство от любящих родителей из уютного дома в общежитие, а потом в комнату в коммуналке, в чём постоянно упрекали её родные: «Ну, что там у тебя такого особенного в твоей Москве», - выговаривали они, останавливаясь у Нины Петровны проездом.

Знакомые и многочисленные родственники Полины все свои усилия направляли на то, чтобы быть как все, «не хуже людей», добились хороших должностей и материального благополучия, у всех были и квартиры обставленные, как положено, и машина, и дачи, и приданное своим детям все собрали достойные.

Нина Петровна постоянно говорила, что живёт только ради счастья дочки и каждую копейку старалась отложить ей на достойное приданое, в надежде на удачное замужество. Время шло, а жениха всё не было, Она попыталась уговорить дочь поехать в отпуск к родственникам, которые обещали познакомить Полину с молодым человеком из хорошей семьи, но дочь категорически отказывалась, упорно повторяя, что ей это не нужно.

- А чего же ты хочешь? Что тебе нужно? - спрашивала мать.

- Мам, меня твои родственники здесь достали! Сваливаются нам на голову, когда им заблагорассудится, да ещё постоянно жизни учат, и замечания делают.

- Полина, так нельзя, это родные люди, у нас с тобой, кроме них никого нет.

- Можно подумать, мы им нужны, они просто пользуются нами и всё, - отвечала Полина.

- Но они ведь приглашают тебя к себе в гости, а ты сама отказываешься...

- Лучше бы они нас в покое оставили...

- А они не так часто нас беспокоят, буквально каждый навестил нас не больше двух раз...

- Да я уже со счёта сбилась от своих тётушек и братьев с сёстрами, их жён с мужьями и детей!

- Они не так уж часто у нас бывают...

- Слава Богу!..

Буквально через несколько дней после этого разговора Полина собралась в гости к подруге и предупредила мать,

что останется у неё ночевать. Мать всегда записывала телефон, по которому можно будет в случае необходимости с ней связаться.

Резкий телефонный звонок раздался буквально, как только подруги уютно расположились за журнальным столом, предвкушая приятный вечер.

- Это тебя, - сказала подруга, протягивая трубку Полине, - мама.

- Что случилось?! - едва сдерживая волнение, спросила Полина, поскольку мать прежде никогда её в гостях не беспокоила.

- Доченька, всё хорошо! Не волнуйся! К нам Лида приехала, пожалуйста, приезжай домой!

- Мам, какая ещё Лида?!

- Моей сестры дочка, двоюродная сестра твоя, она хочет обязательно с тобой познакомиться, я тебе о ней рассказывала...

- Мама, с какой стати я должна нестись сломя голову к какой-то Лиде, до которой мне нет никакого дела...

- Это же наша родня, она необыкновенный человек, пришла к нам с богомолья...

- Что?..

- Я не так часто тебя прошу, о чём бы то ни было...

Голос матери предательски задрожал, Полина испугалась и поспешила заверить мать, что скоро приедет.

Через час она уже открывала дверь своей квартиры. И непонятный запах ударил в нос и в голову.

Каждый человек рожден для счастья, часто слышала Полина известную фразу, которую многие воспринимают как утверждение и ждут, сидя на одном месте, своё счастье ничего не предпринимая для его осуществления, а потом разочарованно повторяют, что их обманули и они своего счастья так и не дождались. Им даже в голову не приходит мысль о том, что они сами во всём виноваты, что обижать-

ся следует на себя, они ищут остаток жизни виноватых вместо того, чтобы искать причины в себе.

Чувство вины в разной степени в течение жизни испытывает каждый нормальный человек. Но большинство, как Полине казалось, людей, считают, что в их неудачах, несбывшихся мечтах виноват кто угодно, только не они сами. Эти люди всегда и везде ищут виноватых. Они считают свои проблемы самыми важными и значительными, выносят их на всеобщее обсуждение, и ждут сочувствия. Подумать о том, что вину надо исключительно искать в себе, им не приходит в голову. В любой ситуации стоит задуматься о том, что «виновным», «виноватым», «грешным», являешься ты сам. Если у тебя не складываются отношения в семье или с окружающими тебя людьми, ищи причину, прежде всего, в себе. От тебя отвернулись друзья, выпотроши себя, пойми, что ты им неприятен. Почему? Вот и думай. Чтобы к тебе относились по-доброму, не критикуй, не делай замечаний, не грузи никого своими «умными» советами, не доставай людей пустыми телефонными звонками, ищи причину в себе.

Стоит им задать вопрос о том, что такое счастье, как они начинают невнятно говорить о материальном благополучии, свободном времени, отдыхе, о любви неземной... Стоит им возразить, что прежде всего нужно развивать себя, определить цель, определить путь к её достижению и следовать ему ежедневно, при этом не опасаясь ошибок, они гораздо полезней лёгкого успеха, так ты наживаешь себе врагов. Если у тебя ничего не получается, попробуй научиться, главное действуй, не останавливаясь иди к намеченной цели.

Когда Полине плохо, она начинает думать, например, над понятиями «авторитет», «право». Эти слова Полина довольно-таки часто слышит в разговорах и встречает в различных текстах. И вот ей показалось, что, в принципе, у

человека нет права на авторитет, потому что авторитет создать нельзя. Ведь он заключается во внутренней силе, которой человек либо обладает, либо нет. Как часто Полине приходится отмечать для себя, что вот, к примеру, эта физиономия, не исчезающая с экрана телевизора, имеет сомнительный авторитет, обладая незаслуженно значимой должностью. Конечно, ей со студенческой поры известно, что в организованном обществе возникает право на власть. И, как Полина понимает, право это может даровать лишь свободу действовать согласно законам общества. Как для неё, так и, практически, для каждого человека основным является право самосохранения. Полина думает, что в её разуме есть «нечто» столь необходимое, что если от него «нечто» отнять, не будет и её разума. При помощи этого «нечто» разум Полины начинает познавать как бы цепочку её жизненного опыта: «Я - знаю себя. Я - узнаю себя. Я - веду с собой беседу. Со-знание. Когда возникла эта точка отсчета, что «Я» - это «Я»?! Ведь всякая последующая деятельность моего разума есть не что иное, как следствие этого первого действия. Я не сохранила воспоминаний о до-словесной поре своей жизни, поэтому невозможно проследить зарождения моего «Я», моего самосознания. А когда я узнала себя, то и мир мне открылся. И я стала впитывать в себя лучшее, что было создано другими «само-сознаниями». Конечно, благодаря умным книгам. А довольство собою серых, бестактных, неумных людей, неприятие ими мира высокой культуры и интеллекта порождает тщеславие. Мне даже кажется, что чем тупее человек, тем он тщеславнее. Как Фома Опискин из «Села Степанчикова». Классиком сказано, что невежество рождает тиранов».

Вообще, по большому счёту, люди представляются Полине не такими, каковы они есть на самом деле, а такими, какими она их создаёт сама. Но тем более она должна пе-

нять на себя за все свои неудачи в отношениях с людьми разной степени культуры и интеллекта.

Общение с людьми близкими ей по духу, увлеченными, доставляет истинное наслаждение. Такие люди, чаще всего деликатны, воспитаны и уважают своё время и время собеседника. Навязчивые же персонажи - совсем другая история. Случайная встреча с таким человеком равносильна для Полины стихийному бедствию. Не дай Бог, встретиться с ним глазами, всё зацепил, и начал грузить своими бытовыми или личными проблемами, которые никому не интересны. Задумалась она как-то после очередной подобной встречи, что это за порода такая? Пришла к выводу, что это люди пустые, малоинтересные и самодовольные. Не хочется их обижать, но они никого не уважают, не ценят времени окружающих, потому что сами ничем не заняты, кроме как пустыми разговорами и обсуждением вопросов, о которых имеют смутное представление из каких-нибудь мутных источников. Как же они достают! Как трудно от них избавиться! Да, умение отказывать подобным навязчивым людям - весомое достоинство. Полина решила, что впредь будет решительно избегать подобных людей, даже если придётся обидеть человека. Что делать? Жизнь так коротка, что не стоит тратить время и душевные силы на пустые, бестактные отношения.

Наблюдая за искренним и непосредственным поведением детей, Полина невольно ловила себя на мысли - «Куда всё это исчезает по мере взросления человека?» Вдруг бы все люди внезапно стали самими собой (искренними и простодушными). Веселились бы от души, грустили, ведь в каждом из них есть огромный запас чистоты, великодушия, добрых желаний, умных мыслей, остроумия. Ведь не всегда мы догадываемся о скрытых в тайниках души качествах. Никто не знает, как люди хороши. Посмотрите на де-

тей! Сколько в них естественности. Позвольте себе роскошь быть самими собой!

Большие стенные часы гулко отбивали такт. Они одни только нарушали сумрачную тишь, окружавшую Полину, они да тоска от встречи с дремучим упрямством и нетерпимостью в лице «праведной» родственницы: «Нечего было ехать домой для очередного знакомства с человеком совершенно чуждым!» - думала Полина.

Тоска и одиночество одолевали её. Тяжёлыми шагами ходила она от окна к двери и обратно, бесщётное количество раз измеряя длину комнаты. А тоска всё росла...

Плотные серые облака спешили невесть куда. Полина любила смотреть на небо в любую погоду. Даже низкое серое небо притягивало её взгляд, потому что она представляла себе, как там, над облаками, открывается неоглядная синева. Для одних там пусто, для других полёт души. Для кого-то в небе только вороны, для других ангелы белокрылые.

- Ишь, какая! Матери родной перечит! Ну и ну, тётушка, совсем ты в грехах погрязла, то-то я молюсь о тебе, о сестре своей неразумной, а Бог-то меня укоряет, подсказывает, что надобно на путь вас наставить. Заблудились вы, в грехе погрязли... - ядовито пробубнила правоверная Лидочка, и выглядела она тощей, сгорбленной старухой.

Полина с молчаливым гневом взглянула на неопрятную, темную от копоти тупости гостью, резко отвернулась и убежала в свою комнату, хлопнув дверью. Громкий и нудный голос сестрицы вещал безапелляционные наставления, а мать робко пыталась оправдываться.

«Нет, мама в своём репертуаре, - с горечью говорила Полина, - вместо того, чтобы поставить это чудо на место и напомнить, что в гости со своим уставом не ходят, она извиняется и оправдывается! Зачем она меня-то вызвала! Это невыносимо!»

Полина открыла окно, дверь комнаты распахнулась от ветра. В комнату вошла мать. Полина проговорила как можно тише:

- Мама, что это? Меня-то ты зачем позвала?

- Дочка, не сердись. Я сама её испугалась. Я слышала, что она очень набожная, но не представляла, что она такая странная. Когда она вошла, я испугалась и решила тебя позвать...

- Зачем? Чтобы я эту вонь нюхала? Пусть она хоть поможет что ли...

- Мне-то нет необходимости мыться, я перед Богом чиста! - немытая фигура Лиды возникла в проёме двери так неожиданно, что мать и дочь испуганно замерли.

- Дочка дело говорит, - промолвила после паузы мать слезливо.

А Лидия продолжала:

- Я с мужчинами отродясь не жила, я невеста Божья, на мне благодать его! это вы в грехах погрязли. Нечистая ваша чистота. У вас в доме нет ни одной иконки, даже помолиться негде. Я пешком на богомолье ходила в Сергиев Посад. Молюсь постоянно за вас за всех, и так мне радостно стало там, что решила я Божией благодатью с вами поделиться, пришла с молитвой, а вы, как бесы меня встретили, но я всё одно буду молиться за вас, и здесь всю ночь, и после буду отмаливать грехи ваши и на этом и на том свете. Я уже боле десяти лет пешком хожу по святым местам на богомолье! На нас, верующих, мир божий держится.

- Лидочка, спасибо тебе! Ты поела? Может быть, я тебе всё же ванну приготовлю, усталость снять. У нас ведь в доме тоже мужчин не бывает, - робко сказала мать.

- Нет, тётя, и не предлагай даже, я молитвы почитаю, да и уйду от вас пораньше утром! - укоризненно бросила Лидия.

Всё казалось Полине неприятным, и разговор был противный.

Она метнулась в прихожую, наспех оделась, нервно прошла помадой по губам, и выскочила на лестничную площадку. Лифт был занят, и она, махнув раздражённо рукой, понеслась вниз по ступенькам. Выскочив из подъезда, она зажмурилась, на глазах выступили слёзы от холодного ветра, слизнув их языком, Полина поспешила на остановку, чтобы избавиться от этого кошмара в лице своей богомольной двоюродной сестры.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Екатерина Андреевна дни свои проводила в кабинете мужа, стены которого закрывали солидные книжные полки, сделанные на заказ, на которых книги стояли в один ряд. За несколько десятилетий ни одна полка не прогнулась под объёмными фолиантами. После завтрака Екатерина Андреевна спешила к огромной библиотеке, снимала с полки книгу за книгой, читала названия, кем и когда издана, как издана. Екатерина Андреевна внимательно пролистывает книги в поисках пометок мужа на полях, чтобы прикоснуться к многочисленным его трудам, в которых он обрёл жизнь вечную и которые хранят его тепло, она нежно гладила корешки книг с его именем. Две полки с его монографиями располагались справа от массивного письменного стола. Она здоровалась с ним, понимая, что муж живет в своих книгах.

Окидывая взглядом стройные ряды книг, Екатерина Андреевна с улыбкой вспоминала своё детство и историю о том, как она, лет в девять, обнаружила, что одна из полок в домашнем книжном шкафу упала и лежит на следующей полке, которая согнулась от тяжести и тоже вот-вот рухнет. Торопливо выложив книги с обеих полок на пол, чтобы предотвратить падение перегруженной следующей полки, Катя увидела, что пластмассовые держатели, не выдержав тяжести книг, расположенных в два ряда, сломались. Желая сделать приятное отцу и удивить его своими умением и вниманием, она приняла решение самостоятельно отремонтировать полки, но прежде нужно было придумать, чем заменить пластмассовые держатели. Да, так был устроен книжный шкаф, в который старались втис-

нуть как можно больше книг, поэтому они и стояли в два ряда на очень широких полках, что было очень неудобно, поскольку скрытые первым рядом те, что стояли во втором ряду, забытые на долгие годы, мечтали о том, что, однажды, о них вспомнят, переставят в первый ряд, вновь вернув им читательский интерес, как известно, надежда умирает последней. Катя с интересом открывала каждую книгу из второго ряда, она туда прежде и не заглядывала, а там, оказывается, спрятано так много интересного.

- Ничего, вы теперь у меня будете стоять в первой ряду, и я буду вас читать, - с нежностью говорила она новым знакомым, рассматривая их.

Теперь ей предстояло найти замену сломанным пластмассовым держателям, но она никак не могла придумать, чем их заменить, и тут взгляд её упал на толстый красный карандаш, лежащий на письменном столе. Катя достала из стенного шкафа ящик с инструментами отца, достала отвертку и после нескольких попыток ей удалось освободить отверстия для новых держателей, но стержень красного карандаша оказался шире отверстия, она пыталась его сделать тоньше, но он сломался. Из последних сил пытаясь справиться с подступающим отчаянием, она подумала, что нужно взять твёрдый карандаш, потому что у него и стержень уже, и держать он должен лучше, раз - твёрдый. В результате долгих и упорных стараний ей удалось вставить часть стержня, который она ещё для надёжности укрепила пластилином. После этого довольная собой Катя, чувствуя себя победительницей, вставила полку на место и стала размещать на ней книги, но буквально через минуту работы полка упала вновь, да ещё и больно ушибла ей пальцы. Измученная и разочарованная Катя, рыдая, сидела на полу и смотрела на разлетевшиеся кусочки карандаша, а полка лежала на книгах нижней полки. Весь вечер родители утешали её и хвалили за благие намерения, советуя до-

бавить к ним ещё и знания по нелюбимой ею физике. Но тогда ей было так горько, что она несколько дней не могла избавиться от обиды на карандаши, полку и книги, но вскоре это событие и она и родители вспоминали как очень весёлую историю.

С тех пор Екатерина Андреевна навсегда усвоила, что каждый должен заниматься тем, что умет делать. Она же посвятила себя книгам, окончила институт культуры, работала в научной библиотеке с таким увлечением и самоотдачей, что уже в тридцать лет стала заведовать библиотекой и за преданность любимому делу получила звание Заслуженного работника культуры Российской Федерации.

Екатерина Андреевна привычным жестом провела по корешкам книг, на них не было ни пылинки, она тщательно следила за этим всегда, и за тем, при этом очень трепетно, чтобы всё оставалось на привычных для супруга местах.

Бросив взгляд на средний ряд стеллажа, она заметила ляссе (узкая лента в книге для закладок страниц), выскочившее из тома Кьеркегора, тут же положила пальчик с серым маникюром на торец книги, склонила её в свою сторону и извлекла с полки, и тут же поднесла книгу к носу. Она всегда так делала, потому что обожала запахи книг. От Кьеркегора пахло рождественской ёлкой. Екатерина Андреевна даже не поняла, откуда взялся этот приятный запах, вызвавший тут же массу ассоциаций, которые первым делом перенесли её в детство, от которого она в течение всей жизни не могла убежать. Да и каждый человек, даже самый серьёзный, хотя скрывает тщательно свою детскость, время от времени совершенно бессознательно впадает в него. Ибо се - человек!

Кьеркегор как бы сам собой открылся в её руках и на пол выпала, планируя к ногам, двойная открытка, из которой высунулся хвостик засушенной, пожелтевшей еловой веточки.

Когда же это было? Сама Екатерина Андреевна об этом не помнила.

Наверно, муж положил, когда работал с этой книгой. Да. Тогда он написал чудесную статью о «Дневнике оболъстителя». И тут Екатерина Андреевна вспомнила тот чудесный миг, когда накануне Нового года будущий муж пришёл к ней взволнованный с ёлкой под мышкой весь в снегу. Снежинки поблескивали на его ондатровой шапке-пирожке и на плечах. Он торопливо повесил пальто, поставил ёлку в прихожей и восторженно произнёс: «Катюша, смотри, что я достал!», - вынимая из портфеля книгу, аккуратно завернутую в газету. Катя с трепетом развернула её и прочитала: «Кьеркегор!» Екатерина Андреевна сладко потянулась, воспоминания этого волшебного вечера нежности и страсти нахлынули на неё. Они вместе листали книгу, зачитывая друг другу, фразы, разделяя полное слияние с автором. Он сидел в глубоком кресле, а она на широкой ручке, опираясь на левое плечо любимого, в какой-то момент книга плавно соскользнула на толстый ковёр, и Катя оказалась в объятьях возлюбленного, его поцелуи, казалось, проникают в каждую клеточку её тела. Восторг и страстное желание слиться с ним охватили её.

Она улыбнулась, и открыла то место в книге, из которого выпала открытка. Глаза её выхватили: «Напрасно также с моей стороны оправдывать себя и тем обстоятельством, что книга лежала как раз этой стороной переплета кверху. Ведь если бы меня не соблазнило оригинальное и заманчивое заглавие тетради, я, быть может, и устоял, или, по крайней мере, постарался устоять против искушения ознакомиться с ее содержанием...». На полях рядом с этим местом рукой мужа простым карандашом было написано: «Главное, имя! При слове "Кьеркегор" я, как собачка, встаю на задние лапки!» Она так ясно представила тот момент, когда уколола мизинчик и на нём выступила капель-

ка крови, он слизнул её, она прижалась к нему так пылко, губы их встретились, что по телу пробежала дрожь.

В тот вечер он обольстил её.

Юная Катя не сразу почувствовала потребность в постоянном общении с ним, она первое время стеснялась, а потом даже испытывала чувство некоторого страха при его появлении. Его образованность, красота речи, проникновение в самую суть предмета, восхищали, подавляли и даже несколько пугали её, и она довольно часто пыталась спрятаться, исчезнуть, но его настойчивость, внимание и нежность постепенно вызвали у неё ответные чувства. Медленно и неотвратно его манеры, голос, интонации столь глубоко овладели ею, что она уже не представляла жизни без его улыбки, голоса, взгляда. Она полюбила его так пылко и так нежно, как могла полюбить романтическая натура, жаждущая любви.

На протяжении совместной жизни Екатерина Андреевна не переставала восхищаться мужем, его образованностью, философским отношением к жизни. Она могла слушать его бесконечно, не переставая поражаться его мудрости и терпению. Он открыл для неё мир Шопенгауэра. Она прониклась размышлениями философа о счастье. И они с мужем увлечённо беседовали о том, что счастье каждого человека зависит от его внутреннего мира, а поскольку большинство людей все свои силы направляют на борьбу с нуждой, считая её причиной всех своих бед, то они настолько привыкают жаловаться на свои несчастья, что просто не умеют быть счастливыми. Вместо того, чтобы развивать себя, искать причины в себе, они стремятся к сиюминутным развлечениям, растрачивая время на общение с себе подобными жалобщиками на свои несчастья. Вместо размышлений о смысле жизни они тратят время на бесконечные пустые разговоры о том, как мало счастья им дала судьба. Погоня за развлечениями, чувственными наслаждениями

приводит их к разочарованиям и пресыщениям, и они вновь начинают сетовать на несчастную судьбу свою, не замечая, что источники их несчастий есть нечто иное, как пагубные пристрастия к излишествам, расточительности того, что так щедро дарила им судьба. Бедность внутреннего содержания своего им не дано понять, они пытаются заменить его иллюзиями жизни извне, не задумываясь об их сиюминутности.

Как много и содержательно они беседовали о необходимости объяснять человеку уже с первых шагов в жизни понимание того, что для него действительно важно, а после на протяжении всего отпущенного срока следовать в правильном направлении. Она вновь и вновь вспоминала их разговоры о том, что по-настоящему счастливые люди - это те, кто проснулся от иллюзий существования. Те, кто открыли глаза и увидели, что жизнь прекрасна по своей природе. Они осознали себя в этом мире и научились слышать и видеть подсказки высших сил. Поэтому, даже попадая в ту или иную сложную ситуацию, они не жалуются на жизнь, они лишь прислушиваются и приглядываются к тому, что происходит. Увидев те или иные добрые знаки, они следуют за ними и находят выход из любой ситуации, которая, на первый взгляд, казалась безвыходной. Поэтому люди, которые проснулись от глубокого сна, перестали убегать от жизни в ту или иную иллюзию, которая поработывает ум и сознание человека. Они живут каждым мгновением, осознавая счастье в каждом своем слове, действии и поступке.

Екатерина Андреевна провела рукой по корешку хорошо знакомой книги Шопенгауэра, но руку её неведомая сила перенесла на книгу «Иконостас. Избранные труды по искусству» Павла Флоренского, издание 1993 года. Эту книгу она подарила мужу в очередную годовщину свадьбы. Она окинула комнату взглядом, чувствуя, что муж ря-

дом, книга выскользнула из рук, но Екатерина Андреевна успела её поймать на лету.

- Я чувствую, что ты рядом, дорогой, - произнесла она, - видишь, я справляюсь, я чувствую твою поддержку во всём, каждую минуту.

Она села в кресло, открыла книгу и негромко прочитала: «Одно близкое мне лицо, тоскуя по умершим близким, видел раз во сне себя гуляющим на кладбище. Другой мир казался ему темным и мрачным...»

На полях рукой мужа мелким почерком было написано: «Обратная перспектива! Я это использовал...»

На столе стояла фотография, на которой она сидела на даче в кресле-качалке, а муж одной рукой обнимал её, а другой придерживал кресло за спинку. Екатерина Андреевна взяла фотографию, вгляделась в их счастливые лица и сказала:

- Я помню наши разговоры о жизни после ухода в иной мир. В таких случаях ты всегда вспоминал Флоренского, бесчисленное количество раз цитируя слова из «Иконостаса» о наивных представлениях малообразованных людей о том, что там всё существует наоборот, и размышления автора о мнимом и подлинном мирах, которые есть суть души человека, «ибо едино благо-сотворенное Божие творение». Твои мысли об обратной перспективе Флоренского, и то, как ты так глубоко погружался в суть его размышлений, я порой воспринимала тебя, как часть автора, которая проникла в суть духовного средоточия мира. Без тебя я не сумела бы в полной мере оценить оригинальность языка и поразительную палитру метафоричности.

Бесценный друг мой, ты подарил мне интереснейшую жизнь, наполненную смыслом! Благодаря тебе я поняла, что нет ничего важнее, чем сделать однажды правильный выбор и следовать ему. Не затрачиваться на споры и пустые разговоры, а проживать свою, а не фальшивую жизнь, на-

вязанную большинством, чтобы жить наполнено, без сожаления и разрываемых противоречий. Только так и можно увидеть всё ценное, уверовать в то, что жизнь вечная существует в письменном слове. Ты убедил меня в том, что те люди, о которых нет ни слова в интернете, не существовали. И я, включая каждый новый день компьютер, повторяю твои слова.

Какое-то время после смерти мужа Екатерина Андреевна не находила себе места. Брала в руки книгу, садилась читать, но ловила себя на том, что не видит слов. У нее появилось много времени для думания. Ничего делать ей не хотелось, хотя сил пока еще хватало, а руки без дела чувствовали себя не на месте, у неё постепенно развивалась привычка подолгу сидеть, блуждая от одной мысли к другой.

Тогда-то она стала всё свободное время проводить в его библиотеке, разыскивая его заметки на полях. Они стали её спасательным кругом. Вернули к жизни. Она не решалась даже самым близким друзьям, которые пытались поддержать её, признаться в том, что с каждым днём ещё больше влюбляется в своего мужа, всё глубже осознаёт с каким необыкновенным, гениальным человеком свела её судьба.

Умение разделить радость любимого человека, было свойственно им обоим, а желание быть вместе, вести бесконечные разговоры о прекрасном, успех любимого человека так же, как готовность быть рядом во времена испытаний, сохраняли их любовь.

Муж был для Екатерины Андреевны непререкаемым авторитетом не потому, что пытался подавлять её, напротив, его готовность уступать, извиниться даже в тех случаях, когда она была права, изменили её настолько, что окружающие поражались тому, насколько изменило её замужество. Она перестала спорить, возражать, потому что поняла бессмысленность споров, стала более сдержанной и выдержанной.

Счастье сделало её щедрой, она с лёгкостью прощала окружающих, шла на уступки в бытовых вопросах в коллективе, из-за которых порой возникают местные бои, в которых она не участвовала, уступала гордо и легко, чем обезоруживала оппонентов и приобретала всё больший настоящий авторитет среди коллег.

На собственном опыте Екатерина Андреевна убедилась в том, что доброта, сердечность, нежность и внимательность невероятно усиливают привязанность друг к другу, и с годами она только крепнет, что доброе отношение дает возможность почувствовать себя любимой, укрепляла уверенность в том, что тебя понимают, ценят, о тебе заботятся.

Она могла рассказывать о муже бесконечно во время редких чаепитий, когда её посещали друзья мужа или его ученики.

Однажды в квартире раздался телефонный звонок одного из аспирантов мужа, который попросил разрешения посетить её, чтобы вернуть книгу Соловьева «Чтения о богочеловечестве», Екатерина Андреевна с благодарностью согласилась его принять.

Вечером за чашкой чая они говорили о подлинном содержании безусловного Божественного, о понимании мужем репродуктивного начала в бессмертии человека, созданного по одному и тому же образцу, но каждый раз с новым диском, чистым, как сошедший с конвейера компьютер, загружающийся в единстве места, времени и действия для индивидуального развития и становления личности, проявляющейся только в Слове, то есть в Божественном начале. Несомненно, Екатерине Андреевне были интересны размышления о важности того, что если то, что для нас непосредственно существует, природное бытие или мир явлений, не есть истина, то это бытие, эта действительность может признаваться неистинной только пото-

му, что есть другая действительность, которой принадлежит характер истины и существенности.

Она вслед за мужем понимала, что люди видят только поверхность жизни, а само существо покрыто тайной, ибо сам Бог закрыт для понимания, а если его открыть, то люди могут быть повержены в ужас от его плюса и минуса, поэтому имя его запрещено было ещё на заре иерусалимских блужданий, превратившихся в иносказательные притчи.

Екатерина Андреевна зачитала подчеркнутые мужем слова в четвёртом чтении Соловьёва: «Идеальный космос составляет основную истину греческой философии в ее центральной системе - системе платонизма. Чтобы уяснить истину этой системы, мы должны пройти (хотя и с величайшей поспешностью) весь мысленный путь, отделяющий её от современного научного мировоззрения. Хотя, по-видимому, между ними лежит непроходимая бездна, но, как я сейчас постараюсь доказать, непрерывная нить логического мышления должна привести всякий последовательный ум от чувственного опыта явлений к умозрительной вере в идеи». На полях мелким почерком мужа было написано: «Божество как всецелая идея, или идеальное всё!»

Она едва сдержалась, чтобы скрыть своё волнение. Она вспомнила его интонацию, услышала голос. Мысль о том, что она не вспомнила об этой книге сама, взволновала и расстроила её. Ведь «Чтения о Богочеловечестве» лежали у него на столе, потому что он постоянно возвращался к ним. Как она могла забыть об этой книге!

Она внимательно слушала рассказы аспиранта о беседах с её супругом о чтениях Соловьёва.

Мысли о том, сколько умных рассказов мужа она могла бы записать и сохранить не давали ей покоя. «Надо было не только слушать, но и дневник вести, - повторяла она, - а я жила себе в настоящем, не задумываясь о сохранении

его мыслей, которые он рассыпал передо мной, как отборный жемчуг, уверенная в том, что так будет всегда! А ведь мы так много говорили о смерти, о бессмертии, о непреходящей ценности письменного слова», - подобные мысли не оставляли Екатерину Андреевну.

Наблюдая за читателями в библиотеке в течение жизни, Екатерина Андреевна постепенно пришла к выводу, что любопытство познания и оценка всевластной красоты, истинной спасительницы мира, являются признаками высокого уровня интеллекта. Открытость имеет ряд аспектов, среди которых склонность к фантазированию, осознанию своих чувств, желанию новизны приводят к увлечению творчеством, желанию самовыражения.

В кругу умных, интересных и творческих людей Екатерине Андреевне нередко доводилось присутствовать при грустном явлении, а именно при том, как исчезают блистательные размышления, высказывания, экспромты, воспоминания, потому что их никто не записал.

Буквально на её глазах один блистательный журналист рассказывал, что в отрочестве ему приснился сон, заключающий судьбоносное пророчество, но он не придал ему значения, а потом не раз сожалел об этом, а то, что он теперь вспоминает, является лишь воспоминанием о воспоминании. «Когда это было? - спросили его. - Ну, приблизительно?» - «Давно. Должно быть, между десятью и пятнадцатью годами», - ответил он.

Екатерина Андреевна шла по Солянке к метро «Китай-Город», из арки доходного дома справа вышел её муж, остановился, достал портсигар, вынул сигарету, закурил. Она рванулась навстречу, но ноги её как будто налились свинцом, она не могла ими пошевелить, только протянула руки к нему, как вдруг он увидел её, молча подошёл, произнёс одно слово: «Рано», и исчез, а она так и стояла с протянутыми руками...

Странная встреча эта невероятно взволновала её, снова и снова возвращаясь к пережитому, она поняла, что нужно жить дальше, что муж оберегает её. «Это знак, что я должна в жизни сделать что-то важное! Это - знак!»

Мысль об этом не давала ей покоя ни днём, ни ночью.

Екатерина Андреевна смирилась с тем, что уже никогда не сможет рассказать мужу о своих тревогах, что он уже не обнимет её, не погладит нежно своей большой сухой ладонью по голове, не произнесёт волшебные слова «бедная девочка», которые мгновенно успокаивали её и рассеивали печали. Она смирилась с этим и со многим, многим иным, - потому что, в сущности, жить - это и значит мириться с утратами одной радости за другой, а в её случае и не радостей даже, а лучшей её половины.

Чтобы избавиться от нескончаемых волн боли, которые периодически накатывали на неё, она приняла решение написать воспоминания о необыкновенном человеке и учёном, которым был её любимый супруг.

Однажды ночью она поняла смысл слова «Рано». Ведь значительная часть его жизни прошла за письменным столом, значит, что она должна последовать его примеру.

Каждое утро она садилась за письменный стол в его кабинете и писала, а потом вновь снимала с полок очередную книгу и читала его заметки на полях.

В ТРЕНДЕ

В старой большой квартире в Подколокольном переулке было довольно-таки шумно, почти каждый из этой компании пришёл на день рождения к Вере с кофе в бумажном стаканчике с соломинкой, и несли кофе в руках по улицам, чтобы быть в тренде, чтобы на них обратили внимание как на знаменитостей, они и в метро забегают с этим кофе, спускаются по эскалатору, держа стаканчики перед собой, как букет дорогих голландских роз, они чинно шествуют по мраморному полу станции, козыряя своими белыми кроссовками, и кофе в одной руке, а в другой мобильником.

Ребята то и дело с воспалёнными глазами, как будто сообщали истину в последней инстанции, перебивали друг друга, слышались громкие отдельные фразы:

- Весь этот хайп вокруг сложности ЕГЭ сошёл на нет буквально на глазах... - с видом мэтра, а не одиннадцатиклассника, констатировал вихрастый Борька, при этом тут же поспешно извлёк из кармана джинсов новенький мобильник, включил, прокрутил ленту фейсбука, посмотрев картинки, затем переключился на телефон, позвонил.

Тут же запел арией Кармен мобильник Вадима.

Да и по всей квартире, в которой насчитывалось много комнат, потренькивали и позвякивали вездесущие мобильные устройства.

Вадим с усмешкой и хитростью в тёмных глазах, чуть прищуренных, решил подтроллить над Борькой, и для всех, и в телефон звучным тенорком откликнулся:

- У Борьки в инстаграме на 200 подписчиков 100 хейтеров!

Борька ничуть не смутился, мгновенно ответил и туда и сюда, переводя стрелки на другое:

- Кончайте болтать о школе, давайте-ка, ребята, лучше починим!..

Вадим время от времени то доставал свой мобильник, как бы хвастаясь последней моделью, то с чувством исполненного долга убирал его в тесный карман.

И это понятно, поскольку отец Вадима владел палаткой на оптовом рынке электроники, и все эти айфоны, смартфоны и прочие гаджеты проходили несметными партиями через его руки.

В общем, в квартире царила расслабленная атмосфера, и когда Борька подмигнул Вере и показал большой палец, то она поняла, что её день рождения удался. В это время у неё затренькал в руке мобильник эсэмэской, мгновенно прочитав сообщение, Вера тонкими пальчиками с зелёным маникюром набила обратное сообщение.

У окна в черном кожаном кресле сидела Таня.

И нельзя сказать, чтобы Вера завидовала ей, просто ей нравилось, как та себя держала, как бы равнодушным, даже небрежным голосом, чтобы непременно слышали все, приветствовала всех и каждого, потому что кто-то приходил, кто-то уходил, как это часто бывает в непоседливых молодёжных компаниях, правда, в её позе было что-то показное - эта её нога, с лёгкостью заброшенная на другую ногу, обзриваемая почти полностью до самых коротких шортиков, чтобы подчеркнуть новейшие белые кроссовки, впрочем, не совсем то, Таня сосредоточенно курила уже около получаса, как бы давая понять, что она самая продвинутая и независимая в классе. И естественно, в одной руке у неё дымила тонкая длинная сигарета с ментоловым ароматом, а в другой поблескивал айфон, он же мобильник, он же гаджет, он же переносное устройство, Но Вера во всем этом угадывала в ней довольно сильное волнение, потому что когда

прошёл сосредоточенный на каких-то своих мыслях Серёжа, придавливая к переносице указательным пальцем очки в тонкой золотистой оправе, Таня как-то застыла, и даже забыла выпустить струйки дыма через нос, когда не по годам серьёзный Серёжа исчез в другой комнате.

Серёжа оказался в полутёмном кабинете, где тяжёлые шторы были едва раздвинуты, отчего по паркетному полу бежала красноватая полоса заходящего солнца, стало быть, окна здесь были обращены на запад, и Серёжа, взглянув в эту щель, увидел золотящиеся, серебрящиеся, пылающие огненным светом небоскрёбы Москвы-сити. Всё в кабинете было массивно и основательно: и огромный круглый стол с витыми ножками, и высокие застеклённые дубовые книжные шкафы с резьбой по косякам и карнизам, и огромный письменный стол с зелёным сукном и стоящим на нём, как в минувшие века у писателей и учёных, тяжёлым бронзовато-зелёным письменным прибором, с большим монитором компьютера, а сам современный системный блок Серёжа увидел под столом, нагнувшись. Приоткрыв одну створку шкафа, он пробежал глазами по разноцветным корешкам книг, которые говорили о медицинской науке, и всюду стояли плотными рядами книги из той же сферы, лишь в крайнем шкафу у входа Серёжа обнаружил несколько милых его сердцу книг, в частности, «Зелёного Генриха» Готфрида Келлера.

Таня вдруг сильно закашлялась.

Вера поспешно подошла к ней и решительно взяла за локоть.

- Да будь ты попроще, Танька! - сказала она.

- Ты чего? - удивилась Таня.

- Неужели я не вижу, что тебе очень нравится Серёжка!

- С чего это ты взяла?..

В это время Серёжа вернулся в комнату и громко сказал:

- Нет, ребята, я в медицинский не пойду!

Все посмотрели на Серёжу с удивлением. Его очки поблескивали. Он был в чёрных со шнурками ботинках.

Борька с дивана крикнул:

- Носить чёрные ботинки со шнурками - жуткий зашвар! - И тут же вытянул напоказ длинные ноги в белых кроссовках.

Серёжа мгновенно отреагировал:

- Позорно ничего не знача, быть притчей на устах у всех!

Дело в том, что весь класс собирался поступать в медицинский, потому что всех сагитировала Вера.

- Нет, Серёжа, что ты! - возразил с достоинством выдавшего вида врача Вадим. - В белом халате, вхожу в палату, представляешь...

Все дружно, не сговариваясь, рассмеялись, тут же представив себе Вадима в белом врачебном халате среди больных, хотя никто из класса активно не возражал против медицинского.

В это время Вадим в который раз за вечер принялся кому-то названивать со своего мобильного.

На пороге почти бесшумно показалась Анфиса Кирилловна, бабушка, невысокая, полная, оставленная родителями, уехавшими специально на дачу, чтобы не мешать Верочке отпраздновать свой день рождения с классом, и чтобы было кому присмотреть за молодыми и подавать кушанья. Вот она и стояла с блюдом домашних, из трёх сортов мяса горячих котлет в дверях, прислушиваясь к разговору школьников.

- Надо быть в тренде! - твёрдо сказала Вера, родители которой были светилами в медицинской науке.

- И в белых кроссовках! - усмехнулся кто-то из ребят.

Все вдруг посмотрели на ноги друг друга, и на всех, кроме Серёжи, были новомодные белые кроссовки.

Анфиса Кирилловна с плавностью лебёдушки подплыла к столу, бесшумно опустив на него блюдо, и с задумчивостью на лице сказала:

- Ох, уж этот ваш тренд! Он так же переменчив и непредсказуем, как и представления о нём, особенно своеобразно его интерпретируют в молодости. Я не могу без улыбки вспоминать свои попытки следовать этому тренду, который в наше время называли просто «модой», капризной даме, лет в 15-16. Это выглядело просто смешно, и мои родители, твои, Верочка, прадедушка и прабабушка, пытались мне это объяснить, но тщетно. Моё отражение в зеркале вызывало у меня восторг. К счастью, это длилось не больше двух лет. Поэтому сегодня я с пониманием наблюдаю за юными модницами, которые стремятся быть как все, что обезличивает их: встретила стайку молодых девочек, щебечущих как воробьи. Все в рваных джинсах, в коротких курточках, таких, чтобы непременно была видна полоска кожи, покрытой от холода мурашками, в белых кроссовках на босу ногу. Дрожат от холода, но зато в тренде...

- Ну, началась воспитательная работа! - шепнул кто-то кому-то на ухо.

Но Серёжа даже заслушался, сказав:

- У меня тоже, Анфиса Кирилловна, подобные мысли крутятся в голове... Но вам, видимо, не понравится, когда я скажу несколько слов против медицины.

Все одновременно насторожились.

- Что ты можешь сказать? - против воли вырвалось у Веры.

- Ну, интересно узнать, что же?! - переспросил Вадим.

Серёжа выдержал значительную паузу в наступившей тишине, сделал три шага вперёд, повернулся к Вере, и сказал:

- Да хотя бы то, что вы слабо себе представляете работу врача. Вы в морге были?

Холодок пробежал по всем спинам. Об этом никто не думал.

Лишь Борька с хладнокровной усмешкой произнёс:

- Человек есть устройство, как машина, требующая ремонта в автосервисе. Больница - это человекосервис, где работают слесари по ремонту организмов.

Борька знал, что говорил, поскольку его отец владел автосервисом, да и сам Борька неплохо разбирался в машинах, сам научился ездить в одиннадцать лет, правда, под присмотром отца. Маленький Борька уверенно садился за руль «пятерки», засовывал в замок зажигания ключ, позвонив до этого напоказ связкой, как залихватский шофер, давал газку, при этом отец с пассажирского сиденья расплывался в одобрительной улыбке, ещё сильнее придавливал ногой педаль акселератора, машина упрямо стояла на месте, вызывая гнев Борьки и восклицания:

- Ну, пап, чего она не едет?!

Отец брался рукой за баранку, дабы успокоить Борьку, угасить пыл его непонимания, и говорил спокойно.

- Выключи зажигание...

Борька поворачивал ключ, мотор глох.

- Зачем?

- Затем, - говорил отец. - Теперь всё сначала. Только после того, как мотор заработает, выжми сцепление и включи передачу!

Борька шлёпал себя ладошкой по лбу.

- Забыл дать рычаг передачи влево и вперёд, на первую скорость...

Тут он проделывал это и плавно отпускал сцепление, машина трогалась, а Борька опять выжимал сцепление, при этом отец не убирал руку с колеса руля, дабы сын в тот момент, когда поглядывал на свои ноги, правильно ли он выбирает педали, на которые жать, не въехал в бетонный забор...

Вера бесшумно в своих белых кроссовках пересекла комнату по диагонали.

- Бабушка! - возмутилась она.

- Что «бабушка», - промолвила Анфиса Кирилловна. - Выбор профессии - дело очень серьёзное.

Возникла пауза.

Воспользовавшись этим, Анфиса Кирилловна почти незаметно вышла на кухню за другими домашними кушаньями и, пока там неспешно возилась, думала о том, что по мере взросления любовь к игрушкам не покидает, просто они становятся гораздо разнообразнее и разорительнее, и время на них мы не жалеем. У кого-то любовь к маленьким ярким машинкам переходит к современным машинам и, повзрослев, постоянно меняет уже современные машины, игра становится страстью, игра в куклы плавно переходит в игру со своей внешностью, кто-то делает одно тату за другим, кто-то меняет цвет волос, используя самые невероятные цвета, кто-то вставляет серьги не только в уши, не ограничиваясь носом и губами, но всё же нет сегодня игрушки более популярной, чем мобильник, без которого мы уже жить не можем, потому что он обеспечивает нам и публичное одиночество, и множество игр и разнообразную связь, то есть предоставляет неограниченные возможности для того, чтобы избежать творчества и чувств.

Вернулась Анфиса Кирилловна с отварной картошкой и пучками укропа, петрушки, зеленого лука...

- Ребята, налетай! - восторженно крикнула Вера.

И нет никакой, к месту ли, не к месту, необходимости всё подробно рассказывать о Вере, хотя по первым же её произвольным репликам, довольно свободной манере держаться, можно догадаться, что она хорошо воспитана, а если ещё внимательнее приглядеться, то можно усилить до понятия перевоспитана. Так бывает, когда с младенческого возраста прививают серьёзное отношение ко всему, и особенно в таком малораспространённом деле, каковым является формирование личности приёмного ребёнка. Но в этой семье случилось именно так. Девочку взяли из детдома в год и два месяца, зарегистрировали как положено и условились никогда не отрывать рот на эту тему. Поначалу сын Анфисы Кирилловны вообще собирался обходить-

ся без детей, он и так страстно любил свою жену, которая после сложнейшей операции не могла иметь детей, но Анфиса Кирилловна посоветовала взять девочку, именно девочку, ей виднее было, из детдома. А если ребенку никогда не говорить кто он и откуда, и во взрослом состоянии никогда об этом не сообщать, то так и будет сам ребенок считать своими настоящими родителями – приемных, потому что не просто привыкает к знакомым, любимым лицам, а чувствует себя плотью от их плоти. Вот знают об этом, а не говорят. Если человеку не сообщают тайну, то он об этой тайне никогда не догадается. И ещё сильнее, как говорят следователи, человек сам себя сажает, то есть путём всяческих следственных уловок рассказывает о себе то, о чём не следует говорить. Научиться хранить тайну при себе, не проговариваться, есть высшая воспитательная работа. Сама же Вера знала о себе ровно столько, сколько знают обычные дети с настоящими родителями.

- Что главное для современной молодёжи сегодня? - быть в тренде, - невозмутимо нарушил эту паузу Вадим.

- Но если тренд у всего класса - идти во врачи, то, значит, мы и пойдём во врачи! - с громкой уверенностью сказала воспитанная в семье врачей и новорожденная Вера.

На что Серёжа достаточно сдержанно ответил:

- Булгаков побывал во врачах, но ушёл в писатели...

При этом высказывании Анфиса Кирилловна даже всплеснула руками.

- Ах, какой же ты молодец, - сказала она. - Правильно, не надо путать профессию с призванием. Я помню, когда впервые с упоением читала Булгакова... Переворот на ножку при приёме роженицы в «Записках юного врача»...

- Да, это когда он принимал роды и не знал, как справиться с неправильным положение плода... - начал Серёжа.

Но его мгновенно перебили:

- Знаем мы это. Он побежал к себе домой, чтобы прочитывать медицинский справочник...

Кто читал Булгакова, тот вспомнил, а кто не читал, промолчал.

Тут вступила приятным своим голосом невозмутимая Анфиса Кирилловна:

- Как-то раз я решила прогуляться, потому что времени свободного было полно, дома меня никто не ждал, и я решила пойти в парк. День бал не редкость прозрачен и свеж, листики уже проклюнулись на деревьях, и зеленая трава взошла с желтыми одуванчиками, поднимая мне настроение!

- Как же я люблю одуванчики! - донёлся чей-то голос из угла.

- И я люблю! - поддержала другая девочка.

Анфиса Кирилловна вздохнула, и за время этого вздоха, очень короткое, промелькнула мысль о том, что вся жизнь состоит из фрагментов, теряющихся в памяти, причём, они всплывают в памяти вне всякой зависимости от моего желания, но вот в книге любимый фрагмент всегда можно перечитать и вдохновиться, так после прогулки по переулкам между улицами Остоженка и Пречистенка, я открыла «Мастера и Маргариту» и прочитала фрагмент: «Она несла в руках отвратительные, тревожные жёлтые цветы. Чёрт их знает, как их зовут (Я-то знаю, Маргарита несла одуванчики, - мелькнуло у Анфисы Кирилловны.), но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на чёрном её весеннем пальто. Она несла жёлтые цветы! Нехороший цвет!.. И меня поразила не столько её красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!», - который унёс меня в Москву Мастера...

Анфиса Кирилловна улыбнулась этой вспышке памяти, и продолжила:

- Идя по парку и наслаждаясь природой и пением птиц, я вдруг почувствовала, что за мной кто-то пристально наблюдает. Это чувство начало усиливаться с каждым шагом, но я гнала от себя навязчивые мысли. Я была в многолюдном месте и, в принципе, кто мог за мной наблюдать? Тут столько людей, детей. Но чувство это не покидало меня. Я обернулась, и вдалеке увидела незнакомую девушку. Она просто шла за мной следом. Да мало ли кто может идти, гуляя по парку? Может с работы идет или на свидание, да мало ли куда? Тут все люди либо гуляют, либо куда-то идут.

Ребята, неподдельно затаив дыхание, слушали бабушку Веры.

- Я ускорила шаг, пытаюсь оторваться от неё, - продолжал Анфиса Кирилловна. - Обернувшись минуты через три, я увидела, что девушка тоже ускорила и не отставала от меня, была примерно на том же расстоянии.

- Действительно, испугаешься! - бросил Борька.

Анфиса Кирилловна продолжила далее:

- Выйдя из парка, я прошла еще пару кварталов и почти добралась до своего дома, как незнакомка настигла меня и окликнула, я вздрогнула, но остановилась, она сбивчиво объяснила мне, что её заинтересовали мои «обалденные» туфельки, а эти туфельки привёз из Америки мой отец, прадедушка Верочки, так вот эта преследовательница уже сбилась с ног, пытаюсь найти себе такие же, но никак не может найти, поэтому пыталась меня догнать, чтобы узнать, где и когда я их купила...

- Давно это было? - спросил кто-то.

- Я студенткой была, в шестидесятые годы... - ответила Анфиса Кирилловна.

Всё время молчавшая Таня вдруг подала вопросительный голос:

- На врача?

- Конечно, - сказала Анфиса Кирилловна. - На психиатра...

Таня была очень худенькая и высокая, чуть ниже ростом, чем Сережа, но повыше всех прочих девочек в классе, но отличалась от них молчаливостью, какой-то погружённостью в себя. Она росла без отца, которого не знала и не видела, потому что мать решила рожать, когда отношения с человеком, сделавшей ей, как говорят, ребёнка, как это делает повсеместно во всех веках и народах Господь, прекратились. Мать работала продавщицей в торговом центре у Курского вокзала, была строга, даже, подчас, груба, так что Таня её побаивалась. В небольшой квартирке у них было всё что угодно из вещей и мебели, кроме книг. Книг не было вообще, если не считать школьные учебники Тани, и проспекты о пляжах Турции, куда с одержимостью отправлялась в каждый отпуск мать. Ещё мать маниакально была требовательна к питанию дочери, никаких разносолов, режим с супчиками и кашкой, отчего теперь Татьяна выглядела отменной фотомodelью. Ах, эти длинные ноги в белых кроссовках! Первой книгой не из школьной программы, которую она недавно прочитала, была книга отца Серёжи, и Таня так была удивлена, что в писателях числятся не только Пушкин и Гоголь, но и отец одноклассника, что стала бояться встретиться взглядами с Серёжей, на которого всё же время от времени поглядывала, впрочем, без всякого видимого обнаружения своих чувств.

- И всё же необходимо твёрдо разграничивать профессию и призвание, - сказала в задумчивости Анфиса Кирилловна.

- А как это делать? - спросил Борька.

- Да, как? - спросил Вадим.

- Мозгами надо шевелить! - поднося к носу свой мобильник, сказала Вера.

- Чего ими шевелить, идём во врачи, и всё! - утвердил Борька.

- Прямо сейчас? - усмехнулась Таня.

- Сейчас давайте выпьем! - неожиданно сказала Анфиса Кирилловна.

Шампанское, конечно же, в день рождения, полилось по фужерам, со звоном, разумеется, хрусталя, который всю дорогу в тренде.

- Всё определяется временем, - с большим удовольствием отпробовав шампанского, сказала Анфиса Кирилловна и, улыбнувшись, продолжила: -

Разрешите себе: ошибаться, метаться, меняться. Удивляться новому хоть в 60, хоть в 16. Разрешите себе не отвечать на провокации. Разрешите не оправдываться, не доказывать, не переубеждать. Разрешите себе отпускать. И уходить. От тех, с кем не по пути. От тех, кто тебя обнуляет. От тех, кто не любит и не любим. Разрешите себе быть разным. Не подходящим ни под какие стереотипы, типологии и виды, не оправдывающим ожиданий окружающих, если они противоречат твоим целям и не действующим в угоду кому-либо против своей воли.

- Значит, нужно себе разрешать? - вставил вопрос Борька.

- Конечно, - сказала Анфиса Кирилловна. - Разрешите себе не думать и не принимать решений за родных и близких.

- Абсолютно верно, - сказал Серёжа.

- Иначе родной задолбают! - сказал Вадим.

- Вот именно, - робко вставила Таня.

Спокойно выдержав паузу, Анфиса Кирилловна продолжила:

- Разрешите себе не обращать внимания на то, что говорит подружка. Или даже лучшая подружка. Особенно, если она говорит что-то «очень важное для тебя, дорогая». Разрешите себе заниматься собой. Хотя бы час в день. Один час, пусть даже он складывается из разорванных минут-кусочков.

Разрешите себе не говорить: «У меня нет на себя времени». Оно есть. Разрешите его взять себе.

Разрешите себе мечтать. И обязательно по-крупному. Разрешите себе быть. Разрешите себе быть достойной любых денег, любой награды, любой славы, большой любви, великолепного отдыха. Просто разрешите. Разрешите себе быть собой.

- И буду собой! - крикнул Борька.

- Я что, хуже других, что ли? Я тоже буду собой! – уверенно воскликнул Вадим.

Ребята рассмеялись, а Анфиса Кирилловна продолжила ненавязчиво вслух свои размышления:

- Часто случается не так, когда предполагаешь одно, а происходит совершенно другое, но для этого тебе и дана смекалка, чтобы приспособливаться к неожиданной ситуации и реагировать соответственно. Это приходит не сразу, а к отдельным упрямям вообще не приходит. Мыслящий человек достаточно быстро принимает тот факт, что на каждое действие имеется противодействие и идёт к своей цели, проявляя мудрость и гибкость, и получает нужный результат, а упрямы продолжают безуспешно сражаться с препятствиями, не желая принять то, что мир устроен совсем не так, как им хочется.

Потом включили музыку, начались танцы, с погашенным верхним светом и сияющими огоньками мобильных телефонов.

Уже за полночь, когда Серёжа собрался уходить, Таня подошла к нему и спросила:

- Можно я тебя провожу?

ОБНУЛЕНИЕ

После уничижительного выяснения отношений с некогда близкой подругой, Дина не заметила, как оказалась в Коломенском. День был прозрачный и тихий. Лучи солнца нежно и мягко освещали всё вокруг, создавая поэтическое настроение.

Дина, досадуя на подругу, шла по асфальтированной дорожке коломенского парка.

Обида не отпускала.

Главным был вопрос «за что?», но постепенно, вглядываясь в живописные оттенки крон деревьев, в глубине которых кокетливо покачивались, как золотые серёжки, первые пожелтевшие листочки, она залюбовалась пирамидальными тополями, макушки которых переливались серебром.

Щебет птиц, бархатный ветерок, пьянящий аромат яблок, чем не райский сад, думала Дина. Со склона, ведущего в овраг, она спустилась к ручью по невероятной многоярусной, каскадной, деревянной лестнице, круто уходящей вниз. Эта лестница удивила Дину, она прежде никогда не подозревала даже, что в Коломенском есть овраг под названием «Голосов».

Небо едва угадывалось в просветах листвы.

Перепад высоты, ручей, протекающий по его дну, обрамленный булыжником, каменные и деревянные мостики через него развеивали Дину. Господи, на что я трачу свою жизнь, мысленно восклицала она. Бесконечное решение глупых, чужих проблем...

По дну оврага она вышла на набережную Москвы-реки. Дине показалось, что крики чаек зовут её в полёт, подобно

чайке она нырнула в облака за кулисы, потом выбежала на сцену, под громкие аплодисменты уток, размахивающих крыльями, с громкими «кря».

По водной глади навстречу друг другу скользят в танце маленьких лебедей речные трамвайчики.

Эмоциональный разговор с близкой подругой накануне, который так расстроил и обидел Дину, вновь нахлынул на неё.

Голос Тамары звучал так отчётливо, как будто она была рядом. Дина даже посмотрела по сторонам, чтобы убедиться в том, что разъярённой подруги нет рядом, но отчётливо слышала гневные её слова:

- Что ты вмешиваешься в мои отношения с Вадимом? По какому праву ты ему названиваешь? Оставь нас в покое! Мы сами разберёмся в том, как нам жить, кто виноват, или ты на него глаз положила? Не мечтай, он тебя вообще женщиной не считает!

- Я хотела вас помирить, объяснить Вадиму, как ты страдаешь...

- А тебе ещё никто не объяснил, что благими делами путь в ад ведёт...

- Прости!.. - вновь воскликнула Дина.

Она даже поёжилась, пытаясь спрятаться от взгляда чересчур больших от ярости глаз Тамары, извергающих огонь.

- Нет, я хочу понять, чего это ты решила, что знаешь, как нужно общаться с мужчинами, ты хоть раз в жизни с кем-то спала или всё ещё девственность свою блюдёшь для некоего принца, который лет в 50-60 спустится к тебе с небес?..

Дина присела на скамейку, не заметив даму в широкополой соломенной шляпе, в платье с цветочным рисунком, сидящую на противоположном конце скамейки.

И всегда так. Несётся как одержимая кому-нибудь помогать, и не замечает ничего вокруг.

Ну, вот хотя бы с утра. Выскочила из метро, перебежала улицу, остановилась на мгновение, посмотрела невидящим взглядом под ноги, оказалось, что надела не те туфли, открыла потёртую черную сумку, судорожно порылась в ней, выронив скомканный платок, дёрнула молнию и, словно забыв, зачем она это делала, опять побежала в метро.

Со стороны она походила на провинциалку, заблудившуюся в столице.

Привычка спешить, чтобы успеть выполнить в течение дня бесчисленные поручения многочисленных родственников, выработанная с юных лет, была так сильна, что Дина разучилась ходить спокойно.

Мысли в голове мелькали и менялись, как орнаменты в калейдоскопе, и она никак не могла остановиться на какой-нибудь одной.

Горло сдавил спазм. Дина не в состоянии была справиться с ним.

В вагоне она вновь открыла сумку, стала лихорадочно в ней что-то искать, в руки попало складное зеркало, она открыла его, но увидев испуганное чужое лицо незнакомой женщины с поджатыми тонкими губами и тревожным взглядом, захлопнула, бросила в сумку, попыталась сделать глубокий вздох, но спазм не отпускал, тут она вспомнила, что хотела найти конфету со вкусом эвкалипта, которая всегда помогала ей, когда от обиды спазм не позволял вздохнуть и, после нескольких попыток, ей это удалось.

- Ну, что? Получила в очередной раз?! - спросила разумная Дина, которая постоянно пыталась направить Дину безголовую, транжирящую своё время и душевные силы ради спасения окружающих, получая от них взамен упрёки вместо благодарности. Не надоело? Что ты вмешиваешься в чужую жизнь, тогда как следует заниматься собственной?

- Видимо, мне так на роду написано, - ответила Дина участливая. - Я пытаюсь не вмешиваться, но обстоятельства складываются так, что я оказываюсь в центре событий и чувствую, что моя помощь необходима.

Стучали колеса метро.

- Не пытайся меня обмануть, ты сама самозабвенно погружаешься в чужие проблемы, которые тебя не должны касаться, лишь нейтрально выслушай человека и успокой как можешь, большего от тебя не требуется.

Помощь другим была свойственна Дине с малых лет. Она, не задумываясь, пренебрегала своими интересами, достижениями, своим временем ради подруг, соседей, даже случайных людей, но получила взамен чаще всего насмешки и недоверчивое отношение.

Окружающие всё пытались найти в её искренних поступках корысть.

Принято считать, что на самоотречение способны только добрые и отзывчивые люди. Но это не всегда так. Иногда человек обязан что-либо делать в ущерб своим интересам ради морального долга. Но если ноша постоянной помощи другим людям велика, то он закрывает глаза на неискренность, разрешая выполнить хотя бы моральный долг, а сердце со временем все равно откликнется, именно такая черта была свойственна Дине.

У Тамары, подруги Дины, были большие, искусно подрисованные глаза и улыбающиеся яркие губы. Она предпочитала в одежде чёрный цвет, который подчёркивал её хрупкость и оттенял матовую кожу. Вся она была какая-то особенная, вызывающе смелая, откровенная и ловкая.

Маленькие ноги на высоких каблуках ступали отчетливо и крепко.

Дина считала подругу красавицей, а своей невзрачной внешности стеснялась, поэтому одевалась в бесформенные платья невыразительных цветов, волосы собирала в

хвост резинкой, помадой пользовалась только гигиенической бесцветной, туфли покупала без каблуков.

Тамара уже два раза была замужем, но это никак не охладило её пыл по созданию счастливой благополучной в её понимании семьи.

Каждый раз она в минуты разочарований рыдала на плече у Дины, жалуясь на непонимание и предательство своих избранников.

Вадим был очередной её надеждой на счастье, но, когда она задала ему вопрос о планах на создание семьи, он исчез.

Тамара, сбиваясь с пятого на десятое, поведала Дине, что не переживёт очередного разочарования, сделает с собой что-нибудь страшное, чтобы он всю жизнь жалел о своей жестокости по отношению к ней. Дина же пытается помочь любимой подруге, нашла в её телефоне номер Вадима, позвонила ему и рассказала о том, что Тамара собирается покончить с собой. Она ведь хотела их помирить, но её попытка помочь закончилась скандалом и жестокими и несправедливыми упрёками Тамары в её адрес.

После этого Дина, вся в слезах, бродила по улицам до изнеможения, пытаясь понять, почему её бескорыстная искренняя помощь, за которой к ней обращаются близкие люди в минуты отчаяния, всегда заканчивается так плачевно.

- За что Тамара меня так возненавидела? За что? - повторяла она.

Подул ветерок, зашевелилась листва.

В Коломенском царил покой.

А дама сидела в расслабленной позе, положив ногу на ногу и курила. То ли она чутко уловила настроение Дины, то ли Дина разговаривала с собой вслух, но после небольшой паузы она повернула голову в её сторону и сказала:

- Я не знаю, что так расстроило вас, но смею заметить, что всё, что с нами происходит, не стоит таких сильных переживаний, а через небольшой промежуток времени и во все кажется незначительным.

- Я так не считаю, - ответила Дина, - бывают такие слова, которые ранят на всю жизнь, когда теряешь последних друзей, но самое обидное, что это случается тогда, когда ты искренне помогаешь человеку.

Дама чутко уловила нотку обиды, затянулась, выпустила кольца дыма, и бросила горящую сигарету в сторону урны. Красный огонек описал в воздухе блестящую дугу, рассыпавшись золотыми искорками, и попал в цель.

Они помолчали. Потом дама задумчиво произнесла:

- Что делать? Жизнь так коротка, что не стоит тратить время и душевные силы на пустые, бестактные отношения. Случается такое бесконтрольное состояние, когда говоришь то, что таится в тайниках души, а наносишь рану близкому человеку. Узда потерялась, не можешь себя укротить. Я в таких случаях кручусь в поисках узды, а найдя, сковываю себя до состояния вежливого молчания. В отношениях с близкими людьми необходим полный контроль над собой, иначе будешь горько сожалеть от выяснения отношений, от неверно сказанного слова, от спонтанной бестактности. Чтобы избежать состояния необузданности, я стараюсь по мере сил всегда держать себя в узде.

- А я так не умею, я всегда настолько искренне сопереживаю близким мне людям, что пытаюсь разделить с ними их проблемы, неприятности, помочь...

Голос Дины дрожал.

Как она оказалась в Коломенском?

Смутно помнила, что остановилась у киоска, наблюдая бурный поток людей у входа в метро, и вдруг подумала, что поток этот для неё абсолютно безлик, причём, не только здесь, а и в городе и даже - в мире. Холодок пробежал по

позвоночнику, она почувствовала себя маленькой такой, незаметной, стало как-то неуютно, но тут же мысль о том, что дело ведь не в знакомых лицах и не в их количестве, а в том, чтобы не причинять никому зла, не предавать, не обижать. Это, практически, невозможно, но стремиться можно, и даже нужно. От этой мысли её стало легче, и тут, как будто ударом молнии её озарило, что если ей не суждено встретить любимого человека, то она обязательно родит себе ребёнка, и всю свою любовь, все силы отдаст ему, сделает всё для того, чтобы он вырос уверенным в себе и успешным человеком. «Я подарю ему счастливую жизнь!»

Она погрузилась в свои мечты так самозабвенно, радостно, что у неё загорелись глаза, и она обратила внимание, что мужчины заинтересованно смотрят ей в след.

У подруг и знакомых она вызывала снисходительность, поскольку, по их мнению, не имела представления о том, как нужно брать потенциального кандидата в мужья, и не прикладывала усилий, чтобы его удержать, подружки смеялись, когда она объясняла подобное неумение тем, что сама мысль о том, чтобы захватывать «добычу», ей претит.

Головка Дины была набита изречениями умных людей. В отличие от своих знакомых, которые не задумывались о быстротечности жизни и её потаённой сути, Дина, понимала, что умные мысли не приходят в пустой сосуд, прежде чем он, как компьютер, не загрузится мыслями из ларца мудрецов. Она покупала книги, в которых с лёгкостью объяснялись любые проблемы, не догадываясь о том, что авторы этого ширпотребса сами не способны найти решения в сложной жизненной ситуации. Эти люди просто зарабатывают на таких, как она, наивных персонажах, достигают желаемых материальных благ, достигнув, исчезают, не внося в слоеный пирог бессмертия на одного слова.

Она слепо доверяла печатному слову и тут же купила в киоске очередное пособие о том, как обрести счастье.

Следуя своему желанию начать новую жизнь, Дина пошла к палаткам в поземном переходе, на которые прежде не обращала никакого внимания. Свободных денег у неё практически не бывало, всё, что она зарабатывала, таяло буквально за неделю на приятные мелочи для родных и знакомых. Но решив изменить себя, Дина долго изучала кофточки, обращая внимание на яркие расцветки, на которые прежде она не смела даже взглянуть, но настало время новой жизни, и она купила розовую кофточку с рюшами, не обратив внимания на предложение продавца обратить внимание на бежевую классическую блузку.

На пороге квартиры её встретила тётя Галя, с которой Дина жила в двухкомнатной квартире после смерти матери.

- Дина, ты куда пропала? Я волнуюсь, мобильный ты забыла или оставила? Я собралась уже в скорую звонить...

- Никуда я не пропадала, просто помогала подружке, - сказала Дина, вынимая из пакета нарядную кофточку.

- С чего это вдруг, без телефона, - произнесла тётя Галя, но увидев кофточку в руках племянницы, спросила: - Кому это ты купила?

- Себе, - ответила Дина с некоторым вызовом.

- Зачем? Она для подростков только и годится...

Дина взглянула на своё отражение в зеркале и едва сдержала слёзы, прелестная кофточка выглядела на ней жалко и нелепо. Но Дина попыталась скрыть своё разочарование и сказала:

- Телефон... я его не забыла, просто выключила, чтобы отдохнуть...

- Отчего же ты так устала?

- Тётя Галя, но что тебе не понятно? Я хотела подумать, разобраться в себе...

- Разобраться!.. Тебе замуж давным-давно пора выходить, а ты всё разбираешься, тратишь деньги на ерунду...

- Хватит! Вы же сами мне постоянно говорите, что у каждого свой срок...

- Говорю, но говорю также о том, что под лежащий камень вода не течёт.

- Вот я и думала обо всём об этом...

- Познакомилась что ли с кем?

- А что?

- Какая-то ты сегодня не такая...

- А какая?

- Другая... Глаза блестят... Встретила что ли кого?

- Встретила!

Звонок городского телефона прервал их разговор

- Это тебя, соседка, она уже часа три как тебе названивает.

Дина взяла трубку. Соседка попросила Дину помочь ей открыть банку консервов. Дина поспешила ей на помощь, а когда вернулась, тётя Галя, тяжело вздохнув, сказала:

- Господи, что ты нянчишься с соседкой? Неужели она сама банку открыть не может? Так и ищет повод тебя к себе заманить, чтобы пожаловаться на свою невестку.

- Да она не жаловалась, просто ей не с кем поговорить...

- Конечно, со своими поладить не может, а ты у нас безотказная...

- Тётя Галя!..

- Молчу, молчу... пойдёшь поешь, наверно, не ела ничего.

- С удовольствием, спасибо.

Не успела Дина сесть за стол, как позвонил телефон. Звонила Тамара. Она кричала в трубку, что виновата перед подругой, что она несчастна, вокруг неё происходит что-то ужасное и только Дина может ей помочь...

- Тамара, я уже еду, - покорно произнесла Дина и исчезла за дверью.

Смирение, подвижничество и участие в жизни других людей возвышают, но мало тех, кто готов это понять.

Её вывел из задумчивости голос дамы.

- Милая, успокойтесь. Поверьте, что людям чаще нужна не помощь, а слушатель, желательно посторонний человек, который исчезнет, и не будет напоминать им о минутной слабости.

Дина откликнулась:

- Дело в том, что я это понимаю, но каждый раз всё складывается так, что моя помощь оказывается необходимой. Общение с людьми близкими мне по духу - моя мечта, но в реальности получается всё иначе. Деликатные, воспитанные люди, конечно, меня привлекают, но среди моих близких и знакомых таких практически нет. Не знаю, почему меня окружают навязчивые персонажи, которые нуждаются в поддержке и помощи, в которой я не могу отказать. Случайная встреча с таким человеком равносильна для меня стихийному бедствию. Я это чувствую, каждый раз зарекаюсь не принимать участия в решении их проблем, и каждый раз нарушаю собственный зарок. Сколько раз убеждалась в итоге в том, что это люди пустые, малоинтересные и самодовольные. Не хочется их обижать, но они никого не уважают, не ценят время окружающих, потому что сами ничем не заняты, кроме как пустыми разговорами и обсуждением вопросов, о которых имеют смутное представление из каких-нибудь мутных источников. Умение отказывать навязчивым людям - весомое достоинство, которое мне никак не удаётся в себе воспитать, судьба, что ли у меня такая, - Дина достала носовой платок, и чтобы смахнуть слёзы, застилающие глаза. - Все мои искренние попытки искренне помочь людям заканчиваются упрёками в мой адрес, спиной чувствую, как они начинают обо мне зубоскалить, а, в лучшем случае, пожеланиями быть самой собой, а не изображать из себя спасительницу человечества...

Дина горестно вздохнула.

Дама достала портсигар изящным жестом вынула сигарету и зажигалку, закурила и сказала:

- Быть собой очень трудно, милая, поэтому многие люди делают вид, что они не такие, какие есть, а какие-то необычные, величественные, загадочные, рассеянные. Кому-то удаётся делать вид очень убедительно на протяжении всей жизни, большинство людей же делают тот или иной вид в зависимости от ситуации, при этом, не задумываясь насколько им это удаётся. Только яркие личности позволяют себе роскошь оставаться всегда естественными, не задумываясь о том впечатлении, которое они производят на окружающих. Большинство из нас привыкли считать, что только своя жизнь представляет бесспорную ценность, а остальные жизни, существующие вокруг, используют в своих целях, преследуя свои интересы. Они позволяют себе распоряжаться чужими жизнями не ими созданных существ, лишь научились манипулировать окружающими, используя их доверчивость или наивность.

Дина, затаив дыхание, внимала словам дамы и кивала головой. Ей захотелось излить свою душу этой благородной собеседнице.

Дина поведала ей, что всю жизнь кому-то помогает, кого-то спасает, с самого детства, потому что в минуты отчаяния во время скандалов отца с матерью, мама хваталась за неё как за спасательный круг, а бесчисленные родственники живут в замкнутом мирке и заняты бесконечными выяснениями отношений. Если рядом с ней появляется интеллигентный человек, он вызывает не просто резкую критику и недовольство её окружения, а подвергается насмешкам, а то и оскорблениям, и быстро исчезает.

Никто и никогда прежде не слушал Дину так, как эта мудрая дама, поэтому она решила доверить ей свои сокровенные мысли о любви, о том, как она её понимает:

- Вы знаете, мне покоя не даёт мысль о том, что у Бога каждому существу отведена определенная и, в конечном итоге, важная роль и это - любовь. Любовь ведь сочетает страсть, нежность, готовность принимать любимого человека в любых ситуациях, уважение к его внутреннему миру, ведь так? - спросила она.

- Вы правы, милая, но любовь ни в коем случае не самоотвержение, ибо зачем тогда жить, если пренебрегать собой, отдавая себя другим. Ведь не создав себя, ты равна нулю, без всяких продолжений, без творчества, без любви. И с этим «нулём» ты лезешь к другим «нулям»! Такая страсть вмешиваться в жизнь других нередко вызывает у многих раздражение вместо признательности. О благодарности и речи быть не может. Любовь - это воздух, озарение, вдохновение, а излишняя самоотверженность, безотказность неизменно приводят к размолвкам, а то и к разрыву отношений. Не всегда любовь означает воссоединение любящих сердец, создание новой семьи и жизни до гроба. Жизнь иногда настолько жестока, что ставит человека перед выбором: или страдание других людей, но счастливую совместную жизнь, или отказ от собственных чувств ради чужого благополучия. Такое испытание подтверждает, что иногда самозабвенная помощь другим - это отказ от чего-то меньшего ради чего-то большего. Общество прославляет любовь к другим, и осуждает любовь к себе. Взаимность в любви - большая редкость, и она, как правило, возникает у людей высокого духа, когда идёт работа по слиянию душ, интеллектуальному росту.

- Для меня любовь и помощь людям неразделимы. Переживания за любимого человека - это нечто большее, чем физическая боль. В случае смерти близкого человека острая боль пронзает не только тело, но и душу, как будто удалили без наркоза лучшую часть тебя.

- Я предпочитаю гармонию в занятии собой и окружающими, - сказала дама. - Говорить о любви и любить это не одно и то же, вам, милая, пора взрослеть, вы рассуждаете, как наивный ребёнок, а пытаетесь спасти вполне самодостаточных, уверенных в себе людей. Может быть, настало время повзрослеть, и подумать о своей жизни? Чего вы от неё хотите? О чём мечтаете?..

- Даже сразу и не скажешь... - промолвила Дина.

- Я слушаю вас и понимаю, что вам необходимо обнуление... - сказала дама.

- Но вы же сами намекнули на то, что я и так ноль... - порозовела Дина.

- Нет. Это разные понятия, - мягко возразила дама и спокойно продолжила: - Человек-ноль никогда не будет обнуляться, то есть никогда не признает, что он пустое место, что он вреден, даже опасен для других. А в вашем случае, вы человек думающий, поэтому признаёте тот факт, что до этого постоянно ошибались в своих поступках, что вы по первому зову летели «спасать» людей никчёмных, когда нужно было твёрдо говорить «нет». Какое-то время страждущие иметь покорных слуг ещё бы надоедали вам, но потом непременно отстали. А у вас в это время шло бы обнуление и перезагрузка теми ценностями, которые нужны только вам, вашей душе. По сути дела, обнуление - это когда ты перечёркиваешь себя прошлую и начинаешь строить себя будущую. А это уже внушительная перезагрузка. Но вы, как мне кажется, готовы к ней. Здесь нужно проанализировать всё, что происходило с вами в жизни... Это будет самое сильное обнуление, и самая сильная перезагрузка...

Слова незнакомой дамы звучали как музыка напевно и убедительно, Дина готова была слушать её бесконечно. Не заметив, как солнце исчезло за горизонтом и на Коломенское опустились сумерки, она как будто проснулась, хотя

обнуление

точно помнила, что не спала. На скамейке, кроме неё никого не было. Как и когда исчезла дама, она не понимала.

- Всё! Обнуляюсь и перезагружаюсь! К чёрту проблемы других людей! Начинаю новую жизнь! Занимаюсь только собой! - отчеканила она, не чувствуя ни голода, ни усталости, только неуёмно заколотилось сердце. - Всё будет хорошо, - сказала она, поднялась и, почти не касаясь земли, поспешила к станции «Каширская», поднимаясь вверх по булыжной царской дороге, чувствуя необыкновенную лёгкость, которую не испытывала уже многие годы.

СТАРУШКА

Пожалуйте в сумасшедший дом. Галина Фёдоровна никак не могла уснуть. Вот идёт она по Старому Петровско-Разумовскому проезду и на пересечении его с улицей 8-го марта вспыхивает от воспоминаний, потому что видит забор, за которым сама была, который рифмуется часовенками, напомнившими Галине Фёдоровне памятник на могиле Чехова, и она знала, что автор Шехтель, прошла полоумненько вдоль ограды, прокрутила в голове известные ей сведения, что прежде здесь располагался санаторий известного на рубеже XIX-XX веков психиатра Усольцева, одним из пациентов которого был Михаил Врубель, который создал в лечебнице множество работ, в том числе портреты Брюсова и Усольцева, а ограда санатория была построена Шехтелем по эскизам Врубеля, после его смерти. Вот он, дом родной, дорогая Галина Фёдоровна! С Врубелем под ручку к Шехтелю пойдём. Ассоциация с памятником Чехову на Новодевичьем не случайна, ограда на могиле писателя выполнена тоже по проекту Шехтеля, вот такая переключка гениев, с Шехтелем же хозяин санатория дружил.

Галина Фёдоровна никак не могла уснуть.

Ну, и не спи! Чего ты каждый день ложишься, как заведённая. Не можешь спать, так не спи. Вывод-то абсолютно примитивен. Нет, знает, что не заснёт, но всё равно укладывается на постель. Просто с ума можно сойти от этих ночей. В клинике помогали поспать. Сделают укол и засыпаешь. Но всё время жить на уколах вредно. Организм должен сам разбираться, где день, а где ночь. Встал, лёг, встал, лег. Да не забывай глазки закрывать. С

открытыми глазами спать неудобно. Хотя Галина Фёдоровна пробовала засыпать с открытыми глазами, но не получалось.

Душа, как рояль, и настройка её для Галины Фёдоровны есть путь к раскрепощению. Столкновение внутреннего мира с миром внешним нередко приводят к дисгармонии. Каждый раз настройка требует всё больших усилий. У рояля есть струны и, когда он переживает, то захватывает Галину Фёдоровну полностью. Что уж говорить о струнах её души! Их звучание определяет мысли и поступки, создаёт её музыкальную. Струны души и тела дарят истинное понимание счастья. Состояние это настолько хрупкое, что малейшая неосторожность может его разрушить.

Вертелась с боку на бок, взбивала несколько раз подушку, которая в эту ночь как будто истончилась, но голова проваливалась по-прежнему, тогда она положила на неё вторую подушку, которая лежала на кресле рядом с кроватью, но так получилось ещё хуже, слишком уж высоко, тогда она нащупала выключатель ночника над головой, включила свет и зажмурилась:

- И это постоянно происходит, никак не могу заснуть, но не хочу принимать ничего снотворного, даже лёгкого, - и опять повторила в который раз: - Организм сам должен управлять бодрствованием и сном. Легко сказать, когда организм функционирует бесперебойно даже на излёте лет... Только третий час, а сна нет совсем, - произнесла она, взглянув на светящиеся цифры часов напротив кровати.

Она встала, подошла сначала к окну, раздвинула шторы, увидела в доме напротив несколько светящихся окон, снова сомкнула шторы, а потом - к письменному столу, включила настольную лампу, села, открыла на закладке Шопенгауэра, но не сразу стала читать, а продолжила разговор с собой:

- Это, конечно, сущие глупости, но в глубине души хотелось бы заглянуть в другие окна, узнать, что там происходит. Быть может, там такая же, как я, книжная старуха, не спит, а может, жена с мужем спорят, - сказала она и опустила глаза на страницу книги, - вот ведь современная молодёжь, чуть не так что, сразу вспыхивают, спорят, угрожают разводом. Воспитанные люди разве так жили? По сути дела, я со своим любимым мужем никогда не ссорилась, поскольку всегда была занята в институте, а он у себя в министерстве, да и оба мы терпеливыми были, вот за это и ценили друг друга...

Забор вокруг клиники рифмуется часовенками, напоминающими памятник на могиле Чехова неслучайно, их связывает имя архитектора Шехтеля, который построил его по эскизам Врубеля, после его смерти, а ограда на могиле Чехова на Новодевичьем из того же ряда, тоже выполнена по его проекту, возможно Шехтель намерено использовал часовенки, напоминающие памятник Чехову, выполненный по проекту Браиловского, вот такая переключка гениев.

Затем Галина Фёдоровна прочла несколько строк из Шопенгауэра, то место, где он говорил вот что: «Будем открытвенны: как бы тесно ни связывали людей дружба, любовь и брак, вполне искренно человек желает добра лишь самому себе, да разве еще своим детям...»

Опять встала и пошла на кухню. Проверила, выключены ли конфорки, поставила чайник и села за стол, как только он закипел, она взяла с рабочего стола бокал, достала маленькую сушку, в который раз восхитилась её размером и сказала:

- Чего только не придумают, прежде, таких крошечек не было. Времена какие настали! Чего только нет в магазинах, и на рынки нынче везут всё со всего света...

Галина Фёдоровна налила себе кипятка, подула на него и осторожно пригубила. Затем медленно, чтобы не уро-

нить ни крошечки, откусила кусочек от сушки, провела по нему кончиком языка, тщательно прожевала и пригубила кипятка из бокала, и по привычке предварительно подула на него.

Вот что удивительно, она всё время разговаривала сама с собой. Дома, конечно, в самом натуральном виде разговаривала, то есть произносила слова отчётливо вслух. На улице этим не занималась, говорила про себя, и ей казалось, что это самая натуральная форма разговора, никого не тревожишь, со стороны представляешься молчаливой, а идёшь и говоришь. Без разговора с собой жить вообще невозможно. И не так одиноко. Забываешь, что одна в квартире, говоришь с собой, даёшь указания, что сделать в первую очередь, что во вторую. И каждый день голос, то внешний, то внутренний даёт указания. Пустот без дела не остаётся. Больше того, крутится целый день, вся в делах. А дел не видно. Вот как хитро устроена жизнь.

Шум поднимающегося лифта привлёк её внимание. А в голове всё крутился Шехтель.

Камергерский переулок сам стал театром в архитектурном плане. Скамейки, фонари, пешеходная зона. Чехов! Станиславский! Немирович-Данченко! Верю и не верю. Здание Художественного театра превратил в «изящный храм искусств» Шехтель, создания которого в стиле модерн являются подлинными жемчужинами Москвы. Фасад напевно перекликается с доходными домами в переулке, создавая единый ансамбль. Приглушенная зеленоватая окраска стен в сочетании с тёмным деревом, орнамент в стиле модерн, надписи на фасаде придают ему ярко выраженную индивидуальность. В Камергерском переулке невольно погружаешься в атмосферу чеховских пьес, я сажусь на скамейку, и передо мной проходит, покашливая, Антон Павлович на репетицию «Чайки».

Опять лифт гремит.

- Кто это там, среди ночи разгуливает, - произнесла она, - лишь бы не скорая, уж лучше пусть это будет полуночник, Витька, из 57-й, наверное, опять за выпивкой бегал. Вот беда, такая семья была хорошая, Витя в детстве был просто ангел, но после матери, такая светлая была женщина, кто бы мог подумать, что ей выпала такая короткая жизнь. Муж, правда, порядочный человек оказался, сына в институте выучил, устроил на хорошую работу, но стоило ему уйти к женщине, не век же вдовцом жить, как сын пошёл в разгул...

Галина Фёдоровна никак не могла уснуть.

В доме на углу Большой Никитской и Малого Кисловского переулка стоит величественное здание из красного кирпича. Фасад его, как терем сказочный о трёх этажах, богато украшен полукружьем арок второго этажа, окна двух башенок завершают треугольники, а венчают башенки нарядные кокошники. Стою и восхищаюсь европейскими формами молодого архитектора Шехтеля, свободная фантазия которого соединила разные стили, при этом создала то ли терем старинный, то ли особняк в готическом стиле в центре Лондона, а уж назвать его можно и псевдорусским, и свободным европейским. Главное, что фасад сохранил свой исторический облик и является украшением Большой Никитской улицы.

Галина Фёдоровна тяжело вздохнула, накапала себе 15 кремлёвских капель и легла.

Бессонница в последние годы всё чаще навещала Галину Фёдоровну, она уже смирилась с ней и, проснувшись, в размышлениях отправлялась в своё прошлое, с интересом и удивлением просматривая свою жизнь, как занимательный фильм, некоей девочке, которая с годами всё больше вызывала у неё слёзы умиления и нежности. «До чего же ты наивна и доверчива была, - сказала она

той, маленькой Галочке, с толстыми косичками и вплетёнными в них золотистыми, как одуванчики ленточками, - после смерти бабушки. - Ты всё на облака смотрела и приветливо махала ей рукой, потому что девочки из пятого класса сказали тебе, что бабушка теперь плавает на облаке вокруг земли, и всё видит, а ты перед сном просила её взять тебя на облако ненадолго, чтобы увидеть сверху всю землю». Галина Фёдоровна усмехнулась, смахнула слезу и выключила свет. Легла и как-то незаметно уснула.

В девяностые годы в саду «Эрмитаж» построено в стиле модерн здание «Новой оперы», где блистал Евгений Колобов, радуя искущённую публику оригинальностью и новизной прочтения известных опер. Сам сад «Эрмитаж» напоминает мне сказочный театр на природе, а тут ещё возник замок, ассоциирующийся с гениальными произведениями в камне Шехтеля.

В этом современном чуде архитектором Владимиром Котельниковым удачно сохранены элементы стиля «Зеркального театра», поэтому «Новая опера» не нарушила облик любимого москвичами сада, в котором, кстати говоря, в конце XIX века начинал Константин Алексеев, сын владельца золотоканительной фабрики, ставший впоследствии знаменитым Станиславским. С 2003-го года театр носит имя Евгения Колобова, а оперы, поставленные им, по-прежнему восхищают публику не только в Москве, но и во всем мире.

Галине Фёдоровне часто снились странные сны. Например, однажды она увидела себя у моря с ног до головы обсыпанной песком, и ей стало очень хорошо оттого, что она вернулась в свое детство, но сон быстро сменился на другой, какой-то мужчина встретил её с фонарем и назвал старухой, и Галина Фёдоровна уже успела представить себе старухой, но вдруг увидела саму себя со стороны и оказа-

лась миловидной и совсем еще молодой, лет девятнадцати, с ромашкой в густых волосах, высокого роста, как будто она родилась в позапрошлом веке под сенью Летнего сада и её воспитание пришлось на раннюю екатерининскую эпоху.

Потом видит усталого Гоголя, закутавшегося в плащ, садящегося в каменное кресло, печально наблюдающего суету и спешку очередного поколения прохожих. Ничего-то не понимают люди, только и умеют, что учить да критиковать, не думая о том, что появляются случайно и исчезают бесследно, а писатель и герои его произведений наблюдают за ними из вечности. Илья Репин был одним из немногих, кто высказывал свое одобрение смелой задумке авторам памятника Андрееву и Шехтелю: «Трогательно, глубоко и необыкновенно изящно и просто». Особое изящество Гоголю придают барельефы, украшающие постамент, выразительно передающие образы наших современников. Сажу в тени и не могу оторвать глаз от высокого неба Гоголя.

Галина Фёдоровна никак не могла уснуть.

Видит забор, который рифмуется часовенками.

В сновидениях Галина Фёдоровна ощущала себя молодой женщиной с загадочными глазами, и прекрасно выглядела для своих лет, несмотря на сеточки морщинок у глаз. Но при этом про неё никак нельзя было даже подумать, что это старушка. О таком слове просто не вспомнишь, когда смотришь на Галину Фёдоровну, особенно, когда она опиралась рукой о бедро, вот уж что никак не сочеталось с её возрастом.

Но во снах она была без возраста и пребывала в полной уверенности своей женской привлекательности.

Проснувшись, Галина Фёдоровна понимала, почему ей снятся молодые сны, потому что её душа не старела, невзирая на высоту своих лет.

В библиотеке открыли свое кафе для привлечения публики. Библионочи проводят, Да и её подруге Нине Сергеевне нравилось бывать там. Они брали себе кофе с мороженым и сидели несколько часов в беседах:

- Да, мне всё-таки кажется, что Лев Николаевич довольно прямолинеен в вопросах любви...

- Да, как вы это подметили, - сказала Нина Сергеевна. - Любовь отвергается им прямо с порога...

После смерти мужа Галина Фёдоровна старалась как можно меньше сидеть дома, и проводила время в хорошую погоду в прогулках по паркам и скверам Москвы, открывая многие из них для себя, в дождливые и холодные дни её выручали библиотеки, особенно ей приглянулась библиотека имени Кафки.

В фойе читателей встречала цитата из Франца Кафки, начертанная крупными чёрными печатными буквами на белой стене: «Я думаю, что мы должны читать лишь те книги, что кусают и жалят нас. Если прочитанная нами книга не потрясает нас, как удар по черепу, зачем вообще читать ее? Скажешь, что это может сделать нас счастливыми? Бог мой, да мы были бы столько же счастливы, если бы вообще не имели книг; книги, которые делают нас счастливыми, могли бы мы с легкостью написать и сами. На самом же деле нужны нам книги, которые поражают, как самое страшное из несчастий, как смерть кого-то, кого мы любим больше себя, как сознание, что мы изгнаны в леса, подальше от людей, как самоубийство. Книга должна быть топором, способным разрубить замерзшее озеро внутри нас. Я в это верю».

Так вот, ей приглянулась библиотека имени Кафки, которая к тому же находилась буквально в 15 минутах ходьбы от её дома, там на вечере студентов музыкального колледжа она познакомилась с милой и добросердечной женщиной, Ниной Сергеевной, их сблизила общность

взглядов на искусство, и любовь к музыке. Какое удовольствие они испытывали в бесконечных беседах о музыке и литературе. Поскольку вечера в библиотеке проходили не реже двух раз в неделю, а потом к ним ещё и прибавились библионочи, на некоторых из них Галина Фёдоровна побывала. Сначала все чинно проходят в зал, рассаживаются.

Рукопись рассказа "Щ-854" была передана в редакцию "Нового мира" женой Льва Копелева, Раисой Орловой в ноябре 1961 года. Она произвела сильнейшее впечатление на Твардовского, и благодаря ему была опубликована в 11 номере журнала "Новый мир" за 1962 год. Твардовский дал название этой вещи "Один день Ивана Денисовича". Повесть, а в журнале это произведение было обозначено именно так, ошеломила и читателей и литераторов. Чуковский назвал её «Литературным чудом», а Ахматова считала, что её должен знать каждый человек в нашей стране. Именно с момента публикации этой повести имя Александра Солженицына стало известно во всём мире. История одного дня жизни в лагере ГУЛАГа Ивана Денисовича Шухова, обычного заключённого написана так просто и так пронзительно, что и сегодня, читать её без чувства боли, сострадания и стыда перед поколением людей, которые прошли через ужасы репрессий и лагерей сталинского режима невозможно.

Выступающие говорят комплименты в адрес прекрасно выступившей златокудрой полной директорши библиотеки. Но все знают, что главное их ждет впереди: рюмка водки.

После монолога последнего выступающего как-то само собой собравшиеся гости разбиваются на группки, и настолько расслабляются, что становятся искренними, высказывают такие мысли, которые в иной обстановке никог-

да даже бы и не возникли, и дают читающему человеку столько всяческих откровений, сколько он до этого не получал. Наши библиотечные встречи славны именно рюмкой водки, такой заманчивой и такой сладкой, что не требуется никаких особых условий. Можно выпить в переулке или в скверике у фонтана. Там, собственно, и начинается настоящий разговор по душам. Поскольку общество наше было очень зажато, и посиделки ограничивались кухнями, воспетыми неоднократно, чем прославились на весь мир, то с изменением ситуации мы приобщились к раскованности и естественности. Ну, какой праздник может обойтись без рюмки водки!

А из детства?

Например, первое апреля... Остроумные шутки и розыгрыши, возгласы: «Ой, у тебя стрелка на чулке!», или «Девушка, у вас спина белая!», и тому подобное. Галина Фёдоровна напевает: «Голубенький, чистый // Подснежник-цветок! // А подле сквозистый, // // Последний снежок... // Последние слезы // О горе былом, // И первые грезы // О счастье ином...» Светлая грусть о безвозвратно ушедшей беззаботной поре детства неизменно охватывает её именно в такие минуты. Она бойко играет эту пьесу Чайковского из цикла «Времена года» - «Апрель», написанную на стихи Аполлона Майкова «Весна», мурлыкая под нос слова. И всегда слышит голос учительницы музыки, Ольги Сергеевны: «Деточка, мягче касайся пальчиками клавиш! Я должна увидеть и услышать, как ты восхищённо любишься первым, пробившимся к солнцу подснежником!» Удивительно, но каждый раз в такие минуты с ней происходит одно и то же много лет. Потом Галина Фёдоровна вспоминает скворечники, которые готовили ко Дню птиц. Воспоминания окутывают её неизменным теплом, вне всякой зависимости от погоды реального дня. Галина Фёдоровна

готовит угощение птицам, люблюсь ими и мурлычет: «Голубенький чистый...»

Галина Фёдоровна никак не могла уснуть.

Видит забор, который рифмуется часовенками.

Да и её подруге Нине Сергеевне нравилось бывать у Кафки в библиотеке. Они брали с собой мороженное или плиточку шоколада, а любезная Анна Осиповна непременно приносила им кофе, и сидели по несколько часов в беседах в уютном небольшом зале, классической литературы, в котором крайне редко засиживались читатели:

- Мне всё-таки кажется, Ниночка, что Лев Николаевич довольно прямолинеен в вопросах любви...

- Да, как вы это точно подметили, - сказала Нина Сергеевна. - Любовь отвергается им прямо с порога...

- И в то же время, голубушка Нина Сергеевна, он признавал, что мужчины в своём большинстве требуют от женщин достоинств, которыми сами не обладают.

- Да, это так. И всё же бросать любящую женщину на рельсы, несколько вульгарно, вы не находите, Галина Фёдоровна?

- Абсолютно с вами согласна, Ниночка Сергеевна!

Нина Сергеевна встаёт из-за стола, уверенно следует к нужному стеллажу, снимает с полки книгу, как потом выясняется, Экзюпери, находит нужную страницу и, предварительно пояснив, что перечитывая «Цитадель», она вдруг как будто заново восхитилась психологической тонкостью и верностью понимания писателя, что есть истинная любовь, она с волнением зачитала: «Не смешивай любовь с жадной завладесть. Эта жажда только мучения приносит. Вопреки общепринятому мнению любовь не причиняет мук. Мучает инстинкт собственности, а он противоположен любви. Любя Господа, я, хромой, ковыляю по каменистой дороге, чтобы поделиться своей любовью с людьми. Мой Бог не раб мне. Я сыт тем, чем он

оделяет других. Истинную любовь я по неуязвимости распознаю».

- Как прекрасно! - Воскликнула Галина Фёдоровна, - Только такой и может быть истинная любовь!»

Галина Фёдоровну, помимо любви к искусству, связывали с Ниной Сергеевной переживания, связанные с Московской областной психоневрологической клиникой, знаменитой некогда как санаторий психиатра Усольцева, в которой Галина Фёдоровна после смерти мужа лечилась, а, как выяснилось во время их знакомства, Нина Сергеевна навещала там мужа, однако там их встрече не суждено было состояться. Галина Фёдоровна и прежде испытывала особенные чувства к творчеству Врубеля, но его Демон после её пребывания в клинике стал ей порой являться, осуществляя незримую связь с покойным мужем.

В эпиграф к «Белой гвардии» Булгаков вынес пушкинское: «Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями». И так вдохновился этой фразой, что буквально в самом начале романа написал: «...был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна». Он не растолковывает чудесную схожесть цветения и снега, но Галина Фёдоровна чувствует вишнёвый аромат снега и холодную метель цветущих акаций, их нежный аромат. О чистоте помыслов и ясности целей белой гвардии, о её трагедии написан бессмертный роман Булгакова. Чистота, свет, ясность - вызывают у неё, прежде всего, слово «белое». Она перечитывает его вновь и слышит белого облака белую речь.

Живёт в самой себе, и удивляется тому, как весь мир помещается в ней: и Москва с Парижем на Кузнецком мосту, и там, на Ордынке, где китайские свечи горят в византийских церквях... Сама собой в себе живёт! Под сонеты Верлена по Нью-Йоркской Тверской проходит, и в лондонский храм в Старосадском спокойно входит, на Татарской мо-

маргарита прошина

литвы в мечети поют ей о вечном, в каждом встречном встречает себя. На бульварах строения Шехтеля поражают её взгляд. Встретились в ней все времена и стили под мелодичный звон Ивана Великого.

94 года.

Муж умер 40 лет назад.

Галина Фёдоровна никак не могла умереть.

"Наша улица" №237 (8) август 2019

ЯВЛЕНИЕ АФРОДИТЫ

Среди почерневших портретов вельмож ушедших веков, в тяжёлых золочёных багетах, толпа туристов окружила маленькую экскурсоводшу, Неведомскую, разглядывающую молча собравшихся. Никаких следов косметики, даже намёка на неё на бледном лице её не замечалось.

- Расступитесь пошире! - через минуту голосом пионервожатой попросила она.

Люди вразнобой сделали несколько шагов назад, открыв великолепное качество нового паркетного пола, поблескивающего от света, идущего со стеклянного потолка, оставив Неведомскую в центре воображаемого круга, где она была иголкой, а публика окружностью от грифеля циркуля.

И вот нате вам!

- Никифор Грустилин, - заговорила Неведомская, - крупнейший художник полинезийской эпохи, один из основоположников новой живописи, создал «Портрет графа Н.З. Зюзинского» после возвращения из пенсионерской поездки. Это - самый значительный и совершенный портрет среди созданных художником. Он написал образ энергичного человека, облаченного властью и полезного своему полушарию. О его заслугах перед континентом свидетельствуют Лента и звезда ордена Святого Аминадава, а также арктический орден Белого Медведя. Худое и уже немолодое лицо модели преисполнено чувства собственного достоинства, что ясно читается в спокойном и уверенном взгляде, в улыбке на тонких губах. Живописец легко лепит форму, уверенно создает иллюзию пространства вокруг фигуры модели. Сложный и многоплановый образ на портрете отражает великие перемены в истории Шатуры, олицетво-

ря новую жизнь, ворвавшуюся через Беломорско-Балтийский канал в Китай...

Неведомская, как ей кажется, спокойно и привычно излагает хорошо усвоенный скучный текст о портретах и знати на полотнах художников...

Но что за перегибы и подтасовки?! Какие ещё белые медведи на орденах Шатуры?!

Публика впадает в гипнотический сон.

Надо сказать, что эта мертвая портретная галерея к искусству никакого отношения не имела. Но вот в чём беда, выученная на искусствоведа Неведомская дальше сведений, полученных в институте, не пошла.

Но тут случилось нечто, что тормознуло её внимание. Ей показалось, что в зал влетело что-то такое, чему она не могла дать определения. Видела ли она это? Или ей это пригрезилось? Или что-то случилось с головкой? Но с людьми происходит иногда такое, чему они не могут дать разумного объяснения. Причём, воспринимая всё это как должное... А здесь?!

В коротком синем платье выше колен, с золотистыми длинными распущенным волосами она влетела в зал старинных портретов весенним ветерком. На головке светился почти нимбом веночек из простонародных васильков.

Она словно родилась в пшеничном поле, не понимая, зачем всё и почему, но цветы яркостью своею привлекали её взгляд, без всякого погружения в чертоги смыслов, которые выискивали забытые под завязку учебниками умы, останавливая душевные движения по восприятию импульсов красоты. Вот так является Афродита, с врождённым качеством всемирной красоты, античным взором выявляя прелесть того, что скрыто от слепых существ. Нет, есть глаза у зрителей в портретной, но кроме иерархии чиновной они не видят больше ничего. Она же платьем своим прикрыла тело, стремящееся к вечной красоте, и постоянной огненной люб-

ви, дающий жизнь бесчётным повторениям образа и подобия, когда все «я» есть только я в первичном совершенстве устройства, чудотворнее всех самых ярких представлений о чудесах земных. Но человеком будет только тот, кто книгой станет, либо же картиной, с которой вылетает эта нимфа, эта птичка, эта бабочка, внушившая испуг Неведомской.

А ведь когда-то Неведомская мечтала о профессии искусствоведа, как о вершине успеха, та профессия, которая позволит ей не только прожить яркую, интересную жизнь среди подлинного искусства, но и встретить ещё более целеустремлённого, чем она, человека, с которым будет восхищаться искусством, и создаст настоящую семью единомышленников, об этом Неведомская мечтала днями и ночами.

Но первым мужем у неё стал человек, абсолютно равнодушный к искусству. С ним она познакомилась на дне рождения подруги, когда с ней вдруг случился припадок, а он сделал ей искусственное дыхание, а потом в уединении, закрывшись в тёмной ванной, конечно, это она сказала, чтобы он потушил свет, овладел ею. Вот это-то Неведомской очень понравилось. Он оказался хирургом. И через девять месяцев родилась дочка Зина, а любовь их к тому времени угасла, и муж ушел к другой, обожавшей самый невероятный секс перед зеркалом в ярко освещённом помещении. Спустя какое-то время она нашла монтажника на стройке возле её дома. Звали его Витя. Витя был смирный, но неумный. Нигде не учился. Неведомская через знакомых устроила его на первый курс института Водного транспорта. И он так полюбил воду, что во время первой сессии поддал с друзьями и поехал купаться, а там для храбрости махнул ещё стакан, и прыгнул с берега крутого вниз головой, которой ударился о камни дна и утонул. Неведомская осталась одна с Зиной, которая уже пошла в школу. А когда Зина перешла в третий класс, Неведомская нашла себе в мастерских галереи Сергея, который влюбился в неё, и уложил сразу во мраке на

сундук в подвале мастерских. Неведомской это очень понравилось, и они поженились. Жили молча и дружно до тех пор, пока Зина не окончила школу. А тут возьми Сергей и умри - вот как закончил он с Неведомской семейную жизнь. Ведь не жаловался никогда. Хотя Неведомская замечала желтоватый цвет его кожи, но думала, что это азиатские корни, он говорил, что дедушка у него был из Ирака. А у него самый натуральный рак. Вот так Сережа!

Разумеется, у каждого человека свои личные переживания, потому что он проживает только свою жизнь, как ему кажется. Не нужно иметь большого ума, чтобы догадаться о постоянной пульсации жизни от хорошего к плохому, от праздников к будням, и наоборот. Так что предвосхищать перепады своего изменчивого настроения вполне возможно, не впадая в крайности, и не перегружая своими личными переживаниями окружающих, которым достаточно своих личных переживаний. Опыт Неведомской убедил её в том, что свои личные переживания следует переживать самостоятельно, на то они и личные.

Ну, и допереживалась!

Стояла Неведомская в кругу, несла какую-то несусветицу о вельможах, об их родословных, голосок у неё был хоть и слабенький, но отчётливый, как у священника в церкви, но прежде она подняла руку и указала на совершенно черный портрет, где слабо прорисовывалось лицо с узким лбом, над которым нависал пудренный парик.

- Вы должны знать, что Чертановские представляют собой княжеский род, который ведёт своё начало от Рюрика. Спиридон Иванович Чертановский был боярином и воеводой при великом князе Фёдоре Пантелеймоновиче...

Конечно, Неведомская ни словом не обмолвилась о том, что портрет возник, как единственный в то время способ сохранить изображение влиятельных лиц. Поскольку художник зачастую исполнял волю заказчика, то соответственно

он изображал его в более выгодном свете, но, тем не менее, они были провозвестниками фотографии. Но как же фотографичность разошлась с искусством? Это не занимало Неведомскую. Она ведь была на работе. И говорила то, что положено, что рекомендовано методическими разработками.

Мелкие кудряшки, как на сереньком пудельке, уходящей в прошлое химической завивки, повсеместно используемой в 60-80-е годы, почти мохнатой шапкой возвышаясь, делали личико настолько маленьким, что Неведомская и выглядела этой собачонкой. И кофточка серенькая.

Итак, кофточка. Почему мышка незаметна, потому что она серенькая. В такой же серенькой в тон кофточке стояла она в центре внимания среди зрителей, а за спиной на стенах висели портреты иных веков, темные, даже черные по фону, из которого едва выглядывали лица вельмож, о которых Неведомская и начинала говорить.

Но многие не смотрели на портреты, а изучающе осматривали эту маленькую женщину. Крупная ажурная вязка её кофточки напоминала кольчужку, которая, как всегда, была коротковата. Вон старушка сидит у окна и вяжет свой вечный носок, особо вывязывая пятку, при этом очки спадают на кончик носа, но ей некогда их поправить, ибо она в другом измерении, набрасывает одну петельку на другую, а потом, подняв следующую, спускает новую, клубок в это время вращается в кастрюльке, стоящей под ногами, а котёнок время от времени запускает туда лапку, иногда ему удаётся выудить клубок, который шустро катится по комнате, старушка шикает, встаёт, поднимает клубок, и возвращает его на место, вразумляя котёнка, чтобы не шалил, а тот боком, подняв трубой хвост и выгнув спину, крадучись приближается к кастрюльке вновь.

Но юбка Неведомской вызывала особое недоумение у женщин. Какое-то невообразимое творчество, которое ни понять, ни придумать было нельзя, но всё же для проясне-

ния нужны здесь как бы две точки, и я их ставлю: в мелкую клеточку или в череду мелких клеточек серых, коричневых и рыжих, где и как Неведомская нашла это чудо ткацкого производства, которое разве что годилось на носовые платки, а она соорудила из него какую-то трубу, и не до пят, и не до колен, и эта юбка вызывала жалость, хотелось как-то поддержать Неведомскую, даже пожалеть. Но завершали её образ белые носочки с широкой бирюзовой полоской на резинке, и новенькие серые полукеды.

Нередко в душе у неё была сумятица - боязно вздохнуть, боязно шагнуть и «скрипнуть половицей».

С годами Неведомская всё чаще задавала себе вопрос: «Ну, почему я жить, не мучась, не умею?»

Переживания из-за отсутствия личной жизни, избавление от иллюзий, которыми она тешила себя долгие годы, переросли в отчаяние. Она не раз пыталась проанализировать свои истинные желания, чувства и эмоции, найти успокоение в работе, но тщетно.

Жизнь стала ей немила. Тоска и отчаяние поселились в ней, в её облике, в её доме. Зина вышла замуж и жила счастливо, хвалилась достатком, а когда Неведомская пыталась объяснить ей своё состояние, посылала мать к врачу. Неведомская ходила, но обычные врачи советовали попить валерьянку и травяной сбор, которые ей не помогли, тогда по совету знающих людей она пошла к платному специалисту, а он отнёсся к её здоровью с большим вниманием и стал назначать ей хорошие лекарства, которые помогали: капторил, норваск, престариум, гипотиазид - эти препараты ей очень помогали, она стала много спать, правда, чувства разочарования по-прежнему часто возвращались. Но доктор, назначая всё новые обследования и препараты, убеждал, что вместе они справятся, главное не прерывать лечение. Однако зарплаты на посещение такого знающего специалиста не хватало, и Неведомская взяла кредит, который сильно подо-

рвал её бюджет, но она даже не допускала мысли о том, чтобы прервать визиты к такому редкому специалисту.

Она бы и рада была меняться ради близкого человека, чтобы стать, как окружающие её коллеги, женщиной семейной, подстраиваться под желания близкого человека, которого всё ещё мечтала встретить.

Её наивность граничила с глупостью, но она об этом не догадывалась. Вера в то, что встреча с нежным, заботливым и добросердечным другом не покидала её.

- А когда правил Фёдор Пантелеймонович? - робко спросил лысый толстяк из экскурсантов.

Вопрос этот вывел из какой-то странной задумчивости Неведомскую.

-...Иаков родил Иуду и братьев его, - каким-то чужим, не своим голосом заговорила она, - Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Фёдора; Фёдор родил Спиридона; тот родил Евгения от Олеси; Онегин же родил Климента от Клавдии; а тот родил Владимира; Владимир родил Владимира царя; а тот родил Иосифа Виссарионовича от Лаврентия Павловича; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Сергея Есенина, который сказал, что лицом к лицу лица не увидеть...»

Собравшиеся с нескрываемым испугом, даже с каким-то придурковатым остолбенением посматривали на Неведомскую и друг на друга.

Куда мы попали?!

Вопрос резонный, ведь в текущем мире слышно так много голосов. Многоголосье это стихает постепенно, исчезает, а те, что за нами вслед идут, вдруг ясно слышат лишь песни тех, кто начертал их, не пытаясь перекрыть других. Он пел их для себя, писал слова, которые теперь поют другие... Да, жизнь людей в текущем мире рекой задумчивой

идёт, да, жизнь идёт, река молчит или поёт, напиткивая воздух песней, которую услышит только тот, кто мир текущий превратит в константу в своих твореньях.

Закованная в страхи и ужасы любви между мужчиной и женщиной, Неведомская и мужьям своим давала только в полном мраке, чтобы не видеть ничего постыдного, и чтобы муж ничего не видел, считая секс тяжким грехом, но в воображении своём постоянно рисовала картины, как она считала, «разврата». То, чего она не делала в жизни, в полной мере раскручивалось в фантазиях или во снах, когда она не то что любовалась, а с восхитительной дрожь приближала губы к мужскому члену, на удивление твёрдому и огромному, воображение рисовало невероятные размеры, проводила губами вокруг головки, а затем насколько могла открывала рот и брала туда всего его целиком.

И вдруг экскурсанты услышали почти истеричный возглас Неведомской:

- Она там! Вперёд!

Неведомская увидела тропинку, бегущую в гору, и сразу побежала по ней в своих лёгких, приспособленных специально для бега полукедах, только песок и гравий поскрипывали под ногами.

И она оказалась там, на горе, над разливом рек, в серовато-синем колорите холста, даже может быть, при свете луны, от которой по воде бежала золотистая дорожка, и увидела голую Афродиту, еще более прекрасную, чем в своём васильковом платье, а веночек на её изящной головке был уже из красных роз.

ОБ АВТОРЕ

Маргарита Васильевна Прошина родилась 20 ноября 1950 года в Таллине. Окончила институт культуры. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Долгое время работала заведующей отделом Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, затем была заместителем директора библиотеки им. И. А. Бунина. Автор многочисленных поэтических заметок под общим заглавием "Задумчивая грусть", и рассказов. Печаталась в альманахе "Эолова арфа", в "Независимой газете". Постоянно публикуется в журнале "Наша улица". Автор книг "Задумчивая грусть" (2013), "Мечта" (2013), "Фортуна" (2015) и "Голубка" (2017), издательство "Книжный сад", Москва. В "Нашей улице" публикуется с №149 (4) апрель 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Сердобольница	3
Ни явь, ни сон	21
Жажда счастья	35
Библиотечный дождь	48
В промзоне “Котляково”	61
Увидеть Москву	75
Встреча в Пяру	92
Кольм	106
Часть целого	120
Meri armastust	133
Изольда	147
После меня	161
Первый соловей	174
И ворота на замок	187
Сыночек	201
Цикорий	214
Испорченная	229
Сигнализация	242
Знакомство с собой	255
Ювенология	268
Старопанский переулочек	281
Новый век	294
Невзрачная девчонка	307
Богомолье	320
Заметки на полях	333
В тренде	345
Обнуление	358
Старушка	372
Явление Афродиты	385
Об авторе	393

Мargarита Васильевна Прошина
Явление Афродиты
рассказы

Редактор Юрий Кувалдин

ISBN 978-5-85676-157-2

ЛР № 061544 от 08.09.99.

Сдано в набор 17.08.19. Подписано к печати 27.08.19.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура "OfficinaSansCTT". Печать офсетная.

Уч.-изд. л. (авторских листов) 15,11. Тираж 300 экз.

Издательство "Книжный сад"
www.kuvaldinur.narod.ru

Мои героини сами находят меня, встреча с ними убеждает меня в том, что я так мало знакома с собой, ведь в каждой из них я узнаю себя. Их жизнь становится моей реальностью, а прошлое моей жизни до встреч с ними представляется вымыслом. Источник образов и есть источник моей жизни.

Маргарита ПРОШИНА